

Шум времени: История ленинградского кооперативного издательства «Время» (1922–1934)

Введение: архив

Архив ленинградского кооперативного товарищества «Издательство Время» (1922 – 1934), хранящийся Рукописном Отделе Института Русской Литературы (Пушкинский Дом) и пока разобранный лишь предварительно (РО ИРЛИ, ф. 42),¹ если читать его сплошь, а не использовать фрагментарно, в пределах прагматики подготовки публикации или комментария², выявляет – несмотря на свой гетерогенный и обширный

¹ Архив находится в обработке, поэтому мы далее цитируем все материалы из 42-го фонда РО ИРЛИ без специальных отсылок к нему, в ожидании окончания обработки архива и «бумажной» публикации настоящего текста.

² Общий очерк истории «Времени» дан в: Шомракова 1968. Ранний этап его существования кратко рассмотрен нами в: Маликова 2011. Появлявшиеся ранее отдельные публикации материалов из архива «Времени» были сфокусированы на известных фигурах, связанных с издательством (Роллан, Цвейг, Мальро, О. Манделштам), что представляло облик самого этого издательского предприятия в несколько искаженном виде: Балахонов 1955; Азадовский 1977; Орохвацкий 1979; Азадовский и Мец, 1991. Кроме того, переписка руководителей издательства, И. В. Вольфсона и Г. П. Блока, с Максимом Горьким, из архива «Времени» была передана в Архив Горького при ИМЛИ и опубликована в: Архив Горького 1964.

Петроградское издательство «Время» иногда путали с одноименным московским издательством П. Д. Ярославцева: в составе редакционного совета «нашего» «Времени» упоминают П.Д. Ярославцева (Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указатель / Сост. И. Е. Березовская и др. Ч. 1. М.: РГБ, 1990. С. 92), ему приписывают издание в Москве в 1922 году «литературно-художественного, научно-популярного, иллюстрированного альманаха» «Возрождение» (Азадовский и Мец 1991, 8) – на самом деле этот альманах вышел в московском издательстве «Время», созданном в 1922 году Петром Даниловичем Ярославцевым. Ошибка эта вероятно восходит к мемуарам Э.Л. Миндлина «Необыкновенные собеседники» (М.: Советский Писатель, 1979. С. 216–218), из которых впрочем ясно видно, что издательское дело Ярославцева, который издавал «все – начиная с брошюр о кролиководстве и тоненьких книжек известного петербургского режиссера Николая Евреина об искусстве театра до поэм Василия Каменского и романов Джека Лондона», а также альманах «Возрождение» (Там же,

состав (почти 2000 единиц хранения, по предварительной описи), производящий вначале впечатление исторического «шума» – единство и настойчивость исторического сообщения, и этим провоцирует у исследователя обостренную историческую рефлексию.

Прежде всего, материалы архива «Времени» рассказывают историю издательства практически от начала до самого конца (точнее, с момента регистрации в 1923 году до официального закрытия в 1934), то есть представляют собой законченный исторический «сюжет» – готовый объект для исторического описания.

Кроме того, сам акт архивации материалов издательства и, вероятно, в большой степени состав архива имеют конкретного «автора», придавшего этим материалам статус сознательного исторического сообщения, который при этом был одним из создателей и ключевых деятелей издательства. «Отправителем» исторического сообщения, которое представляет собой архив «Времени», был Георгий Петрович Блок, двоюродный брат поэта, один из основателей и главный редактор «Времени», знаток и любитель архивного дела (в 1921–23 гг. он служил в Пушкинском Доме ученым хранителем рукописей, где сыграл важную роль в приобретении архива А. Фета и занимался его разбором; см.: Аксененко 2000)³ – его подпись стоит под актом, передавшим архив «Времени» в Рукописный отдел Пушкинского Дома.⁴ Подготовка и передача архива произошла с поразительной быстротой, менее чем через месяц после официального закрытия издательства – издательство прекратило свое существование и было влито в Гослитиздат 1 августа 1934 г., а уже 29 августа Г. П. Блок и Н.А.Энгель как «Комиссия по передаче дел Издательства», вместе с сотрудником Пушкинского Дома В.Н. Федоровой, подписали акт о том, что Комиссия передала, а Пушкинский Дом принял «весь редакционно-производственный архив Издательства “Время” за годы 1923-1934 в составе 40 (сорока) связок, 52

217) было совсем не похоже на петроградское «Время» и вскоре закрылось (тот же Миндлин вспоминает, что в начале 1930-х гг. встретил Ярославцева в Москве уже служащим мясокомбината; Там же. С. 218). Таким образом, П. Д. Ярославцев и его московское издательство «Время» к петроградскому «Времени» никакого отношения не имеют.

³ Переход Г. П. Блока в Пушкинский Дом устроили профессор Н.А.Котляревский, преподававший у него словесность в Александровском лицее, с которым его вновь свела служба в КЕПС, и Б.Л. Модзалевский, с которым Г. П. Блок познакомился тогда же (10 писем Г.П. Блока к нему 1921-23 гг. сохранились в находящемся в обработке фонде Б.Л.Модзалевского в РО ИРЛИ (Ф. 128), указ. в: Аксененко 2000, 313, прим. 13).

⁴ Вторым членом комиссии по передаче дел Издательства, подписавшим передаточный акт, был член ВКП (б) Н.А. Энгель (1892–?), в 1927-30 гг. заведовавший Ленинградским Областлитом, он появился в издательстве в качестве ответственного редактора и председателя правления в последний период его существования, после ареста в 1930 г. основателя «Времени» И.В. Вольфсона.

(пятидесяти двух) книг и 21 (двадцати одного) регистратора». Можно предположить, что мысль об архивации материалов, то есть придании им высокого культурно-исторического статуса, была заранее обдумана ключевыми сотрудниками издательствами, и прежде всего Г. П. Блоком, человеком с обостренной исторической рефлексией: «Наше дело, – писал он в романе «Одиночество», сочиненном в первой ссылке, пришедшейся на период его работы во «Времени», – помнить, что все, чем мы жили, чем мы тлели, для них темно и мертво, как Розеттский камень, и обязанность наша умереть так, чтобы им не потребовалось столетиями дожидаться новых Шамполионов» (Блок 1929, 118).

Общий смысл архива «Времени» как сообщения об истории издательства, которое его создатели, в лице Г. П. Блока, хотели донести, несмотря на насильственное прекращение деятельности их детища, довольно ясно прочитывается в том, что, во-первых, материалы столь тщательно сохранялись на протяжении 11 лет его официального существования, несмотря на все трудности, переживавшиеся в эти годы частно-кооперативным книгоизданием, и на перемены в руководстве «Времени», и, во-вторых, в том, что архив был передан именно в Пушкинский Дом (ни одно другое частно-кооперативное издательство так своим архивом не распорядилось), где, как прекрасно было известно Г. П. Блоку, хранятся материалы, имеющие большую важность для истории русской культуры. Таким образом акт архивации материалов «Времени» – последнее сознательное культурно-историческое действие ключевых сотрудников издательства – призван был транслировать мысль о важном культурном значении издательства.

При этом в материалах архива нет следов цензурирующего отбора, произведенного передававшими его людьми, направленного на то, чтобы оставить лишь то, что работает на создание нужной им картины. Представление о высоком культурном качестве работы «Времени» создается естественно, благодаря демонстрируемой этими материалами скрупулезности «Времени» в ведении дел, продуманности в разработке редакционной стратегии, старательности в отборе книг для издания, их редактировании, переводе и художественном оформлении, творческом подходе, честности и культурности во взаимодействии с авторами, конкурирующими издательствами, органами цензуры. Автор ценного очерка истории издательства «Время» Инга Александровна Шомракова с полным основанием имплицитно выдерживает свой очерк истории «Времени», объективно и скрупулезно опирающийся на материалы этого тщательно ею проработанного еще в 1960-е годы архива, в жанре истории культурного прогресса и успеха: у основания издательства, специализировавшегося на издании научно-популярной и иностранной художественной литературы, стояли опытные редакционно-издательские работники, связанные со «Всемирной литературой», их «литературно-

редакторская работа обеспечивала научный уровень и высокое качество изданий, и именно этим «Время» отличалось от других частных и кооперативных издательств <...>», «серьезное внимание обращалось на внешнее оформление изданий. В 1927 году на Выставке графического искусства в Ленинграде издательство было награждено почетным дипломом за искусство художественного оформления» (Шомракова 1968, 201); «умелая организация работы, высокое качество изданий и их быстрая расходимость обеспечили «Времени» прочное финансовое положение. <...> В отличие от многих частных и кооперативных издательств «Время», не получая никаких дотаций, будучи полностью хозрасчетным предприятием, ни разу не задержало ни одного платежа, не закончило ни одного года с убытком и благополучно сумело выдержать затруднения на книжном рынке в 1925–27 гг.» (Там же, 202). В историю советской культуры «Время» вошло «как одно из лучших издательств в области переводной художественной литературы», выпустившее «первые в России собрания сочинений таких замечательных писателей, как С. Цвейг и Р. Роллан», а также «прославилось созданием нового вида научно-популярной литературы» в своей серии «Занимательная наука» (Там же, 212–213).

Фактически эта характеристика истории издательства обоснована и точна. Если рассматривать историю культуры и, в частности, судьбу издательства как историю культурных продуктов – в данном случае книг, то история «Времени» действительно принадлежит к жанру истории успеха, культурного прогресса. Однако если изменить оптику взгляда и рассматривать историю культуры прежде всего как «историю людей во времени» (Марк Блок), то основным объектом будут не собственно созданные «Временем» действительно замечательные издания, а рассказ о процессе деятельности людей, которые сделали эти книги, и о происходивших в них самих переменах. Мы будем рассматривать историю «Времени» в политико-антропологической перспективе, в духе Ханны Арендт, – как место деятельности людей, его создателей и сотрудников, в объективном и «сейчасном» взаимодействии с другими людьми, обращенном к «миру современников». Наиболее исторически важным результатом этой осуществляемой в межчеловеческом пространстве политической деятельности является, как пишет Арендт, не столько «осуществление предначертанных планов и целей», сколько производство «историй, первоначально им [действием] вовсе не имевшихся в виду», которые прежде всего раскрывают личность того, кто своими действиями и речью произвел эту историю (Арендт 2000, 239, 241–242).⁵ Именно из этих личных историй для рассказывания (stories) создается, как пишет Поль Рикёр, резюмируя Арендт, собственно история (history) (Ricoeur

⁵ Об антропологических структурах, лежащих в основании всякой вообще «возможной истории», см.: Koselleck 1989.

1989, 150). Соответственно с этой установкой мы, используя с максимально необходимой полнотой все материалы архива издательства, будем фокусировать внимание не на их «внешнем» смысле, а на «внутреннем», на историях людей, привлекая также сохранившиеся вне этого архива личные – автобиографические, дневниковые, эпистолярные – высказывания сотрудников издательства (это прежде всего воспоминания и письма Г.П. Блока, а также дневники литературоведа и переводчика Р.Ф. Куллэ и автобиографические записки историка С.Ф.Платонова, близко связанного с издательством в первой половине 1920-х.). Описание истории «Времени» в двойном свете – как внешней истории издательской институции и как внутренней истории создавших эту институцию людей – составляет задачу настоящей работы.

1922–1924

«Я, такой несовременный ... живу сегодня»: Г. П. Блок

Официально промыслово-производственное товарищество «Издательство Время» начало свою деятельность 1 марта 1923 года, устав этой «артели работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела» зарегистрирован Бюро кустарной и мелкой промышленности СЕПБ (Севзаппромбюро) 30 января 1923 г.,⁶ однако на самом деле «Время» начало функционировать годом ранее, в начале 1922 года – был собран первоначальный состав пайщиков, нарисована издательская марка, выпущен ряд книг. В архиве этот «нулевой» этап существования издательства не отражен, однако может быть описан на основании переписки, воспоминаний и эссе главного редактора издательства Г. П. Блока, единолично определявшего в эти первые годы его существования отбор книг (помимо научной серии академика Ферсмана). Реконструкция этого этапа истории издательства неотделима от подробной реконструкции личного этоса Г. П. Блока.

⁶ Легальная возможность для создания кооперативного издательства была обеспечена постановлением ВЦИК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности», разрешавшем каждому гражданину организовать мелкое предприятие, зарегистрировав его в местном Совнархозе, и декретом Совнаркома от 12 декабря 1921 г. «О частных издательствах», предоставлявшим дополнительные права частно-кооперативным предприятиям (им разрешалось иметь собственные или арендованные типографии, склады, магазины; продавать книги, изданные на собственные средства без субсидий со стороны государства, печатать книги за границей), – уже в феврале 1922 г. было зарегистрировано 143 частно-кооперативных издательства, в общей сложности за 1922-1929 гг. возникло свыше пятисот негосударственных издательств (Свиченская 1996).

За год до официального начала работы издательства, в феврале 1922 года, Георгий Петрович Блок сообщал Борису Садовскому о его создании, названии и первых сотрудниках, а также об издательской политике:

Некий Вольфсон <...> вовлек меня в издательскую работу с ним вдвоем. <...> Разменивались мы с ним так: его деньги и все финансово-торговые заботы,⁷ моя редакция, привлечение авторов, надзор за печатанием. Помимо меня ничего не приобретается и помимо меня других редакторов нет. <...> Издательство называется “Время”.

Никакой издательской программы нет. Будем выпускать мелкие научные книжечки <...> философического направления: о времени, о классификации науки, о вечности жизни и т.д.⁸ Теперь еще литература: тут я сугубо осторожен. Вот кончаем печатать Зоргенфрея <...> Далее, мной намечены Вы и Ахматова <...> думаю пустить еще рисунки Пушкина в Лернеровской обработке, да еще московский мой знакомец, бывший тамошний почт-директор Миллер, почтенный старик, даст, может быть, маленькую штучку к юбилею Майкова: очень милый его рисунок с комментарием. И, наконец, последнее – воспоминания Овсяннико-Куликовского. Как видите, мешанина порядочная, но благообразная, едва ли оскорбительная.

(письма Г. П. Блока Б.А.Садовскому, 8 и 19 февраля 1922 г. // Шумихин).

У основания издательства стояли, как писал Г. П. Блок Б.А.Садовскому на общем для них языке, «два семита и два не семита» (письмо Г.П. Блока Б.А. Садовскому, 19 февраля 1922 г. // Шумихин): помимо директора и основного пайщика издательства Ильи Владимировича Вольфсона (1882—1950) и самого главного редактора Георгия Петровича Блока (1888—1962), опытных администраторов

⁷ Помимо небольших личных средств Ильи Владимировича Вольфсона, финансовый фундамент «Времени» составили полученные им в 1922 году, еще до официальной регистрации, два контр-агентских заказа от Госиздата на выпуск учебников – физики К.Д.Краевича и «Краткого учебник географии России» Б.П. Дитмара под ред. М.С.Боднарского, оба тиражами в 30 000. Заказы эти были выполнены хорошо – в 1925 году географ Борис Петрович Дитмар, недовольный своим сотрудничеством с Госиздатом, печатавшим в 1924 году третье, также быстро разошедшееся, издание его учебника, но тянувшего с выпуском вновь исправленного авторами по указаниям Педагогической секции ГУСа четвертого издания, предлагал «Времени» снова взяться за эту книгу: «Вообще же говоря, вследствие неаккуратной уплаты денег Госиздатом, предпочтительно иметь дело с частным издательством. Правда, право издания учебников принадлежит Госиздату, но быть может “Время” по прежнему издает некоторые из них <...>» (письмо Б.П.Дитмара И.В.Вольфсону, 4 мая 1925 г.).

⁸ Речь идет о вышедших в 1922 году книгах: «Время» А.Е.Ферсмана, «Наука, ее смысл, содержание и классификация» зоолога и географа Л.С. Берга и «Начало и вечность жизни» В.И.Вернадского.

издательского дела,⁹ это были москвич Александр Иванович Ефремов, заведовавший когда-то мощнейшим книжным контрагентством Суворина, привлеченный для организации распространения продукции издательства в Петербурге, Москве и провинции (впоследствии он в документах издательства не упоминается; о его сотрудничестве с Сувориным упомянуто в: Динерштейн 1998, 287), и ученый-геохимик и минералог академик Александр Евгеньевич Ферсман, редактор естественно-научной серии. По воспоминаниям современника, последнего директора (в 1918–1928 гг.) издательства «Брокгауз-Ефрон», А.Ф.Перельмана, «Методичный, аккуратный, опытный издательский администратор И.В. Вольфсон, получивший образование в Лейпцигской торгово-промышленной академии, бывший заведующим конторой газеты “Речь”, затем вставший во главе издательства “Время”, привлек в литературные руководители издательства энергичного, образованного бывшего лицеиста Г. П. Блока <...> Вольфсон всецело отдался административно-коммерческой части, и ему удалось поставить издательство на весьма солидную почву и развить его в значительное и культурное предприятие – хотя приступило издательство к работе с весьма скудными средствами» (Перельман 2009).

В литературной программе «Времени», которая определялась исключительно личным вкусом и кругом литературных и академических знакомств Г.П. Блока, первоначально, в 1922-23 гг., реализовывались,

⁹ И.В. Вольфсон в 1911-12 гг. издавал в Петербурге адресную и справочную книгу «Газетный мир», незадолго до Октябрьской революции работал в редакции газеты «Речь», с 1919 по 1922 г. заведовал петроградским отделением издательства З. И. Гржебина (указано в: Азадовский 1977, 218; см. воспоминания И.В.Вольфсона о сотрудничестве в 1920-е годы с Горьким в Издательстве Гржебина и во «Времени», написанные не ранее 1935 г., в: Архив Горького в ИМЛИ. МОГ 2–19), в письме Горькому, с которым был знаком по Издательству Гржебина, Вольфсон писал, что «всю жизнь проработал в издательском деле и за все годы революции не имел в этом отношении ни одного дня перерыва. Только очень устаешь» (письмо И.В.Вольфсона М.Горькому, 26 апреля 1926 г. // Архив Горького 1964, 30). Г.П. Блок начал службу до революции секретарем канцелярии в Правительствующем Сенате и помощником редактора «Сенатских ведомостей» (указано в: Аксененко 2000, 299), в 1918 был привлечен академиком А.Е.Ферсманом к работе в системе Академии наук заведующим научно-издательским отделом Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) – наладил работу комиссии, «приобрел репутацию “издателя”» (письмо Г.П. Блока Б.А. Садовскому, 5 июня 1925 г. // Шумихин) и издал свой первый печатный труд «Обзор научно-издательской деятельности КЕПС. 1915-1920 гг.» (Пг.: Издательство Академии Наук, 1920), хотя, как признавался Садовскому, «всякая “физика”, всякое “естествознание” мне с малых лет противны. Краевич для меня – Апокалипсис» (Там же). В 1920-22 гг. Г. П. Блок был председателем Комитета по делам типографии Академии наук (Протоколы общего собрания Академии Наук. Пг., 1922, с. 33; приведены в: Аксененко 2000, 309; письмо Г. П. Блока М. Горькому, 28 октября 1920 г. // Архив Горького в ИМЛИ. КГ-П 9–6–2); в 1920-21 гг. служил в петроградском отделении издательства Гржебина (Письмо Г. П. Блока М.Горькому, 24 ноября 1924 г. // Архив Горького 1964, 23), которое возглавлял И.В.Вольфсон.

вероятно, те планы, которые он в августе-сентябре 1921 г., глядя на успех и программу издательства Самуила Алянского «Алконост» («Алконост-Алянский процветает», – писал Г. П. Блок Б.А.Садовскому 27 сентября 1921 г. // Шумихин), задумал для собственного издательства,¹⁰ куда собирался привлечь Б.А. Садовского, В. Л. Комаровича, В. Н. Княжнина, А.А.Ахматову, М. С. Шагинян (Там же).¹¹

Первым литературным изданием, выпущенным «Временем» в феврале 1922 г., были стихотворения В. А. Зоргенфрея «Страстная суббота», открывавшиеся посвящением «благословенной памяти Александра Александровича Блока»; второй, вышедшей в начале августа того же года – «Морозные узоры. Рассказы в стихах и прозе»

¹⁰ Вначале идея собственного издательства казалась Г. П. Блоку вполне осуществимой: «Думаю, что деньги я бы в кредит достал. Все, что касается типографий, исхожено мною вдоль и поперек во всех слоях. Вопрос только в сбыте» (письмо Г. П. Блока Б. А. Садовскому, 16 августа 1921 г. // Шумихин), однако уже в январе 1922 г. он понял, что сейчас ему это предприятие не по силам: «Считаю себя, все-таки, в некоторых областях деловым человеком, а в издательской – и опытным (3 года вел единолично большое академическое издательство, выпустил в 1918-20 гг. около 50 книг, листов на 400). Нельзя сейчас начинать, не имея *своих* денег. Издательство не настолько выгоднее других видов современной коммерции, чтобы владелец денег предпочел дать их на книгу (принимая риск неуспеха и затяжку в возврате суммы), чем на другое дело. Ему проще и вернее дать на другое. Аппетит у него против мирного времени повышенный, подавай ему 150-200%, а это, при стремительном падении курса, проглотит всю нашу прибыль, да еще от нас самих может кусок откусить. Знаете, что с 1 января стоит печатание и бумага? Книга в 14 листов – 100 миллионов, минимально, при скверной внешности – 70. <...> Здесь я говорил с некоторыми денежными людьми – ёжатся, а близкие мне люди из дельцов вполне разделяют мое мнение» (Письмо Г. П. Блока Б.А. Садовскому, 5 января 1922 г. // Шумихин), и охотно согласился на предложение И.В.Вольфсона.

¹¹ Имя М.С.Шагинян в дальнейшей программе «Времени» не возникало – потому, вероятно, что эта близкая подруга Андрея Белого и З. Гиппиус, антропософка и гётеанка, быстро распрощалась со своим модернистским прошлым и стала настоящей советской писательницей; с Ахматовой Г. П. Блок встречался, однако «свидание с ней вышло неудачным» (письмо Г.П. Блока Б.А. Садовскому, 2 апреля 1922 // Шумихин); Василий Леонидович Комарович (1894–1942), с которым Г. П. Блок познакомился через Б. А. Садовского, написал в 1924 г. две положительные рецензии на первые издания «Времени» («Письма» Вл. Соловьева и «Воспоминания» Д.Н. Овсяннико-Куликовского), опубликованные в «Русском Современнике» (1924. № 1. С. 325–328, подпись Б.К.), а в начале 1930-х участвовал в качестве переводчика в готовившемся «Временем» собрании сочинений Стендаля. С Владимиром Николаевичем Княжнинным (Ивойловым, 1883–1942) Г. П. Блок только собирался познакомиться (Г. П. Блок Б.А. Садовскому, 23 июля 1921 г. // Шумихин), привлеченный вероятно общностью их интересов к А.Блоку и историко-литературным изысканиям, однако впервые в материалах издательства «Время» он упоминается только перед самым закрытием издательства, в конце 1933 – начале 1934 года, в связи с принятым (но неосуществленным) предложением Княжнина издать выполненный им перевод с немецкого «Воспоминаний» лифляндца Ленца.

Б.А.Садовского.¹² Обе скромно и изящно изданные тоненькие книжки – Зоргенфрея с ее кладбищенской лирикой, оформленная С.В.Чехониным, и романтические стилизации Садовского (обложка книги была нарисована А.П.Остроумовой-Лебедевой), на титуле которых местом выхода обозначен «Петербург», выглядят декларативно чуждыми современности (в книге Садовского имеется даже подчеркнутый рефлекс старой орфографии – настойчиво повторенное на обложке и в оглавлении написание «Разказы»), анахронично ориентированными на постсимволистов.¹³

¹² Кроме того, в начале своего существования «Время» – также, вероятно, ориентируясь на «Алконост», выпустивший сборник «Серапионовы братья» (1922) – напечатало сборники рассказов двух молодых писателей-попутчиков – «Простые рассказы» (1923) Бориса Пильняка и «Шестой стрелковый» (1922) Михаила Слонимского. Творчество Пильняка было известно Г.П. Блоку еще по работе в издательстве Гржебина, где вышел имевший шумный успех роман Пильняка «Голый год» (1922). Г.П. Блок читал роман в рукописи и отозвался о нем в письме Садовскому сначала с неудовольствием: «современное <...> не ндравится» (письмо Г. П. Блока Б. А. Садовскому, 13 октября 1921 // Шумихин), а чуть позже с отвращением, смешанным с восхищением: «Это – шумная штука. <...> Связано под Мережковского или Андрея Белого какой-то мутной мистической мазью – какие-то китайские глаза, наподобие солдатских пуговиц. Порнографии сколько угодно. Кожаная куртка совокупляется с Оленькой Кунц в запущенной церкви, в алтаре, перед престолом, на коврике, по которому ходить нельзя. За стеной баба испражняется, другая стоя мочится (описано подробно – 10 строк). <...> Одним словом – “Разряд изящной словесности”. Два эпизода очень хороши – выселяемый из имения князь в последний день в усадьбе и второе – теплушечный поезд с мешочниками» (письмо Г. П. Блока Б. А. Садовскому, 22 октября 1921 // Там же). Советуя Садовскому прочитать эти книги, Блок пронизательно охарактеризовал творчество Пильняка: «По-моему, это вот что. Все данные для того, чтобы стать модным, шумным, заполнить собою желудки всех критиков, а после смети сделаться достоянием историков литературы, изучающих “идеи” и “типы”. По его писаниям действительно можно будет узнать многое и про современные идеи, и про нынешние типы. Это то же, что босяки Горького, Поединок Куприна, Санин и т.п. Писатель оказался созвучен одному определенному явлению, одному определенному моменту, проголосил с ним в один голос и сразу куда-то исчез <...>. При всем том местами хорошо удивительно – такой природы, как у него, давно ни у кого не видел» (письмо Г. П. Блока Б. А. Садовскому, 7/14 августа 1922 // Шумихин). С молодым «Мишелем» Слонимским Блок также был знаком лично и считал, что «будущее у него очень большое – какая-то в нем добросовестность есть. Из молодых это, по-моему, лучший» (Там же).

¹³ Кажется, в этом списке авторов не хватает только Михаила Кузмина – потому, вероятно, что в начале 1920-х у него была возможность печататься в петроградско-берлинском издательстве «Петрополис», где он был председателем редакционного совета; впоследствии Кузмин вошел в число сотрудников и пайщиков «Времени» как переводчик. Впрочем, в архиве «Времени» сохранилось письмо Кузмина Г. П. Блоку от 28 января 1924 г., в котором – очень неясно, вероятно, по следам более подробного разговора – обсуждаются условия издания некоего романа Кузмина.

Любопытно также сообщение Т.С.Царьковой, что в 1924 г. А.Д.Скалдин, писатель близкого модернистского круга и знакомый Г. П. Блока, сдал сначала в ГИЗ, а

В том же 1922 году С. В. Чехониным была нарисована издательская марка «Времени», вполне отвечающая этой культурной установке: на ней изображен сидящий в позе аллегии Меланхолии старик-Хронос с гигантскими опущенными крыльями на фоне звездного неба, его могучие руки в совершенном бездействии скрещены на груди, у ног лежат традиционные аллегии бренности жизни – череп и песочные часы, а на песочных часах сидит сова (довольно, впрочем, невнятно нарисованная) – аллегория мудрости.

Кроме того, в 1922–23 гг. во «Времени» вышли эпистолярная и воспоминания только что умерших авторов, принадлежащих к старшим литературным поколениям – «Письма 1888-1921» В.Г. Короленко (1853–1921) под редакцией и с предисловием Б.Л.Модзалевского в серии «Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук», «Воспоминания» Д.Н. Овсяннико-Куликовского (1853-1920), а также «Письма» Вл. Соловьева под ред. Э.Л.Радлова – последняя книга была подготовлена еще в издательстве Гржебина (письмо Петрооблита в Политконтроль ГПУ 5 апреля 1923 года с разрешением «Времени» выпустить эту книгу, «начат[ую] печатанием в издательстве Гржебина, с правом воспользоваться имеющимся набором»; ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, ед.хр.3, л. 73) и, выпущенная «Временем», расходилась плохо (Письмо И.В.Вольфсона А.М.Горькому, 26 апреля 1926 года // Архив А.М.Горького, 30).

Продолжи «Время» такую литературную издательскую программу, оно, вероятно, скоро закрылось бы, как «Алконост» (А. А. Кроленко записал в дневнике от 18 июня 1923 года: «Алянский С.М. сообщает, что издательство “Алконост” свою деятельность прекратило и сам он принял должность заведующего книжным магазином “Русско-германская книга”. <...> Удивляется нашему героизму – продолжение издательской деятельности в таких тяжелых условиях»; РО РНБ. Ф. 1120 (А. А. Кроленко). № 265. Л. 79).

Однако ретроспективно-кураторская издательская позиция «Времени» первых двух-трех лет его существования, представлявшая собой слепок личного вкуса Г. П. Блока, не была – в отличие от деятельности издательств типа «Алконоста» – консервативной попыткой продолжения привычного культурного существования, а, напротив, результатом пережитого Г. П. Блоком, по обстоятельствам своей биографии опоздавшим к Серебряному веку, именно в 1921-22 гг., «мига (исторического) сознания», если воспользоваться выражением Б.Эйхенбаума (Эйхенбаум 1922). Доминантным влиянием в этом осмыслении современности стало для Г. П. Блока запоздалое знакомство с его двоюродным братом А.А.Блоком. Подробный анализ этой актуально

потом во «Время» свой роман «Смерть Григория Распутина», который однако не вышел и затерялся (Царькова 2004, 19; в архиве «Времени» следов романа нет).

осмысленной Г. П. Блоком в начале 1920-х собственной принципиальной несовременности важен для понимания истории издательства «Время» начального периода его существования.

В конце 1920 года Г.П. Блок, служивший в структурах Академии Наук, развернул активную деятельность по сбору материалов о жизни и творчестве А. Фета,¹⁴ в связи с этим он в конце 1920 года обратился к Александру Блоку, своему двоюродному по отцу брату, которого до этого почти не знал,¹⁵ а в начале 1921 – к жившему в Нижнем Новгороде Борису

¹⁴ Вероятно, интерес Г. П. Блока к Фету восходил еще к годам его учебы в Императорском Александровском лицее: в 1907-08 Георгий Петрович редактировал «Лицейский журнал» вместе с соучеником, старшим его на курс, В. Ильяшенко, который поместил в журнале огромную, продолжавшуюся в трех номерах, статью о Фете. Вероятно, Г. П. Блок и после выхода из Лицея общался с В.С.Ильяшенко, который, как и Г. П. Блок, был распределен на службу в Правительствующий Сенат (Лицейский журнал. 1908–09. № 3. С. 224). Впоследствии Владимир Степанович Ильяшенко (1887–1970), литературовед и поэт, писавший под псевдонимом В. С. Федина (его автобиографию см. в сб. «Содружество». Вашингтон, 1966. С. 526), опубликовал одну из первых биографий поэта «А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике» (Петроград, 1915). Г. П. Блок относился к занятиям Федами Фетом с ревностью – числа его, вместе с собой и Садовским, среди «влюбленных» в Фета, он все же не мог не заметить в письме Садовскому, что Федина «милый, влюбленный, старательный, но неинтересный – все хочется ему, чтобы было “как у людей”, и выходит похоже и скучно» (письмо Г. П. Блока Б. А. Садовскому, 7 апреля 1921 // Шумихин; Георгий Петрович вероятно не знал, что Б. Садовской откликнулся на книгу Федины в целом весьма положительной рецензией: Биржевые ведомости. 1916, 5 января).

¹⁵ «Очень странная и бедная» история отношений Георгия Петровича с двоюродным братом описана им в письме Б. Садовскому 9 апреля 1921 (Шумихин), очерке «Герои “Возмездия”» (Блок 1924), см. также: Шоломова 1980. Первое письмо А.Блоку Георгий Петрович послал по почте 29 сентября 1920 года, однако не дождался ответа (хотя письмо было получено адресатом и сохранилось в его архиве) и 16 ноября 1920 г. вновь обратился к поэту, воспользовавшись посредничеством С.Ф.Ольденбурга; через четыре дня, 22 ноября, Георгий Петрович получил записку, в которой А.Блок приглашал его зайти, их встреча состоялась 3 декабря 1920 г. (в дневнике А.Блок в этот день пометил предельно кратко: «Г. П. Блок»), под впечатлением от разговора Георгий Петрович написал А.Блоку 5 декабря длинное письмо (ответ А.Блока от 10 декабря). Пять писем Г. П. Блока А.А.Блоку сохранились в фонде А.А.Блока в РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 1. Д. 158), приведены, с небольшими сокращениями, в: Шоломова 1980 и в комм. С. Шумихина к письму Г. П. Блока Б. Садовскому 9 апреля 1921 г. (Шумихин); два ответных письма А.А.Блока Г. П. Блоку опубликованы в: Блок 1924, 181, 185, их машинописные копии хранятся в РО ИРЛИ, местонахождение оригиналов неизвестно. Сразу после смерти поэта, 9 августа 1921 г., Георгий Петрович написал короткий некрологический текст «Памяти А.А.Блока», который, подписав Г.Б., – «не хотелось родственничать» (письмо Г. П. Блока Б.А. Садовскому 16 августа 1921 // Шумихин), послал в Петроград (текст сохранилась в архиве поэта в РГАЛИ, приведен в: Шоломова 1980).

Садовскому.¹⁶ Круг тем в общении с обоими вышел далеко за пределы «foethiana» и решающим образом повлиял на историческое самоопределение Г. П. Блока по отношению к современности, которое выкристаллизовалось в двух его мемуарных очерках – «Герои “Возмездия”» (опубликован в мемориальном блоковском номере «Русского современника» № 3 за 1924 год, где датирован августом 1923, однако его основные мотивы обнаруживаются уже в письмах Г. П. Блока Садовскому 1921–22 гг.) и «Из петербургских воспоминаний» (написан летом 1922 года для затевавшегося Б. Садовским в Нижнем Новгороде издания, которое не осуществилось, опубликован только в 1986 г. (Блок 1986)).

Находясь в разгаре работы над Фетом осенью и зимой 1920 года, Г. П. Блок, по его собственным словам, был одновременно «в периоде “первой любви” к стихам Блока, которых до того не знал. Только что вышла его книжка “За гранью прошлых дней”. Там в предисловии было признание о Фете. Почти одновременно я прочел статью “Судьба Аполлона Григорьева”, где призрак Фета встает во весь рост и таким именно, как он мерещился тогда и мне. Мне настойчиво захотелось увидеться с Александром Александровичем» (Блок 1924, 181). Поразительное признание Георгия Петровича, что он лишь в конце 1920 года открыл для себя стихи своего двоюродного брата – был в периоде «первой любви» к ним, и тогда же впервые прочел опубликованную еще в 1916 г. важнейшую статью А. Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (Садовскому он также признавался, что прозы его совсем не знает, а стихи узнал лишь недавно, как не знал до последнего времени ничего современного; письмо Садовскому, 27 сентября 1921 г.), – отражает специфику его культурного развития.

Георгий Петрович принадлежал к среде петербургского чиновничества, «правоведам»: его общий с А. Блоком дед, Лев Александрович, был правоведом, отец, Петр Львович Блок, служил адвокатом в Министерстве финансов. Георгий Петрович пошел по их стопам и, после окончания Александровского лицея, поступил на службу в первый департамент Правительствующего Сената и к 1914 году был уже надворным советником и камер-юнкером (Аксененко 2000, 299).¹⁷ В

¹⁶ Осенью 1920 г. в Румянцевском музее в Москве Г. П. Блок узнал о том, что сведениями о биографии Фета может располагать живущий в Нижнем Новгороде Борис Садовской (письмо Г. П. Блока Б. Садовскому 6/19 августа 1921 года // Шумихин) и 20 января 1921 года обратился к нему с письмом.

¹⁷ Даже в 1921 году он ярко помнил те «чудесные ощущения вечера 5 мая 1913 года», когда получил сообщение о своем производстве в камер-юнкеры – «и потом все, сопряженное с этим, было хорошо. Для меня это тоже была мечта. Любопытно, что мы с дедом Львом Александровичем оба начали службу в том же учреждении и оба примерно в том же возрасте и на том же году службы были пожалованы. Особенно

юности у него были конечно, как у многих молодых людей, «литературные порывы» (письмо Садовскому, 16 августа 1921): будучи в студенческие годы одним из редакторов «Лицейского журнала», пополнявшегося в основном за счет произведений его редакторов, Георгий Петрович поместил в нем два стихотворения и несколько рассказов, свидетельствующих о его неплохих литературных способностях.¹⁸ Однако настоящий идеал собственного будущего – романтическую мечту о героической карьере государственного чиновника – Георгий Петрович описал в рассказе «Гроза» (Лицейский журнал. 1907–1908. № 5. С. 348–365; № 6. 415–440): герой рассказа Щербнёв, блестящий тридцатипятилетний чиновник, только что успешно составил некий считавшийся исключительно трудным проект государственной важности (не совсем понятно, впрочем, в чем именно он состоит), в его большом петербургском кабинете царит приятнейшая атмосфера «трудового, упорного и блестящего карьеризма» (Лицейский журнал № 5. С. 352). Щербнёв физически исключительно крепок и здоров, очень счастлив, глубоко нравственен и религиозен, обожаем женой и сыновьями, имеет большое государственное значение и даже знаменит, хотя конечно у него есть враги и оппозиция (представленные описанными с ироническим пренебрежением либеральными типами – студенткой в пенсне и студентом-гувернером, читающим «Русскую Мысль»). В усадьбе (барский дом, большая любящая семья...), куда он приезжает отдохнуть после успешного завершения своего чиновничьего подвига, ему наносит визит некто с сомнительной фамилией Мациевский, невнятно, но угрожающе предлагающий Щербнёву перейти на «их сторону» – получив гордый отказ, Мациевский подло убивает Щербнёва.

Эта мечта Г. П. Блока, начавшая было осуществляться в 1910-е годы, была разрушена революцией – он «оказался выброшенным за борт, и целый год метался, отталкивая разные спасательные круги, все цвет не

радовался мой отец» (письмо Г.П. Блока Б.А. Садовскому, 27 сентября 1921 // Шумихин).

¹⁸ В «Лицейском журнале» Г.П. Блок поместил статью о «Проступке аббата Муре» Золя (Лицейский журнал. 1906–1907. № 5. С. 210–217), два стихотворения (1907–1908. № 1. С. 5) и несколько рассказов (Любовь // 1907–08. № 3. С. 4–32; «Гроза» // Там же. № 5. С. 348–365, № 6. 415–440; «Трясина» // 1908–09. № 1; «Лирические отрывки» // Там же. № 2; «Письмо» // Там же. № 3). Кроме того, о своих стихах он упоминает в письмах А. Ф. Кони 1920 года (ИРЛИ. Ф. № 134 (А.Ф.Кони). Оп. № 3. Ед. хр.176). Впоследствии Г. П. Блок своих юношеских литературных опытов стыдился (см. его письмо Б. А. Садовскому 22 октября 1921 // Шумихин). Способность Г. П. Блока к увлекательному, беллетризованному изложению реализовалась в его историко-литературных штудиях – книгах «Рождение поэта. Молодость Фета» (Л.: Время, 1924), «Пушкин в работе над историческими источниками» (1949), романе «Одиночество» (1929), незаконченном романе 1935 г. о декабристах «Каменская управа» и отпочковавшейся от него повести «Секретный» (РО РНБ. Ф. 709 «Звезда». Оп. 33, 34), многократно переиздававшемся историческом романе «Московляне» (1951).

нравился. Наконец нашел один, чистый – Академия» (Письмо Садовскому, 5 июня 1921 г.), где, урывками от административных обязанностей, увлекся историко-литературными штудиями, прежде всего архивными и биографическими исследованиями, и, будучи сравнительно молодым (35 лет), очень энергичным и достаточно одаренным человеком, быстро в них преуспел. В написанном в Лицее рассказе «Гроза» он мечтал к 35 годам стать видным государственным чиновником антилиберального толка, и вероятно стал бы, однако оказался «33-летним младенцем, трепетно вступающим на страшное, неизведанное поприще» истории литературы (письмо Садовскому, 8 мая 1921 г.).

Таким образом, Г. П. Блок познакомился с целой эпохой русского модернизма рубежа веков только в 1921 году и, понимая, конечно, что в вышедший в 1920 году в Издательстве Гржебина сборник А.Блока «За гранью прошлых дней», где было привлечшее его «признание о Фете» (Блок 1924, 181), вошли старые стихотворения (об этом ясно сказано в предуведомлении А. Блока к сборнику: «Стихи, напечатанные в этой книжке, относятся к 1889 – 1903 годам. <...> Заглавие книжки заимствовано из стихов Фета, которые некогда были для меня путеводной звездой» (Блок 1999-4, 13)), не осознавал, кажется, глубины исторического разрыва между эпохой «первого тома» лирики Блока, к которому принадлежат эти стихи, и Блоком после «Двенадцати». Неисторичность культурного восприятия Г. П. Блока разительна видна на фоне реакции на этот сборник Бориса Эйхенбаума, сверстника Георгия Петровича: в статье 1921 года памяти Блока он писал, что последние сборники поэта, «За гранью прошлых лет» и «Седое утро», были не просто «старыми», но «имели уже вид посмертных. <...> Самые их названия казались анахронизмом» (Эйхенбаум 1921).

Неисторичность сознания Г. П. Блока, связанную не только с тем, что он, по его собственному признанию, был, по обстоятельствам своей биографии, «к кругам (литературным – М.М.) не причастен» (письмо Садовскому, 9 апреля 1921), пронизательно отметил А. Блок, настойчиво пытавшийся актуализировать во время их единственной беседы историко-культурные интересы родственника, переведя разговор с Фета, который уже перестал быть для него важной фигурой, на тему современности:

Заговорили о Фете, – вспоминал Георгий Петрович об этой встрече. – Я сказал, что теперь по-моему его пора. Он не согласился: – Нет, пора Фета была раньше – двадцать лет тому назад. <...> Он стал спрашивать меня, живу ли я современностью. Я отвечал отрицательно. Тогда он показал на лежащие на столе бумаги и сказал: – Вот я редактирую перевод Гейне. Как раз сегодня читал место, где Гейне глумится над Августом Шлегелем за то, что тот изучал прошлое. Гейне прав. Если не жить современностью – *нельзя писать*. Это составило содержание всего дальнейшего разговора. Он стал говорить много, с жаром и мрачностью, все о том же, «нельзя писать». – Вот вы собираетесь

писать о Фете. Должны же вы сказать, почему Фет нужен *сейчас*. А вы этого сказать не можете. — За последние три года, после «Двенадцати» я не написал ни строчки. Не могу. — «Двенадцать» — *какие бы они ни были* — это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью. Это продолжалось до весны 1918 года. А когда началась Красная армия и социалистическое строительство (он как будто поставил в кавычки эти последние слова), я больше не мог. С тех пор не пишу. К этому он был прикован. Временами мы отходили в сторону, как бы отдыхали, потом опять возвращались к прежнему (Блок 1924, 182–184).

Ища встречи с А.Блоком, Георгий Петрович полагал, что замеченное им сходство между тем, что поэт когда-то писал о Фете, и его собственными мыслями прямо восходит к их «кровному» родству: «думается мне, наши мысли могут оказаться родственными в силу нашего с Вами близкого кровного родства. Я замечал в духовном смысле всех представителей нашей семьи какие-то общие всем им черты. Были они и у наших отцов — Александра Львовича и Петра Львовича» (письмо Г. П. Блока А. А.Блоку, 29 сентября 1920, цит. по: Шоломова 1980, 178). Однако встреча и разговор с поэтом — после того, как Георгий Петрович преодолел смятение, вызванное непривычной для него поэтической интенсивностью речи Блока («Немыслимо передать характер его речи, сплошь условной, все время ищущей как будто созвучия с тем, что он называл “единым музыкальным напором» явлений”»); Блок 1924, 184—185) — дали ему острое ощущение их «разности», «главным образом в отношении к современности» (письмо Г. П. Блока Б.А.Садовскому 9 апреля 1921 г. // Шумихин). Слова поэта о том, что, утратив ощущение современности, «нельзя писать», показались Георгию Петровичу «страшными» (письмо Г. П. Блока А. Блоку 5 декабря 1920 г. // Там же) — он вынужден был признаться, что сам никогда не жил современностью: «Я несомненно очень далеко от Вас отстал, потому что всегда был отчужден от моих братьев и ближе к отцам, и потому что не жил, как Вы, в октябре и еще потому что, попросту говоря, за мной нет еще ни одного дня той особенной жизни, которой за Вами уже 20 лет» (Там же).

Интерес Г. П. Блока к темам «кровного родства» и «современности» совпал с темами, занимавшими А.А. Блока (см.: Блюмбаум 2011), однако внимание Георгия Петровича было сфокусировано не столько на крупной историко-политической и культурной проблематике, сколько на его собственном индивидуальном позиционировании в современности, создании внутреннего фундамента, «права» для реализации своего неудержимого стремления к активной, деятельной жизни — сосредоточенной теперь не на государственной карьере, как ему мечталось в Лицее, а на историко-литературном поприще: «вне этого желанья ни в чем не вижу смысла, и твердо знаю, что буду писать. Есть ли у меня на это *природное* право — об этом, уверяю Вас, я не могу судить, но не в этом дело, а в том, имею ли это право, при своей несовременности. А тут уже

чувствую, что имею <...>. Ведь как бы то ни было, а все-таки я живу сегодня, сам ли буду стремиться, будут ли меня выкидывать – все-таки, не умру и, пока жив, сохраню свое право писать, и то, что напишу, будет неизбежно живое и сегодняшнее» (Там же). В письме Садовскому четыре месяца спустя Г. П. Блок снова, уже как окончательно обдуманную в ответ А.Блоку, повторил эту мысль о своем праве на место в современности: «Он думает, что надо во что бы то ни стало в нее войти и жить ею, иначе умрешь. Он хотел бы этого и больше не может, отсюда и хандра. А я думаю, что хотеть этого не нужно, что где бы и какой бы я ни был – я в ней живу, я современник, и ей меня не выкинуть и не лишить права жизни» (Письмо Г. П. Блока Б. А. Садовскому, 9 апреля 1921 // Шумихин; также опубликовано в: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Литературное Наследство. Т. 92. Кн. 3. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1992. С. 520).¹⁹

Осознав под влиянием разговора с А.Блоком свою несовременность, Георгий Петрович именно это свое качество – «я такой несовременный и состарившийся» – сделал фундаментом своей самоидентификации в современности. Для этого он перенес мысль о «кровном родстве» с «братьев» на «отцов» (письмо Г. П. Блока А. Блоку 5 декабря 1920 г.). К моменту встречи с А.Блоком в конце 1920 г. Георгий Петрович вероятно

¹⁹ Маркером несовременности людей одного с ним поколения и культурного габитуса служила для Г. П. Блока в начале 1920-х любовь к Чехову, который, «стал уже теперь историческим. Точно второй раз умер» (письмо Г. П. Блока Б.А. Садовскому, 6/19 августа 1921 // Шумихин) – в конце 1924 года, характеризуя место своего поколения в современности, Г. П. Блок в письме своему сверстнику писателю А. Д. Скалдину (1889–1943) прибегает к знаковой отсылке к Чехову: «Нашему с Вами поколению ничего хорошего не видать, потому что, как бы мы ни храбрились, куда бы ни шагали, над чем бы ни издевались, а все-таки мы *органически* не можем уйти от того, что я решился бы назвать – любовью к Чехову. <...> А между тем – и это совершенно очевидно – <...> “загадочные глаза” теперь, в 1924 году, в СССР <...> неуместны <...>» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 40, курсив в тексте, цит. по: Тименчик и др. 1986, 167). О «любви к Чехову» как одной из определяющих черт этого поколения см.: Чудакова 2001, 367–375. Это историческое ощущение своего поколения как преждевременно состарившегося и несовременного соединилось у Г. П. Блока и многих людей его круга с исключительно деятельным образом жизни в 1920-е гг., интенсивнейшей трудовой деятельностью – это касается как самого Г. П. Блока, так и адресата его «чеховского» письма А.Д.Скалдина, даже пострадавшего в начале 1920-х за свою активную деятельность в Саратове (см.: Царькова 2004, 18; а также цитируемое далее, в прим. 29, письмо директора «Времени» И.В.Вольфсона, в котором описывается огромный размах книготорговой деятельности А.Д.Скалдина в Харькове в 1926 г.); то же соединение постоянных «чеховских» жалоб на депрессию, отчаяние, безнадежность с поразительно эффективной, одновременно оборотистой и культурно значимой работой находим и в дневнике другого значительного ленинградского издательского деятеля этого поколения и периода Александра Александровича Кроленко (1889–1970) (ОР РНБ. Ф. 1120).

не читал «Возмездия»,²⁰ а прочтя, обнаружил, при внешнем совпадении интереса к теме «кровного» родства, сфокусированной на необычной фигуре отца поэта, глубокое идейное расхождение с двоюродным братом в отношении к Александру Львовичу Блоку: его портрет в «Возмездии» написан, как показалось Георгию Петровичу, «жестко, но верен – в отдельных чертах (с общим толкованием этих черт я коренным образом не согласен)» (Блок 1924, 172).²¹ По замечанию А.Б. Блюмбаума, в контексте «Возмездия» соединение «в едином музыкальном напоре» роковых исторических событий 1910-11 гг. (убийство «последнего дворянина» Столыпина, кризис символизма и проч.) со «смертью в 1909 в далекой Варшаве мало кому интересного Александра Львовича Блока» представляется «несколько парадоксальным» (Блюмбаум 2011). Однако для Георгия Петровича важными в поэме оказались как раз не общезначимые исторические события, а именно частные фигуры его предков, дяди и деда, в которых он, через «кровное родство», искал собственный исток и основание.

В подробно описанном в статье о «Возмездии» внешнем облике деда (которого Георгий Петрович знал только по фотографиям – тот умер за пять лет до его рождения) он выделяет культурно-сословные черты чиновника, государственника-консерватора старого времени, окрашенные, как и в лицейском рассказе Г. П. Блока «Гроза», литературной романтикой: «Я с детства любил это длинное, бюрократически-строгое, значительное лицо с холодными глазами. Позднее, когда я читал Тургенева и Достоевского, я почему-то наделял наружностью деда двух особенно привлекавших меня героев: отца из “Первой любви” и Версилова из “Подростка”. Эту наружность унаследовал внук – Александр Александрович. В действительности Лев Александрович, судя по рассказам, не был ни строг, ни холоден. Правовед одного из первых выпусков, однокашник Победоносцева, Ивана Аксакова и Дмитрия Стасова, он начал и кончил жизнь петербургским чиновником, человеком устойчивого, традиционного быта, очень далеким от движения тех освободительных страстей, которыми болели многие люди его поколения.

²⁰ Историю публикации «Возмездия» см. в комм. в: Блок-5, 382. Несмотря на то, что в переписке с Садовским Г. П. Блок излагает те мотивы своего родства с А.А.Блоком, которые позже вошли в очерк «Герои “Возмездия”», саму поэму он впервые упоминает только в письме Садовскому 7/14 августа 1922 года, сообщая о ее выходе отдельным изданием в издательстве «Алконост» – вероятно, только тогда он ее и прочел.

²¹ В письме Садовскому Георгий Петрович так отозвался о поэме: «Удивительная вещь. Соединение трех элементов: подлинной гениальности (Пушкинского размаха), подлинного (в медицинском смысле) сумасшествия, и подлинной глупости. Последнее объяснил мне, и так именно определил Зоргенфрей, большой друг покойного, благоговеющий перед ним» (письмо Г. П. Блока Б. А. Садовскому, 7/14 августа 1922 // Шумихин).

Он был статен, всегда изящно одет, изысканно по-старинному учтив, общителен, подвижен (ходил мелкими, быстрыми шажками), превосходно владел французским языком. Был легкомыслен, сентиментален и скуповат» (Блок 1924, 173). Продолжающая эту линию кровного родства фигура отца поэта, Александра Львовича – с которым, через своего отца, Петра Львовича, Г. П. Блок находил в себе бóльшее сходство, чем с братом (письма Г. П. Блока А. А. Блоку, 29 сентября // Шоломова 1980, 178; 5 декабря 1920 // Шумихин) – добавляет к культурному генезису автора очерка как консервативного петербургского «правоведа» определенные политические взгляды (также окрашенные романтически): «”Сей Фауст, когда-то радикальный” стал к концу дней <...> убежденнейшим, безоговорочным консерватором. Передо мной в языках того же темного огня выростала целая новая система политического мышления с бурным антисемитизмом во главе угла» (Блок 1924, 181).²² Таким образом, в статье о «Возмездии» Г. П. Блок рисует «родовой» образ, важный прежде всего для его собственной самоидентификации – романтизированный образ государственного чиновника-«правоведа», «убежденнейшего, безоговорочного» консерватора и антисемита.

«Кровные» основания антилиберализма и антисемитизма (небезразличные и для А. Блока – см.: Блюмбаум 2011), на которые Г. П. Блок опирался для самоидентификации в современности, позволяют лучше понять, почему первыми литературными изданиями «Времени» были именно Зоргенфрей (он вскоре стал пайщиком и оставался активным сотрудником издательства до его закрытия) и Садовской: эти фигуры были выбраны как поздние наследники Серебряного века, объединенные важным для этого круга свойством – их известным и декларативным антисемитизмом. В письмах к Садовскому Г. П. Блок быстро и охотно подхватил привычный адресату антисемитский дискурс, вероятно восприняв его как очередное свидетельство их духовной близости: узнав, что Садовской осведомлялся через Б. Л. Модзалевского, что за человек Г. П. Блок, «а главное, ариец ли он?» (письмо Б. Садовского

²² Значимым для Георгия Петровича свидетельством его «кровного» родства с отцом поэта служит ничтожный для непосвященного эпизод, который он рассказывает в статье «Герои “Возмездия”»: Александр Львович, «несмотря на действительно гарпагоновскую скупость», однажды захотел сделать своей жившей в Варшаве племяннице, родной сестре Георгия Петровича, подарок – книгу и спросил, какую она хочет: «Сестра попросила стихов. Он подарил ей Фета» – то есть именно того автора, которым был страстно увлечен в начале 1920-х сам Георгий Петрович. Вероятно, Георгий Петрович и впоследствии продолжал интересоваться фигурой А.Л.Блока – в его владение каким-то образом попали письма того к сыну, которые купил у него в 1948 г. Отдел рукописей Государственного литературного музея (опубликованы в: Письма отца к Блоку (1892–1908) / пред., публ. и комм. Т.Н.Конопацкой // Литературное Наследство. Т. 92. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 249–307; указание публикатора на то, что письма принадлежали Г. П. Блоку – на стр. 249).

Б.Л.Модзалевскому, февраль 1921 г. // РО ИРЛИ. Ф. 128 (Б.Л.Модзалевский); фонд находится в обработке, цит. по: Аксененко 2000, 313, прим. 19), Г. П. Блок с готовностью и без малейшей обиды сообщает о своем «арийстве» (письмо Садовскому, 4 марта 1921 года // Шумихин), в последующих письмах со страстью обсуждает «еврейство» Фета, одну из любимых тем Садовского, раздраженно пишет об «иностранцах»-формалистах и «неизбежных брюнетах» (письмо 5 июня 1921 // Там же) и даже издательство «Время» именуется «испанским», а И.В.Вольфсона – «испанским страусом» (письмо 8 февраля 1922 // Там же). Характеризуя Садовскому Зоргенфрея – и, косвенно, «Время», начавшее свою деятельность с издания именно его книги – Г.П. Блок прежде всего сообщает: «Он наш» (Там же), – что, как авторитетно поясняет в комментарии С.В.Шумихин, «здесь следует понимать в специфическом значении: В.А.Зоргенфрей, сын лифляндского немца и армянки, был яростным антисемитом» (комм. к процитированному письму). Очевидно, что антисемитская составляющая в идеологии целого ряда центральных представителей Серебряного века (см.: Безродный 1997; Светликова 2008; Блюмбаум 2011) распространялась на более широкий круг людей этой эпохи и определяла этос (совершенно отличный от более позднего советского государственного антисемитизма) значительного круга советской интеллигенции 1920-х гг., имевшей дореволюционный габитус (недавний пример – антисемитские мотивы в дневниках Любови Шапориной) – и, в частности, отразилась в культурной программе «Времени» начала его существования, когда она определялась единолично Г. П. Блоком.

Другая небезразличная черта социальной позиции Г. П. Блока в 1920-е гг. – его чиновничий пафос честной службы, даже несколько романтизированный, который также роднит его с В.А.Зоргенфреем: оба, юрист Блок и инженер по образованию Зоргенфрей, дистанцировались от позиции профессионального литератора.²³ Зоргенфрей в автобиографии 1924 года противопоставлял разночинному представлению о литераторе-профессионале позицию честной государственной службы: «Звание литератора, вопреки Белинскому, я отнюдь не почитаю выше всех прочих; чтобы не быть “литератором”, служу и в прутковском афоризме о государственной службе усматриваю немалый смысл («Только в государственной службе познаешь истину» – М.М.)» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп.

²³ Возможно, не только поэзия, но и фигура Фета вызывала такой страстный личный интерес Г. П. Блока именно тем, что, по выражению Б.Садовского, которое Блок использовал в первом же письме к нему, хозяйственные и карьерные увлечения и успехи Фета были «все те же “суконные одеяла”, которыми великий поэт тщательно занавешивал от непосвященных свою “Горную высь”» (Письмо Г. П. Блока Б.А. Садовскому, 20 января 1921 // Шумихин; выражение из: Садовской Б. А. Русская Камена. М., 1910. С. 148)

10. Ед.хр. 43. Л. 2–2об.). Г. П. Блок, служивший до революции в Сенате, в 1920-е постоянно совмещал литературные дела с административными обязанностями (в КЕПС, Академии Наук, издательстве «Время») и с упоением описывал Садовскому старорежимный чиновничий дух своей службы в советской Академии Наук: «<...> хорошо в Академии <...>. Старая чиновничья кровь так во мне и забурлила, совершенно для меня неожиданно, и когда утром я вхожу в Екатерининское здание с колоннами. Вбегаю по стертым ступеням и водворяюсь в своем теплом кабинете с окнами на Исаакий и Сенат, – мне как-то бодро на душе. Там киплю так, что папиросы некогда скрутить, чаю не успеваю выпить» (письмо 19 февраля 1922 года // Шумихин). В большой степени именно благодаря тому, что оба активнейших сотрудника «Времени», Г. П. Блок и В.А.Зоргенфрей, были прекрасными, немецкой складки работниками, «Время» функционировало так необычно для кооперативного издательства долго и культурно продуктивно.

Еще одна важная составляющая «родового» фундамента самоидентификации Г. П. Блока – антилиберализм – также бросает ответ на программу деятельности «Времени» первых лет его существования. Г. П. Блок писал Садовскому, что мемуарный очерк «Из петербургских воспоминаний» был написан им под впечатлением «раздражения, в коем находился по случаю чтения писем Короленки и воспоминаний Овсяннико-Куликовского» (письмо 7 августа 1922 г. // Шумихин; также процитировано в: Тименчик и др. 1986, 166), то есть двух изданных «Временем» книг (*Короленко В.Г. Письма 1888–1921. Под ред. и с предисл. Б.Л.Модзалевского. Пг.: Время, 1922 (Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук); Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Пг.: Время, 1923*). Короленко, которого Г.П. Блок именует в мемуарах «полицмейстером освободительного движения» (Блок 1922, 161), и Овсяннико-Куликовский – который, вероятно, вызывал раздражение Георгия Петровича как своим взглядом на литературу с точки «интеллигенции» (а не дворянской «культуры»), так и представлением о национальности, которую он, в противоположность расовым теориям, связывал преимущественно с родным языком (эта позиция повторена в его популярной книжке, выпущенной «Временем» в 1922 в научной серии, «Психология национальности») – воплощали для него «главного злодея» 1890-х годов, той эпохи, в которой он находил исток своей личности, – «либеральный (хотелось бы сказать – *розовый*) террор» (Блок 1922, 161, курсив Г. П. Блока), «психологическая невозможность психологически необходимой борьбы» с которым определила «трагедию» его поколения (Там же, 160).²⁴

²⁴ В отношении антилиберализма В.А.Зоргенфрей также был для Г. П. Блока и В.А. Садовского «наш» – в своей автобиографии, датированной 25 января 1924 года (когда он был уже не просто одним из авторов, но активным сотрудником «Времени»),

Либерализм был чужд Г. П. Блоку не только как система взглядов, но и как историческая докса: либеральному клише о правлении Александра III как «времени реакции» Георгий Петрович противопоставляет другой тип исторического слуха: «время реакции», эта «старая, стоптанная газетная кличка», никак не передает «какое-то странное связующее их (тех лет, 1890-х – М.М.) единство окраски» (Блок 1922, 157). «Мелодию времени» составляют вовсе не громкие голоса «выразителей общественного мнения» («следует помнить, что наряду с теми, кто “говорил” (временами даже “покрикивал”, а то и “повизгивал”), были другие – молчаливые, неслышные потомкам, и вот именно из них-то, как и всегда, составлялось главное множество, подлинная основная ткань данного века. Именно из них, а совсем не из того, особого текста, от которого полнела “Русская мысль”, или – все равно – “Русское богатство”, “Вестник Европы”. И у них есть, конечно, свое место, но только при наличии серьезнейших дефектов исторического слуха можно полагать, что в речах этих “выразителей общественного мнения” слышен истинный голос *всей* современной им России»; Блок 1922, 158), а совсем другого рода исторический звук – «В том-то и дело, что голос этот был очень невнятный, может быть даже и вовсе не было никакого голоса (весь заглох в темных портьерах), а преобладающим, характерным было молчание» (Там же). Этот мотив «молчания» эпохи Александра III (ср. в «Шуме времени» О. Мандельштама: «Надо мной и над многими современниками тяготеет косноязычие рождения. Мы учились не говорить, а лепетать <...>»), голоса, заглохшего «в темных портьерах», Г.П. Блок использует и как характеристику определенной исторической эпохи, из которой он происходит, и как принцип воспитанного в нем этим происхождением исторического восприятия: даже когда «расширенные революцией зрачки», обращаясь к прошлому, ищут «общего, большого» (Там же, 163), «ярче всего вспоминается и, по видимому, важны и характерны» не ярлыки исторической доксы, вроде «время реакции», а «сердитая булочница», моды дня (увлечение уголовными процессами, мода на турнюры и мужские бороды лопаточкой; 160–161), неофициальные литературные симпатии (цыганщина, Апухтин) и те самые «темные, очень темные шерстяные портьеры», – «на этом *черном бархате* мы и росли» (Там же, 157–162, курсив Г. П. Блока).

Габитус Г. П. Блока, определявшего политику издательства в 1922-24

Зоргенфрей, вспоминая зарю своей творческой деятельности в начале 1900-х, использует понятные для «своих» иронические кавычки, рассказывая о первых неудачных попытках предложить свои стихи либеральным «“Образованию”, “Русскому Богатству” и другим столпам “честной гражданской мысли”». <...> В.С.Миролюбов, издатель “Журнала для всех”, совмещавший “честную гражданскую мысль” с снисходительностью к новым литературным формам, мои стихи одобрял, но не печатал» (РО ИРЛИ. Р.1. Оп. 10. Ед.хр. 43. Л. 1).

гг., был связан с принадлежностью к поколению «”восьмидесятников” по рождению», как назвал его сам относившийся к нему Владимир Пяст (Пяст 1997, 22), людей 1890-х «с особой формацией нерв», по слову одного из его представителей художника В.А.Милашевского (цит. по: Морев 2007, 355, прим.), или, по определению М. О. Чудаковой, «людей 1910-х годов» по времени формирования литературных вкусов (Чудакова 2001, 381—383). Ключевым событием, определившим пореволюционный исторический «миг сознания» этого поколения, была смерть Александра Блока (Эйхенбаум 1922). И тут Г. П. Блок, казалось бы безнадежно опоздавший, по обстоятельствам своей чиновничьей биографии, к Серебряному веку, неожиданно совпал со своими сверстниками, поскольку и для него в это время А.Блок стал центральной фигурой исторической авторефлексии на современность, «первая любовь» к стихам Блока хронологически почти наложилась для Георгия Петровича с переживанием смерти поэта. Культурный пафос и культурное самоопределение «поколения 1890-х», к которому принадлежали создатели «Времени», в советскую эпоху можно описать цитатой из недавно опубликованного письма известного лингвиста и теоретика звучащего слова Сергея Игнатьевича Бернштейна (1892–1970) Юрию Ивановичу Юркуну (1895–1938) в связи со смертью 1 марта 1936 года их старшего друга и учителя Михаила Кузмина: «Все мы признали благотворность без нашего участия происшедших в окружающем мире перемен, но мало кто из наших поколений и нашего круга сумел нераздельно войти в стройку новой жизни; каждый носит в себе одновременно растущего гражданина бесклассового общества и доживающего участника или хотя бы активного свидетеля эпохи символизма и акмеизма. В таком убудочном состоянии трудно сохранить свежесть творческих сил, и все мы занялись малыми делами и разбрелись. Но вот, когда уходит из жизни один из крупнейших деятелей эпохи, к которой прикован и я, тогда просыпается страстное желание творческой работой сблизить прошлое и настоящее и прошибить лбом стену — разъяснить современникам — тем, кто живет целиком в современности, — что те идеалы, которыми жили мы и которые не перестали быть для нас идеалами, те ценности, которые создавали наши великие сверстники, — не умирают, и, каковы бы ни были заблуждения и недомыслия нашей эпохи, остаются ценностями непреходящими» (письмо С.И.Бернштейна Ю.И.Юркуну, 4 марта 1936 г., цит. «... уход Кузмина создал безмолвную переключку между многими» / публ. Софьи Богатыревой // <http://www.openspace.ru/literature/events/details/31119/> (18.10.2011)). Для нас тут, помимо прочего, важно, что это желание автора письма, несмотря на ощущение «убудочности» своего межуточного положения между прошлым и настоящим, «творческой работой сблизить прошлое и настоящее», возникшее под влиянием смерти Кузмина, он далее соотносит

с аналогичным своим переживанием смерти А. Блока в 1921 г. (Там же) – которая послужила одним из основных ориентиров исторического самоопределения Г. П. Блока в советской современности 1920-х и отбора им круга авторов для сотрудничества со «Временем», то есть в конечном счете определила издательскую политику «Времени» первых лет его существования.

Фундированный принадлежностью к этому поколению способ исторического слуха и связанная с ним, хотя и запоздалая, оформившаяся только в самом начале 1920-х под влиянием А. Блока, самоидентификация Георгия Петровича в современности вполне объясняет, почему «Время» в 1925 году, уже стратегически отказавшись от публикации современных отечественных авторов, выпустило «Шум времени» О. Мандельштама, который поэт до этого более года не мог пристроить.²⁵ Вероятно, именно понятое Георгием Петровичем «стилевое и мировоззренческое» родство его собственного историко-мемуарного взгляда с «Шумом времени» (Тименчик и др. 1986, 166), который, будучи также посвящен петербургским воспоминаниям о 90-х годах прошлого века, далеко превосходя недавно написанный Г. П. Блоком мемуарный фрагмент «Из петербургских воспоминаний», «исчерпывает эпоху», как сказано в издательской аннотации на книгу Мандельштама (весьма вероятно, что этот текст, помещавшийся в Каталогах «Времени» и на последних страницах других изданных им книг, был написан самим Г. П.

²⁵ «Страшная канитель была с “Шумом времени”. Заказал книгу Лежнев для журнала “Россия”, но, прочитав, почувствовал самое горькое разочарование: он ждал рассказа о другом детстве – своем собственном или Шагала, и поэтому история петербургского мальчика показалась ему пресной. Потом был разговор с Тихоновым и Эфросом. Они вернули рукопись Мандельштаму и сказали, что ждали от него большего. Хорошо, что мы не потеряли рукописи – с нас могло стать... С “Шумом времени” нам повезло. У меня случайно оказался большой конверт, я сунула в него листочки, и они пролежали много лет. Второй – чистовой – экземпляр кочевал по редакциям, и все отказывались печатать эту штуку, лишённую фабулы и сюжета, классового подхода и общественного значения. Заинтересовался Георгий Блок, двоюродный брат поэта, работавший в дышавшем на ладан частном издательстве. К тому времени Мандельштам уже успел махнуть рукой на все это дело... Книга вышла, а рукопись все же пропала, скорее всего у самого Блока, когда его арестовали...» (Мандельштам Н. Я. 1978, 380–381). На 1925 год, когда вышел «Шум времени», приходится краткий период сотрудничества О. Мандельштама с издательством: здесь вышел сборник его стихотворений для детей «Примус» с рисунками М. В. Добужинского и планировалось выпустить «Трамвай» (машинописная копия сборника сохранилась в архиве «Времени», однако вышел он в 1925 году в ГИЗе); Мандельштам был редактором, вместе с Г. П. Федотовым, вышедших во «Времени» русских переводов романа «Тудиш» Лэфевра Сент-Огана и сборника рассказов «Дядя Ангел: Рассказы Адриана Зограффи» Панаита Истрати, а также написал внутреннюю рецензию и предисловие (под псевд. О. Колобов) к роману Сент-Огана, и внутреннюю рецензию на немецкий роман К. Г. Штробля «Призраки на болоте» (см.: Азадовский и Мец 1991).

Блоком), заставило его заказать такое шрифтовое оформление обложки (художник Е. Ф. Килюшева), чтобы заглавие книги явно перекликалось с необычно крупно набранным названием издательства «Время». Сделано это было не по воле автора, а именно по инициативе издательства: П.Н.Лукницкий записал в дневнике 5 апреля 1925 г., что Мандельштаму не нравится обложка книги: «ему кажется странным видеть на обложке название “Шум времени” и тут же внизу – “Изд. Время”»; Лукницкий 1991, 117).

* * *

Таким образом, издательскую политику «Времени» первых двух-трех лет его существования в части литературной и мемуарной определила историческая авторефлексия Г. П. Блока 1920-22 гг. Другой важной составляющей истории «Времени» этого периода была научно-популярная серия, которую курировал известный ученый минералог и геохимик Александр Евгеньевич Ферсман (1883–1945) – она была заявлена при регистрации издательства как его основная программа (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40. Л. 72–72об.). Идея этой серии и, возможно, часть рукописей были вероятно унаследованы «Временем» от издательства З. И. Гржебина, с которым были связаны все его создатели – в обширных планах гржебинского издательства был отдел «Естествознание, медицина и техника» при ближайшем участии, в частности, А.Е.Ферсмана, в котором издавались бы «книжки небольшого размера <...>. Они должны отвечать потребностям малообразованного читателя, впервые приступающего к чтению научных книг» (Каталог Издательства З.И. Гржебина. М., Берлин, 1921. С. 14).

Во «Времени» серия началась, вероятно намеренно, с одноименной книги А.Е.Ферсмана «Время», в 1922-23 гг. вышел ее основной корпус – 13 книг виднейших отечественных ученых – А.Е.Ферсмана, Л.С.Берга, В.И.Вернадского, В.М.Бехтерева, В.В.Струве и других – дававших научно-популярное изложение общих научных вопросов.²⁶ Серия эта фигурировала в издательских каталогах «Времени» до 1926 г., однако уже к 1924-25 гг. все ее книги значились как «распроданные» и больше не переиздавались, однако научно-популярная составляющая в политике «Времени», наряду с изданием художественной литературы, продолжала оставаться основной, в серии «Занимательная наука» (о ней см. далее).

И, наконец, третий важный оттенок первоначальной истории

²⁶ В этой серии «Время» неожиданно совпало с модами дня, выпустив работы известного зоотехника-генетика Н.К.Козлова, перенесшего принципы селекции из зоотехники в область антропотехники (о массовой моде 1920-х гг. на темы евгеники, антропотехники, омоложения, гибридизации человека и обезьяны и проч. см.: Маликова 2006): «Омоложение организма по методу Штейнаха» (1922), «Причины современного исхудания» (1922) и «Улучшение человеческой породы» (1923).

«Времени», который дают сохранившиеся личные материалы его сотрудников, связан с известным историком Сергеем Федоровичем Платоновым (1860–1933): он содействовал возникновению издательства (в 1922 г. именно он заключил с только что возникшим издательством договор об издании и продаже учебника физики К.Д.Краевича, см.: РО РНБ. Ф. 585 (С.Ф.Платонов). Оп. 1. Ед.хр. 984) и в первые годы входил в состав его пайщиков (об этом известно только из письма Г. П. Блока М.Горькому, 24 ноября 1924 г. // Архив Горького 1964, 23). Вероятно, тесные связи С.Ф.Платонова с издательством не прерывались и позднее – во всяком случае, политические обвинения против директора и основного пайщика «Времени» И.В.Вольфсона, выдвинутые в 1930 году (ст.ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР – антисоветская агитация или пропаганда, участие в контрреволюционной организации), были связаны с его общением с Платоновым: Вольфсону вменялось в вину, что он привлек С.Ф.Платонова к подписанию известного анонимного протеста советских писателей и издателей против цензурного гнета «Писателям мира», тайно переправленного из Советской России и опубликованного в 1927 году в эмигрантской прессе – Вольфсон якобы являлся «одним из организаторов по организации этого дела с “Обращением” <...>. Он же, в числе других, и подписал “Обращение”. Кроме того, при посредстве Вольфсона, инициаторы “Обращения” привлекли к подписи “Обращения” и академические круги, в частности, С.Ф.Платонова. С этой целью в издательстве “Время” происходили совещания и свидания инициаторов “Обращения” с Платоновым опять-таки при участии Вольфсона» (Меморандум на гр-на Вольфсона И.В. // Центральный государственный архив историко-политических документов в Санкт-Петербурге. Ф. 24. Оп. 1-б, д. 167, л. 2; цит. по: Блюм 1994: 301—302), заодно следствие привязало Вольфсона и к «Академическому делу», по которому проходил Платонов: «Следствием по делу контрреволюционной организации “Всенародная борьба за Возрождение Свободной России” установлено, что членом этой организации являлся и И.В.Вольфсон, по многим вопросам разделявший взгляды Платонова» (Там же).

Во «Времени» вышло три книги Платонова – «Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI-XVII веков» (1923), «Прошлое Русского Севера» (1923) и «Петр Великий. Личность и деятельность» (1926).²⁷ Они представляют

²⁷ В 1927 году «Время», заручившись отношением Академии Наук, обращалось в Ленинградский Гублит с просьбой разрешить им, «в виде исключения» (поскольку при типизации издательства в 1925 году раздел «История» был снят), выпустить книгу С.Ф.Платонова «Далекое прошлое Пушкинского уголка» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40, Л. 72–72об.), однако получило отказ (Протокол заседания Коллегии Ленинградского Гублита, 27 мая 1927 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 12) – книга вышла в 1927 году как издание автора в серии «Трудов Пушкинского Дома».

собой, как и книги научной серии под руководством А.Е.Ферсмана, краткое и относительно популярное изложение известным ученым его идей, более подробно высказанных в ранних и более фундаментальных трудах. Причина повторного обращения к старым работам в начале 1920-х очевидна: «житейская обстановка в эти годы не допускала глубоких библиотечных изысканий <...>», поэтому опубликованные в эти годы книжки Платонова представляли «результаты исследовательской работы прежнего времени или же плоды размышлений над давно опубликованным историческим материалом» (Платонов С. Ф. Автобиографическая записка (1928) // СПб филиал Архива РАН. Ф. 133. Оп. 1а. № 90. Л. 1-36, цит. по: Академическое дело 1993, 287). Однако обращение к личным документам Платонова свидетельствует о сознательной политической актуализации им этих исторических тем именно в начале 1920-х, о чем он ясно написал в заявлении в Коллегию ОГПУ осенью 1930 г., уже находясь в тюремном заключении по «Академическому делу» (автобиографические записки Платонова 1928 и 1930 гг., в которых почти семидесятилетний знаменитый историк излагает эволюцию своего отношения к новой власти, написаны с поразительной для тех обстоятельств, в которых он находился, свободой и искренностью авторефлексии и могут рассматриваться как достоверное выражение его взглядов): Платонов отметил, что «даже участвуя в ученых изданиях этих лет (1920–1926), я выбирал для своих публикаций темы такого рода, чтобы они соответствовали характеру и потребностям переживаемого момента» (Там же, 200).

При этом актуализация исторических тем не была столь однозначно «контрреволюционной», как ее охарактеризовал в своей рецензии на вышедшее во «Времени» «Смутное время» (представлявшее собой сокращенное и популярное изложение «Очерков по истории Смуты» Платонова, впервые опубликованных в 1899 г. и неоднократно переиздававшихся) П.Б. Струве: «Роковая моральная аналогия мерзостей смутного времени с мерзостями “великой революции” неотразимо встает перед умом читателя замечательной книги С.Ф.Платонова, и мы не можем отделаться от мысли, что эта аналогия присутствовала и в его уме» (Русская мысль (Прага), апрель 1922, цит. по: Шмидт 2000, 127). К началу 1920-х Платонова волновало уже не столько обличение нового советского режима, сколько желание по мере сил способствовать его нормализации (по признанию самого Платонова, к 1920 он прошел первую стадию «недоуменного, но горячего осуждения коммунистического режима» (1918-19 гг.) – причиной внутренних изменений стало прежде всего, то, что с 1920 года он включился в активную профессиональную работу: участвовал в деятельности Петроградского отделения Главархива, колонизационных экспедиций Севера, в работе Русско-польской комиссии по исполнению Рижского договора и проч. Благодаря этому трудовому

«мандату» на контакт с современностью, Платонов обратился «из пассивного и недоуменного зрителя малопонятных общественных явлений в участника общей работы <...> знакомясь с советской действительностью, я получал убеждение, что новый порядок есть действительно “порядок”. В нем многое может не нравиться, но его нельзя не признавать, и поскольку он охватывает те стороны жизни, которые имеют значение не классовое и партийное, а общенародное, постольку для него надо работать не только за страх, но и за совесть». Цит. по: Академическое дело 1993, 199).

Опубликованные «Временем» исторические труды С.Ф.Платонова – помимо научно-популярной цели просвещения нового широкого читателя, являются также полемикой с политически ангажированной мифологизацией фактов истории, приобретающей популярность в советской историографии: самой важной главой в своей книге «Прошлое Русского Севера» (1923) (связанной с деятельностью колонизационных экспедиций русского Севера, участие в которых в 1920 году сыграло решительное значение в перемене отношения ученого к новой власти), Платонов считал статью «Строгановы, Ермак и Мангазея», в которой он противопоставлял мифологизированной эпической версии «подвига Ермака» реальные исторические факты, на фоне которых поход Ермака предстает одним из многих эпизодов русского стремления на восток во второй половине 18 в. (Автобиографическая записка // Академическое дело. С. 286). Другая историческая книга Платонова 1920-х, «Москва и Запад в XVI–XVII вв.» (Л.: Сеятель, 1925), по наблюдению автора энциклопедической статьи о Платонове С.О. Шмидта, была, вероятно, полемически ориентирована на «настроения зарубежных “евразийцев”» и на «неославянофильские тех своих сограждан в советском государстве, кто полагал, что Петр I силой изменил ход истории и это-то и привело к трагическим последствиям» (Шмидт 2000, 124). Это же относится отчасти и к вышедшей во «Времени» работе Платонова о Петре Первом,²⁸ которая открывалась специально написанным для нее «актуальным» предисловием, в котором Платонов, критикуя образ Петра в недавно вышедших сочинениях А.Толстого и Пильняка: «Удивительно, однако, что в наши годы, когда историческая наука достигла уже некоторых точных и бесспорных выводов в изучении так называемых петровских преобразований, в русской беллетристике с полной свободой от науки прежний образ “великого преобразователя” обратился в глубоко

²⁸ Книга С.Ф.Платонова «Петр Великий. Личность и деятельность» была принята к изданию во «Времени» еще в 1925 году, однако подверглась цензурному запрету (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40. Л. 72), чему способствовало вмешательство главы марксистской школы истории М.Н. Покровского, против которого во многом был направлен исторический пафос книги – и академик Платонов вынужден был апеллировать к Президиуму Академии наук и просить защиты у Рязанова (Шмидт 2000, 129).

пасквильную карикатуру, и таким образом длительная, добросовестная работа многих ученых исследователей оказалась оставленной в полном пренебрежении» (*Платонов С.Ф.* Петр Великий. Личность и деятельность. Пд.: Время, 1926. С. 3), – метил, поверх голов советских беллетристов, в адрес марксистского историка М.Н.Покровского (Шмидт 2000, 129).

Позиция и деятельность С.Ф.Платонова, тесно связанного с возникновением и первыми годами существования «Времени», дает дополнительный важный оттенок к истории издательства начала 1920-х: оно было создано не только с очевидной целью – для обеспечения экономического выживания его пайщиков и легитимации их социального положения, но прежде всего как место, где – при исторически остро осознанном чувстве собственной идейной и культурной несовременности – люди одного культурного габитуса могли работать в соответствии со своими представлениями о задачах и способе организации культурно значимой деятельности. Идейную позицию «спецовства», определявшую тактику «Времени» в начале 1920-х, впоследствии сотрудникам издательства пришлось значительно модифицировать, что позволило им просуществовать до 1930-х гг.

* * *

Помимо внутренних проблем исторического самоопределения по отношению к современности перед сотрудниками издательства в первые годы его существования остро стояли в это время внешние проблемы. История «Времени» как кооперативного издательства начинается после окончания периода существования частных и кооперативных издательств в условиях «военного коммунизма», завершившегося постановлениями СНК «О платности произведений непериодической печати» (28 ноября 1921 г.), с громким публичным протестом известного издателя Ферапонта Ивановича Витязева (Седенко) «Частные издательства в Советской России» (Петроград, 1921), и постановления СНК «О частных книгоиздательствах» (12 декабря 1921) (см.: Везирова 1986, Динерштейн 1970).

Начало работы «Времени» принадлежит к следующему этапу советского книгоиздания – периоду разворачивания НЭПа (см.: Свиченская 1996, 105, 106, 113–117), когда частное книгоиздание регулировалось как экономическими, так и политическими, цензурными государственными мерами, часто, как известно, взаимно противоречившими друг другу: «В первой половине 1920-х гг. государство, с одной стороны, принимало меры экономического характера, направленные на развитие и поощрение кооперативных издательств, а с другой – ограничивало ее посредством достаточно жесткого цензурного, организационного контроля» (Свиченская 1996,

113). В 1922-24 гг., до создания Главлита, централизовавшего идеологический контроль за книгоизданием, и выхода работы Ленина «О кооперации» (1923) с последующим принятием ряда экономических законов, направленных на развитие кооперации, частные и кооперативные издательства пытались своими объединенными силами решать проблемы, связанные с развалом прежней системы книжного рынка и жесточайшей инфляцией начала 1920-х (А.А. Кроленко в дневнике фиксирует курс золотого червонца к рублю в 1923 году: от 300 рублей в начале года до 5180 в октябре; РО РНБ. Ф. 1120. № 265), постоянно сталкиваясь с противодействием государства.

В начале 1923 года был разработан устав общества кооперативных издательств для взаимного кредитования – Петрооблит, куда устав был представлен, препроводил его в Главлит с просьбой «дать соответствующее заключение и сообщить, нет ли подобных прецедентов в Москве. Со своей стороны Петрооблит находит необходимым от выдачи регистрационного удостоверения воздержаться и общества не разрешать, как поставившему (так!) своей целью конкуренцию с Госиздатом» (письмо Петрооблита в Главлит, 30 апреля 1923 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 15. Л.14) – Главлит это отрицательное решение утвердил (Там же. Л. 23). В апреле-мае 1923 г. петроградские издательства попытались – также безрезультатно – создать Кредитное общество «Кредиткнижкооп» (РО РНБ. Ф. 1120. (Кроленко А.А.) № 265. Л. 58).

Распространение книг для частных издательств было намеренно затруднено высокими ставками на аренду магазинов, непомерными почтовыми тарифами, ограничениями на экспорт продукции и дороговизной услуг АО «Международная книга», через которое издательства обязаны были работать (материалы Совещания петроградских книгоиздателей и книгопродавцев, 8 октября 1923 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 905. Л. 2–12, цит. по: Динерштейн 2003, 331) – в результате частные и кооперативные издатели были вынуждены обращаться к услугам Торгсектора Госиздата, который, будучи частью книгоиздательского предприятия, в сущности рассматривал их как конкурентов и мог произвольно отказать в распространении уже напечатанной книги. В начале 1924 года петроградских частных и кооперативных книгоиздателей уговорили для распространения своих книг вступить в сотрудничество с государством через объединение, созданное первоначально в Москве на базе «Книжного товарищества 1922». Целью «Книжного товарищества 1922», зарегистрированного 25 октября 1922 года, было обеспечение взаимовыгодного сотрудничества Госиздата, в лице О.Ю.Шмидта, и частных издателей (основными соучредителями «Товарищества 1922» были три крупнейшие в прошлом книгоиздательские и книготорговые фирмы – И.Д. Сытина, вложившего в это предприятие значительный капитал, В.В.Думнова и М. В.

Сабашникова) для распространения книги, прежде всего в провинции; его устав (принятый 18 августа 1922 года) предусматривал автономность всех входящих в него членов, которые могли заниматься самостоятельной издательской деятельностью и содержать оптовые склады, однако право иметь книготорговый аппарат отдавалось исключительно Госиздату. Е.А.Динерштейн в биографии И.Д.Сытина сообщает, что «Товарищество 1922» просуществовало менее года и в 1923 году было закрыто под давлением сов-парт. издательств (Динерштейн 2003, 323–324), однако вероятно в каком-то виде оно просуществовало несколько дольше, поскольку, судя по дневнику директора издательства «Academia» А. А. Кроленко еще в феврале 1924 года петроградских издателей (представителей от «Мысли», «Времени», «Academia», «Брокгауза-Ефрона», «Петрограда», «Сеятеля», «Мира» и др.) несколько раз собирали, чтобы вовлечь в это Товарищество; после встречи с представителями Госиздата – его директором О.Ю.Шмидтом и Н.Н. Накоряковым, заместителем директора и председателем Торгсектора, перечисленные частно-кооперативные издательства (в марте 1924 года к ним присоединились «Начатки знаний» и «Атеней») стали пайщиками «Товарищества 1922» (Дневник А. А. Кроленко за 1924 г. // РО РНБ. Ф. 1120. № 266. Л. 21 об., 23, 26, 41 об.).²⁹ В конце 1924 года Г.П. Блок писал Горькому: «Вы знаете, как тяжелы теперь условия издательской работы. Трудно и с деньгами, трудно и с бумагой, трудно и с техникой. Трудно, наконец, дается связь и с потребителями книги. Тем ни менее мы работаем» (Письмо Г. П. Блока М.Горькому, 24 ноября 1924 // Архив Горького 1964, 23).

В условиях нэповского книжного рынка «Времени» пришлось искать новую, более современную и ориентированную на читательский спрос издательскую программу, чем та, которую, основываясь на собственном вкусе, предложил в 1922 году Г. П. Блок: в 1923-24 гг. еще продолжали выходить книги, оправданные главным образом выбором Г.П. Блока

²⁹ Впрочем, и в середине 1920-х распространение книги в значительной степени обеспечивалось частной инициативой – директор «Времени» И.В.Вольфсон летом 1926 года сообщал свои впечатления от встречи в Харькове с А.Д.Скалдиным, который в 1924-27 гг. работал разъездным агентом разных издательств (Царькова 2004, 19): «Они невероятно размахнулись. Приблизительно для 20 издательств они работают от имени Научного Книгоиздательства и еще для 20 от имени Донпроснаба, где они имеют 4 % с номинала. Всего у них 40 издательств. <...> Их размах доходит до того, что <...> они у “Пучины” закупили одну книжку тиражом – 2000 экз. кроме Москвы и Ленинграда. – Они исполняют кое-какие заказы Отделений Укргиза, которые раньше отправлялись в Харьков. – В Ростове у них работает 5-6 человек. – Общее впечатление: Ростов развивает большую деятельность, принципиально полезную, но я боюсь, чтобы они не запутались. Мне кажется, они слишком много набрали издательств» (Вольфсон И.В., копия его письма неизвестному (Прову Филипповичу) из Кисловодска, 21 июля 1926 г.).

(мемуары только что умершего В. А. Теляковского, бывшего директора Императорских Театров, на чтение которых автором на квартире у А.Ф.Кони Георгий Петрович был приглашен (см. пять писем А.Ф.Кони Г. П. Блоку 5 июля 1923 – 10 марта 1924 в архиве «Времени»); основанное на новых архивных материалах историко-литературное исследование самого Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета»;³⁰ «крестьянский роман» Н.С. Лескова, которого Г. П. Блок любил, как и Чехова, «до страсти» (письмо Садовскому 6/19 августа 1921 // Шумихин) «Амур в лопоточках»³¹), однако уже начинаются попытки, пока довольно неуклюжие и непоследовательные, повернуться к модам дня – театру (театральный альманах «Арена» под редакцией Евгения Кузнецова со статьями М. Кузмина, Н.Евреина, В.М.Бехтерева, Ю. Анненкова и др.); научной фантастике с элементами социальной утопии (пьеса А.Толстого «Бунт машин», представлявшая собой откровенную переделку пьесы К. Чапека «R.U.R.»; очень плохой научно-фантастический роман «Трагедия конца» Мих. Гирели).³²

Кроме того, «Время» начинает выпускать работы по вопросам НОТ (научной организации труда), и сразу с большого успеха – русского перевода автобиографии Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения» (1924): только в 1924 году она допечатывалась трижды, а к 1929 году выдержала 10 переизданий, общим тиражом более 80 000 экз. Успех этого издания «Времени» специально отмечен в библиографическом обзоре Е.Шамурина за 1924 г. как показатель повышенного интереса читателя к вопросам организации труда (Шамурин 1925, 102); в 1925 «Время» выпустило даже специальную брошюру, в которой были собраны многочисленные отзывы печати о русском издании книги Форда. Вокруг нее «Время» выпустило целый ряд книг по НОТу, однако они уже не имели такого успеха и с трудом проходили цензуру: «особенно много

³⁰ Д. П. Святополк-Мирский назвал «Рождение поэта» Г. П. Блока «чуть ли не первым в России опытом создания биографии, дающей надежную информацию и одновременно читающейся как литературное произведение» (Святополк-Мирский 1992, цит. по электронной версии переиздания 2006 г. (Новосибирск: Свинын и сыновья): <http://www.alleng.ru/d/lit/lit30.htm>).

³¹ Публикатор «крестьянского романа» П. В. Быков, которому Лесков подарил этот текст, представил его как «новую неизданную редакцию», точнее, позднюю переработку, повести Лескова «Житие одной бабы» (1863). Б.М.Эйхенбаум, рецензируя издание «Времени», призвал учитывать этот вариант при определении дефинитивного текста «Жития» для будущего полного собрания сочинений Лескова (хотя и отметил в публикации ряд опечаток) (Эйхенбаум 1924), однако позже подверг объяснения Быкова и исправность приведенного им текста сомнению (Эйхенбаум 1957).

³² Настоящее имя автора – Михаил Осипович Пергамент (р. 1893), врач по образованию, выпустивший в 1920-е гг. несколько научно-фантастических романов, псевдоним раскрыт по анкетам писателей, собранных Г. Бродерсенем (ОР РНБ. Ф. 103. № 112).

возражений вызвали книги по НОТу и Фордизму, – сообщалось в справке Гублита о деятельности «Времени» за 1925 год. – Основная идея, с которой приходилось бороться – фордизм обеспечивает мирный переход от капитализма к социализму. Форд – благодетель рабочих и т.д. Была запрещена из этого отдела 1 – Лавров – “Генри Форд и его производство”. После большой переработки автора значительно изменившего первоначальную редакцию – была разрешена. С вычерками прошли Локнер – “Генри Форд и его «Корабль мира»” [несмотря на то, что этой книге было предпослано предисловие М. Горького, переведенное, с разрешения автора, из ее оригинального мюнхенского издания 1923 года – см. письма “Времени” Горькому // Архив Горького 1964, 23–25 – М.М.], Мофетт – “Мировые рынки сырья”, Мижуев – “Образцовые рабочие поселки”. Книга содержит настоящий дифирамб Западно-Европейской буржуазии. Кроме вычерков сокращен тираж с 15 до 3 000 экз. Его же – “Томас Эдисон”. Из всей серии, единственной представляющей некоторую ценность является книга Форда “Моя жизнь, мои достижения” <...> (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40. Л. 72–72об.).

1925-28 гг.: Между интеллигентным и массовым читателем

Поворот к массовому читателю

К 1924 году самым успешным издательским продуктом в СССР стала книга, ориентированная на массового читателя, искавшего в литературе не «поучения», а развлечения и прикладной пользы (см.: Левидов 1927, 64–65) – прежде всего, переводная беллетристика и научно-популярная книга по естествознанию и точным наукам. Об успехе переводов свидетельствовали распространенные в те годы социологические опросы читателя и издательский опыт: в мае 1923 года Л.В.Вольфсон, владелец петроградской «Мысли», встретившись с директором «Academia» А. А. Кроленко, интересовался, «как “Академия” умудряется сводить концы с концами, издавая такие неходкие книги. Хвалится своими успехами. “Мысль” издает десятки переводных романов, которые быстро раскупаются и дают большую прибыль» (РО РНБ. Ф. 1120 (А. А. Кроленко). № 265. Л. 63). Е.И.Шамурин в своем библиографическом обзоре книжной продукции 1924 года зафиксировал «в области беллетристики <...> несомненное преобладание, если не по числу фамилий авторов, то по частоте изданий европейской литературы», чаще других и в больших количествах издавались Джека Лондон, Эптона Синклера и О.Генри, а также Г.Уэллс, В. Маргерит, П. Бенуа, У. Берроуз, Г. Честертон и П. Амп (Шамурин 1925, 124).

В 1924 году во «Времени» выходят первые переводные беллетристические книжки, которые станут на ближайшие четыре-пять лет основой его издательской продукции. Выбор первых переводных книг – колониальных романов популярных в России в 1910-е Клода Фаррера («Тома-Ягненок-Корсар», пер. с французского под ред. М.Лозинского) и братьев Жерома и Жака Таро («В будущем году в Иерусалиме!», пер. с французского И.Б.Мандельштама) – отчасти был вероятно связан с культурным происхождением сотрудников «Времени», чьи литературные вкусы формировались в 1910-е (Фаррер был лауреатом Гонкуровской премии 1905 года, братья Таро – 1906 г.), и одновременно был мотивирован советской модой 1920-х на колониальный, прежде всего ориентальный, экзотический роман, с социальным элементом, возникшей под влиянием западного бума колониального романа, начавшегося с присуждения в 1921 году Гонкуровской премии «Батуале» негра Рене Марана, уже в 1922 г. выпущенной «Всемирной литературой» по-русски, а также этнографического и экономического интереса к отечественным «колониальным» окраинам – Средней Азии и Северу.

Третий переводной роман, вышедший во «Времени» в 1924 году (перевод с англ. под ред. В.А.Зоргенфрея) – «Когда наступит зима» английского писателя Артура Хэтчинсона (A.S.M. Hutchinson, «If Winter Comes», 1922) – отражает новую тенденцию в издательской стратегии «Времени», связанную вероятно с фигурой В.А.Зоргенфрея, нового пайщика издательства, который, несмотря на свое культурное происхождение, гораздо быстрее и органичнее, чем Г. П. Блок, усвоил язык и вкус современной культуры. Выпуск этого более свежего иностранного беллетристического произведения отражал, вероятно, как рост интереса в советской литературе к Первой мировой войне в связи с ее десятилетием (Шамурин 1925, 103), так и популярность у советского читателя характерно послевоенной трактовки темы любви и брака в европейской литературе. Важно для понимания выбора «Временем» книги Хэтчинсона (русский перевод которой имел вероятно успех и был выпущен в 1926 году вторым изданием) и суждение Р.Ф. Куллэ, отнесшего этот роман, вместе с другим изданным «Временем» (в 1926 г.) столь же популярным английским романом Оливии Уэдсли «Пламя», к «средней литературной продукции», наиболее популярной у массового читателя, и при этом специфически английской – то есть, несмотря на современное, послевоенное время действия, более консервативной и традиционалистской, чем французская или немецкая (Куллэ 1930, 126–128).³³

³³ Кроме того, в 1924-26 гг., до того, как этот раздел был снят из плана издательства при типизации, «Время» издавало книги для детей.

Для детей старшего возраста и для юношества: *Б.С.Житков*. Злое море. Рассказы для детей старшего возраста. 1924. 2 изд. – 1925; *Рид Тальбот*. Пятый класс Свободной

Свою роль в повороте издательской политики «Времени» в 1924-25 гг. в сторону переводной массовой беллетристики и существовавших автономно научно-популярных серий сыграло вероятно то, что при регистрации издательства в начале 1923 года оно было заявлено как «артель работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела», а в циркуляре ЦПЭУ ВСНХ РСФСР от 26 февраля 1924 года указывалось, что основой хозяйственной деятельности «кооперативных авторских товариществ <...> должно быть издание трудов своих членов», в противном случае мог быть поставлен вопрос об их «некооперативности» и принудительной ликвидации в судебном порядке (Свиченская 1996, 117). Следовательно, «Время» должно было использовать в издании книг труд прежде всего своих пайщиков – помимо авторов научно-популярной серии, это были прежде всего переводчики. И, наконец, свою роль сыграло то, что с февраля 1925 до осени 1928 года главный редактор «Времени» Георгий Петрович Блок, выпускник Александровского Лицея, арестованный по «лицейскому делу», находился сначала в тюрьме, а потом в ссылке на Северном Урале (Аксененко 2000, 310)³⁴ – он не прерывал связей со «Временем» (в эти годы вышло несколько его, совм. с женой Еленой Эрастовной Блок, переводов с французского), однако определяющего участия в работе издательства принимать не мог. В функции заведующего редакцией его временно и вероятно не очень удачно (о чем свидетельствует то, что почти сразу по возвращении Г. П. Блока из ссылки он был из «Времени» уволен) заменил бывший со-владелец издательства «Атеней» (как раз в 1925 году закрытого)

школы. Повесть. Пер. с англ. В. Дуговской и Е.Штейнберг. Обл. Н.А.Ушин. 1926; *Ферсман А.Е.* Три года за полярным кругом. Очерки научный экспедиций в центральную Лапландию 1920-22 гг. 1924; *К. Чуковский.* Пираты, людоеды, краснокожие. Рассказы для детей (по Бэвану, Джэдду и Стрэнгу), 1924, 2-е изд. – под загл. «Смельчаки», 1925. Для детей среднего и младшего возраста: *В.М.Конашевич.* Ванька и Васька. Картинки для детей. Текст С.М., 1925; *Н. Крандиевская.* Звериная почта. Стихи для детей. 1925; *О. Мандельштам.* Примус. Детские стихотворения (с рис. М. Добужинского), 1925; *М. Слонимский.* Воздушный корабль. Рассказ, 1925; *А. Толстой.* Как ни в чем не бывало. 1925.

³⁴ Об этом напоминает письмо И.В. Вольфсона Горькому: извиняясь, что издательство не ответило на его прошлогоднее письмо и не рассчитались за перепечатанное из немецкого издания его предисловие к изданным «Временем» воспоминаниям Л. П. Локнера «Генри Форд и его Корабль мира» (1925), Вольфсон просил «снисхождения» на том основании, что письмо Горького осталось в руках Г.П. Блока, «который вскоре после получения Вашего письма неожиданно прекратил работу» (Письмо И.В. Вольфсона А.М.Горькому, 13 января 1926 г. // Архив Горького 1964, 24. Комментаторы переписки Горького не поясняют смысла этой фразы Вольфсона).

тургеновед и переводчик Лев Самойлович Утевский (указано в: Перельман 2009).³⁵

Данная М. Горьким в марте 1926 года в письме Д.А. Лутохину оценка деятельности «Времени»: «Интересно работает “Время” – И.В.Вольфсон. Выпустили любопытную книгу Чечулина “Борьба Екатерины II за престол”, повторили Кудряшова “Александр I и тайна Федора Кузьмича”, дали сокращенно издание “Смуты” Платонова и ряд интересных брошюр Ферсмана, Вернадского и др. Внешний вид изданий – довоенный»³⁶ (Архив Горького 1964, 22), – анахронична: речь в ней идет о книгах, вышедших в первый период существования издательства, в 1922 – начале 1924 года.³⁷ Уже в характеристике «Времени», данной Ленгублитом в 1925 году, говорилось, что «своей первоначальной программы – издания главным образом естественно-научной литературы, издательство не выполнило (на 04 в 1924 г. только 4 книги). Наибольшее количество (20) выпущенных книг – переводная беллетристика» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31, оп. 2, ед.хр. 40, л. 72-72об.). Оторвавшийся от советской реальности Горький

³⁵ Л.С.Утевский заведовал редакцией «Времени» с ноября 1925 года, а после возвращения Г.П. Блока из ссылки, в октябре 1928 – январе 1929 г., дорабатывал в издательстве заведующим технической частью (Краснобородько 2005, 95 по материалам РО ИРЛИ, ф. 557). В эти годы во «Времени» вышло несколько книг в переводе Л.С. Утевского, и «Время» даже участвовало в небольшом конфликте на стороне своего нового сотрудника: местком московского Союза писателей обратился 26 июля 1926 г. во «Время» по заявлению члена профсоюза Работников просвещения В. Пяста, утверждавшего, что перевод последних почти 80 страниц вышедшего во «Времени» в 1926 году романа Якоба Вассермана «Каспар Гаузер» в переводе под редакцией Л.С. Утевского, был сделан им и опубликован «Временем» без его разрешения и без выплаты ему гонорара. Местком предлагал «Времени», не доводя дела до суда, оплатить труд переводчика по существующим расценкам – «Время» однако предоставило копию своего договора с бывшим владельцем издательства «Атеней» Л.С. Утевским на приобретение у него права на издание перевода всей книги, за что ему был выплачен гонорар в 580 р., «включая сюда стоимость перевода и редактуры, причем все расчеты с переводчиками и другими лицами, принимавшими участие в переводе указанной книги, Л.С.Утевский принял на себя».

³⁶ Речь идет о книгах: *Чечулин Д.Н.* Екатерина II в борьбе за престол. По новым материалам Л.: Время, 1924 (она была низко оценена в целом благоволившем «Времени» «Русским современником»: «В общем книга изложена довольно сумбурно, литературно не обработана (что очень важно для книги популярной), пестрит повторениями и мало кому интересными “моральными” сентенциями автора» ([Аннот.] Н.Д.Чечулин. Екатерина II в борьбе за престол // *Русский современник*. 1924. № 3. С. 276)); *Кудряшов К.В.* Александр I и тайна Федора Козьмича. Пб.: Время, 1923; *Платонов С.Ф.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI-XVII веков. Л.: Время, 1924; *А.Е.Ферсман.* Химия мироздания. Пб: Время 1923; *В.И.Вернадский.* Химический состав живого вещества. Пб.: Время, 1922.

³⁷ Дополнительный комический оттенок письму Горького придает то, что именно его адресат Д.А.Лутохин во многом способствовал переориентации «Времени» на выпуск современной иностранной беллетристики (см. об этом далее).

в 1926 году советовал И.В.Вольфсону издать «несколько хороших исторических романов. Мне думается, что современному читателю они были бы весьма полезны уже одним тем, что развили бы его привычку читать» (письмо 26 февраля 1926 года), или старые популярные книги – Бульвера, Диккенса, Сю, Гюго, В. Скотта и др. (письмо М. Горького И.В. Вольфсону, 12 ноября 1926 г. // Архив Горького 1964, С. 35), и критиковал новые переводные книги, выпущенные «Временем» в 1926-27 гг.: «Эрнст Цан – очень плохой Гауптман, и – старый Гауптман <...> Роман Езерской – интересен, но писательница не талантлива и заголовок “Гнет поколений” слишком громко звучит для книги на излюбленную американцами С.Ш. тему “энергия – все преодолевает...”. Американская идеализация энергии – штука плоховатая и требует – для русского читателя – распространенных пояснений <...>. Не понравилась, конечно, Рикарда Гух. <...> Сомерс-Фермер – скучно и удивительно слащавый перевод <...>»³⁸ (Архив Горького 1964, 35, 34; подбор цитат сделан в: Шомракова 1968, 203). Впрочем, утверждая: «мне кажется, что я понимаю психологию современного читателя, который “тарзанизирует” себя не только “Тарзаном”, но и кинематографом» (письмо Горького И.В.Вольфсону 26 февраля 1926 года), Горький тут же признавал, что плохо представляет себе «степень малограмотности современного русского читателя» (письмо Горького И.В. Вольфсону, 17 июля 1926 г. // Архив Горького 1964, 31) и не понимает, «что нужно всеядному русскому читателю наших дней» (письмо Горького И.В. Вольфсону, 12 ноября 1926 г. // Там же, 35). Илья Владимирович, непосредственно вовлеченный в текущую книжную жизнь советской России, хоть и разделял мнение Горького, с которым сотрудничал в Издательстве Гржебина, что «многие из новых вещей, конечно, уступают прежним и весьма вероятно, что новому читателю было бы полезнее прочесть кое-что из старых книг», понимал, что «теоретически это правильно, а практически ищут “новинок”. Я уверен, что лучшая старая книга будет хуже читаться любой новой, хотя бы и среднего качества книги», публике же «не всегда нравится лучшее, наиболее художественное» (письмо И.В. Вольфсона М.Горькому, 9 августа 1926 г. // Архив Горького 1964, 33).³⁹

³⁸ Горький упоминает следующие изданные «Временем» книги: *Цан Эрнст*. Фрау Сикста. Пер. с нем. Т.Н.Жирмунской и Б.Я.Геймана. Под ред. М. Лозинского, 1926; *Езерска [Езерская] Андзя*. Гнет поколений. Пер. с англ. Марка Волосова, 1926; *Гух Рикарда*. Дело доктора Деруги / Пер. с англ. П.С.Бернштейн и Т.Н.Жирмунской. Под ред. А.Г.Горнфельда, 1926; *Сомерс-Фермер Я.* Якобочка. Пер. с голл. Е.Н.Половцовой, 1926.

³⁹ Кроме того, некоторые из тех книг, которые Горький советовал «Времени» перевести, не могли пройти цензуру: так, из двух присланных Горьким французских романов (Горький «Времени», 12 ноября 1926 // Архив Горького 1964, 35–36), один, «Разбойник Ру» Андре Шансси никак не мог быть издан «по цензурным условиям. Несмотря на сделанные уже вычерки, довольно сильно портящие идеологическую

Новый советский массовый читатель ждал от литературы легкого развлечения и непосредственной, прикладной пользы, безо всякого «поучения» – для удовлетворения этого ясно сформулированного спроса «Время» с 1925 года сосредоточилось на выпуске переводной беллетристики, а также затеяло две научно-популярные книжные серии, «Занимательная наука» и «Физкультура и спорт».

Особенности перевода и издания иностранной книги в советской России

То, что писал Осип Мандельштам в памфлетной статье 1929 года «Потоки халтуры», критикуя переводческую политику государственных издательств (частные и кооперативные к этому времени по большей части уже закрылись), о «печальной экономической базе» успеха переводной беллетристики,⁴⁰ справедливо и для середины 1920-х:

Иностранная книга у нас фактически безгонорарна. Процент переводческого и редакционного гонорара в калькуляции этой книги по сравнению с оригинальной настолько ничтожен, что о нем не приходится и говорить. При равнодушии к качеству продукции, издательства в то же время горячо заинтересованы в ее распространении. Читаемость современной русской книги по сравнению с переводной весьма незначительна. Иностранная беллетристика в буквальном смысле слова захлестывает современную русскую. Издательствам крайне выгодно и удобно иметь дело с книгой, живой автор которой отсутствует. Во-первых, не требуется его согласия на само издание, во-вторых, с ним не нужно вести утомительного и рискованного торга, в третьих, он не станет протестовать, в каком бы виде книга ни вышла в свет» (Мандельштам 1991-2, 426).

В условиях, когда советская Россия, вслед за царской, не вступила в международную Бернскую авторскую конвенцию, то есть любое советское

картину романа, остающаяся суть, как основанная на религиозном мирозерцании, не может пройти в печать. А делать какие-либо сокращения в самой сути романа нельзя: ничего не останется» («Время» Горькому, 8 января 1927 // Архив Горького в ИМЛИ. КГ-Изд. 6–6–14. В публикацию в Архиве Горького 1964 это письмо издательства не вошло); второй, «Совиное гнездо» Кросби Гарстин, «несмотря на всю его занимательность, цензура в последнее время относится резко отрицательно к такого рода авантюрным романам» (Там же).

⁴⁰ Крайняя резкость статей Мандельштама 1929 года о переводах, «Потоки халтуры» и «О переводах», была спровоцирована его, вместе с Б. Лившицем, конфликтом с ЗИФом, где они выступали переводчиками-редакторами собрания сочинений, см. его письмо И. И. Ионову от января 1929 г. и обращение в Федерацию Советских писателей, в которых содержатся почти все ключевые для этих статей мотивы и формулировки (Мандельштам 1991-4, 535–542).

издательство могло по собственному усмотрению (конечно с разрешения цензуры) выпустить перевод (сколь угодно сокращенный и адаптированный) любой иностранной книги,⁴¹ перед издательством вставала необходимость первым получить сведения о книжной новинке. При этом между 1924 годом, когда закрылся журнал «Современный Запад» (1922-23), выходявший под эгидой «Всемирной литературы» и выполнявший функцию ознакомления советских читателей с современными тенденциями европейской культуры, а журнал «Вестник иностранной литературы» (1928, 1929-30) еще не появился (см.: Clark 2011), у издателей не было постоянного и надежного источника библиографических сведений о новинках европейской и американской литературы.

Даже если переводчик, критик или издатель имел доступ к текущей иностранной периодике и знал о новых бестселлерах, необходимо было добыть экземпляр книги и быстрее конкурентов выпустить ее перевод:

«...переводчиков целые стада, – юмористически утрируя, писал в 1925 году К.И.Чуковский. – Каждый из них отлично наладил получение иностранных книг из-за границы. У каждого есть в Берлине кузина или бывшая жена. Раздобыв книжку, переводчик бежит со всех ног к издателю: в «Мысль», в «Ленинград» [имеется в виду конечно издательство «Петроград» – М.М.], во «Время» – и расхваливает свой товар. Если товар обещает 100 % прибыли, издатели соблазняются, заказывают перевод, и переводчик с маху переводит всю книгу в 5 или 6 ночей. Нравы разбойничьи. Конкуренция бешеная. <...> около двух месяцев назад издательства ввели наконец *jus primaе noctis*: кто из издателей первый получил какую-нибудь книгу, он циркулярно сообщает об этом другим издателям, и те не имеют права печатать перевод той же книги. Но это плохо помогает, и весь переводчицкий цех по-прежнему остается разбойничьим» (Письмо К.И.Чуковского Р.Н.Ломоносовой, 29 августа 1925 года // Чуковский 2000, 309).⁴²

Первую проблему – своевременного получения сведений о западных

⁴¹ Об этом, в частности, писал Г. П. Блок М. Горькому, торопя его с присылкой предисловия к книге Локнера о Г. Форде: «Так как за отсутствием конвенции напечатать переводную книгу в России может всякое издательство, то с выпуском книги Локнера нам приходится очень торопиться» (письмо Г. П. Блока М. Горькому, 24 ноября 1924 // Архив Горького 1964, 24).

⁴² Возможно, мотив «Золотого тельца» о детях лейтенанта Шмидта, которые, чтобы положить конец хаосу в своей работе, ранней весной 1928 г. заключают «Сухаревскую конвенцию», разделив между собой территорию Советского союза, отсылает к отсутствию в СССР конвенции по авторскому праву на иностранные книги, когда издатели вынуждены были апеллировать к Госиздату, возглавлявшемуся в 1921-24 другим Шмидтом, Отто Юльевичем. В начале 1928, когда дети лейтенанта Шмидта заключили «Сухаревскую конвенцию», в СССР началась последовательная типизация и ликвидация кооперативных и частных издательств.

книжных новинках и самих книг – «Время» в конце 1924–1925 гг. отчасти решило благодаря известному издателю и публицисту Далмату Александровичу Лутохину (1885–1942), знакомому Г. П. Блока.⁴³ Лутохин, высланный из Петрограда в начале 1924 года, к концу мая обосновался в Праге, где настойчиво определял себя не как эмигранта, а как насильно высланного («Морально я чувствую себя среди эмигрантов Робинзоном») (письмо Д.А. Лутохина Владимиру Васильевичу Алферову, 24 сентября 1924 г. // РО ИРЛИ. Ф.592 (Лутохин Д.А.). № 49. Л. 1) и искал контактов с советской Россией. В архиве «Времени» за период с ноября 1924 до декабря 1925 г. сохранилось полтора десятка написанных крайне неразборчивым почерком на папиросной бумаге неподписанных и чаще недатированных писем и записок, сопровождавших, судя по их содержанию, присылаемые европейские книжные новинки – обычно восторженные их характеристики с сообщением сведений о современной французской рецепции книги и полученных ею премиях, а также стоимости покупки и пересылки книги во франках; подпись на одной из них (отзыв о книге L. Nemm «*Battling Malor*[?]»), датированный 3 декабря 1925 г.), начинающаяся с «Лут...», и сличение почерка с дневниками Д. А. Лутохина за эти годы (РО ИРЛИ. Ф. 592. № 3) позволили определить их авторство.

Лутохин, в частности, открыл «Времени» вскоре ставшего очень популярным в России писавшего по-французски румынского писателя Панаита Истрати (записка Д.А.Лутохина, сопровождавшая присылку сборника рассказов Истрати «Дядя Ангел», датирована 3 декабря 1924 г., по-русски книга вышла во «Времени» в 1925 г. в переводе Изабеллы Шерешевской под редакцией О. Мандельштама и Г.П.Федотова)⁴⁴ – благодаря Лутохину «Время» первым из советских издательств начало издавать Истрати. Сочинения этого «балканского Горького» давали тот компромисс между вкусом «интеллигентного» читателя (и сохранением класса «издательской марки») и читателя «массового», которого искало «Время» в области переводной художественной литературы: «Для интеллигентного читателя она (книга П. Истрати – *М.М.*) дает много психологии и быта, а для массового может стать привлекательной своей фабулой, заменив для него “Антон Кречета” и т.п., по каковым произведениям сейчас простой русский читатель прямо томится»

⁴³ См. письмо Г. П. Блока Д.А. Лутохину 3 июня 1922 г. на бланке издательства Гржебина, в котором идет речь об издательских делах и, кроме того, Г. П. Блок благодарит Лутохина за приглашение участвовать в его альманахе «Утренники» (РО ИРЛИ. Ф.592 (Лутохин Д.А.), № 76. Л. 1).

⁴⁴ Д.А.Лутохин также прислал «Времени» роман Лефевра Сент-Огана «Тудиш», на который внутреннюю рецензию, а потом предисловие (под псевд. О. Колобов) написал О. Мандельштам, он же, совместно с Г.П.Федотовым, выполнил в 1925 г. его перевод (см.: Азадовский, Мец, 1991).

(внутренний отзыв Н. Шульговского 13 августа 1925 на книгу Истрати «Presentation des Haidoucs». Paris, 1925⁴⁵).

Другим способом раньше других советских издательств выпускать иностранные книжные новинки было поручить их поиск и перевод соотечественникам за рубежом, которые имели возможность быстрее добывать оригиналы книг, а за свой труд просили не больше, чем отечественные переводчики («Переводчиков здесь – батальоны», – писал Горький «Времени из Сорренто; письмо 12 ноября 1926 // Архив Горького 1964, 35). Такое предложение издательству очень подробно и профессионально сформулировал в июле 1926 года опытный издатель, семидесятилетний Александр Маврикиевич Вольф, сын основателя знаменитого книготоргового товарищества «М.О.Вольф и К^о» и совладелец этой фирмы, редактор-издатель журнала «Новь» (1884–1898). А.М. Вольф в августе 1925 года эмигрировал из Ленинграда в Париж, где основал свою книжно-комиссионную фирму, силами которой и предлагал поставлять «Времени» переводы книжных новинок: «я чувствую себя теперь совершенно подготовленным к тому, чтобы снабжать Ваше Издательство готовыми переводами вновь выходящих книг, переводами на безукоризненном русском литературном языке, не нуждающимися в особом, дальнейшем редактировании. Однако, ради своевременности появления в свет русского перевода той или иной иностранной книги, заслуживающей быть изданной Вами, безусловно необходимо, чтобы выбор таких книг делался мною самостоятельно, без Вашего предварительного одобрения, так как при существующей медленности обмена корреспонденции между СССР и Францией, выбор и указание Вами книг, а затем, только, приступление к их переводу, имело бы последствием появление в свет русского перевода всегда с громадным опозданием, вероятно, несколько месяцев после выхода подлинника. Я же, всегда, буду в состоянии начать высылку Вам русского перевода не позже как через два-три дня после появления подлинника, часто даже до его появления в свет. Я мог бы высылать Вам, ежедневно, такое количество рукописи перевода, какое типография, в которой издание будет печататься, в состоянии будет набрать и отпечатать в сутки» (письмо А.М.Вольфа в издательство «Время», 15 июля 1926 года).

Несмотря на то, что финансовые условия Вольфа были вполне приемлемыми для советского издательства (за 30 000 знаков перевода с французского и немецкого беллетристики, книг по истории, социальным наукам, философий и путешествий – 20 советских рублей; специальных научных и технических книг – 25; с английского, соответственно – 25 и 30; с итальянского и испанского, скандинавских и прочих языков – 30 и

⁴⁵ Эту книгу Истрати «Время» вероятно, не успело выпустить – его опередили в 1926 году вездесущая «Мысль» и ГИЗ, напечатавший «Гайдуков» в тиражной и дешевой серии «Универсальная библиотека», с которой было трудно конкурировать.

35, включая сюда расходы на приобретение книг, канцелярские и почтовые расходы (Там же)), «Время» не воспользовалось его предложением – возможно, наученное имевшим место всего через пару месяцев неприятным опытом такого рода.

В 1926 году «Время», на волне успеха изданных им мемуаров Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения» (1924), торопилось перевести только что вышедшее сразу на нескольких иностранных языках их продолжение, о котором издательство вероятно осведомил только что эмигрировавший из России в Париж Владимир Азов (Владимир Александрович Ашкинази, 1873–1948), знаменитый фельетонист и сатирик, много сотрудничавший в начале 1920-х в качестве переводчика с английского с горьковской «Всемирной литературой» и только что выполнивший для «Времени» перевод рассказов Амброза Бирса (*Бирс Амброс. Настоящее чудовище [Рассказы] / Пер. с англ. В.А.Азова, 1926*): в сентябре 1926 года Азов срочно прислал «Времени» обложку книги Форда для регистрации в Гублите (письмо «Времени» Азову, 20 сентября 1926 г.; письмо Азова во «Время», 27 сентября 1936), назначив гонорар за перевод больше того, который просил А.М. Вольф – 40 рублей за лист, и обещал представить готовый перевод к 15 ноября 1926 года. Однако издательство потребовало, чтобы «перевод книги был закончен не позднее 1-го ноября, а желательно даже и раньше. Дело в том, что если перевод затянется на 1 1/3 месяца, то какое-либо издательство, не входящее в наше соглашение (хотя бы “Экономическая Жизнь”) может выпустить книгу до нас, чем дело будет погублено» (письмо «Времени» Азову, 28 сентября 1926 года), а уже 11 октября телеграфировало, что книга в ближайшие дни выходит другом издательстве, и требовало немедленно выслать «всю готовую часть категорически необходимо окончание пятидневный срок или вышлите конец оригинала перевода здесь». Азов тут же откликнулся с сатириконовской телеграфной краткостью: «Isoumlen Otkazivaius Azoff» (телеграмма Азова во «Время», 12 октября 1926) и на повторное требование «издательства выслать уже готовую часть перевода (телеграмма «Времени» Азову, 13 октября 1926) ответил афористически: «Не выслал Вы не выслали деньги Азов», – в результате вторая часть мемуаров Форда «Сегодня и завтра» вышла в 1926 году в московском Государственном техническом издательстве (однако ожидаемого успеха вероятно не имела и не переиздавалась).

Необходимым издательству институтом для функционирования «фабрики переводов» был также штат переводчиков, редакторов и внутренних рецензентов. Редакторами переводов во «Времени» много работали пайщики товарищества В.А.Зоргенфрей и Г. П. Блок, а также присоединившиеся к нему позже А.А.Смирнов, М.Л.Лозинский и

А.А.Франковский.⁴⁶ Почти все переводы, выходявшие во «Времени» в середине 1920-х гг., были отредактированы ими, при этом фамилии переводчиков иногда даже не указывались – только редакторов. Переводчики до начала 1930-х привлекались по большей части второстепенные и поразительно плодовитые, работавшие также на другие издательства – Марк Григорьевич Волосов, Марианна Давидовна Кузнец (р. 1897), Евгения Юлиановна Бак (р. 1899), Исай Бенедиктович Мандельштам (1885–1954), А. и Л. Картужанские, Людвиг Леопольдович Домгер (1891–1994), Серафима Михайловна Гершберг (р. 1883), Изабелла Иосифовна Гринберг (1898–1956), Марианна Николаевна Матвеева (р. 1894), Валентина Николаевна Харламова и Н. М. Ледерле, Полина Соломоновна Бернштейн (1870–1949), Григорий Израилевич Гордон (1862–1931), Екатерина Павловна Леткова (-Султанова) (1856–1937), Вадим Владимирович Рахманов (1900–1940), Елена Семеновна Коц (р. 1880) и Зиновий Давидович Львовский (р. 1881), Герберт Августович Зуккау (1883–1937), Мария Евгеньевна Левберг (1894–1934), М.И.Ратнер, А.П.Ющенко, Вера Семеновна Вальдман (1884–1962), Елена Михайловна (Шаврова-)Юст (1874–1937) и другие. В основном это были выходцы из семей дворян или служащих, с высшим или специальным образованием, знающие несколько иностранных языков и начавшие заниматься переводами для заработка после революции.⁴⁷ По резкой, но во многом

⁴⁶ Известный русский религиозный философ и публицист Георгий Петрович Федотов в 1925 году, непосредственно перед своим отъездом из России, много работал для «Времени» в качестве редактора, переводчика, автора внутренних рецензий. В том же 1925 году он выпустил в издательстве составленный им (совместно с О.А.Добиаш-Рождественской и А.И.Хоментовской) сборник статей «Средневековой быт», посвященный И.М.Гревсу в сорокалетие его научно-педагогической деятельности. Из всех книг «Времени» вышедших в 1925 году, только это узко специальное академическое издание неожиданно было выбрано Центральной книжной палатой, по просьбе ВОКС, для включения в ежегодный сборник, издававшийся Комиссией Интеллектуальной Кооперации при Лиге Наций, куда помещались отзывы о 600 самых замечательных книгах, вышедших в этом году во всех странах мира, из которых на долю СССР приходилось 409 книг (письмо ВОКС (О.Д.Каменевой) в издательство «Время», 1 июня 1926 г.).

⁴⁷ Сведения о некоторых из них имеются в архиве Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей, секции переводчиков (РО ИРЛИ. Ф.291, Оп. 1. № 467; Подробнее о деятельности секции переводчиков в Ленинграде см. в статье Т.А.Кукушкиной в наст. сборнике – *Прим. сост.*), в анкетах, которые заполнялись для перерегистрации в качестве членов Союза в 1925-29 гг.: очень много переведившая в 1920-е гг. Марианна Давидовна Кузнец (1897–?) родилась на станции Тулун Иркутской губернии в семье инженера, получила специальное образование, знает немецкий, французский и английский, первый ее опубликованный перевод, «Красное божество» Джека Лондона (1925), вышел в «Мысли» (анкета 5 января 1929 // РО ИРЛИ. Ф.291. Оп. 1. № 467. Л. 41), в 1940-50 выпустила несколько учебников и методических пособий по английскому языку; Евгения Юлиановна Бак (1899–?) родилась в Варшаве, в семье служащих, окончила «учебное заведение и прослушала высшие историко-

справедливой формулировке О. Мандельштама, «дряблость, ничтожество и растерянность той социальной среды, из которой у нас часто вербуются переводчики (деклассированные безработные интеллигенты, знающие иностранные языки), кладет печать неизгладимой пошлости на все их рукоделье. Они показывают не только авторов, но и себя» (Мандельштам 1991-2, 425).⁴⁸ Именно они в значительной степени формировали язык переводной литературы, потреблявшейся массовым советским читателем, на который необходимо обращать внимание при описании советской литературы 1920-х – тот «суконный интеллигентский» язык (М. Зощенко. Письма к писателю (1929) // Зощенко 1991, 371), на котором говорили по-русски все иностранные писатели, «от Анатоля Франса до последнего

литературные курсы», владеет французским, немецким, английским и итальянским, себя считает прежде всего поэтессой (стихи не опубликованы «вследствие затруднительности в данное время издать сборник стихов») и переводчицей (сотрудничала со «Всемирной литературой», издательствами «Петроград» и «Мысль»), служит в Еврейской академической библиотеке (анкета 20 февраля 1926 // Там же. Л. 3); Марианна Николаевна Матвеева (1894–?) родилась в укреплении Гуниб Дагестанской области, «б. дворянка», окончила историко-филологический факультет, знает английский и французский, первый ее опубликованный перевод – Джека Лондона (сб. «Юконские рассказы», изд. «Прометей», 1923) (анкета 23 мая 1925 г. // Там же. Л. 45), в конце 1920-х – начале 1930-х написала несколько методических руководств для школьных занятий математикой и родной речью. Нехарактерна биография Григория Израилевича Гордона (1862–1931) – он родился в 1862 в Симферополе в семье учителя народной школы, свою профессию определил как «врач-публицист <...> одинаково занимаюсь литературой и врачебным трудом» (первая публикация – «Самоубийство детей» в журнале «Мир Божий». 1902. № 4), автор брошюр «Сионизм и христиане» (1902), «Дети и их преступность», «Истерия и эпилепсия у детей», «Гигиена производственного труда», «Самоубийство, его сущность» (анкета 7 апреля 1926 г. // Там же. Л. 24), умер 12 августа 1931 г., похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры (<http://necropol.org/206-nikolskoe-anl.html>); а также Елены-Михайловны Шавровой-Юост (1874–1937), известной как певица и писательница, корреспондентка А.П.Чехова; еще один постоянный переводчик «Времени» немец по происхождению Герберт Августович Зуккау (1883–1937), был юристом, он много переводил вместе с женой, Алисой Германовной Зуккау (1888–1941), подробнее см. в книге Захара Дичарова «Распятые» (http://www.belousenko.com/wr_Dicharov_Raspyaty2_Zukkau.htm).

⁴⁸ Такое разделение переводческого труда: переводчик средней руки и высококлассный редактор перевода – было характерно для части советского книгоиздания 1920-х гг., О. Мандельштам, сам много работавший в 1920-е гг. для разных издательств как переводчик и редактор переводов, описал этот процесс: «Редакторы эти в большинстве случаев, грамотные и литературно-компетентные люди. <...> Рукопись в их руках делается неузнаваемой. Вы думаете, они сверяют с подлинником, приближают текст к нему? Ничего подобного! Редактор в сущности не редактирует, а дезинфицирует перевод, он стрижет его под элементарную грамотность, закругляет фразы, устраняет бессмыслицы, истребляет многие тысячи “которых” и “что” и т.п. В подлинник при этом он заглядывает только тогда, когда натывается на явный абсурд» (Мандельштам 1991-2, 429).

бульварщика» (Мандельштам 1991-2, 425), и который был по душе среднему читателю – «Массовый читатель требует стандартизированного языка: этот закон усвоен всеми литераторами Запада» (Левидов 1927, 72–73), в том числе и потому, что звучал «так, как будто бы в стране ничего не случилось» (Зощенко 1991, 371).

Именно в этот период, с 1925 года, во «Времени» появляется круг постоянных авторов внутренних рецензий (они также время от времени выступали в качестве переводчиков и редакторов переводов) – Н.Н. Шульговский, Р.Ф. Куллэ, В. А. Розеншильд-Паулин. За конец 1924 – весь 1925 год было написано (во всяком случае, сохранилось в архиве) около 150 внутренних рецензий на иностранную беллетристику (иногда для оценки одной книги обращались к нескольким рецензентам; кроме того, около десятка рецензий было написано на книги по физкультуре, психологии, организации труда), из которых увидело свет около 20 – приблизительно такое соотношение сохранялось на протяжении всего этого периода истории издательства, что свидетельствует об установке на тщательность отбора (равно как перевода и полиграфического оформления даже этого разряда книжной продукции, тогда как в других издательствах переводная беллетристика часто выходила не в индивидуальном, а в серийном оформлении и в крайне халтурных переводах) – даже Ленгублит вынужден был признать в 1925 году, что «с технической стороны» эти издания «Времени» «выполнены тщательно. В художественном отношении – несколько интересных новинок. В идеологическом – все принадлежат перу буржуазных писателей и отражают буржуазную идеологию. Попытки издавать порнографию и бульварщину не замечалось. Но эротика составляет главное содержание выпущенных книг и процент совершенно не ценных и имеющих ту или другую вредную сторону изданий довольно высок. Например Дюма (отец) – “Учитель музыки”, Лефевр Сент Оган – “Тудиш” (в первоначальной редакции было много мест порнографического характера). Фино – “Похмелье” (прошло с вычерками). Ридгуэлл Калом – «Чертово болото» (тоже) [эту книгу идентифицировать не удалось – М.М.]. Амброз Бирс – “Настоящее чудовище” и т.д. <...> Запрещена 1 – Оливия Оэдсли [правильно: Уэдсли; книга все же вышла в 1926 г. – М.М.] – “Пламя”. Из этого же отдела был сокращен тираж (до 1.000) книги Кугеля – “Листья с дерева”» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40. Л. 72–72об.). На Выставке графического искусства за 1917-1927 г., проходившей в Ленинградской Академии Художеств 30 января – 27 марта 1927 г., «Время» получило диплом «за художественное оформление книги». В характеристике Гублита за 1925 год были также с одобрением отмечены «другие более крупные отделы: физкультура – 9 и общественно-экономический – 8. Отдел физкультуры поставлен наиболее серьезно. <...>Издательство представило целый ряд самых положительных отзывов об изданных

книгах этого отдела, помещенных в “Известиях Физической Культуры” и других органах советской печати, а о книге Мюллера – отношение Высшего Совета Физической Культуры и подвергнут критике отдел общественно-политический, где «нет почти ни одной книги, которая не вызвала бы серьезнейших возражений со стороны Гублита и прошла без вычерков и сокращения тиража. Особенно много возражений вызвали книги по НОТу и Фордизму. <...> В общем продукция издательства за 1925 год чрезвычайно пестра. Издательство работало для спроса и никаких культурно-просветительских целей, видимо, не преследовало. Единственными более ценными отделами являются отделы: физкультуры и отдел “Занимательной науки” (пока еще только начатый), который при надлежащей постановке может быть полезен для учащихся и педагогов. При типизации издательства сняты отделы: общественно-экономический, история и мемуары и детские книги. Оставлены: 1) научно-популярный (главным образом «Занимательная наука»), 2) художественная переводная беллетристика, 3) отдел физкультуры» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40. Л. 72–72об.).

«Неудачники»:

Н.Н.Шульговский, В.А.Розеншильд-Паулин, Р.Ф.Куллэ

Сохранившиеся в архиве издательства сотни внутренних рецензий на предлагавшуюся к переводу иностранную беллетристику раскрывают как принципы отбора книг, так и – что более интересно – личность самих авторов этих рецензий, эволюцию, на протяжении 4-5 лет, взглядов этой социальной группы «неудачников», плохо адаптировавшихся к советскому культурному полю людей с дореволюционным культурным габитусом, вынужденно ставших в 1920-е годы «пролетариями умственного труда» – переводчиками, редакторами переводов, авторами внутренних рецензий.

Основным автором внутренних рецензий с конца 1924 до 1926 г. был поэт-графоман и стиховед-компилятор Николай Николаевич Шульговский (1880–1933): из 150 сохранившихся в архиве внутренних отзывов конца 1924-25 гг. 120 принадлежат Шульговскому.⁴⁹ По точной, хотя и жесткой характеристике М.Ю.Эдельштейна, автора единственной пока существенной статьи о Шульговском (в которой впрочем не учтено сотрудничество ее героя со «Временем»), «его письма и

⁴⁹ Отдельные отзывы также были написаны В. Зоргенфреем, Г.Федотовым, Н. Мартыновой, В. Рахмановым, О. Мандельштамом, М. Бронниковым, Н. Брянским; кроме того, книги по физкультуре рецензировал Г.А. Дюперрон, по американскому народному хозяйству – Кулишер, по психология – Т.Гликман и А. Егоров.

автобиографические документы рисуют вполне цельный и законченный психологический тип графомана, начисто лишённого представления о своем реальном месте в литературном процессе» (Эйдельштейн 2011, 702). Шульговский действительно, судя по всему, был фигурой трагикомической – «трогательная, несколько тупая тетка», как определил его в дневнике М.Кузмин (Кузмин 2005, 287; слово «тетка» у Кузмина принадлежит к гомоэротическому сленгу).⁵⁰

⁵⁰ Н.Н.Шульговский родился в Петербурге 14 мая 1880 г. в дворянской семье (в автобиографии, написанной им 31 декабря 1923 г. по просьбе библиографа Петра Васильевича Быкова, вероятно, для его «Словаря русских писателей», автор утверждает, что происходит из рода «старинного дворянского малороссийского, герба Шелиги, помещенного в краковском гербовнике и принадлежащего роду Шульговских»; РО ИРЛИ. Ф. 273 (Архив Быкова П.В.). Оп. 2. № 37. Л. 1). Его мать, Мария Николаевна, урожденная Сперанская – дочь священника, умерла от столбняка через две недели после рождения сына, Шульговского воспитали отец и тетка. Николай Николаевич Шульговский-старший (умерший, когда сыну было 19 лет) – известный врач-филантроп, четверть века служивший по ведомству Императорского Человеколюбивого общества, действительный статский советник (более известен был его брат, Дмитрий Николаевич Шульговский (1844-1882), председатель Общества Санкт-Петербургских врачей, автор медицинских трудов, «Лишь ранняя смерть (37 л. от роду), – пишет Н.Н.Шульговский в автобиографии, – помешала ему закончить огромный труд по бактериологии»; РО ИРЛИ. Ф. 273 (Архив Быкова П.В.). Оп. 2. № 37. Л. 1); в автобиографии Шульговский подчеркивает, что отец его «обладал художественным даром, оставил после себя несколько прекрасных картин – копий с Айвазовского и др. <...> Отец мой обладал широким философским образованием, каковое передал и мне» (Там же), а «заниматься литературой начал еще дед мой Николай Федорович Шульговский, помещавший в журналах Николаевских времен статьи, но без подписи»; Там же. Л. 1 об. Н.Н. Шульговский окончил с золотой медалью курс Гимназии Императорского Человеколюбивого Общества, после – юридический факультет Санкт-Петербургского Университета с дипломом 1-й степени и с оставлением по кафедре философии права и государственного права, также прошел курс историко-филологического факультета, в 1904-1905 гг. слушал лекции в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах. На юридическом факультете Шульговский занимался главным образом на кафедре энциклопедии и философии права у профессора Льва Иосифовича Петражицкого, в 1902-1908 гг. был активным членом его кружка – последовательно казначеем, библиотекарем, секретарем и председателем, а также историографом (см.: Шульговский 1910). В кружке вместе с Шульговским занимались поэт, его интимный друг Вадим Данилович Гарднер (1881–1956) и, вероятно, Александр Александрович Кролик (Кроленко) (1889–1970), будущий директор издательства «Academia» (в списке членов кружка Петражицкого в составленной Шульговским брошюре фигурирует некий «Кролик» – А.А. Кролик (поменял фамилию на Кроленко в 1919) как раз в 1907 перешел из Технологического института на юридический факультет Санкт-Петербургского университета). В университете юридическая карьера Шульговского складывалась весьма успешно: первая печатная работа, которую Шульговский считал началом своей литературной деятельности, вышла 25 января 1904 года (РО ИРЛИ. Ф. 273 (Архив Быкова П.В.). Оп. 2. № 37. Л. 1 об.), когда он был еще студентом – декабрьский номер «Вестника права» за 1903 год поместил его статью «Право на жизнь», в 1906 вышедшую отдельным

изданием; прочитанный им в кружке Петражицкого реферат «Идеал человеческого поведения с психологической точки зрения» был опубликован в 1907 году (СПб.: Типография Б.М.Вольфа). Будучи сторонником теории психологии права Л.И.Петражицкого, основанной на утопической вере в постепенный прогресс правового чувства в человеке, неуклонно движущегося к конечному идеалу «совершенного господства действенной любви в человечестве», который позволит обойтись без правового принуждения (Шульговский 1910, 14), Шульговский, несмотря на успешно складывавшуюся в университете юридическую карьеру в области теории права, испытывал отвращение к «юридической оценке» жизни: «Очень рад, что кончил юридический факультет, ибо научился понимать жизнь и всю пакость юридической оценки ее. Суд ненавижу (уголовный, гражданский – лучше) больше, чем войну, больше, чем дуэль»; письмо Шульговского В.В.Розанову, 13 апреля 1912 года // РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед.хр.711. Л. 32об., цит. по: Эйдельштейн 2011, 713, прим. 11) и желал посвятить себя литературным занятиям: с 1907 года Шульговский публикуется как прозаик («Нива». № 41, подпись Н. Чипнан), поэт (первое стихотворение «Песня о лотосе» появилось в октябрьском (№ 1) номере журнала «Мир» за 1909 год) и критик (см., например, его рецензию (подпись Лирик) на сборник стихотворений Вадима Гарднера «От жизни к жизни». М., 1912) в: «Весь мир». 1913. № 1; в этом же номере журнала (С. 21) и также за подписью Лирик, как обнаружил М.Ю.Эйдельштейн (Эйдельштейн 2011, 717, прим. 51), Шульговский опубликовал сверхкомплиментарную рецензию на собственный сборник стихов и прозаических миниатюр «Лучи и грезы». СПб., 1912); он сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Жизнь для всех», «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» В.С.Миролюбова, «Альманах», «Нива», «Огонек», «Весь мир» и др. До 38-летнего Шульговский прожил вдвоем с теткой, ставшей ему приемной матерью, Александрой Николаевной Шульговской (1840-1918), многолетней сотрудницей издательства А.Ф.Маркса и журнала «Нива», переводчицей поэм Мильтона и сказок Андерсена, составительницей многократно переиздававшегося «Руководства к домашнему изготовлению простой и изящной дамской, мужской и детской обуви по новой легкой и скорой методе»: «Всем своим воспитанием и развитием природных дарований я обязан приемной матери моей и тете <...>. А.Н.Шульговская взяла меня на свое попечение с двухнедельного моего возраста, была мне истинной, редкой матерью и скончалась, когда мне было 38 лет, до последней минуты оставаясь моим единственным верным другом и вдохновительницей. Повторяю ей я обязан, так же, как и отцу моему, доведшему меня до 19 л. возраста, всем, что есть во мне творческого и светлого» (РО ИРЛИ. Ф. 273 (Архив Быкова П.В.). Оп. 2. № 37. Л. 1, подчеркивания Шульговского). Ей посвящены два его опубликованных поэтических сборника – «Лучи и грезы» (1912), о заурядности и архаичности поэтики которого красноречиво говорит уже его заглавие, и «Хрустальный отшельник» (1917), в котором автор злоупотребляет обращению к словарю Даля (подробнее см.: Эйдельштейн 2011, 704), а также вышедший в 1914 его центральный труд – «Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения. Ч. 1», полезный как пособие по версификаторству, однако, по отзывам критики и современных стиховедов, компилятивный и «пошлый» (см.: Эйдельштейн 2011, 710–711, прим. 2). В десятилетие Шульговский старался установить контакты с актуальной литературной средой – настойчиво писал В.В.Розанову, посещал М.А.Кузмина, был на «башне» у Вяч. Иванова, участвовал в «Вечерах Случевского», объединялся с новокрестьянскими поэтами (Эйдельштейн 2011, 705–713) – но все же оставался в ней маргиналом, во многом, вероятно, как графоман с нелепо

преувеличенным представлением о собственной творческой значимости и нравственном превосходстве, и при этом человек истеричный и неуживчивый, о чем свидетельствуют как его письма В.В.Розанову 1912 года, опубликованные Эйдельштейном, в которых Шульговский со множеством восклицательных знаков повествует, как «модернисты» во главе с Вяч. Ивановым из «мелкой зависти» решили «утопить» его сборник «Лучи и грезы», так и его переписка 1915-1919 гг. с издателем «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни» (1914-1917) В.С.Миролюбовым (РО ИРЛИ. Ф. 185 (архив В.С.Миролюбова). Оп. 1. № 1281). В 1916 г. Шульговский вероятно служил в редакции журнала, но был отставлен, по поводу чего написал Миролюбову несколько длиннейших пародийно-«достоевских» писем, именуя произошедшее «гадопакостью» (письмо 11 июля 1916 // РО ИРЛИ. Ф. 185 (архив В.С.Миролюбова). Оп. 1. № 1281. Л. 10-11) и прося корреспондента не звонить ему, потому что «говорить с Вами посредством этого аппарата, только себя энервировать»: «<...> глубоко убежден, что Вы радехоньки были развязаться со мною. А между тем я от совершенно третьих лиц слышал, как многие жалеют о том, что меня нет в редакции, говоря, что редко где бывало так любезно, приветливо, доброжелательно и полезно по указаниям, как при моем приеме. <...> Я – человек прямой. Хотя я чужд добродетелей разных толстожурнальных “литераторов”, всех этих добродетельных бездарностей, Шеллеров-Михайловых, Станюковичей, Скабичевских, всех этих писателей и критиков, жующих добродетельно-партийно-полицейскую жвачку, как и прошлых, так и современных, тем не менее никогда в жизни никого не обижал и бесчестно не поступал. Поэтому и не люблю фальши. Лучше подохну, а убеждениям своим (конечно, не условным, диким, нетворческим, скучным, бездарным, какие обыкновенно ценятся душевными скопцо-трупиками), а вечным, радостным (даже и в величайшем горе!) и творческим не изменю. Но, опять-таки, выставяться и рисоваться ими не буду. Не перед кем, не поймут, поэтому в высокой степени на...ь. А правду скажу самому Богу, рабом быть не желаю и, если в раю не будет со мной моего Алички, собаки моей родной, то я раю не нужно. К черту рай! Да положим, если хоть малейшее страдание у кого-либо останется, то какой же может быть рай? Предоставляю клерикалам рисовать рай при существовании ада! Экие шкурные сердца! Наслаждаться в раю, зная, что есть ад!» (письмо 26 июля 1916 // Там же. Л. 13-15). В 1919, прослышав, что Миролюбов открыл новое издательское предприятие, отчаянно нуждающийся Шульговский посылает ему длинное, полное жалоб письмо (в 1918 году умерли тетя Шульговского и его «незабвенная собачуленька») и просит денег вперед, не обинуясь называя свои произведения (ни одно из них так и не увидело света) гениальными. Не получив ответа, Шульговский продолжает одностороннюю переписку, довольно комично (действие происходит в 1919 году!) восхваляя свои произведения, читанные им «на рауте у баронессы»: «Я не знал, что и подумать, не получая от Вас ничего, а между тем стихи требовали от меня упорно, разрывая на части; я же не мог их отдать. <...>Третьего дня я читал “Ночью” на рауте у баронессы, увлекающейся своим новым журналом. Стихи произвели потрясающее впечатление и были признаны гениальными» (письмо 15 мая 1919 // Там же. Л. 30) и вскоре посылает еще два стихотворения (также оставшиеся неопубликованными) «в тех ритмах русского vers libre’a, которые я давно уже ввел в нашу поэзию, и эстетическое обоснование которым, равно как и доказательство их соприкосновения и выхождения из ритма народных русских стихов, я приготовил для 2го или эвентуально 3го пишомых теперь томов “Теории и практики поэтического творчества”» (письмо 28 сентября 1919 // Там же. Л. 17).

казни (см. его «Право на жизнь») и адепта гомеопатии (см. его письмо В.С.Миролюбову от 1 декабря 1915 г // РО ИРЛИ. Ф. 185 (архив В.С.Миролюбова). Оп. 1. № 1281. Л. 1-2), искренне верившего, что «в развитии человечества замечается какой-то удивительный процесс, в котором бессознательно вырабатывается определенный позитивный нравственный критерий», происходит «мирно-эмоциональное приспособление человека» в отношении к свободе и признанию права на жизнь всех людей и животных (Шульговский 1907, 69, 64), чудовищными событиями были как первая русская революция,⁵¹ так и первая мировая война⁵² и, конечно, революция 1917 года, которую ему, при склонности к крайней банальности суждений, было очень трудно осознать: «Вообще вижу, что над Россией сейчас реет не красный цвет революционного знамени, а свет красного фонаря известного заведения, да и вся страна обратилась в это последнее. Кто-то будет вышибалой? Вот Вам и народ “богоносец” (бедный Достоевский!), вот Вам и “святая” Русь! А, все-таки, скажу, что несмотря на всю невозможную дикость проявлений и “самоопределений”, на гомерические наглость и хамство, – чуетя с точки зрения мировой перспективы кое-что и великое, кое-что и правдивое, кое-что и небывалое... Чудовищная форма и подлецы (сознательные подлецы!) во главе, а если всю эту гадость отскоблить, то почувется зерно мировой правды, зародышевое и грубое, но, все-таки, зерно словно бы и с зеленым отросточком...» (письмо Н.Н.Шульговского В.С.Миролюбову, 28 сентября 1919 г. // РО ИРЛИ. Ф. 185 (архив В.С.Миролюбова). Оп. 1. № 1281 Л. 18-18 об.).

Очевидно, что после революции Шульговский оказался в отчаянном положении – в совершенном одиночестве, без службы, вне литературной среды (в 1920-21 гг. он читал лекции «Основные вопросы изучения поэзии» в Доме искусств – как он пышно выражается в автобиографии, «занимал кафедру поэтики в “Доме Искусств”»; РО ИРЛИ. Ф. 273 (Архив Быкова П.В.). Оп. 2. № 37. Л. 2 об.) и окончательно без надежды на

⁵¹ В 1909 г. Шульговский написал (несохранившуюся) драму «К ближнему... К дальнему...», действие которой происходит во время первой русской революции, где осудил как революционный террор, так и деятельность военно-полевых судов (М.Ю.Эйдельштейн характеризует ее по письму Н.Шульговского В. В. Розанову от 9 июня 1909 г. (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 7-7об.): Эйдельштейн 2011, 712, прим. 10).

⁵² Первой мировой войне посвящен венок сонетов Шульговского «Терновый венец. *Corona spinea*», опубликованный в «Ежемесячном журнале» В.С.Миролюбова (1916, № 3) и отдельным изданием (Пг., 1916; также вошел в сб. Шульговского «Хрустальный отшельник»), где война, по точной характеристике Эйдельштейна, «изображена как сатанинская бойня, новое распятие Христа» (Эйдельштейн 2011, 712, прим. 10), в подобных строках: «О люди, как вы можете страданья / И смерть нести для братского созданья, / Когда для вас дары красот даны <...>» (Шульговский. Терновый венец. *Corona spinea*. Венок сонетов. Пг., 1916. С. 9).

опубликование своих произведений (при этом в начале 1920-х он, с графоманской страстью, не переставал писать⁵³). Можно предположить, что начавшееся в 1924 году сотрудничество Шульговского со «Временем» в качестве автора внутренних рецензий, переводчика и редактора было для него в бытовом отношении спасением (во «Времени» же в 1926 году в серии «Занимательная наука» вышло его «Занимательное стиховедение» – впрочем, его второе издание, под названием «Прикладное стиховедение», увидело свет в 1929 году уже в «Прибое»), однако трудно себе представить менее подходящего человека для беспристрастной оценки чужих книг, актуальности их тематики, пригодности для современного

⁵³ В автобиографии 1923 года Шульговский сообщает, что у него готовы к печати, помимо произведений, упомянутых в цитированном письме к Миролубову, четвертый и пятый сборники стихов («У рубежа» – его рукописный текст, датированный 1920 годом, сохранился в архиве П.Я.Заволокина (РО РНБ. Ф. № 290. Ед.хр.218), и «Es-moll»), а также «Избранные стихотворения», романтическая драма в 4 действиях «Легенда любви», две пьесы для детей в одном действии «Голубой ключик» и «Дороже денег», поставленные, по его словам, на сцене в 1920 г., а также «в стадии творчества» находятся трагедия в стихах «Вечные грани» и поэма «Карьера Анюты». В том же 1923 году он с нелепой самоуверенностью разослал типографски отпечатанное циркулярное обращение «всем поэтам и поэтессам» с просьбой прислать ему, для работы над вторым томом «Теории и практики поэтического творчества», во-первых, «все сборники их стихотворений и, во-вторых, доставить описание процесса их поэтического творчества (возникновение образов и замыслов, состояние духа при творчестве и вдохновении, работа над своими произведениями, история зарождения и развития своего дара и т. п.), составленное столь же искренне и правдиво, как это сделал Эдгар По в описании постепенного созидания своего знаменитого “Ворона”», а также просил «не отказать сообщить его (своего письма – М.М.) содержание знакомым поэтам, а также передать для перепечатания в знакомые газеты и журналы» (РО РНБ. Ф. № 949. Архив П.В. и З.И.Быковых Ед. хр. 945). В рукописном стихотворном сборнике Шульговского 1920 года «Поникшие крылья» (который, как явно графоманское произведение, допустимо рассматривать в качестве «человеческого документа») беспрерывно повторяется один и тот же автобиографический мотив оконченности жизни: «вялый и уставший, / Все родное потерявший» (РО РНБ. Ф. № 290 (Заволокин П.Я.). Ед.хр. 218. Л. 8), «Ты умерла, и я поник страданьем, / И мертв для жизни стал» (Там же. Л. 8 об., сонет, посвященный тётё), «что для меня все кончено, / Что жизнь моя истончена, / И в сердце черная яма» (Там же. Л. 9 об.), «Сердце, сердце! – кладбище разрытое» (л.16), «Послал великие страданья / На долю мне ты, мой Господь! / Мой дух поник от испытанья, / Мертвец немощная плоть» (л. 25), – что, впрочем, еще более возвысило его представление о собственном таланте: «День для меня пропадает бесплодно / В омуте тусклых сует, / Ночью дышу я легко и свободно / Ночью я царь и поэт!! <...> Как Демиург на земле первозданья, / Дух мой вникает в хаос, / Мир за мирами рождая в сверканьи / Молнии творческих гроз!» (л. 27). Это представление о себе: «Бедный безумец и огненный гений, / Царь, и пророк, и поэт! (л. 27 об.), – усугубляется в следующем, пятом стихотворном сборнике начала 1920-х, «У рубежа», где автор, несколько утешившийся элегической пейзажной лирикой, видит себя уже «новым ангелом»: «К многоочитым херувимам / Как новый ангел подлечу, / Отдам себя надзвездным схимам, / От горних солнц зажгу свечу» (л. 43).

массового читателя и цензурности. Шульговский – человек с болезненно уязвленным самолюбием, утративший в начале 1920-х даже ту маргинальную профессиональную реализацию, которая у него была в десятилетиях враждебной современности и озлобленно не желающий ее понимать. Эти черты его личности во многом определяли его книжные рекомендации: он то отказывается от книг, которые рекомендовал бы в «нормальное», «мирное» время, «при нормальных условиях нашего книжного рынка»,⁵⁴ то советует издавать сочинения, смысл которых лишь в том, что они питают его ностальгию.⁵⁵

Определявшее рецензии Шульговского резкое и бесплодное противопоставление «интеллигентного» читателя, вкус которого воплощен в его собственном и в позиции издательства, как он ее себе представлял, читателю «массовому» – недифференцированному и достойному исключительно презрения, связано вероятно с тем, что внутреннее самоутверждение Шульговского, компенсировавшее статус социального неудачника, основывалось на противопоставлении себя как «истинно интеллигентного» человека (образованного, с «духовными» и «культурными» интересами) «некультурным» людям. Оно восходило еще к его дореволюционным идеям психологии права: «Если мы сравним психологию человека некультурного, с одной стороны, и истинно интеллигентного, с другой, то мы заметим, что человек с культурным уровнем развития гораздо легче удерживается от ненавистнических действий, чем человек неразвитой» (Шульговский 1907, 78)⁵⁶.

⁵⁴ Так, неизданные части французского дневника Марии Башкирцевой стоило бы выпустить как важное культурное свидетельство – «Но разве наш современный широкий читатель интересуется “выяснением личности”? Да какое ему до этого дело? Ему нужно прежде всего интересное чтение, сюжет, а никак не интерес психологического анализа» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 7 февраля 1926 г. на: *Marie Bashkirtseff. Confessions. Préf. de Pierre Borel. Paris, 1925*).

⁵⁵ Книгу французского политического деятеля и литератора Эдуарда Эррио «Мадам Рекамье и ее друзья» стоит, по мнению Н. Шульговского, перевести (издательство совету рецензента не последовало) ради тех читателей, «кому много говорят и кому дороги те имена, носители которых выведены в этой книге <...>. Имена эти блестящи; образованному человеку будет приятно, и в настоящее время даже отраднее, просто прочитать их, как имена, как звуки, с которыми связано столько творческого, живого, светлого... <...> От чтения этой книги интеллигентный читатель почувствует, во-первых, отдых, даже больше – какую-то освежающую струю, но, с другой стороны, ощутит и зависть к тому, что, несмотря на все удары судьбы, преследования, изгнания, политические перевороты и т.д., люди имели возможность жить культурной, свободной и творческой жизнью...» (внутренний отзыв Н. Шульговского, 14 октября 1924).

⁵⁶ Исходя из этого, лежащего в основании его личной самоидентификации резкого противопоставления интеллигентного и массового вкуса, Шульговский отсоветовал переводить симпатичную юмористическую прозу английского писателя Ф. Анстея (наст. имя автора Гутри Томас Анстей, 1856–1934), которого много издавали в 1900-10-е гг., в том числе в Дешевой юмористической библиотеке «Сатирикона», и в

При этом сам Шульговский, хоть и считал себя «интеллигентным» читателем, имел искреннюю склонность к бульварной литературе и умел оценить роман, который «написан хорошо» как «экзотическая Вампука» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 23 марта 1927 г. на: *Pierre Chanlaine. L'Albanaise et sa haine. Paris 1927*) или «немного вампукистое, но вполне приемлемое произведение <...> роман испанистый, но не макулатурный» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 28 августа 1927 г. на: *Mañuel Acosta y Lera. Les Amants de Greñade. Tr. de l'espagnol. Paris, 1927*; оба романа во «Времени» не вышли), особенно с эротическим элементом. Шульговский расхвалил пошлую беллетризованную биографию Мата Харри и даже поверил в ее документальность: «Она – не только танцовщица, <...> но и убежденная жрица любви, скорее страсти. Именно жрица (хотя и платная), т.к. она предана этой области с фанатизмом баядерки. Она изучила всю науку страсти по древним индийским книгам. Бесконечный ряд любовников, между ними несколько самых видных лиц в Европе, склонялось перед нею. Характером же она была очень добра и обладала мечтательной душой. За тем, кого она на самом деле любила, русским офицером Маровым, она ухаживала в лазарете как образцовая и трогательная сестра милосердия» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 15 декабря 1925 г. на: *E. Gomez Carrillo. Le mystère de la vie et le la mort de Mata Hari. Paris, 1925*), и другой «типичный роман “африканских” страстей», в котором «большой козырь» – это «удивительно эротическое, прямо сладострастное, но очень художественное и вполне цензурное описание приготовления тела главной героини для любовного свидания и затем само свидание, на котором она всячески распалает влюбленного в нее человека, но не отдается ему» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 23

1920-е, также в различных сериях «библиотеки сатиры и юмора», не без самодовольства сокрушаясь, что «к сожалению этот юмор совершенно недоступен современной нашей широкой публике. Его могут понять у нас разве только те, кто получал “ученый паек”, да и то с отбором. А между тем вообще книжка должна была бы быть доступной всякому интеллигентному читателю и раньше имела бы у нас большой успех» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 1 апреля 1926); или рассказы популярного французского литератора Александра Арну (*Alexandre Arnoux, 1884–1973*), благополучно выпущенные массовой «Библиотекой “Огонька”» в 1925 г., – потому, что «оценить у нас эти рассказы способен лишь тонкий и к тому же утонченный слой чистой интеллигенции. <...> Широкий и демократический читатель прежде всего ровно ничего не поймет в этой книге» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 27 июня 1926); «Контегриль» Раймонда Эсколье «написан <...> прелестно. Кажется, будто смотришь жанры голландской школы» – однако «успех его у нас довольно сомнителен. В романе нет ничего “интересного”, никакой интриги, никакого целого действия. <...> разве современная “домашняя хозяйка” станет любоваться голландской галереей? Она убежит от этих картин. Вот поэтому то и берет сомнение в успехе перевода. Достоинства романа по плечу лишь интеллигентному читателю» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 22 января 1926 г – роман однако вышел во «Времени» в 1927 г. в переводе под ред. А.А.Смирнова).

марта 1927 г. на: *Pierre Chanlaine. L'Albanaise et sa haine. Paris 1927*; оба романа во «Времени» не вышли). Также необычайное впечатление на него произвел роман «Жертва Венеры» (также к счастью «Временем» не принятый), в котором рассказывается о заурядной провинциальной замужней женщине, в которую фатально влюбляются и гибнут на дуэли, совершают самоубийство и проч. самые разные мужчины (юноша, помещик-бретер, племянник ее мужа, лесничий, доктор и др.): «Этот роман совершенно ошарашивает, приводит к крайней степени изумления. Что это? Подлинный случай? <...> Но тогда непонятно, почему такие случаи не происходят на каждом шагу. “Неприличное” произведение? – Ни признака, дающего возможность такого заключения. Символ? – Также нет. Бульвар? Но написан роман не бульварно, хотя б-е (а возможно предвидеть и 2б-е) издание – конечно объясняется только “бульваром”. <...> Раз никакого объяснения нет, роман действует раздражающе, и некоторые “самые трагические” места вызывают даже смех. Но у публики, любившей хотя бы романы Гейнце, успех этого романа мог бы быть колоссальным» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 2 января 1925 на: *Pierre Dominique. Le proie de Venus. Roman, Paris, 1925*).

Шульговский легкомысленно брался судить о неизвестных ему темах и давал прямо ошибочные оценки. Так, он принял беллетризованный памфлет итальянского писателя (писавшего под псевдонимом А. Маттеи) Артюра Арну «История инквизиции» за солидный исторический труд и даже вступил с ним в высоконаучную полемику: «Исследование это научное и очень добросовестное, основанное на изучении подлинных материалов, наиболее яркие образцы которых приведены или полностью или in extension. <...> Идеология автора оспорима и односторонняя. Он видит корни инквизиции в самом евангельском библейском учении. На самом деле причины возникновения инквизиции чисто исторические и экономические. Вол всяком случае во многом автор прав, а его несколько наивная в философском смысле идеология в настоящее время послужит не во вред, а в пользу книги. <...> Это труд серьезный и подробный (внутр. отзыв Н. Шульговского, 21 марта 1925), – историку Е.В.Тарле пришлось дать уточняющий отзыв: «Книга Арну – бойкий, интересно (и очень размашисто и хлестко) изложенный антиклерикальный памфлет, написанный республиканским публицистом в конце второй Империи, когда борьба против католической реакции была снова поставлена в республиканской партии на очередь дня. <...> Глубиной мысли книжка не блещет, объяснения всему этому явлению не дает (если не считать наивнейших преувеличений «роли личности» в истории); слишком азартный тон иногда несколько утомляет (своею непрерывностью). М.б. книжка и прочтется сейчас нашими нынешними читателями и, вообще, окажется «ко двору»; – изложена она очень занятно и не без таланта. Но издательство должно было бы (мне кажется) пояснить, что это за книжка,

что, мол, она сама – любопытный документ из времен анти-клерикальной борьбы во Франции, — что она потому-де так азартно и написана, — а вот тут и тут автор слегка врет, и вообще объяснять, мол, так все это нельзя и т.п. <...> эти несколько слов сняли бы с издательства всякую ответственность, будучи изложены в предисловии (внутр отзыв Е. Тарле, 5 апреля 1925 г.) – в результате книга вышла с соответствующим предисловием самого Е. Тарле. Несколько месяцев спустя Шульговский дал восторженный отзыв на книгу Kurt Brenner «Die Naturwissenschaft am Wendepunkt» (Leipzig, 1925): «Книга необычайного интереса... проводимая автором теория так поражающая, так доказательна, что... кажется прямо истиной» <...> теория Бреннера – явление выдающееся и перевод его книги необходим» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 13 августа 1925 г.) – издательство благоразумно обратилось за вторым отзывом к Я.И.Перельману, оценившему книгу предельно ясно: «Совершенно вздорная книжка, лишенная всякого научного значения. Смехотворные теории автора – плод невежественных домыслов наивного недоучки, не имеющего представления о том, как и для чего должны строиться научные гипотезы. Книга не заслуживает даже критики. Ее издание может скандально скомпрометировать самую беззаботную фирму» (внутр. отзыв Я.И. Перельмана, 20 августа 1925 г.). В отклике на роман У.С.Мозма «Луна и грош» Шульговский обрушился с критикой на необразованность публики и в особенности художников: «Рассчитывать на интерес русского читателя к личности подлинного Стрикленда конечно, не приходится. <...> И это не только в публике, но даже и среди художников, отличающихся почему-то у нас крайней неразвитостью и необразованностью, начиная с учеников Академии и кончая даже самыми талантливыми maestro, с чем согласится каждый, кто близко знаком с нашим художественным миром», – выяснилось, впрочем, что сам он отнюдь не узнал в Стрикленде Поля Гогена, полагая, что речь идет о некоем английском художнике: «У нас не имела бы сейчас успеха книга, посвященная жизни даже русского знаменитого художника, а уж об английском и говорить нечего» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 5 февраля 1925 г.; роман Мозма вышел в 1927 году в Артели писателей «Круг» и год спустя в ГИЗе). В 1927 году Шульговский не оценил «Великого Гэтсби» Скотта Фицджеральда: «Роман бульварного характера, рассчитанный на очень неприхотливую публику и крайне скучный. <...> он пойдет лишь среди такого читателя, которому нравятся богатая обстановка и таинственность личности – главного героя. Конечно, о художественном значении этого романа говорить не приходится: это – типичная американская поделка для невзыскательной публики» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 20 января 1927 г. на французский перевод романа: *F.Scott Fitzgerald. Gatsby le Magnifique. Paris, 1926*).

Он был плохо осведомлен в современной европейской литературе и

прибегал к неточным литературным аналогиям. Так, оценивая роман «Le père Perdrix» (1902) умершего молодым французского писателя Шарля Луи-Филиппа (1874–1909), Шульговский, пользовавшийся переизданием 1922 года, отнес его к «манере новой французской школы», в которой нашел «реакцию против школы символистов», при этом отсоветовав переводить книгу на том основании, что «прелесть слога пропадет в переводе <...>. Если он (русский читатель – М.М.) не понял красоту романа “Le fils Chèbre” (имеется в виду роман Жоржа Иманна 1924 года в переводе самого Шульговского, под бульварным заглавием «В охотничьем домике (Идиллия миллионера)». Л.: А.Ф.Маркс, 1924; то же под загл. «Марсельский буржуа» в пер. О. Мандельштама. Л.: ГИЗ, 1925 – М.М.), то об успехе “Le pere Padrix” не может быть и речи» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 9 ноября 1924 г.; роман был выпущен в 1925 г. ГИЗом и «Недрами»). Рецензируя роман Жана Кокто «Самозванец Тома» («Thomas l’imposteur», 1923), Шульговский, незнакомый с фигурой автора (хотя уже были опубликованы ознакомительные статьи А. Эфроса «Три силуэта» (Современный Запад. 1923. № 4) и М. Эйхенгольца «Современная французская поэзия (Печать и революция. 1924. № 4)), решил, что «говорить о какой-либо особой художественности этого произведения в целом – невозможно» и отнес роман к тому типу произведений, которые «Миролубов (редактор «Ежедневного журнала», в котором Шульговский печатался в 1910-е гг. – М.М.), при своей особой чуткости, поместил бы в специальном разделе своего журнала называемом “Из жизни”, где помещались хорошо написанные картинки жизни, но не больше» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 25 января 1925; в том же году этот роман вышел в «Никитинских субботниках» с развязным, но все же гораздо более осведомленным предисловием А.В.Луначарского). Рецензируя знаменитый «Кракатит» Карела Чапека, Шульговский, не умея оценить ни своеобразной барочности чешской литературы, ни того, насколько модным был в советской литературе и кино 1920-х мотив вещества огромной взрывчатой силы, с помощью которого возможно преобразование мира (см. об этом: Маликова 2010, 129–130, прим. 24), отсоветовал его печатать: «Сумбурный, болезненно-бредовый роман. М.б. как картина бреда он и интересен, но если принимать его с реалистической точки зрения <...>, то приходится признать в нем и крайнюю искусственность положений и во многих местах чуждую художественности мелодраматичность. <...> Если это не насмешка, то все рассчитано на вкусы разве что кинематографической толпы. <...> Если это действительность, то в ней столько несообразностей, что переходишь ко взгляду на роман как на произведение фантастико-символическое. Но и в этом случае, опять таки, не веришь фантазии, что уже совсем плохо. <...> Если же видеть в романе чистый символ <...>, то тогда <...> дана слишком громоздкая оболочка» (внутр. отзыв, Н. Шульговского, 31 января 1926 г.;

роман был выпущен в том же 1926 году ГИЗом).

Однако, вероятно, органически свойственный Шульговскому вкус к легкой, даже бульварной беллетристике, в сочетании со столь же искренним стремлением утвердить свою (и издательства) «интеллигентность», позволил ему в первые годы сотрудничества со «Временем» все же давать советы, к которым «Время» иногда прислушивалось, отбирая приличные в своем жанре тиражные книги для легкого чтения. Так, Шульговский посоветовал перевести «Тудиш» Лефевра Сент-Огана, присоединившись к мнению Д.Лутохина и О.Мандельштама («Автору <...> удалось влить в весьма старую форму авантюрно-биографического романа какую-то свежесть и свежесть такого рода, что роман читается с легкостью и производит чисто эстетическое впечатление. <...> Это – образец “belles-lettres” чистейшего вида»; внутр. отзыв Н.Шульговского, 28 октября 1924 г.); «Присциллу из Александрии» Мориса Магра («Роман исключительного интереса и художественности. Первокласное, поразительное произведение. Нет сомнения, что ему суждено стать классическим. Вещь, являющаяся событием не только во французской, но и в мировой литературе»; внутр. отзыв Н.Шульговского, 17 января 1926 г.; перевод вышел во «Времени» в 1927 г.); «Миссис Меривель» Поля Кимболла («и помимо слога роман так прекрасен, что его без всяких колебаний нужно рекомендовать для перевода. Прекрасная сатира с великолепными бытовыми чертами»; внутр. отзыв Н.Шульговского, 11 ноября 1926 г.; перевод вышел во «Времени» в 1927 г.); «Риппл Меридит» («The Dancing Star») Берты Рэк («Роман смело можно рекомендовать для перевода. Он написан интересно, тонко, психологично и в некоторых местах даже поэтично. <...> Большое достоинство в том, что он доступен широкой публике и вместе с тем вполне удовлетворит самого интеллигентного читателя. Помимо романического интереса роман заслуживает внимания и своими картинами быта и обучения танцовщиц художественного, в частности русского балета в Лондоне»; внутр. отзыв Н.Шульговского, 20 сентября 1926 г.; перевод вышел в 1929 г.); «Маленькую Папаконду» Поля Ребу («Почти наверно можно думать, что этот роман будет иметь успех для легкого чтения. Он написан чрезвычайно легко, изящно, без особых претензий и может быть прочитан “в один присест” <...>. Тема его незначительна и заурядна, но самый рассказ имеет свою прелесть редкой простоты, и притом есть еще одно достоинство – прекрасно выдержанный и живой колорит неаполитанской жизни. <...> Все это верно и образно. По живости рассказа такие романы встречаются не часто. Но это, все-таки, – лишь легкое чтение, в вагоне, между делом и т.д. Роман вполне доступен для нашей современной публики»; внутр. отзыв Н.Шульговского, 24 января 1926; в том же году вышел русский перевод).

Один раздел современной беллетристики – характерные жанры англо-

американской литературы – Шульговский явно сам не любил и потому не рекомендовал к переводу. Так, он не оценил мастера английского морского приключенческого жанра Джозефа Конрада, без восторга несколько раз подряд отозвавшись на предлагаемые к переводу его рассказы и романы: «типичный английский роман приключений. Написан он хорошо, читается легко. Из взрослых он может рассчитывать на ту публику, которая любит этот сорт романов, но скорее он предназначен для юношества» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 3 января 1925, на: *Joseph Conrad. The Rover. New York, 1923*), «Рассказы эти – чисто английские, т.е. – приключения. Все они безусловно были бы взяты “Миром Приключений” Сойкина. Они интересны, впрочем, не очень. Но, как развлекающее чтение, они могут быть изданы без опаски. Они могут разойтись в известном кругу публики» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 8 января 1925, на: *Joseph Conrad. A Set of Six*), «это специально английский роман известного сорта и с этой точки зрения к нему и подходить. Как литературное произведение он написан прекрасно, но громоздок», рецензенту в нем «были интересны лишь художественные детали природы и морской жизни, а самые приключения, все же, показались скучноватыми» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 24 января 1925 на: *Joseph Conrad. Lord Jim. A Tale. London, 1923*), рассказы «не настолько интересны, чтобы их можно было переводить» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 12 марта 1925 на: *Joseph Conrad. Tales of Hearsay. London, 1925*). В результате «Время» осталось в стороне от большого успеха Конрада на советском книжном рынке середины 1920-х и только в 1928 году, после положительного отзыва Р.Ф.Куллэ (отзыв от 29 октября 1927), выпустило один его роман, «Ностромо», с предисловием Куллэ. Шульговский также отверг книгу Амброза Бирса «Истории о солдатах и гражданах», хотя в сопровождавшей ее анонимной (В.А.Азова?) аннотации Бирс справедливо аттестовался как «гениальный американский писатель <...>. Рассказы его напоминают по духу “жестokie” рассказы Эдгара По и Виллье де Лиль Адама. Бирс заглядывает в человеческую душу с пронизательностью Достоевского и с аналитической силой Эдгара По. По форме его рассказы – бесценные жемчужины литературы, а по содержанию – захватывающие драматические эпизды. С идеологией – благополучно». Шульговский же решил, что «военные рассказы, да еще из эпохи 60-х годов, едва ли могут заинтересовать читателя. <...> для нас они просто устарели. Это – военные случаи с отдельными лицами, приключения и индивидуальные переживания. В смысле последних все эти американские рассказы могут быть заменены одним русским, – “4 днями” Всев. Гаршина. А как приключения, то мы их уже столько читали в рассказах о последней войне, что они нам надоели по горло. Это во первых. А во вторых, даже в военных рассказах Бирса цензура может усмотреть мистицизм. <...> Об этих рассказах не может быть и речи

в смысле надобности их перевода. Остаются “штатские” рассказы. Но тут также возникают затруднения. / Дело в том, что решительно во всех рассказах у Бирса встречаются покойники. Слово “dead” положительно пестрит глаза. В военных рассказах мертвецы – дело естественное, но оказывается, что и гражданские рассказы полны такими же мертвецами. Это уже – замысел, и т.к. все основано на таинственности, хотя бы и разъясняющейся естественным путем, тем не менее это может заставить покачать головой цензуру. Общий колорит всех рассказов – безусловная таинственность. Это типичный прием американских рассказов. Таинственное приключение, чуточка мистицизма, немного психологии. <...> Нельзя сказать, что подобные рассказы не найдут себе любителей, но едва ли они пройдут в цензуре, да и в художественном отношении они ничего выдающегося собою не представляют» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 26 июля 1925 на: *Ambrose Bierce. Tales of Soldiers and Civilians. New York, 1891*).⁵⁷ Другая опрометчивая реакция Шульговского на американскую литературу – несколько откликов на Шервуда Андерсона, популярного в России в 1920-е годы: «Сын Уинди Макферсен» «очень длинный, растянутый и для нас скучный американский роман. <...> Разговоров сравнительно очень мало. Почти всюду ровный и довольно тягучий рассказ» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 13 мая 1926 на: *Sherwood Anderson. Windy McPhersens son. New York 1922*), роман «Марширующие» «устарел» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 6 июня 1926 на: *Sherwood Anderson. Marching Men. New York, 1921*; в 1927 г. роман был выпущен «Мыслью» под заглавием «В ногу!», пер. Марка Волосова).⁵⁸

⁵⁷ В анонимной записке, сопровождавшей книгу Бирса, предлагались также другие шедевры англо-американской литературы – поздний автобиографический роман Германа Мелвилла «Redburn», так и не привлечший внимания советских переводчиков; знаменитые обработки негритянских фольклорных сюжетов «Сказки дядюшки Римуса» Джоэля Чандлера Харриса, ставшие известными отечественному читателю только в 1936 в пересказе для детей М. Гершензона; «Tales of the Long Bow» Г.К.Честертон, заглавие которого анонимный автор записки перевел лучше («Завиральные рассказы»), чем выпустившая этот сборник в 1926 году «Мысль» («Охотничьи рассказы», пер. И.Р.Гербач). Возможно, записка была написана В.А.Азовым, переведившим и популяризовавшим в начале 1920-х в Советском Союзе американскую литературу, именно он перевел для «Времени» вышедший в 1926 г. сборник рассказов А.Бирса «Настоящее чудовище».

⁵⁸ Успеху Андерсона в издательстве «Время» не способствовала и внутренняя рецензия литературно неосведомленного В. Розеншильд-Паулина (подробнее о нем см. дальше), к которому попали французские переводы рассказов Андерсона, опубликованные в журнале, вы сопровождении очерка его творчества, из которого рецензент понял, что автор – психолог, «некто вроде американского Достоевского», который описывает болезненные, почти ненормальные, «при чем делает это по самым ничтожным и искусственным поводам», – писатель «незаурядный», но «утомительный», вероятно, выразитель нового, «психологического» направления в

С 1926 года, когда получение книг от Д. Лутохина прервалось и на рецензию стало попадать много явно плохих и случайных книг, предлагаемых переводчиками («вообще за последнее время почти не было книг, которые я мог бы рекомендовать всецело, без всяких сомнений. Большею частью, всё – серенький уровень. Но в таком случае есть опасность остаться совсем без переводов»; внутр. отзыв Н. Шульговского, 26 января 1927 г. на: *Bernard Barbey. La Maladère. Paris, 1926*), а издательство вероятно стало требовать от рецензента более дифференцированных оценок потенциального спроса, цензурности и возможного тиража книги («Прежде всего необходимо выяснить, насколько сейчас в публике имеются требования на такого рода романы, <...> а во-вторых, – есть ли надежда на пропуск таких произведений в цензуре»; внутр. отзыв Н. Шульговского, 3 мая 1926 г. на: *Octavus Roy Cohen. The Crimson Alibi. New York, 1919*), Шульговский пытается найти механический компромисс между возможной «интеллигентной» и «массовой» рецепцией, содержанием в тексте «лубка» («вампуки», «бульварности») и «литературы» («интеллигентного произведения»),⁵⁹ убеждая сам себя, что «если откинуть чисто художественные требования и большую часть литературных, то можно сказать, что нет неинтересного детективно-уголовного романа, включая сюда даже уличных Пинкертонов. Разница существует лишь в степени интереса и в проценте лубка» (Там же).

Необходимость учитывать одновременно вкус разных категорий малопонятных ему читателей, цензуры, критики постепенно привели Шульговского к утрате способности дать внятную и ответственную

современной американской литературе, однако в его рассказах ничего кроме психологии нет, «да психология, так сказать, неудобоваримая» (внутр. отзыв В. Розеншильд-Пулина, 29 мая 1926).

⁵⁹ Роман «годится и для интеллигентного и для самого широкого читателя: для последнего в романе достаточно внешней интриги. <...> полная литературность целого при очень легком и завлекательном восприятии изложения» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 12 апреля 1926 г. на: *Pierre Billotey. Le trèfle à quatre feuilles. Paris, 1926*; роман не был переведен); другой «весьма интересный авантюрный роман <...> является прямой находкой при расчете на самого широкого читателя, жаждущего сейчас чего-либо подобного, и вместе с тем он написан с таким чувством меры, что может быть прочтен с удовольствием и вполне интеллигентным читателем, хотя бы в вагоне. <...> Бульварности в собственном значении в романе нет. Есть авантюра <...> и вместе с тем лубка нет» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 21 мая 1926 г. на: *John Goodwin. Paid in Full*; русский перевод под заглавием «Расплата» вышел во «Времени» в том же 1926 г.); «чего же больше здесь – немного бульваристой интриги <...> или психологических переживаний, из-за которых и стоит издавать книгу. Больше – последних, и они – главное в книге. В общем, все-таки, это произведение интеллигентное, хотя и не без расчета на вкусы широкого читателя» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 3 ноября 1927 г. на: *Max Brod. Die Frau nach der man sich sehnt, 1927*; роман не был переведен).

оценку книги – его рецензии превратились в место разыгрывания бесплодных диалогов между разными инстанциями вкуса: даже рецензируя легкий юмористический роман, «веселенький пустячок», он погружается в гущу неразрешимых вопросов: «Могут ли “критики” упрекнуть Издательство за перевод? Могут, конечно, но для добродетельных умов здесь есть отвод: герой романа вначале бездельник, делается после постигших его приключений деловым и работающим человеком <...>. Т.о. в книге есть “мораль”. Может ли книга иметь успех в публике? Безусловно. Для чтения в вагоне и вообще для самого легкого чтения. “Зазорно” ли издавать такую книжку? Скорее – нет. <...> Направление упреков “критики” будет такое: роман – пуст, грубо подогнаны комические положения, среда – светская, следовательно неинтересная и позорная, ничего поучительного нет и т.п. Это все будет преподнесено с упоением, но в таком случае вообще нельзя издавать книг для “легкого чтения”» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 8 ноября 1926 г. на: *Frederic S. Isham. Nothing but the Truth*; роман не был переведен);⁶⁰ даже рекомендовав сборник рассказов популярнейшего Клода Фаррера (типично французские любовные рассказы, «но сорта изящного и тонкого, некоторые из них поразительно хороши, некоторые очень оригинальны по теме и по неожиданной развязке. Вообще книга принадлежит к типу подлинных *belle letters*. <...> Такого специального “любовного” сборника рассказов давно не появлялось. Любителей этого жанра много. А рассказы написаны очень художественно, и с точки зрения “порнографии” едва ли

⁶⁰ Другой роман написан «очаровательно. Много теплоты, типов, живых сценок, трогательности, юмора», но: «Оценит ли наша публика прелесть самого письма? Вряд ли. Ведь, собственно говоря, это распространенный Чехов. Грусть, постепенное увядание, упадок <...>. Может ли такой роман идти от читателя к читателю? Сомнительно. <...> роман можно смело издать как хорошее художественное произведение <...> в конце концов возьмет свое, хотя и не так быстро, как другие. Рассчитывать на широкую публику отнюдь нельзя. Оценит роман лишь читатель вполне интеллигентный. Поэтому тираж должен быть невелик» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 4 октября 1926 г. на: *Anne Parish. The Perennial Bachelor*. N.Y. and London 1926; перевели как: Парриш Ани. Вечный холостяк. Пер. с англ. М.И.Ратнер. 1927). Есть сборник «превосходных» рассказов, каждый из которых – «дивная маленькая поэма в прозе. <...> Все рассказы дышат духом Испании, ее благородством, страстями, верой и суевериями. Все рассказы полны величайшей красотой», но «беда в том, что почти все рассказы неприемлемы в цензурном смысле <...> из-за мистического и чудесного элемента. <...> Остается написать какое-нибудь предисловие в том же смысле, что вот мол сколько существует на свете диких предрассудков, и что мол, ведь это – исторические вещи, старинные предания. Но будет ли иметь успех такое предисловие, это еще неизвестно, да к тому же затруднение еще в том, что нельзя будет найти человека с именем для такого странного предисловия, а, анонимное, оно не будет иметь значения» – и рецензент предлагает надеяться «на чудо в цензуре!» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 1 апреля 1926 г. на: *Jean Richepin. Contes Espagnols*. Paris, 1901).

будет возможно придаться к ним»), Шульговский в конце концов все же отказывается принимать ответственное личное решение: «P.S. Обдумав еще раз цензурную сторону книги, прихожу к необходимости снять с себя ответственность за уверенность в благополучном исходе. Кто знает?!» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 21 февраля 1926 г. на: *Claude Farrère. Bêtes et gens qui s'aimèrent*. Paris, 1920).

Отчаявшись понять и свести все разнородные вкусовые требования или найти другой способ оценки книги, Шульговский в 1927-29 гг. вырабатывает для своих рецензий – уже немногочисленных – общую схему, по отдельности «объективно» оценивая «тип романа» (например: «бытовой, но с психологией», «английский семейно-бытовой серьезный»), «тему», «литературность» (например: «очень изящная, но не выходящая из типичности французского адюльтерного романа») «идеологию» (варианты: «нет», «обыкновенная», «невинная», «подходящая»), а также «цензурность» и «читателя» (например: «контингент публики <...>: школьный возраст, богаделенка, очень средние домашние хозяйки»; внутр. отзыв, 1 февраля 1927 г. на: *Pio Baroja. Zalacaïn l'Avanturier*. Пер. с исп. Париж, 1926). В последнем разделе Шульговский иногда даже пытался говорить вовсе не своим голосом, а от лица массового читателя: читатель «обеспечен, даже широкий, для которого в романе много очень занимательных положений и “все про любовь”» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 11 марта 1929 на: *Thomas Hardy. Jude l'Obscure* (французский. пер. романа)) или цензуры: «особый читатель: ничего шокирующего нет, но роман никчемный, а потому и бесполезный. Никакой общественности. Среда буржуазная. От нечего делать сытые буржуи сходят с ума и занимаются всякими ревностями и любовными делишками. Сантиментальная влюбленная как кошка баба подражает всем любовницам мужа, только чтоб его удержать около своей юбки. Глупо и неинтересно» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 26 ноября 1928 на: *André Maurois. Climats. Roman*. La Revue de Paris 1928.).

Однако с 1927 года становится заметно, что весьма решительно рекомендуемые Шульговским книги издательство чаще не выпускает⁶¹ и

⁶¹ Так, не была опубликована ни одна из рекомендованных им так красноречиво книг: «Очень талантливое произведение, выдающееся среди серых книг. <...> Чрезвычайная живость, колорит, типы и оригинальный сюжет <...> обеспечат книжке полный успех. <...> О колебаниях не стоит и думать. Книгу безусловно нужно перевести» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 16 марта 1927 г. на: *Lode Backelmans. Sinettes*. Париж, 1927); «Книга безусловно пойдет. Это – очень занимательный и красиво написанный спортивный роман. <...> Читатель широкий. <...> Цензурность вне сомнений. <...> Роман без опаски можно отдать к переводу» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 21 ноября 1927 г. на: *Walter Julius Bloem. Motorherz*. Berlin, 1927); «прямо чудесная вещь. Мимо нее грех пройти. Перевести ее следует безусловно. <...> Роман волнует, мучает и трогает. Вещь превосходная» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 24 ноября 1927 г. на: *Lucie Delarue-Mardrus. Graine au vent*. Paris, 1926);

его оттесняют на второй план начавшие активно сотрудничать со «Временем» с 1926 года в качестве авторов внутренних рецензий Р.Ф. Куллэ и В.А. Розеншильд-Паулин.

Если Р.Ф. Куллэ, профессиональный филолог, был гораздо лучше Шульговского осведомлен в современной иностранной литературе и более трезво и дифференцированно оценивал потенциального отечественного читателя, то отзывы Владимира Александровича Розеншильд-Паулина (1872 – ?), напротив, представляют многие недостатки Шульговского усугубленными до гротеска.

О Владимире Александровиче Розеншильд-Паулине нам известно мало: в анкете 1926 года для перерегистрации в секции переводчиков Ленинградского отделения Союза писателей он сообщил, что родился в 1872 году, «бывший дворянин», образование среднее,⁶² знает «французский язык и отчасти польский и немного немецкий», служил в Министерстве финансов, во время войны был призван на военную службу, в данный момент нигде не служит, занимается переводами беллетристики, написал несколько рассказов, опубликованных в журнале «Мир приключений», и две одноактные пьесы, «Мирам» и «Добродетельная Жена», изданные «Библиотекой Тарского» под псевдонимом «Вэр» (РО ИРЛИ. Ф.291. Оп. 1. № 467. Л. 54). Таким образом, он был старше других сотрудников издательства (в середине 1920-х ему было уже сильно за 50) и явно менее образован. На довольно приличном среднем культурном уровне внутренних рецензий (которые, кроме постоянных авторов, писали Г.Федотов, О. Мандельштам, В. Зоргенфрей, Г. П. Блок, А.Смирнов, А. Франковский, П. Губер и др.) отзывы В. А. Розеншильд-Паулина выделяются сочетанием крайней эстетической отсталости (он неизменно отмечает, «проводит» ли автор какую-нибудь «идею») с добропорядочной банальностью суждений, полным отсутствием культурного кругозора и комически дурным стилем. Его рецензии либо выдержаны в безвкусном и

«литературность исключительная. Цензурность полная. Читатель широкий. <...> Относительно необходимости издания этой великолепной вещи не может быть никаких сомнений» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 2 ноября 1927 г. на: Ivan Goll. *Le Microbe de l'or* Paris 1927). Последняя сохранившаяся в архиве внутренняя рецензия Шульговского датирована июлем 1929 года (на: *Dominique Dunois. Georgette Garrow. Paris, 1928*) – Шульговский советовал его перевести, однако издательство последовало противоположному совету также рецензировавшего этот роман П. Губера. Чем занимался Шульговский в следующие несколько лет, нам неизвестно, как установил М. Эйдельштейн (ранее дату смерти Шульговского указывали как 1934?), он умер в феврале 1933 г. в Ленинграде, незадолго до этого его архив был изъят НКВД и по видимому не сохранился (Эйдельштейн 2011, 704).

⁶² Возможно, принадлежа к известной военной фамилии Розеншильд-фон-Паулин, он был выпускником Пажеского корпуса (в списке выпускников которого за 1893 числится Владимир Александрович Розеншильд-Паулин: <http://regiment.ru/reg/VI/C/1/3-10.htm>).

необычайно архаичном элегическом тоне,⁶³ либо представляют собой явное свидетельство искренней любви к банальной, даже бульварной литературе: так, предлагая издательству в 1929 году перевести роман Андре Кортиса (André Corthis, под этим псевдонимом писала француженка Andrée Magdeleine Husson, 1882–1952) «Le pardon premature» (рецензент датирует его 1921 годом, хотя роман впервые вышел в 1914), Розеншильд-Паулин подробно и с упоением, используя все возможные испанские штампы – то, что Шульговский называл «роман испанистый, но не макулатурный» – излагает его банальнейший сюжет.⁶⁴

⁶³ «Вся эта история, – это полная грусти элегия, в которой удивительно передано настроение и которая навевает какое-то умиротворяющее чувство и действует успокаивающим образом. Точно из шумного современного города попал в деревенскую глушь и едешь тихой проселочной дорогой. Повествование течет как журчащий ручеек. От всего веет стариной, – и нравы, и обычаи, и понятия, – все это не теперешнее. Краски тусклые поблеклые, точно глядишь на нежную акварель, или открыл старинную книгу с пожелтевшими листьями и засохшими цветами. <...> Я представляю себе эту книгу в особом издании, в красивом переплете, с рисунками <...> в руках просвещенного читателя, но в наш век мировой войны, всевозможных революций, радио, фокс-тротов и джаз-бандов она представляет слишком большой диссонанс с современностью. Современные женщины и девицы с юбками до колен и соответствующие им кавалеры, привыкшие к тому, что серебряная свадьба празднуется через 2 ? года, а золотая через пять лет, только посмеются, прочитав про идеальную любовь Патрикия Перье и Габриэли; история эта покажется им неинтересной и боюсь, что роман Шеро не будет иметь успеха среди широких масс современного читателя, почему я думаю, что с переводом его следует воздержаться» (внутр. отзыв В.А.Розеншильд-Паулина, 24 февраля 1927 г. на роман Гастона Шеро «Дом Патрикия Перье», 1924); «Эпиграфом к этому роману я поставил бы слова известного романа “... Ветер осенний жалобно стонет, листья поблеклые по ветру гонит...”. И, действительно, это повесть о людях, молодость которых прошла и которых на закате жизни внезапно подхватил порыв страсти и понес, как поблеклые осенние листья. <...> вся эта история страшно унылая, вся обвеянная тоской, проникнутая томлением неудовлетворенных душ, подлинно “осени мертвой цветы запоздалые...”» (внутр. отзыв В. А.Розеншильд-Паулина, 20 января 1927 г. на роман «L'Ascension de m.Baslèvre»).

⁶⁴ Сюжет этот, в пересказе Розеншильд-Паулина, таков: добродетельной, красивой и богатой вдове Аните из сонного провинциального Толедо находят жениха, дипломата, современного человека, ищущего богатую невесту, его появление расшевелило Аниту, она, сама не знает как, во время отсутствия жениха, становится любовницей сначала одного своего давнего обожателя, потом другого и т.д. – «О браке, конечно, не может быть и речи, но теперь он (жених – М.М) чувствует, что любит ее, да и она видит, что все увлечения были ненастоящими и одна ее любовь – это Лело (жених – М.М.). У русского писателя эта драма закончилась бы вероятно прощением. Но западный человек не таков. Жених Аниты с одной стороны пылкий испанец, ревнующий ее чисто животной ревностью, с другой потомок гордых идалго, в котором под внешней оболочкой терпимости и широты взглядов таится мировоззрения его предков. Этот голос крови не дает ему возможности забыть нанесенного ему оскорбления, простить измену любимой женщины. Но вместе с тем он должен удовлетворить свою страсть и с этой целью делает Аниту своей

Трудно понять, какие причины, кроме социальной «близости» и сострадания, заставили «Время» сотрудничать с ним на протяжении 1927-29 гг. как с автором внутренних рецензий и переводчиком.

Другой постоянный автор внутренних рецензий во «Времени», Роберт Фредерикович Куллэ (1885–1938), выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, был несравнимо более квалифицирован. Его биография и взгляды известны более подробно, прежде всего благодаря его чудом сохранившемуся дневнику 1924–32 гг. (Куллэ 1990–1991; 1992, 1–5, см. также сведения на сайте Сахаровского центра <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/author004c.html?id=114>),⁶⁵ а также десяткам опубликованных им во второй половине 1920-х историко-литературных и критических статей. Куллэ, как и Шульговский и, вероятно, Розеншильд-Паулин, был в литературном мире Ленинграда фигурой «к кругам непричастной»: после окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета он на пять лет (1918–23 гг.) уехал в Ташкент, где был одним из создателей Туркестанского университета и возглавлял там кафедру истории западноевропейской литературы; в 1923 г., после того, как историко-филологическое отделение университета было, после ряда реорганизаций, упразднено, Куллэ вернулся с семьей в Петроград и долго не мог найти места (короткое время работал в школе, в газетах (прежде всего в вечерней «Красной газете»), читал лекции на Герценовских курсах, в Институте Техники Речи и проч.) – его дневник за 1924-25 гг. полон отчаянных lamentаций по поводу «всеобщего иудейского засилия» (Куллэ 1992–1, 451, запись от 18 мая 1924), а также невозможности и собственной неспособности, в отличие от других «бывших», устроиться в новых условиях:

«Вот уже год, как мы здесь. /.../ Совсем раздеты, нет ни зимней, ни летней одежды и обуви. И ничего, никакой службы. Держусь книгой (вероятно, речь идет о книге: *Куллэ Р.Ф. Принципы работы литературных кружков*. Л.: Былое, 1925 – М.М.), авансами, и никаких перспектив. /.../ В смысле общественном за год – только одни разрывы. /.../ И еще –

любовницей. Однако продолжаться так не может. Нужен выход и этот выход он находит в том, что заключает Аниту в монастырь, а она так же покорно, как стала его любовницей, подчиняется и этому решению, проявляя в этом также наследственные черты веками поработанной испанской женщины». (недат. <1929> внутр. отзыв В.А.Розеншильд-Паулина). В 1927 году Розеншильд-Паулин и Шульговский сошлись в высокой оценке другого романа Андре Кортиса, «*Pour Moi Seule*» (1919) (рец., соответственно, от 3 и 13 июня 1927), который «Время» выпустило в 1928 г. в переводе Розеншильд-Паулина («Только для меня», 1928).

⁶⁵ Р.Ф. Куллэ родился 23 июня 1885 г., его отец – Федор (Фредерик) Андреевич Куллэ, обрусевший француз, артист Императорского Мариинского театра, мать – Анна Никодимовна Жуковская, дочь Ковенского предводителя дворянства, революционерка-подпольщица 1880-х годов.

безденежье. Надо много зарабатывать, чтобы содержать всех, а, как нарочно, не везет, ужасно не везет. Вероятно, еще и потому, что я не приспособился к условиям жизни: надо какой-то особый язык найти, чтобы столковаться с современностью. Его у меня нет. /.../ (Куллэ 1992–1, 455– 456, запись от 24 июня 1924); «Положительно надо знать какой-то секрет, чтобы неплохо устроиться в жизни теперь. Многие из «бывших» и теперь неплохо устроились, а у меня, как нарочно, все срывается...» (Там же, 461, запись от 26 июля 1924); «Был во “Всемирной литературе”. Какой-то вдовый дом в сочетании с еврейским эмиграционным пунктом. Старушки всяких оттенков, больше, видно, из “бывших”, вдовы генералов, профессоров, может быть, князей, словом, все, кто смолodu научился болтать по-французски, по-английски, ныне нашли там приют и переводят, переводят... Администрируются старушки целой когортой “товарищей” в коричневых костюмах с коротенькими брючками, носатеньких, картавеньких, молоденьких и пожилых. Хорошая обстановка, кабинеты и... мертвечина. Гроб повапленный – но компания плотная, замкнутая. Нового никого к себе не пустят. Будь семи пядей во лбу, архиталантлив, но не имей заручки у “товарища” в коричневом костюме или у старушки в шелковом платье и ты – ничто. Разговаривать не будут» (Там же, 448).

Этос Куллэ в 1920-е годы во многом, вероятно, напоминает этос Г. П. Блока, также представителя «поколения 1890-х»: Куллэ, как и Г. П. Блок, хотя обоим едва за 40, постоянно пишет о своей преждевременной «старости» – не столько физической, сколько душевной и прежде всего социальной; в статье к сорокалетию со смерти Надсона Куллэ в той же исторической парадигме, что и Г. П. Блок в своем мемуарном отрывке «Из петербургских воспоминаний», и также с явной личной современной актуализацией, пишет о поэте как «музыкальном выразителе нескольких лет истории русской интеллигенции» эпохи Александра III, воплотившем «всю безнадежность, неясность и все отчаяния пассивных настроений» (Куллэ 1927; ср. в дневнике Куллэ относящуюся к современности запись о «трагедии немоты, на которую обречен целый народ» (Куллэ 1992-3, 246, запись от 3 ноября 1928 г.) и в мемуарах Г. П. Блока об эпохе Александра III: «Тихие, молчаливые годы /.../. И нечего говорить, и не умеем сказать, и не хочется, да вероятно не надо. <...> В психологической необходимости психологически необходимой борьбы, не только борьбы – даже хотя бы пассивной враждебности, в этом и заключалась чрезвычайно простая в конце концов суть трагедии» (Блок 1986, 158, 160)). Несмотря на свое решительное, крайне резкое неприятие советской власти, Куллэ, как и Г. П. Блок, стремится в 1920-е гг. к профессиональной реализации, хорошо выполняемому труду – и тогда готов был быть «заодно с правопорядком»: «Я люблю работать и ненавижу халтуру. Думаю, что мне удастся серьезно и дельно поставить работу со студентами, которые у нас сейчас вообще

отличаются огромной работоспособностью и совсем непохожи на тех свистунов и шалопаев, которых выкармливали прежде» (Куллэ 1991-4, 341, запись от 11 июля 1931).⁶⁶

Куллэ сотрудничал со «Времени» с 1926 года, тогда же ему удалось наконец найти достаточно историко-литературной, хотя и поденной журнальной, работы – в основном обзоры иностранных и отечественных литературных новинок и тенденций,⁶⁷ переводы, а также юбилейные статьи на всевозможные литературные темы:⁶⁸ «Внешне дела мои значительно поправились: мы теперь совсем не бедствуем, даже поправляемся. Оказалось, что самой верной работой является литературная. Создалось имя, завязались знакомства, стали признавать, и поток заказов не прекращается. /.../ Редактирование Э. Золя,⁶⁹ связь с изд.

⁶⁶ Эта запись связана с тем, что Куллэ неожиданно повезло – он получил место профессора иностранных языков в Институте Гражданского Воздушного Флота и возлагал большие надежды на эту службу, однако, проработав чуть более месяца, был разочарован: «<...> также стучит и работает машина, управляемая из незримой ямы “секретного отдела”, и везде царит та же паника, как в любом совучреждении» (Куллэ 1992-4, 346; запись от 18 октября 1931) и в конце года (т.е. в середине учебного года) был уволен (Там же, 347–349).

⁶⁷ Куллэ Р.Ф. 1) Обзор основных направлений в современной мировой литературе // Вестник знания. 1926. № 11. Стлб. 714–722; 2) «О современной немецкой литературе» // Новый мир. 1926. № 6. С. 158–165; 3) О современной американской литературе // Звезда. 1926. № 6. С. 230–243; 4) О современной американской прозе // Октябрь. 1929. № 9. С. 140–156; 5) Луиджи Пиранделло // Новый мир. 1926. № 10. С. 158–166; 6) Синклер Льюис // Новый мир. 1927. № 5. С. 173–182; 7) Цветные в литературе // Новый мир. 1927. № 11. С. 213–223; 8) Над бездной [о романе П. Романова «Русь»] // Вестник знания. 1926. № 17. Стлб. 1139–1144; 9) Индустриальные мотивы в современной лирике // Вестник знания. 1926. № 21. Стлб. 1361–1368; 10) Новый быт в современной литературе // Вестник знания. 1926. № 24. Стлб. 1548–1552; 11) Поэт раскольничьей культуры [о Н. Клюеве] // Вестник знания. 1927. № 7. Стлб. 417–424; 12) По «собачьим переулкам» литературы // Вестник знания. 1927. № 10. Стлб. 607–612; 13) Под литературным небом Америки // Вестник знания. 1927. № 14. Стлб. 853–860; 14) Унанимизм (история и генеалогия этого течения в новой литературе Запада) // Вестник знания. 1929. № 3. С. 132–136 и др.

⁶⁸ См., например, юбилейные статьи Р.Ф.Куллэ: Певец трагической борьбы (К 20-й годовщине смерти Генрика Ибсена 1906–1926) // Вестник знания. 1926. № 13. Стлб. 871–874; К девяностой годовщине «сумасшествия» П.Я. Чаадаева // Там же. 1926. № 18. Стлб. 87–1190; Георг Брандес // Там же. 1927. № 6. Стлб. 349–350; Десять лет борьбы за художественное слово // 1927. № 10. Стлб. 1233–1240; Максим Горький // Там же. 1927. № 12. Стлб. 1319–1324; Испепеляющая ненависть [о Д. Свифте] // Там же. 1927. № 22. Стлб. 1387–1394; Гений невроза [к смерти С. Пшибышевского] // Там же. 1927. № 24. Стлб. 1499–1504 Поэзия сатанизма и смерти [о Ф. Сологубе] // 1928. № 2; Первый в мире памятник литературному герою // 1928. № 4; Поэт отверженных «европейской цивилизацией» [о В. Бласко Ибаньесе] // 1928. № 5 и др.

⁶⁹ Имеется в виду: Золя Э. Разгром / Пер. под ред. Р. Куллэ. Предисл. Р. Куллэ. Л.-М.: Книга, 1927. Куллэ также сотрудничал с «Литературной энциклопедией» (его статьи подписаны Р.К.), где даже поместили короткую статью о нем самом («<...>

“Время”, статьи в толстые журналы <...>». (Куллэ 1992-3, 233, запись от 15 марта 1927).

В отличие от Шульговского, Куллэ был способен как к историко-литературной контекстуализации предлагаемых к переводу книг, в том числе и самых новых, поскольку, судя по его статьям в периодике, имел какой-то доступ к свежим европейским журналам,⁷⁰ так и к более трезвой

филолог и историк лит-ры Запада. В 1921–1923 занимал кафедру истории европейской лит-ры в Ташкенте. С 1923 работает в области современной лит-ры, о к-рой им написан ряд статей в толстых журналах. К. писал на французском, английском, немецком и итальянском яз»). В 1930 г. некоторые свои статьи 1926-1929 годов Куллэ собрал в книгу «Этюды о современной западно-европейской и американской литературе», вышедшую в ГИЗе (1930). Литературно-критические статьи Куллэ свидетельствуют о том, что он придерживался традиционного представления о литературе – старался найти произведения и авторов, выражавших «музыкальный смысл» своей эпохи, книги, «фатальные» для своего времени, искал в литературе «вечные типы», представлял ее как отражение жизни, очень интересовался темой судьбы России (он неоднократно возвращается к одной и той же цитате из М. Волошина «Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение? / Была ли ты? Есть? Или нет? / Омут... стремнина... головокружение... / Бездна... безумие... бред...») и проч. При этом приверженность историко-культурной школе в понимании литературных влияний и традиции делала Куллэ недостаточно социологичным для советского литературоведения, его статьи и книга сопровождались обидными предуведомлениями от редакции и издательства, сообщавшими о несогласии с «методологической установкой автора» и о том, что статья печатается как «информативная», оправданная лишь недостатком у нас работ о современной западной литературе (см. редакционное примечание к статье Куллэ «О современной американской прозе» // Октябрь. 1929. № 9. С. 142 и преамбулу «От Издательства» в: Куллэ 1930, 3–4).

⁷⁰ Так, если Шульговский без энтузиазма советовал перевести Голсуорси просто как «вещь написанную интересно, без особого захвата, но с передачей разнообразных вибраций женской души» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 26 октября 1926 г. на: *John Galsworthy. Beyond. London, 1924*), то Куллэ сообщил более точные и полезные историко-литературные сведения: «Роман принадлежит перу одного из замечательнейших писателей современной Англии. Сколько мне известно, ни одно произведение этого писателя на русский яз. еще не переведено. [Это не совсем верно: в 1925 г. рассказы Голсуорси выходили в «Сеятеле», «Недрах» и «Мысли», однако переводы романов действительно стали появляться только с 1926 г. – М.М.] <...> Роман написан прекрасно. На редкость слита форма с содержанием, выдержана символика и эмоциональная напряженность. В этом смысле он может иметь большой успех у читателей. Со стороны цензуры препятствий не встретится. <...> За перевод его на русский язык – его достоинства, интерес и то, что Гальсворси еще не переводился, что является большим пробелом в русской литературе переводов. Против – его “психологичность” и 10 лет со дня его успеха у английского читателя. Он не устарел, нет, но в нем есть вкус прошедшей эпохи» (внутр. отзыв Р.Ф.Куллэ, 6 мая 1926 г. на: *John Galsworthy. The Dark Flower*). В результате «Время» в 1927 году выпустило оба романа, «Сильнее смерти» и «Темный цветок» (в пер. с англ. Марианны Кузнец), а в 1928 – «В тисках» («*Indian Summer of a Forsyte in Chancery*») в пер. под ред. М. Лозинского и А. Смирнова, хотя и не могло конкурировать с «ЗИФом», выпускавшим в 1926-29 гг. всю эпопею «Сага о Форсайтах».

и дифференцированной оценке возможной рецепции, хотя и разделял крайний пессимизм Шульговского относительно вкуса массового читателя. Так, Куллэ отсоветовал переводить «Росхальде» Германа Гессе – «психологический роман школы экспрессионистов <...>. Роман сам по себе интересен, имеет изюминку <...>», однако до него «наш читатель едва ли дорос. По крайней мере, я сомневаюсь, чтоб он нашел большой спрос у современного нашего читателя, капризного в чтении, как и неустойчивого в своих жизненных позициях» (аннон. (авторство Куллэ определено по почерку) и недат. рец. на: *Herman Hesse. Rofshalde*); французский роман Анри Деберли (Henri Deberly, р. 1882) «Le supplice de Phèdre» (1926), только что получивший Гонкуровскую премию, Куллэ отклонил на том основании, что тонкие анализы чувств женщины, влюбленной в своего пасынка, не лишены занимательности для французского читателя, нашему читателю «абсолютно не нужны, не интересны и не находят отклика в нашем быту. Наш читатель теперь так деградировал, что все, что выше бытового и приключенческого романа, ему недоступно» (внутр. отзыв Куллэ, 24 февраля 1927 г.; роман вышел в русском переводе в 1927 г. в издательстве «Круг» под заглавием «Пытка Федры»); относительно итальянских путевых впечатлений Риккардо Бальзамо Кривелли рецензент заметил, что это книга «хорошая, культурная, даже нужная, но... не нашему читателю. <...> Я ее охотно имел бы в своей библиотеке, но даже современному нашему писателю – любому от Маяковского до Казакова – не дал бы читать: не поймет. <...> Переводить ее, к сожалению, не придется: нет читателя на нее...» (внутр. отзыв Куллэ, 13 октября 1927 на: *Riccardo Balsamo Crivelli. Cammina... Cammina...*; в 1927 г. «Время» выпустило другую книгу этого автора, «Честная компания» («La bella brigata») в пер. под ред. М. Лозинского).

С другой стороны, Куллэ дал «Времени» удачные советы перевести кинематографические романы Жана Дро («Это, конечно, слегка бульварно, но проистекает из самой установки на кино. Роман вполне можно назвать “кинороман”, а так как в этом жанре у нас ничего, кроме “Доногоо-Танка” Жюля Ромэна,⁷¹ нет, то перевести следует. Это легкое, веселое, забавное чтение, на котором просто можно отдохнуть. Вполне цензурно» (внутр. отзыв Куллэ, 17 ноября 1927 г. на: *Jean Drault. Galupin touriste. Paris, 1927*; издали во «Времени» как: Дро Жан. Похождения Галюпена / Пер. с фр. Г.И.Гордона. [1928]) и «Знак Зорро» Мак Кэллея, американская экранизация которого 1919 года как раз вышла на советские экраны (внутр. отзыв Куллэ, 28 апреля 1926 г. на: *Johnston Mc Culley. The Mark of Zorro*; русский перевод: *Мак Кэллей Джонстон. Знак Зорро. Пер. с*

⁷¹ Речь идет о «кинематографическом романе» популярнейшего в советской России в 1920-е гг. французского писателя Жюля Ромэна «Доногоо-Тонка» (в пер. М. Лозинского в 6 томе собрания сочинений, Ромэна в издании «Academia», 1925; в пер. О.И.Поддячей в отдельном издании ГИЗа, 1926).

англ. А.Б.Розенбаум под ред. Н.Н.Шульговского. Л.: Время, [1926]).

Куллэ принадлежит описание того «нормального», компромиссного типа книги и ее автора, который мог удовлетворить всем требованиям советского книжного рынка в 1926-28 гг., наиболее отчетливо эти требования к предлагаемой к переводу иностранной книге Куллэ высказал в рецензиях на два схожих произведения, автобиографические романы авторов из социальных низов, ни один из которых так и не стал настоящим писателем – это популярный Советской России в 1920-е немец Альберт Даудистель (Albert Daudistel, 1890–1955) и французская писательница Маргарита Оду (Marguerite Audoux, 1863–1937), славу которой принес ее первый автобиографический роман «Мари Клэр», вышедший в 1910 г. во Франции с предисловием Октава Мирбо и уже в 1911 опубликованный в России не менее чем в десятке разных переводов.⁷² «Имя автора знакомо уже нашему читателю главным образом по его роману из эпохи войны и революции “Жертва”,⁷³ – писал Куллэ о Даудистеле – Идеологически автор вполне приемлем, т.к. принадлежит к передовому слою социалистической интеллигенции Германии. Рассматриваемый роман является типичным уголовным романом, украшенным некоторым социальным орнаментом и не без выразительных обличений тюремных порядков. Сюжетно он очень ловко построен, держит в напряжении внимание читателя, местами захватывает сплетениями интриги, но обнаруживает к концу неувязку, исчерпанность, усталость автора и чуть-чуть разочаровывает банальностью развязки. <...> Роман не слишком умен и не блещет достоинствами больших литературных достижений автора. Но он безусловно занимателен, цензурен и вполне отвечает интересам и уровню нашего среднего читателя. Я бы сказал, что это тот самый тип романа, который максимально отвечает требованиям, не раз высказывавшимся, как нормальные пожелания для подлежащего переводу

⁷² Куллэ в своем отзыве вспоминает об известности «Мари Клэр» (см. также его рец. от 7 марта 1927 г. на другой роман М. Оду, «L'Atelier de Marie Claire») и сообщает, что новый роман Оду, «De la ville au Moulin», «не является выдающимся произведением, он относится к типу средней литературы, но написан с большим чувством, тонко и довольно художественно. <...> Роман будит чувства сострадания и сопереживаний, ласкает большой мягкостью описаний и легким кружевным стилем. Он бесспорно составил бы занимательное чтение для не слишком требовательного, среднего читателя, вернее читательницы» (внутр. отзыв Р.Ф.Куллэ, 18 февраля 1927 на: *Marguerite Audoux. De la ville au moulin*; перевели как: *Оду М. Хромоножка*. Пер. с фр. под ред. и с предисл. Р.Ф.Куллэ, 1927).

⁷³ Автобиографический роман Даудистеля о поражении баварской советской республики «Das Opfer» (1925) («Жертва», также под загл. «В огне революции») выходил в СССР в 1925-26 гг. в нескольких переводах, в том числе О. Мандельштама в изд. «Прибой» (1926); Шульговский отсоветовал «Времени» издавать его, заметив, что этот роман с его революционным содержанием «клад для Гос<ударственного> Изд<ательства>», художественных же достоинств не имеет (внутр. отзыв Н. Шульговского, 4 марта 1926 г.).

произведения. Все ленинградские издательства, конечно, согласятся его перевести» (внутр. отзыв Куллэ, 21 января 1927 на: *Albert Daudistel. Wegen Trauer geschlossen* (1926); перевели как: *Даудистель Альберт*. Замкнуто по случаю траура /Пер. с нем. М. Венус. Под ред. В.А.Зоргенфрея. 1927).

Нижним допустимым пределом в отборе популярной тиражной беллетристики, отвечающей вкусам среднего читателя, служили Куллэ выпущенные «Временем» женские любовные романы английской писательницы Оливии Уэдсли (*Wadsley Olive*, 1859 – 1959), которые, при своей явной литературной второсортности, имели огромный успех: «Пламя» (пер. с англ. А. и Л. Картужанских) в 1926-28 году переиздававшееся шесть раз;⁷⁴ «Миндаль цветет» (пер. с англ. Д.А.Теренина под ред. Д.М. Горфинкеля, 1927) к 1928 году допечатывался пять раз.⁷⁵ В своих «Этюдах о современной западно-европейской и американской литературе» Куллэ уделил отдельный пассаж «Пламени» Уэдсли как показателю низкого вкуса современного читателя (равно «буржуазного» и советского): «Герой женат, но жена его сумасшедшая и находится на излечении, он с ней не живет, но он связан с живым мертвецом крепкой цепью брака перед лицом всего общества, на этот раз высшего – с лордами и леди. Имеет он право на любовь к другой, к девушке, которую он любит и которая без ума от него? Имеет, отвечает автор, но... за это он должен тяжело расплатиться. Поправ “приличия” общества “сожительством” <...>, он не избежит “кары рока”, тех “высших сил”, которые в наш век технических достижений действуют уже не наивно, через устаревших агентов уснувшего от старости бога, а от... автомобиля. Смерть является возмездием “отступнику”, не считаясь с тем, что опустошает душу девушки, но не настолько однако, чтобы она в конце концов не вышла по-настоящему “законно” замуж. Мораль не слишком глубокая, волна эмоций не слишком высокая, но вполне отвечающая запросам ищущего “тихой пристани” – благополучной развязки без

⁷⁴ Первоначально Ленгублит безоговорочно запретил «Времени» издавать «Пламя» О. Уэдсли (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40. Л. 72) – возможно, тот факт, что, несмотря на цензурный запрет, роман все же вышел в свет, объясняет запись в дневнике Р. Куллэ: «Из весьма достоверного источника, сами издатели, мне сообщили, что он платят... взятки цензорам. Иначе не пройдет ни одна рукопись. /.../ В самые глухие времена царствования Николая Палкина цензура взяток не брала» (Куллэ 1992-2, 222, запись от 4 сентября 1926 г.).

⁷⁵ Роман О. Уэдсли «Миндаль цветет» («*Almond-Blossom*») был вероятно предложен издательству переводчиком Дмитрием Александровичем Терениным (в записке от 2 октября 1926 г. он изложил его содержание) и одобрен Н. Шульговским как роман не блестящий, но «светский», «бархатный» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 13 октября 1926). В 1928 г. во «Времени» вышел еще один роман Уэдсли, «Вихрь» («*Reality*»), пер. с англ. Б.Д.Левина под ред. О. Чеховского. Все эти романы Уэдсли, как и многие другие беллетристические произведения, отобранные и переведенные «Временем», были переизданы отечественными издательствами в 1990-е.

потрясения “основ” – читателя... Поразительный успех, сопровождавший эту книгу, как, впрочем, и большинство пошлых романов Уэдсли, свидетельствует весьма недвусмысленно о <...> “культурном” уровне общества <...>. К сожалению, и в переводе она нашла своих восторженных читателей» (Куллэ 1930, 129). В своих внутренних рецензиях для «Времени» Куллэ использовал имя Уэдсли в нарицательном смысле, как, например, в желчном отклике на очередной женский роман из жизни евреев в Америке: «Более пошлого, более бездарного романа мне никогда не приходилось читать. В нем широко развернута психология мелкого мещанства, местечковых интересов, он тенденциозен, совершенно чужд художественности и богат клеветой. Характерно, что в романе нет ни одного описания природы: автор ее не чувствует, погруженная в расчеты и гимны своему народу. <...> Признаком бездарности я считаю манеру автора разбрасываться “гениальностью” своих героев», – Куллэ сделал вывод: «По моему переводить эту дребедень не стоит, но помня Уэдсли, Езерскую⁷⁶ и проч. не исключаю возможности появления этой книги на рынке. Желательно – не в изд. “Время”» (недат. внутр. отзыв Куллэ на: *Ferber Edna. Fanny Herself* [1917]; во «Времени» все же вышел в 1927 г. другой роман Эдны Фербер, «Три Шарлотты» («Girls», 1921), пер. с англ. Л.Л.Домгера под ред. Д.М.Горфинкеля); другой английский женский роман, Уорвик Дипинг, «не сложен и не глубок, но читается легко. Если возвести Уэдсли в первую степень, то получится Дипинг. <...> Роман простой, не слишком умный и буржуазно добродетельный в стиле английской мещанской морали. Читателей и особенно читательниц он поэтому будет иметь очень много, ибо он значительно лучше Уэдсли. Но это не первосортное произведение. Сезонный роман. Он цензурен и очень легко написан. Для тиража стоит перевести» (внутр. отзыв Куллэ, 13 ноября 1927 на: *Warwick Deeping. Kitty*); только что вышедший в Германии роман Вильгельма Хегелера (Welhelm Hegeler, 1870–1943) «безусловно литературен, достаточно тонок в анализе и занимателен в изложении <...> имеет все достоинства произведений этого писателя, не стоящего в первых рядах литературы, но являющегося крупным в слое средней продукции эпохи <...> может захватить читателя, возбудить мысли, поставить вопросы искусства, жизни, переживаний перед не слишком взыскательным читателем и доставить весьма занимательное чтение любителям романов Оливии Уэдсли, Берты Рэк⁷⁷ и многих других

⁷⁶ Имеются в виду выпущенные «Временем» в переводе Марка Волосова романы еврейской американской писательницы Андзи Езерской (Andzia Jezierska, 1885–1970) о жизни еврейской среды Нью-Йорка (в последние годы вновь востребованные феминистской критикой) «Гнет поколений» (1926) и «Саломея с задворков» (1927).

⁷⁷ Имеется в виду роман Берты Рек (Ruck Bertha, 1879–1978) «Риппл Мередит» («The Dancing Star»), пер. с англ. Л.В.Савельева (Л.: Время, 1927, второе изд. – 1929), предложенный издательству, вероятно, переводчиком и рекомендованный

ходких писателей современности. Кстати, Хегелера у нас не знают и его книга может стать подарком. Но не надо забывать, что это не слишком ценный подарок, не первой [нрзб.] литературы, не восторг для требовательного читателя. Но он не хуже Уэдсли» (внутр. отзыв Куллэ, 24 марта 1927 на: *Welhelm Hegeler. Die zwei Frauen des Valentin Key* (1927); роман не был переведен).

Постепенно однако необходимость принимать компромиссные решения, ощущение оторванности от по-настоящему значительных событий современной литературы⁷⁸ и, главное, невозможность выносить условия советской жизни, которые Куллэ фиксирует в дневнике с поразительной осведомленностью и ясностью суждений, делают его внутренние рецензии крайне озлобленными и для издательства в сущности бесполезными: «... редко можно встретить даже в океане современной халтурной литературы более банальное, бледное, никчемное и нехудожественное произведение, чем этот роман, доводящий до гротеска, нарочитого уродства обычно не слишком яркую манеру английских писательниц. <...> Не переводить эту книгу надо, а предъявить иск сочинительнице и издательству “George Doran Company” в Нью-Йорке за нанесение увечий читателю» (внутр. отзыв Куллэ, 14 января 1927 на: *Jane England. Red Earth*); «Следовало бы поставить два электрических стула, без всякой жалости посадить на один автора, на другой издателя и убить, а читателю за отвагу выдать миллион долларов, если он не умрет от тоски до конца чтения» (внутр. отзыв Куллэ, 4 января 1928 на: *Pauline Smith. The*

Шульговским: «Роман смело можно рекомендовать для перевода. Он написан интересно, тонко, психологично и в некоторых местах даже поэтично. <...> Большое достоинство в том, что он доступен широкой публике и вместе с тем вполне удовлетворит самого интеллигентного читателя. Помимо романического интереса роман заслуживает внимания и своими картинами быта и обучения танцовщиц художественного, в частности русского балета в Лондоне. <...> Сокращать не нужно ничего. Роман пойдет наверно» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 20 сентября 1926).

⁷⁸ В марте 1926 года Куллэ записывает в дневник, что прочел в случайно попавшей ему в руки вырезке из иностранной газеты ответы на вопрос анкеты «какие произведения русской зарубежной беллетристики, появившиеся в 1925 г., по вашему мнению, являются наиболее ценными?», проводившейся среди русских эмигрантских писателей «с большими прежде именами: Амфитеатров, Арцыбашев, Зайцев, Б. Лазаревский, Чириков», которые «почти единогласно указывают на повесть И.Бунина “Митина любовь”, на роман Алданова “Чертов мост”, на рассказы Шмелева, стихи Бальмонта и т.д. Если за год вышло все, что перечислено, а перечислено далеко, конечно, не вся продукция писателей, то какой же наглостью звучит привычное уже в нашей печати утверждение, что «там» «они» ничего не пишут и ничего написать не могут! /.../ Я не знаю, что представляют собою перечисленные произведения, ничего не могу сказать об их качестве, но почему до нас ничего не доходит? Если так ничтожно, то чего же бояться? Если это значительно, ярко, талантливо, то какая же подлость не пропускать художественное произведение из идиотских политико-талмудических соображений!» (Куллэ 1991-2, 209–210, запись от 10 марта 1926 г.).

«Время» versus «Мысль»

Роль издательства «Время» в истории отечественной культуры обычно связывают с его большими издательскими проектами и крупными

⁷⁹ Последние сохранившиеся в архиве «Времени» отклики Куллэ датированы началом 1928 года. С 1929 года его социальное положение, судя по дневниковым записям, снова стало катастрофическим: он потерял работу во «Времени» и в ленинградской вечерней «Красной газете», проиграл судебную тяжбу с ЗИФом (Куллэ 1992-4, 331) и утратил возможность получать заказы в этом могущественном издательстве, подвергался, по его словам, «травле в так называемых “кругах литературы”» (Там же, 330, запись от 17 января 1931) и был сделан «чуть не главой “школы протаскивателей”» (Там же, 349, запись от 4 января 1932) – вероятно, за выпущенный ГИЗом в 1930 году, при поддержке Луначарского, сборник его статей «Этюды о современной западно-европейской и американской литературе». Окончательно потеряв возможность устроиться на службу, Куллэ пытался, как иностранный подданный, добиться разрешения уехать за границу (Там же, 350-351, запись от 19 февраля 1932) и уже начал распродавать вещи (Там же, 358-359, записи от 15–25 апреля 1932). Однако, получив, после мучительных проволочек, отказ, был вынужден «устраиваться “по-советски”»: искать какую-нибудь службишку, издегивать нервы по ниточкам на советских “дыбах” и постепенно распродавать последнее барахлишко, ибо жить становится совершенно невозможно. <...>» (Куллэ 1992-5, 288, запись от 30 июня 1932 г.) и попытался найти новый способ социального существования: «Не лучше ли смириться, принять отвратительное, как должное, подыскать себе скромное и незаметное место, отбывать на нем часы, но зато остальное время быть со своими, замкнуться дома и в себе, ни о каких выступлениях в печати не думать и забаррикадироваться от мира, отсиживаться незаметно до лучших времен, не ища катастроф и не рискуя ставить на карту все?» (Там же, 289), который оказался для него равносильным уже не только социальной и духовной, от «недостатка воздуха», смерти, но и самой буквальной, от голода: «Не знаю, как другие, но я себя чувствую, как в тюрьме. И с каждым днем это угнетающее впечатление заключения в гнусном узилище нарастает и усиливается. <...> Скучный голодный паек поддерживает ровно настолько, чтобы не умереть с голоду, но оттого, что он скуден и так горько невкусен, есть хочется постоянно. <...> Силы падают. <...> Верный путь в могилу» (Там же, 292–293, запись от 20 сентября 1932 г.), неизбежность которой для себя он стал понимать как следствие сознательной государственной политики в отношении его поколения: «Для меня несомненно, что в систему “соцстроительства” <...> входит расчет на вымирание старшего поколения, выдавшего лучшую жизнь и не могущего примириться с устроенным убожеством. Для меня ясно, что в *систему причинны и диктатуры включена смерть*, как один из важнейших факторов расчета. При поддержке молодых оболваненных попугаев трудно продержаться» (Там же, 296, запись от 1 ноября 1932 г., курсив Куллэ). Эта трагическая и обычная история закончилась предсказуемо: в ночь с 5 на 6 января 1934 года Куллэ был арестован по делу «контрреволюционной национал-фашистской» «Российской национальной партии» (так называемое «Дело славистов», 1933-34, см.: Ашнин 1994). Р.Ф. Куллэ был приговорен к 10 годам лагерей, находился в Свердловске (см. его письма из лагеря: Куллэ 1992-5, 297–304) и был расстрелян 28 февраля 1938 года.

литературными именами – полными авторизованными собраниями сочинений Стефана Цвейга (1927–1932, в 12 тт.) и особенно Романа Роллана (1930–1936, в 20 тт.), над которым, в постоянном контакте с автором, работали А.А.Смирнов, М.Л.Лозинский, А. А. Франковский, Б.А. Кржевский, Б.М.Эйхенбаум, М.А. Кузмин и др. Однако не эти культурные начинания, обладающие несомненной культурной ценностью, определяли деятельность «Времени» центрального периода его существования, 1926–29 г., когда оно уже нашло себе место в советском культурном поле и при этом еще сохраняло, до ареста в 1930 г. его директора и создателя И.В.Вольфсона, круг членов товарищества одного культурного поколения, то есть функционировало как созданная ими для себя определенная диспозиция. Это место кооперативного издательства в нэповском культурном поле определялось в значительной степени индивидуальными социальными эволюциями его ключевых сотрудников, в том числе авторов внутренних рецензий, чья трудная и не слишком удачная адаптация к советским условиям характерна для людей «поколения 1890-х». При этом сотрудники «Времени», адаптируясь к новым условиям, преследовали культурные книгоиздательские цели, а не только искали экономических выгод и социальной легитимации. Однако это кооперативное издательство не обладало ни такими особыми экономическими и интеллектуальными ресурсами, как «Academia» ленинградского периода ее существования (унаследовавшая значительную часть редакционного портфеля и сотрудников от «Всемирной литературы» и пользовавшаяся интеллектуальными ресурсами ГИИИ), не говоря уже о государственных издательствах, ни, при своем возникновении, запасами бумаги и книжными фондами на складе, как возникшие еще до революции издательства, вроде «Брокгауза-Ефрона» или «Просвещения». Легитимный близкий объект для сравнения, оттеняющий специфику «Времени» – ленинградское издательство «Мысль» – также частно-кооперативное по форме собственности и специализировавшееся в середине 1920-х преимущественно на выпуске иностранной переводной беллетристики, которое возглавлял тезка и сверстник директора «Времени» Лев Владимирович Вольфсон (1882–1953).

В истории отечественной литературы «Мысль» регулярно возникает в одном ряду со «Временем» в связи с двумя категориями издательской продукции – во-первых, в первой половине 1920-х, как место издания книг современных отечественных поэтов, далеких советской власти, которые вскоре на долгие годы перестали печататься в России (у «Времени» это «Морозные узоры» (1922) Б. Садовского и «Шум времени» (1925) О. Мандельштама – у «Мысли» библиография шире: «Солнце в заточении» (1922) Ю. Н. Верховского, «Письма о русской поэзии» (1923) и посмертный сборник «Стихотворений» (1922) Н.Гумилева, «Лампада» (1922) Г. Иванова, «Двор чудес» (1922) И. Одоевцевой, «Горный ключ»

(1922) М. Лозинского, «Поэтическое хозяйство Пушкина» (1924) Вл. Ходасевича, «Час вечерний» (1922) М. Шкапской, а также сборники, посвященные современной литературе – альманах «Литературная мысль» (№ 1-3, 1923-25) и сборник статей «Современная литература» (1925)). И, во-вторых, в середине 1920-х, в связи с изданием огромной номенклатуры современной переводной беллетристики: «Время» и «Мысль» часто выпускали одни и те же иностранные книжные новинки, прибегая к услугам переводчиков-многостаночников, работавших также на другие издательства – И.Б.Мандельштама, М.Е.Левберг, Зин. Львовского, М.Н. Матвеевой и др. (впрочем, оба издательства сотрудничали и с более известными мастерами перевода – во «Времени» редакторами переводов выступали А.Франковский, М. Лозинский, А. Смирнов, для «Мысли» переводили В. Сметанич (Стенич), М. Кузмин).⁸⁰

Однако именно эта внешняя близость издательских программ оттеняет принципиальные внутренние различия между издательствами. Если во «Времени» выпущенные им «Шум времени» О. Мандельштама или «Рождение поэта» Г. П. Блока, хотя и не оказали решительного влияния на издательскую стратегию, отразили культурную установку, круг мыслей, близких его создателям, то перечисленные издания «Мысли», такие на первый взгляд культурно значимые, в действительности свидетельствовали главным образом о характерном для ее хозяев халтурном отношении к изданиям и бессовестности в делах. Так, В.Ф. Ходасевич счел необходимым публично отречься от вышедшей без его участия в «неслыханно искаженном виде» своей книги «Поэтическое хозяйство Пушкина», «загубленной» «Мыслью», которая сделала «безобразные искажения и прибавления, которые не могу иначе назвать, как наглыми и умышленно издевательскими» (письмо В.Ф. Ходасевича М.О.Гершензону, 6 августа 1924 г. // Ходасевич 1990-4, 475-476; Беседа. 1925. Кн. 6/7. С. 479; подробнее см. комм. в: Ходасевич 1990-3. С. 561); «Письма о русской поэзии» Гумилева, подготовленные для «Мысли» Г. Ивановым, содержали, как пишет Р. Д.Тименчик, «ряд существенных текстологических изъянов», и приводит сделанную П.Н.Лукницким запись разговора с Ахматовой, показывавшей ему в этом издании «часть (всех – великое множество) искажений, неверностей, изуродованных цитат, неправильностей в списке фамилий и т.д. и т.п.» (Гумилев 1990, 285); Ю. Н. Тынянов в рецензии на второй выпуск выпущенного «Мыслью» «Литературного альманаха» (заключавшейся главным образом в

⁸⁰ Арон Филиппович Перельман (1876–1954), известный деятель еврейского просвещения и издатель, последний директор-распорядитель издательства «Брокгауз-Ефрон», вспоминал, что в начале 1920-х «молодой и энергичный Вольфсон развил большую издательскую деятельность, одновременно устроил несколько книготорговых магазинов. По количеству изданий и общему тиражу их его предприятие явилось в то время наиболее значительным из частных издательств» (Перельман 2009).

принципиальной полемике со статьей А.А.Смирнова о теории литературы), не мог не отметить низкого полиграфического качества издания: «В книге довольно много опечаток» (Тынянов 1977, 141). Такого рода неприятные конфликты случались у «Мысли» регулярно: заключив с А. Грином в 1927 году договор на издание собрания его сочинений в 15 томах на прекрасной бумаге (для чего Л.В.Вольфсон специально ездил к Грину в Феодосию), издатель выпустил только 8 из 15 томов на плохой бумаге и расплатился в основном долгосрочными векселями, Грин судился с ним и проиграл (см.: Варламов 2005); Лев Успенский рассказывал, как, будучи еще совсем молодым человеком, написал вместе со своим приятелем Львом Рубиновым, под псевдонимом Лев Рубус, авантюрно-приключенческий роман «Запах лимона», который сдал в «Мысль», однако ленинградский Вольфсон без ведома авторов переправил рукопись своему родственнику Вольфсону, владельцу харьковского издательства «Космос», где она неожиданно для авторов (впрочем, обрадованных) и вышла (Успенский 1970, 340); Леонид Добычин в своем первом сборнике рассказов «Встречи с Лиз», издать который в «Мысли» ему предложил редактор издательства В. Сметанич, с ужасом обнаружил 60 опечаток и, кроме того, вынужден был прибегнуть к посредничеству М.Л.Слонимского, чтобы заставить издательство заплатить ему обещанный гонорар, и то на полгода позже срока (Добычин 1999, 294–297).

В области издания переводной беллетристики, при совпадении имен авторов и переводчиков, между «Временем» и «Мыслью» также имелись принципиальные различия. Действительно, как описывал К. Чуковский в 1925 году процесс появления в Советской России переводных книг, переводчик, «раздобыв книжку», «бежал со всех ног» прежде всего в «Мысль», «Петроград» или во «Время» (Чуковский 2000, 309). Однако если во «Времени» большая часть переводов, пусть выполнявшихся переводчиками далеко не первого ряда, выходила под редакцией более опытных мастеров – М.Л. Лозинского, А.А.Франковского, А.А.Смирнова, И.Б. Мандельштама, А.Н.Горлина, В.А.Зоргенфрея, Г.П.Федотова А.Г.Горнфельда, Р.Ф.Куллэ, то в изданиях «Мысли», напротив, никогда не указывались имена редакторов переводов. Объяснение этому дает Н.К.Чуковский в своем утрированном описании деятельности «Мысли», весь штат которой, по его словам, состоял из родственников «лжекооператора», а на самом деле процветающего частного предпринимателя Л.В.Вольфсона, объединенных, несмотря на различия пола и возраста, явным «родственным сходством с хозяином – толстые шеи, широкие затылки, хохочущие рты» (Чуковский 1989, 583), из которых никто не знал иностранных языков, кроме двух штатных редакторов, В. Сметанича (Стенича) (со слов которого Н. Чуковский вероятно и записал эту виньетку) и старой переводчицы Аллы

Митрофановны Карнауховой, которые и выполняли всю редактуру гигантского объема издававшихся «Мыслью» переводов – а вернее, вовсе не читали представленных переводчиками рукописей, а лишь сокращали, следуя каким-то коммерческим расчетам хозяина, объем всех переводных книг до 12 листов (именно таким образом, по словам Н. Чуковского, был выпущен переведенный им роман Стивена Грэхема «В тумане Лондона», вышедший в «Мысли» в 1927 г.; Там же, 589-590). Иными словами, если «Время» доводило переводы до своего издательского уровня, то «Мысль» брала дешевый готовый труд переводчиков, не тратя времени и средств на редактуру.

Другое важное различие между «Временем» и «Мыслью» в том, что хотя они часто совпадали в выборе современных иностранных авторов со знакомыми для советского читателя именами, «Время» каждое произведение, даже известного автора, рассматривало отдельно, и часто, несмотря на популярную фамилию, отказывалось от перевода, тогда как «Мысль», напротив, найдя золотосное имя, старалось выжать из него все возможное: издавало все подряд произведения, заявляло эти отдельные книги собраниями сочинений автора, параллельно соединяя их в объявляемые в ее каталогах разнообразные «Библиотеки» («Малая библиотека иностранной литературы в 50 томах», «Библиотеки современной иностранной литературы» в 150 и 250 томах и проч.) и на все объявляло подписку. Так были заявлены полные собрания сочинений самых читаемых в Советской России иностранных авторов, из которых на самом деле «Мысль» выпустила лишь отдельные книжки, не дающие сколько-нибудь цельного представления о творчестве писателя (Д. Лондона в 46 томах, Э.Синклера в 16 томах, О.Генри в 12 томах, Б. Келлермана в 9 томах, Синклера Льюиса в 9 томах и др.; впрочем, следует отметить, что в 1924-25 гг. «Мысль» успешно выпустила собрание сочинений Г. Уэллса под редакцией Е. Замятина в 11 томах).

Таким образом, хотя репертуар имен современных иностранных писателей, переводившихся «Временем» в середине 1920-х, а также круг привлекаемых им к работе переводчиков по большей части совпадал с тем, что предлагали другие издательства, качество работы «Времени» с этой ориентированной на массовый читательский спрос литературой превышало нужды коммерческого успеха и подчинялось иному культурному стандарту. Это же касается и научно-популярных серий «Занимательная наука» и «Физкультура и спорт», начатых «Временем» в 1925 году: в сущности продолжая, как и в области переводной беллетристики, дореволюционную «сойкинскую» традицию массовой литературы – выпуск беллетристики, преимущественно переводной, занимательной, но и поучительной, а также научно-популярной книги⁸¹ –

⁸¹ В 1920-е годы, до возникновения идеи социалистического реализма, представление о новой советской литературе для нового массового читателя в

«Время» старалось поднять ее на более высокий уровень. Впоследствии научно-популярный раздел «Времени» развился в один из лучших издательских продуктов советского времени – серию «Занимательная наука», которую курировал ставший пайщиком «Времени» Я.И. Перельман.

«Занимательная наука» (Я.И.Перельман)

Свою «Занимательную физику» Яков Исидорович Перельман (1882–1942; см. о нем: Мишкевич 1986; Карпушина 2007), начал выпускать еще до революции, первое издание – «Занимательная физика. Парадоксы, головоломки, задачи, опыты, замысловатые вопросы и рассказы из области физики» в двух книгах – вышло в издательстве «П.П.Сойкин» в 1913–1916 гг., в 1922 году она была выпущена пятым изданием петроградским отделением ГИЗа, и только восьмое издание этой книги, исправленное и обновленное, появилось в 1928 году в издательстве «Время». В советское время, до вступления в число пайщиков «Времени» в 1925 году, Я.И.Перельман издавал в «Научном книгоиздательстве» С.С.Баранова (Гальперсона) научно-популярный журнал «В мастерской природы». Первыми книгами выпускавшейся «Временем» серии «Занимательная наука» были вышедшие в 1925 году, еще в рамках редактировавшейся одним из основателей «Времени» академиком А.Е.Ферсманом серии «Научные и научно-популярные книги», «Занимательная химия» В.В.Рюмина и «Занимательная геометрия на вольном воздухе и дома» Я.И.Перельмана, которые уже с 1926 года были перенесены в быстро растущую серию «Занимательная наука» (книга Рюмина выдержала в 1925-32 гг. пять переизданий, а после закрытия «Времени» вышла двумя очередными изданиями в ленинградском отделении «Молодой гвардии»; Перельмана – к 1933 году – четыре, а после закрытия издательства продолжала выходить в 1935 и 1936 гг. в «ОНТИ», в 1950-е в Госиздате и допечатывается вплоть до настоящего времени различными отечественными издательствами).

В 1926 году при типизации издательств Главлит чуть было не изъял эту, только что возникшую, серию из разрешенных «Времени»: «При осуществлении в прошлом году типизации издательств, – говорилось в заявлении «Времени» в Главлит 29 марта 1927 года, – была по

сущности представляло собой попытку соединить дореволюционную массовую литературу, в духе изданий П.П.Сойкина (благополучно продолжавших существовать и в 1920-е годы вместе с их создателем), сочетавших развлечение и прикладную пользу, с революционной идеологией, – результатом были нежизнеспособные гибриды «красный Лев Толстой», «коммунистическая Вербицкая» и «коммунистический Пинкертон» (см.: Маликова 2006).

соглашению с Ленинградским Гублитом определена следующая программа издательства: художественная литература переводная и русская, отдел физкультуры, научно-популярные книги. Издательству пришлось при этом отказаться от издания издававшихся им книг: детских, по экономике, педагогике, истории, истории литературы и мемуаров. – В полученном удостоверении Гублита от 26 июня 1926 года, за № 1414 была указана другая программа: техника и ремесла, художественная переводная и русская беллетристика, вопросы искусства», далее издательство просило восстановить серии занимательной науки и физкультуры вместо «техники и ремесел» и «вопросов искусства». И.В. Вольфсон жаловался Горькому: «Мне было приятно читать Ваш отзыв о нашей серии “Занимательная наука”. На создание этих книг мы потратили массу труда. Хотелось их делать действительно занимательными при сохранении полной научности. Мы заботились также и о технике издания, чтобы книги были приятны. Труд не пропал даром: книги имеют успех. Они являются единственными в своем роде. Но новое несчастье – Главлит, проводя типизацию, лишает нас права продолжать эту серию. Мы добиваемся разрешения на ее продолжение, так как слишком много труда потратили на ее создание и вряд ли целесообразно отказываться от работы, которая является культурной и полезной. Ведь, неизвестно, появится ли другая такая серия научно-популярных книг, если нам пришлось бы прекратить издание их» (письмо И.В. Вольфсона М. Горькому, 8 декабря 1926 // Архив Горького 1964, 37). Однако бюрократическая машина снова дала сбой: через месяц (19 июля 1927) «Времени» вновь пришлось обращаться в Главлит: цензурный орган удовлетворил просьбу издательства восстановить книги по физкультуре и научно-популярные, однако сделал их основными, за счет ограничения художественной литературы (не более 30 %) – издательство же собиралось вести все три раздела параллельно и теперь вынуждено было просить либо не ограничивать ему процент книг художественной литературы, либо, если это необходимо, оставить такой, какой в издательстве фактически был – 78.2%. Просьба эта вероятно была отчасти удовлетворена: в справке о деятельности издательства 1931 года указано два направления его деятельности – «Занимательная наука» и «Художественная литература» (переводная, прежде всего собрания сочинений Роллана и Цвейга). Эти два направления составляли программу издательства до самого его закрытия в 1934.

Особенность осуществляемой серией «Занимательная наука» популяризации, по словам ее редактора Я.И.Перельмана, состояла в том, что «книги серии привлекают внимание читателя не только к самому поразительному и грандиозному в науке, но и к ее будничной стороне, к ее основам. Достигается это тем, что обыденное и знакомое поворачивается с новой неожиданной стороны и тем становится для читателя свежим и интересным. Вторая особенность серии – тесная связь научного материала

с практической жизнью <...>. Далее, в области точных наук, серия не избегает математики, а, напротив, приучает к ней, прививает вкус к точному расчету. И, наконец, внимательное внешнее оформление книг, тщательность и продуманность иллюстраций также содействуют успеху популяризации».⁸² С 1925 по 1934 г. в серии «Занимательная наука» вышло 29 книг по технике, физике, механике, химии, минералогии, математике, естествознанию и географии и проч. отраслям науки, многие несколькими изданиями, все в фирменном новаторском оформлении художника Ю.Д.Скалдина, дававшим наглядные иллюстрации сложных научных явлений и опытов. Серия была в высшей степени успешной как в Советской России (из вышедших к 1932 году 20 названий 17 было настоятельно рекомендовано Главполитпросветом для закупки в первую очередь; справка о деятельности Издательства, 1932 г.), так и в мире – в 1928 г. серия целиком была включена в каталог наиболее замечательных книг, вышедших во всем мире, выпущенный Парижским Международным институтом интеллектуальной кооперации, руководимым известным библиофилом и историком книги Н.А.Рубакиным; в американском журнале «Пробуждение», выходившем на русском языке, Рубакин поместил рецензию на эту серию «Времени», отметив, что она «единственная в своем роде и прямо-таки незаменима для тех читателей, которые желали бы пополнить и углубить свои чересчур элементарные знания <...> она вводит читателя в понимание отвлеченных идей, через практическое преодоление фактов и развивает логику читателя, заставляя его ум упражняться над реальностью, а не над словесными измышлениями» (цит. по: Шомракова 1968, 214).

Идеологическая нейтральность серии – А.В.Луначарский вполне разумно советовал к гуманитарным наукам подходить с «особой осмотрительностью», а «истории, политической экономии, социологии» вовсе избегать и сосредоточиться лучше на сельском хозяйстве и статистике, причем и здесь «не вдаваться, по возможности, в рассуждения политико-экономического порядка, что в рамках данной серии было бы действительно неуместно» (Стенограмма расширенного редакционного совещания издательства, 5 мая 1931 г.) – гарантировала благополучие ее цензурной судьбы. Единственным исключением стала «Занимательная техника в прошлом» (1930) Василия Ивановича Лебедева, которая «получила очень резкую отрицательную рецензию тов. МИШКЕВИЧА, указывающего на наличие в книге вреднейших, политически враждебных “теорий” развития техники» (Выводы бригады Лен. Горкома партии

⁸² Цитируется стенограмма выступления Я.И.Перельмана на расширенном редакционном совещании издательства «Время» 4 мая 1931 года, частично протокол этого заседания воспроизведен в качестве Приложения к переписке «Времени» и Горького в: Архив Горького 1964, 55–59, подробнее об этом переломном для истории «Времени» событии см. дальше.

<осень 1933>). Описывая в 1933 году «политическую физиономию» издательства его новый глава Н.А.Энгель, осуществлявший теперь «общее политическое редактирование» руководимой Я.И.Перельманом серии, объяснял, что книга Лебедева была принята к изданию потому, что в Ленинграде не нашлось «человека, который мог бы взять на себя политическую переработку подобной книги», и было решено ее выпустить как есть, «учитывая актуальность ее темы и полное отсутствие на книжном рынке каких бы то ни было работ по истории техники» (Энгель Н.А. Политическая физиономия издательства «Время» <1933>).⁸³

Успех серии на Западе, которая была целиком включена в Лозаннский международный каталог наиболее замечательных книг, – в частности, сделанное в 1930 г. предложение немецких издателей Я.И.Перельману и А.Е.Ферсману выпустить их книги в переводе на немецкий книжный рынок – подтолкнул «Время» к созданию экспортной серии «Занимательной науки». Однако несмотря на то, что книга Ферсмана «Занимательная минералогия» была напечатана «Временем» по-немецки тиражом в 5000 экземпляров, за границу она, по вине АО «Международная книга», созданного в 1923 и практически монополизировавшего торговлю советской печатной продукцией за границей государственного органа, не попала. «Прежде, чем предпринимать какие-либо реальные шаги в этом направлении, Издательство осведомилось об отношении к этому вопросу ВОКСа и Наркоминдела. ВОКС признал, что “эта серия, демонстрирующая неизвестный на Западе способ продвижения знаний в широкие массы, может иметь за границей успех и содействовать закреплению культурных связей с СССР”. Вследствие этого ВОКС нашел предложение Издательства “своевременным и целесообразным” (Письмо от 29 ноября 1930 г.). Наркоминдел признал, что предложение Издательства “заслуживает полного сочувствия” и что “это не только послужит средством привлечения некоторого количества валюты в СССР, но и укрепит культурную связь с заграницей” (письмо т. Литвинова от 11 декабря 1930 г. <...>). Экспортная серия была включена Главлитом в редплан Издательства на 1931 год, а Всесоюзным Комитетом по делам печати было ассигновано нужное для нее количество бумаги» (Справка изд-ва «Время» об экспортной серии «Занимательная наука», 1932 г.). Книга Ферсмана специально для экспортного издания была снабжена

⁸³ В 1933 году «Занимательная техника в прошлом» В.И.Лебедева вышла во «Времени» вторым изданием, которое было заявлено как «переработанное и дополненное», однако на самом деле представляло собой переиздание, с минимальными изменениями (и отнюдь не идеологического порядка), первой части издания 1930 года, переиздание же второй части, содержавшей раздел «Русская техника в прошлом», который вероятно и был объектом политической критики, просто не было выпущено.

предисловием Боннского профессора Рейнгарда Браунса, «крупнейшего ученого и популяризатора, который в самых лестных выражениях аттестовал этот труд академика Ферсмана» (Там же; автор вступления и переводчик книги на немецкий язык проф. Р. Браунс писал: «Эта книга поучительна даже для специалистов, которые найдут в ней многое, до сих пор им неизвестное, к тому же она всегда занимательна и ясна»; цит. по: Шомракова 1968, 213, прим. 60), и в августе 1931 г. «Время», напечатав немецкий перевод книги, разослало его для отзыва ряду иностранных ученых и научных заведений и в книготорговые организации, – все высоко оценили книгу и ее перспективы на Западе. Отпускная цена за один экземпляр была назначена 2 р. 18 к., что АО «Международная книга» пересчитало на номинал в 4 немецкие марки, однако отказалось приобретать книгу у издательства для экспорта за границу. В августе 1931 года «Время» в коллективном письме, подписанном его руководящими работниками Я.Г.Раскиным, С.Ф.Ольденбургом и А.Е.Ферсманом, изложило Горькому, прося его содействия, суть претензии «Международной книги» и свои возражения:

Весь книжный экспорт сосредоточен на началах монополии в руках «Международной книги», и Председатель этого объединения т. Ионов заявил нам, что от приобретения нашей книги он отказывается, т.к. не желает иметь дела с «частным» издательством, и что он изменит свое решение только в том случае, если мы вольемся в ОГИЗ. Той же точки зрения придерживается и т. Халатов.

С такой постановкой вопроса мы согласиться не можем. Прежде всего мы ни в коей мере не «частное» издательство, а кооперативная организация, законно зарегистрированная в этом виде более восьми лет тому назад и входящая во Всесоюзную систему Промкооперации. Далее, согласно недавнему Декрету Совнаркома, изъятие отдельных артелей из системы промкооперации и передача их государственным органам воспрещена. Это формальная сторона дела. По существу мы также считаем наше слияние с ОГИЗ'ом не желательным, т.к. наши маленькие масштабы позволяют нам вести нашу работу как бы в лабораторном плане, экспериментировать, а против существования такого «опытного участка» едва ли следует возражать

(«Время» Горькому, 24 августа 1931 // Архив Горького в ИМЛИ. КГ-Изд. 6–6–30; в публикацию в Архив Горького 1964 это письмо не вошло).

Спустя всего четыре дня издательство вновь обратилось к Горькому, на этот раз заручившись поддержкой своего нового председателя редакционного совета А.В. Луначарского, и попыталось перевести проблему на «общегосударственный» уровень:

Мы экспортируем почти исключительно дореволюционные книги, разбавляя их очень небольшим количеством современных

высокохудожественных изданий. В том и в другом случае мы ориентируемся либо на читателя-эмигранта, либо на богатого библиофила. Едва ли правильно ограничиваться этой более чем скромной, узкокоммерческой задачей и оставлять без внимания интересы широкого читателя-иностранца, не имеющего ни малейшего представления о том, какой путь пройден советской наукой и советской литературой за 14 лет революции» и, рассказав об истории издания «Занимательной минералогии» на немецком, просило Горького «взять на себя инициативу и созвать широкое совещание для обсуждения возбуждаемого нами вопроса

(Письмо «Времени» Горькому, 28 августа 1931 г. // Архив Горького 1964, 54–55).

Девятого сентября 1931 г. Областное Экспортное Совещание при Президиуме Ленинградского Облисполкома постановило «обязать Лен. Отделение Акц. О-ва “Международная Книга” принять на себя реализацию выпущенных кооперативным издательством “Время” книг серии “Занимательная Наука”, заключив с Издательством договор и приняв меры по форсированию размещения заказов» (Справка об экспортной серии «Занимательная наука», 1932 г.), однако переговоры издательства с «Международной Книгой» ни к каким реальным результатам не привели, и Экспортно-Импортный Сектор Всекопромета, в качестве руководящего идеологического органа Издательства, предложил Культкооппромообъединению заключить с Издательством договор на приобретение для реализации за границей тиража книги академика Ферсмана и одновременно вступить в переговоры с «Международной Книгой» о заключении гендоговора на реализацию за границей подобных изданий, после чего Культкооппромообъединение приобрело у Издательства 2000 экз. книги (из 5000 напечатанных) и предложило «впредь до согласования с “Международной Книгой” вопроса о дальнейшем издании на экспорт прекратить выпуск новых книг (письмо от 26 сентября 1931 г.)» (Справка об экспортной серии «Занимательная наука», 1932 г.).

«Книги по физической культуре» (Г.А.Дюперрон)

Второй новаторской научно-популярной серией, начатой издательством в 1925 году, был раздел «Книги по физической культуре», созданный методистом по физкультуре, начавшим публиковать книги по теории физкультуры и спорта еще в 1910-е, Георгием Александровичем Дюперроном (1877—1934) – известным спортсменом, теоретиком и историком спорта, первым в России футбольным судьей и спортивным журналистом. В нее входили как переводные книги – серия открылась русским переводом «Пяти минут в день» (1925) И.П.Мюллера, автора

знаменитой «Моей системы» (к 1929 году «Пять минут...» выдержала 8 переизданий, с последним тиражом в 20 000 экз.; кроме того, вышло еще 6 книг этого же автора, в переводах Г.А.Дюперрона, Г.П. и Е.Э. Блок), так и отечественные (фундаментальная, с обширной библиографией «Теория физической культуры» (1925) Г.А. Дюперрона в 3 томах, к 1930-му году выдержала три переиздания). Всего за четыре года, с 1925 до 1929 г., вышло 44 книги, из которых 57% потребовали переизданий.

Эта уникальная, придуманная и реализованная Г.А. Дюперроном (он был переводчиком, обработчиком, редактором или автором большей части книг) и идейно нейтральная серия была сразу одобрена Ленгублитом, который, критикуя Издательство, которое «работало для спроса и никаких культурно-просветительских целей, видимо, не преследовало», отметил, что «наиболее серьезно» поставлен отдел физкультуры – «Издательство представило целый ряд самых положительных отзывов об изданных книгах этого отдела, помещенных в “Известиях Физической Культуры” и других органах советской печати, а о книге Мюллера – отношение Высшего Совета Физической Культуры <...>», поэтому при типизации 1926 года «Времени» отдел физкультуры «Времени» был оставлен (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 40. Л. 72–72об.).

Когда, несмотря на этот положительный отзыв, в 1927 г. в решении Ленгублита по ошибке отдел физкультуры был изъят (см. об этом выше в связи с серией «Занимательная наука»), Г.А.Дюперрон развил бешеную деятельность и представил десятки справок от Высшего, Московского и Ленинградского советов физической культуре (копии которых сохранились в архиве «Времени») о необходимости продолжения серии. В частности, секретариат Высшего Совета Физической Культуры постановил на своем заседании 23 марта 1927 года, что «считает полезным продолжение деятельности Изд-ва “ВРЕМЯ” по изданию книг по физической культуре и постановляет поддержать его ходатайство перед Главлитом о сохранении в его программе отдела физкультуры», а также издал отношение о «предоставлении права издательству “Время” на издание в качестве официального издания, с помещением этого указания на обложке и титульном листе, брошюр: “Тяжелая атлетика” и “Правила соревнований по боксу, борьбе и подниманию тяжестей”» – однако Ленинградский Гублит в печатании этих брошюр издательству отказал (Протокол заседания Коллегии Ленинградского Гублита от 21 июня 1927 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр.57. Л. 15), но серию оставил.

Если в 1927 году серию удалось отстоять, то при следующей типизации, в 1929 году ее все же сняли, несмотря на то, что неутомимый Г.А.Дюперрон снова представил десятки справок и удостоверений, выданных в 1929 году издательству «Время» Ленинградским Советом физической культуры, Государственным Центральным Институтом физической культуры, Московским губернским и Ленинградским советами

физической культуры в поддержку издания этой ценной серии, а также обратился в марте 1930 года в Совнарком РСФСР, сообщая, что именно «Времени» «принадлежит культурная заслуга создания в СССР серьезной, во всех отношениях доброкачественной физкультурной книги. Между тем из редплана Издательства на 1930 год весь отдел физической культуры полностью изъят и монопольное право издания физкультурной литературы закреплено за Акционерным О-вом “Физкультура и Спорт”. <...> Ни о какой коммерческой конкуренции с Акц. О-вом “Физкультура и Спорт” не может быть, разумеется, и речи, т.к. физкультурная продукция Кооперативного Издательства “Время” в самом лучшем случае не достигнет и двадцатой части продукции названного издательства» (копия письма в архиве «Времени»). Г.А.Дюперрон снова поднял вопрос о своей закрытой серии на расширенном редакционном совещании 4 мая 1931 года с участием А.В.Луначарского, где говорил о том, что «Физкультура самый молодой отдел в Издательстве, ранее всех окончил свое существование. <...>. Исключение этого отдела из плана Издательства тем досаднее, что Издательство работало в этой области по точному плану, намеченному в выпущенной Издательством книге “Теория Физической Культуры”», – и А.В.Луначарский согласился с тем, что Издательству следует возбудить ходатайство о восстановлении физкультурного отдела. Однако с 1929 года «Время» прекратило издавать новые книги по физкультуре (в 1930 г. вышло несколько переизданий вышедших ранее книг, после закрытия серии во «Времени» отдельные книги из нее переиздавало государственное издательство «Огиз – Физкультура и туризм»).

* * *

Издательскую стратегию 1925-28 гг., направленную на создание качественной массовой переводной и научно-популярной книги, «Времени» пришлось сменить из-за политики Главлита второй половины 1920-х, направленной на постепенное уничтожение частных издательств (к ним стали относить и кооперативные, именуя их «частно-кооперативными»), к которым органы цензуры относились как к опасным врагам, которые должны быть уничтожены. Инспектор Гублита Петров («очень красивый» молодой человек, «но несомненно беззаботный по части словесности», т.е. попросту безграмотный, по иронической характеристике К.И. Чуковского (Чуковский 1990, 287–288, запись от 29 сент. 1924 г.) в недатированной записке (вероятно первой половины 1925 года), давая характеристику «наиболее мощных» из 20 с лишним частных ленинградских издательств («Мысль», «Петроград», «Брокгауз-Ефрон», «Сеятель», «Книга»; «Время» в этот список еще не вошло, однако

сказанное в полной мере относится и к нему) не без уважения описывает успехи сильного врага и приемы борьбы с ним:

<...> приходится констатировать, что издательства неуклонно растут, увеличивая как свои оборотные капиталы, так и основные. Продукция издательств, замирая несколько в разные времена года, в другие времена значительно увеличивается, давая в среднем из года в год повышение продукции как по количеству отдельных названий, так и по количеству листов и экземпляров. Пользуясь кредитами в Госбанках и типографиях, а также типографскими скидками, издательство находит возможность удешевить книгу и выступать на книжном рынке конкурентами с гос. издательствами. Ухитряясь брать подряды у Госиздата и других государственных учреждений на печатание книг <...> они увеличивают свои барыши и оборотные капиталы. Чутко прислушиваясь к требованиям книжного рынка, они вовремя умеют выпустить книгу, быстро ее распродать и приступить к печатанию новой. Насытив рынок переводной беллетристикой, они резко меняют свою программу в сторону сельскохозяйственной, кооперативной, историко-революционной и детской литературы. <...> Со всем этим Гублиту приходится считаться, удерживая издательскую прыть и не давая им развернуться в более могучую форму, чем они представляют сейчас. Частичный бойкот, который объявили совпартиздательства, сильно ударил издательства по карману. Первое время была паника, со временем несколько утихшая. Издательства стали искать выхода из создавшегося положения: организовывать свои представительства и распределительные аппараты (агентуру на Юге, Севере, Кавказе и т.д.) <...>. Для удешевления стоимости книги и накладных расходов <...> имеют <...> общую экспедицию. <...>В общем частные издательства <...> несмотря на все легальные и нелегальные репрессии со стороны Совпартиздательств, Гублита и финансовых органов, продолжают расти, развиваться и крепнуть. Их основные капиталы и оборотные неуклонно растут. Способность приспособляться к рынку несомненная и умелая, часто мешающая, конкурирующая и опережающая Государственные издательства

(ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, ед.хр.57, л. 40).

В 1928 г. Ленгублит доносил в Губком РКП (б), что фактически курс на ликвидацию частно-кооперативных издательств был «окончательно разрешен еще в начале 1928 г. <...> Официально эти издательства продолжают существовать, фактически они ликвидированы, т.к. постановлением Главлита они сняты с планового снабжения бумагой. Их издания печатаются на бумаге, купленной на черном рынке, т.е. все частные издательства находятся в крепком зажиме» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 45. Л. 32, цит. по: Блюм 1994, 139). Были подготовлены документы о закрытии пяти из семи ленинградских авторских товариществ – «Время», «Издательство писателей в Ленинграде», «Наука и Школа», «Образование» и «Тритон», в марте 1928 г. это решение было утверждено Коллегией Наркомпроса и Отделом печати ЦК ВКП (б) и

передано на рассмотрение в высшие инстанции. Вместе с тем, Главлит рекомендовал до особого распоряжения не доводить его до сведения самих издательств и в то же время принимать от них минимальное количество рукописей (Свиченская 1996, 123–124). Р.Ф. Куллэ записал в своем дневнике 6 марта 1928 года: «Издательства частные оскоплены, был проект закрыть их совсем. Пока не удалось, ибо очень сложно, а все сложное у нас не выходит» (Куллэ 1992-3, 241).

Прежде всего, частно-кооперативным издательствам чинили препятствия в выпуске наиболее прибыльной переводной беллетристики: проанализировав производственные планы частных издательств на первое полугодие 1928 года, Коллегия Ленинградского Областлита отметила, что объем беллетристики увеличился на 100 процентов, причем увеличение это «идет преимущественно за счет переводной беллетристики, так как подотдел русской беллетристики почти не увеличился», и зафиксировала «сильный рост отдельных, наиболее мощных издательств»: издательство «Мысль» планировало увеличить свою продукцию по сравнению с прошлым годом на 52 %, «Время» – на 100%. Чтобы ограничить этот рост, Ленинградский Гублит сократил планы издательств: «Времени» из заявки на 133 названия (1354 а. листа) сократили половину, оставив 665 листов (в качестве оснований были названы совпадение с издательской программой ГИЗа⁸⁴ и Постановление коллегии Облита о сокращении Отдела переводной беллетристики) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед.хр. 57. Л. 32-33).

Если в 1927 году «Время» выпустило 48 переводных книг, в 1928 году – 31 (не считая первых томов собрания сочинений С. Цвейга), в основном из ранее отобранных, то в 1929 – только три, а в 1930 – две. Причина, вероятно, была не только в цензурном и экономическом зажиме, но и в том, что сложнее стало получать книжные новинки из-за границы – издательство стало принимать больше предложений от переводчиков, которые можно отличить от собственно внутренних рецензий по безудержным похвалам и отсутствию внятных соображений о читательских и цензурных перспективах книги. Мария Ефимовна Абкина предложила роман английского писателя Дэвида Гарнетта (David Garnett), которого много переводили в 1920-е годы, «Без любви» («No Love») (недат. рец. <1929>), однако книгу ей по совету П. Губера вернули (внутр. отзыв П.Губера, 20 июня 1929); В.А.Розеншильд-Паулин предложил пошлый, судя по его восторженному изложению, роман Андрэ Кортиса (André Corthis) «Преждевременное прощение» (« Le pardon premature»,

⁸⁴ Так, в 1927 году «Время» просило внести в его уже одобренный план дополнительно 24 названия – Ленгублит дополнение утвердил, изъяв однако «Дневник без даты» популярного негритянского писателя Рэнэ Марана и «Цепи» Драйзера как издающиеся Ленигизом (Протокол заседания Коллегии Ленинградского Гублита, 4 августа 1927 г. // ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, ед.хр.57, л.18).

1921) (недат. рец. <1929>; другой роман этого автора, «Только для меня» («Pour moi seule») в переводе Розеншильд-Паулина вышел во «Времени» в 1928 г.). Софья Павловна Кублицкая-Пиоттух сопроводила предлагаемый ею к переводу роман Елены Штаккер (Helene Stöcker) «Любовь» («Liebe») отзывом, как будто написанным в 1900-е: «Любовь девушки с прогрессивными взглядами к мужчине с узкими мещанскими воззрениями кончается – как этого и можно было ожидать – разрывом, но не банальной формой разрыва, а победой любящей женщины, понявшей неприменимость т.наз. “буржуазной морали” для психологии новой, активной женщины, женщины-борца. И глубоко права А.М.Коллонтай, которая в своем отзыве об этой книге говорит: “Я не прочитала эту книгу, я пережила ее. Обобщить психологию современной женщины так, что тысячи активных, борющихся женщин, женщин, которые после мучительных страданий становятся “человеком”, – узнают себя в героине этой книги – это большое искусство. В книге масса тонких, психологических моментов, идей, ощущений, которые имеют важное социально психологическое значение, так как они показывают нам женщину с другой стороны и помогают человечеству постичь глубину женской души» (недат. рец. С.Ф.Кублицкой-Пиоттух).

Иногда переводчики приносили хорошие книги, однако оторванность от современного западного литературного процесса не позволяла «Времени» делать ставку на того или другого иностранного автора. Та же М. Е. Абкина в 1929 году представила роман Олдоса Хаксли «Point Counter Point» (1928), сопроводив его восторженной, но невнятной рецензией – несмотря на то, что роман был одобрен внутренним рецензентом издательства⁸⁵ и вышел в 1930 году в переводе М.Е. Абкиной

⁸⁵ «В авторе чувствуется человек, очень неглупый, с широким кругозором и незаурядным образованием. Разговоры на всевозможные литературные, художественные и философские темы, происходящие между действующими лицами, весьма интересны и занимательны. В них не чувствуется того несоответствия между репутацией предполагаемых великих людей и их интересами, которые так часто поражают нас неприятно в других романах. Одних этих разговоров, в сущности, несколько не связанных с основным сюжетом, было бы достаточно, чтобы книга читалась с интересом. Но этим далеко не исчерпываются достоинства романа, который вообще написан мастерски и отличается весьма своеобразной композицией <...>. <...> В цензурном отношении книга не может представить препятствий. Автор описывает представителей господствующих классов, людей утонченных, обаятельных, симпатичных, но несомненных упадочников, представителей усталой, уже склоняющейся к своему закату культуры. Его собственная точка зрения всего полнее выражается в речах протестующего бедняка и плебея, который работает в качестве ассистента в лаборатории лорда Эдуарда. Это воинствующий атеист, материалист и социалист, ненавидящий то шикарное общество, ненавидящий то шикарное общество, с которым его поставила в связь научная работа. Единственным, хотя и небольшим препятствием, может явиться то, что этот ядовитый критик английского большого света именуется коммунистом, а он, по совести говоря, не вполне похож на тот

под редакцией Д.М.Горфинкеля под заглавием «Сквозь разные стекла», он остался проходным в истории издательства, а сам роман был переиздан в 1936 году «Гослитиздатом» под более привычным заглавием «Контрапункт» (пер. И.К.Романовича, пред. Д. Мирского). Анна Петровна Зельдович представила перевод изящного сатирико-утопического романа Поля Гзелля (Paul Gsell, 1870–1947) «Человек, который видел людей насквозь» («L'Homme qui lit dans les coeurs», 1928), который высоко оценил Н. Шульговский: «Роман настолько интересен и оригинален, что его принять следует <...> сатира на человеческую неискренность <...> Свифтовского типа <...> Похоже кое-где на Кандида, на Хулио Хуренито <...> Перевод очень хорош, редакции и просмотра с поправками не требует» (внутр. отзыв, 22 апреля 1929). Книга вышла в 1930 г. в переводе А.П. Зельдович под редакцией А.Н.Горлина, однако издательство не опознало литературный облик Гзелля, «эккермановские» книги которого «Времени», как кажется, вполне бы подошли (в 1923 году ГИЗом были переведены «Беседы Анатоля Франса, собранные Полем Гзеллем», другая его знаменитая эстетическая биография, Огюста Родена, выходила с петербургском издательстве «Огни» (Роден Огюст. Искусство. Ряд бесед, записанных П. Гзелль. Пер. Л.М. СПб.: Огни, 1913, 2-е изд. – 1914)).

Не имея возможности следить за европейской литературной жизнью, «Время» старалось найти авторов невостребованных советскими государственными издательствами, идеологически нейтральных и со значительным числом не переведенных произведений. Так, оно вновь вернулось к циклу романов Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо», из которых первые два получили восторженные внутренние рецензии в начале 1920-х: «В ряду множества современных французских романов, порою занимательных, но художественно незначительных, “Семья Тибо” выделяется как подлинное литературное произведение, которому суждено остаться» (недат. внутр. отзыв. В.А. Зоргенфрея), «...самое замечательное явление французской послевоенной литературы (дошедшее до нас)» (недат. внутр. отзыв Г.П.Федотова) и были выпущены «Временем» в 1925 г. («Семья Тибо» в пер. под ред. В.А.Зоргенфрея и «Весна» в пер. под ред. Г.П.Федотова) и один в 1929 г.; и в 1930-е даже вступило с автором в переписку (см. об этом далее).

Вспомнили о немецком прозаике и драматурге Германе Зудермане (1857–1928), популярном в России в 1900—1910-е годы: «Время» обратилось к его недавно вышедшим произведениям — Г. П. Блок дал

образ, который у нас принято соединять с этим наименованием. Но это легко устранить, пропустив при переводе самое слово «коммунист», которое впрочем повторяется очень редко. Книга несомненно заслуживает перевода, можно быть уверенным, что по своему сюжету и по исполнению она будет иметь успех у читателей. Жаль было бы ее упустить» (недат. машинописн. текст с карандашными пометами рукой Г. П. Блока «12.1.1929» и «Копия отзыва в Госиздат»)

подробную рецензию на новый роман Зудермана «Purzelchen. Ein roman von jugend, tugend und neuen tänzen» (1928) «о молодости, добродетели и новых танцах», в котором внятно сформулировал тот новый идеал иностранной книги, которого искало издательство – идейно нейтральной, умело и легко написанной:

Говорить об идейном содержании романа не приходится. Никакими так называемыми “проблемами” Зудерман не задается, сознательно ограничивая себя только чисто сюжетными и бытоописательными задачами. Тон повествования объективный, подернутый налетом благодушного, никого не бичующего юмора.<...> Что касается сюжета и его разработки, то здесь чувствуется рука в высокой степени опытного мастера и притом мастера театрального. Если некоторые положения (особенно в развязке) несколько неправдоподобны, слишком комедийны, то поднесены они так весело и убедительно, что возражать против них нет охоты. Рассуждений нет вовсе, описания коротки и выразительны, диалоги легки и полны неожиданных реплик, у каждого персонажа свой тонко выдержанный язык, в характеристиках действующих лиц нет ни слащавой иконописности, ни подчеркнутой карикатурности, действие развивается живо, не предугадывается вперед и чем ближе к концу, тем напряженнее захватывает внимание. Словом элементы настоящей литературности и яркой занимательности несомненно налицо», а также предусмотрел возможные претензии к роману и возражения на них: «Читатель очень уж придирчивый и притом из тех, которые подходят ко всякому литературному произведению непременно с социальной меркой, может оказаться недоволен тем, что в романе показан быт только очень узкой социальной группы – средней немецкой буржуазии и никак не намечено ее окружение. <...> Будь это роман рядового писателя, цензура может быть стала бы против него возражать, ссылаясь на его легковесность. Однако же литературность его, бесспорно высокая, в соединении с именем Зудермана устранил вероятно подобные возражения. Печать едва ли похвалит роман; как не хвалила она пока и Бэдэля (роман Мориса Бэдэля «Любовь на 60 ° северной широты» в пер. с фр. С.М.Гершберг вышел во «Времени» в 1928 году – М.М.). Зато несомненно довольны останутся читатели, в особенности же читатели Контрагентства (имеется в виду Контрагентство печати, занимавшееся книготорговлей – М.М.) и в частности даже и те, кому так не по душе пришло Уэдсли.

(внутр. отзыв Г.П. Блока, 10 декабря 1928 г.), –

роман Зудермана, озаглавленный «В шестнадцать лет» в переводе с немецкого В.С. Вальдман и Г. А. Зуккау был выпущен «Временем» в 1929 году. Переводчица Е. Ю. Бак красноречиво предлагала к изданию другой роман Зудермана, «Die Frau des Steffen Tromholt» (1927),⁸⁶ который Б.

⁸⁶ «Какие только струны человеческой души и общественной совести не затрагивает эта книга-поэма! <...> Книга ставит животрепещущие проблемы: Возможна ли истинная любовь, без установления, так или иначе, прочной связи? А

Евгениев (псевдоним Е.Ю.Бак?) и Е.Э. Блок перевели для «Времени» как «Жена Стеффена Тромхольта» (1928). Однако в общем Зудерман показался слишком старомодным и легковесным: Н. Н. Шульговский прочел представленный русский перевод раннего романа Зудермана «Frau Sorge» (1887), неоднократно выходивший в России в 1900-е годы как «Забота» (в переводе, который рецензировал Шульговский, роман был назван «Забота-кручинушка»⁸⁷) – «характерный добродетельный немецкий роман старого доброго времени. Для нашего современного читателя покажется дико-смешным, да и для немецкого должен звучать весьма старомодно. Мелодраматичен. Ходульно-сентиментален. Во вкусе прежнего среднего немецкого читателя. Идеология – условные германские буржуазные добродетели. <...> Сельская жизнь обрисована недурно, но всегда встречаются такие “Вампуки” в смысле сентиментальности и устарелости идеологии, которые делают книгу невыносимой для нашего современного читателя» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 23 декабря 1928). П. К. Губер отсоветовал переводить вышедшие в 1922 году мемуары писателя «Das Bulderbuch meiner Jugend» («Картины моей молодости»), поскольку они «представляют весьма ограниченный интерес, да и то лишь для немецкого читателя. Уроженец Восточной Пруссии, выходец из мелкой бюргерской семьи, Зудерман подробно рассказывает о своих детских шалостях, об учении в школе, о работе в аптеке и о первых литературных дебютах» и напомнил, что книга кажется уже была переведена⁸⁸ (недат. рец. П.Губера, издательский штамп о получении 22 февраля 1929).

В 1929–30 гг. вышел ряд случайно попавших в издательство отдельных книг: Петр Константинович Губер рекомендовал «Порги» Дю Боза Хейворда (*Du Bose Heyward. Porgy*, 1925), найдя в нем новый взгляд на негров, что было актуально и после успеха Рене Марана в начале 1920-х, и после недавнего пребывания в Москве негритянского писателя

подобная связь – может ли она не подавлять индивидуальность? Есть ли семейная среда вдохновительный базис, или замаскированное болото? А ребенок? Вносит ли он в брак сознание долга и одухотворенную цель, или же является обузой и заставляет родителей «опуститься»? Самое ценное, однако, – то, что проблемы Зудермана не “выпирают”, а органически вплетены в фабулу, столь непрерывную и динамическую, что она сохранила бы свою увлекательность и осмысленность даже для читателя, не доросшего до заданий автора и подошедшего к этой книге просто как к “интересному роману”» (недат. отзыв Е.Ю. Бак).

⁸⁷ Можно предположить, что именно этот советского времени перевод, отвергнутый «Временем», вышел в 1930 г. в рижском издательстве «Граматы Драгус» (1930), регулярно выпускавшем переводы, подготовленные (а чаще всего и изданные) в Советской России.

⁸⁸ Действительно, воспоминания Зудермана были переведены издательством «Петроград» под заглавием «Моя юность» в 1924 г.

Маккея⁸⁹ – книга вышла в переводе с английского В.А. Дилевского под редакцией А.А.Смирнова (1930), однако позже «Время» негритянской темой не интересовалось и в 1933 году отвергло предложения А.Н.Горлина издать новейшие произведения Рене Марана (см. об этом далее).

С другой стороны, тогда же не было издано несколько книг, которые раньше, руководствуясь вкусами Н. Шульговского, издательство обязательно бы перевело, рассчитывая на их приемлемую («изысканную», по выражению Шульговского, литературность), «невинную» цензурность и соответственно коммерческий успех, вполне в духе Оливии Уэдсли – речь идет о романе австрийской романистки Викки Баум «*Stud.chem. Helene Willfüer*» («Студент-химик Елена Вильфюр»): «Роман грешит некоторым схематизмом, напоминаям схематизм старинных нравоучительных книжек для юношества. <...> Несмотря на этот схематизм и прекрасноту роман читается с удовольствием. Он проникнут бодростью, оптимизмом и человеческим теплом по отношению к окружающему миру» (внутр. отзыв П. Губера, 26 июня 1929 г.); «Не первоклассное литературное произведение, но занимательный роман, читающийся легко и не без приятности – История молодой студентки, пробивающей себе дорогу к знанию и успеху <...> Роман не свободен от банальности в некоторых пунктах и от легкого привкуса традиционного западно-европейского мещанства, но основное настроение бодрости, легкости, общей идейной прогрессивности делает его приемлемым для нашего читателя» (внутр. отзыв В.Зоргенфрея, 17 сентября 1929 г.);

⁸⁹ «Действие этой небольшой, но сильно написано повести происходит в бывших невольничьих штатах, в негритянском квартале города Чарльстона. Перед читателем встает население огромного дома, от подвала до чердака заселенного неграми. Они ютятся здесь как отдельное независимое племя, подчиняющееся силе белых, но не принимающее в глубине души их законы и руководствующееся своими собственными обычаями. Дети вчерашних рабов воспользовались свободой чтобы сделать шаг обратно, в сторону первобытной дикости. Это не благовоспитанные, сентиментальные “черные братья” из “Хижины дяди Тома” и других тому подобных филантропических романов, а настоящие варвары, живущие под властью необузданных инстинктов и дико суеверных понятий, отзывающихся внутренней Африкой<...> Повесть обладает незаурядными художественными достоинствами. Негры обрисованы автором <...> как совсем особая порода людей, к которым нельзя подходить с нашими этическими и правовыми масштабами, и эта идея, отрицаемая, как известно, присяжными просветителями чернокожего племени, может явиться некоторым цензурным препятствием. Мне известен случай, когда несравненно более невинный роман “Негритянский Рай” встретил резкий протест среди небезызвестного Маккея, пребывавшего тогда в Москве, и был выпущен Госуд. Издательством только после долгой борьбы. [Речь идет о романе Карла ван Вехтена (Carl van Vechten, 1880–1964) «Негритянский рай» («Nigger Heaven», 1926), выпущенном в русском переводе ГИЗом в 1928 г. – М.М.] <...> При помощи тактично составленного предисловия дело “Порджи”, быть может, удастся поправить» (внутр. отзыв П. Губера, 23 апреля 1929).

«Книга, в общем, проникнута мягким и гуманным настроением и читается с удовольствием. <...> Говоря по правде, книга второй сорт. Но работа добросовестная и солидная, много лучше того, что ежедневно выбрасывается на рынок. Должно понравиться солидным читателям» (анон. недат. рец.; роман «Stud.chem. Елена Вильфюр» в переводе Ф. Бельского вышел в 1930 г. в рижском издательстве «Заря»).

Из этого же класса книг Шульговский настойчиво рекомендовал (однако издательство к его рекомендации не прислушалось) французские романы с привлекательным для широкого читателя психологическим и эротическим элементом – «Изменившую внешность» («La Chaste infidèle», 1927) драматурга и романиста Луи-Жана Фино (Louis Jean Finot, 1898–1957) – тем более, что «Время» уже издавало этого автора, его роман «Похмелье» («Le héros voluptueux», 1925) вышел во «Времени» в 1925 г. в переводе М.С.Горевой под редакцией Г.П.Федотова: «Роман безусловно интересный, хорошо разработанный по женской психологии и вполне способный найти себе широкого читателя. По типу он принадлежит к характерным французским романам прежнего времени, и лишь бóльшая психологическая трактовка приближает его к новому типу французского романа. <...> Литературность очень изящная, но не выходящая из типичности французского адюльтерного романа. Идеологии нет. Среда буржуазная. Читатель широкий. Цензурность допустимая, но с одним затруднением. Есть к концу страстная сцена между “мачехой” и “пасынком”. Это сцена решающая, так что ее выкинуть нельзя. А между тем цензура может счесть ее “порнографичной”, ибо она кончается ничем исключительно из-за “неопытности” невинного юноши» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 8 января 1928); «Климаты» Андре Моруа: «Литературность полная. Написано очень красиво и с полным психологизмом. По сюжету он ничем не выделяется от обыкновенных французских романов – тема лишь адюльтерная. <...> Идеология. Устранение ревности в сердце любящей женщины желанием походить на всех тех женщин, которых любил ее муж. Примиренность на этом, создание известной атмосферы (климата). Доставка любящему человеку в одном образе образов всех любимых. Цензурность вне опасений. Читатель. Интеллигентный исключительно. <...> Особенно будут увлекаться романом женщины. Особый читатель [т.е. цензура – М.М.]: ничего шокирующего нет, но роман никчемный, а потому и бесполезный. Никакой общественности. Среда буржуазная. От нечего делать сытые буржуи сходят с ума и занимаются всякими ревностями и любовными делишками. Сантиментальная влюбленная как кошка баба подражает всем любовницам мужа, только чтоб его удержать около своей юбки. Глупо и неинтересно» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 26 ноября 1928 г.).

Не вышли и ранее с удовольствием бы принятые «Временем»

типичные английские романы, также горячо рекомендованные Шульговским, «Беззаботная Джилль» («Jill the Reckless») популярного П.Дж. Вудхауза – хотя другая его книга, «Роман на крыше» («The Little Bachelor»), вышла во «Времени» в 1928 г.: «Типичный английский жанровый роман с юмором. <...> Цензурность невинная. <...> В виду стандартной литературности романа и того, что такие вещи нравятся среднему читателю, особенно из-за сплошных живых разговоров и многих комических (но не фарсовых) положений, книгу издать стоит. Приобретение не в смысле литературном, но в смысле коммерческом (внутр. отзыв Н. Шульговского, 14 февраля 1929); и «Джална» («Jalna», 1927) канадской писательницы Мазо Делярош (Mazo de la Roche, 1879–1961): «Роман к переводу пригоден. Тип: английский семейно-бытовой серьезный роман. <...> Литературность хорошая. Живость. Типы. Диалог. Чувствуется быт и местность. Язык легкий. Идеология чисто бытовая. Помещичья. Консервативная. Замкнутая. <...> Несмотря на спокойствие быта, много нервных сцен. Интересны и домашние животные, в частности 70-летний попугай. В нем есть нечто символическое. Роман приятен. Такие вещи нравятся широким кругам. Поэтому книгу не следует упускать» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 26 февраля 1929).

С другой стороны, в эти годы «Время» отказалось от двух важных европейских книжных новинок, хотя и смогло оценить их качество – вероятно, опасаясь не справиться с трудностями перевода: В. Зоргенфрей высоко оценил «Берлин Александрплац» Альфреда Дёблина,⁹⁰ однако предупредил, что «Перевод потребует работы высшей квалификации. Имеются трудности почти непреодолимые – диалект берлинских низов, воровской жаргон, бесчисленные цитаты в стихах – литературные, из бытового песенного обихода и пр. – цитаты, иногда сознательно перевираемые и варьируемые автором. Кое-где проза самого автора переходит в рифмованную. Необходимо будет дать везде материал

⁹⁰ «Автор – один из заметнейших новаторов литературной формы в современной Германии. Если в прежних его произведениях новаторство имело характер нарочитого и самодовлеющего, но в настоящем романе оно, при всей его яркости, не выпирает на первый план и гармонически сочетается с большой эмоциональной силой. <...> Роман прочтется литературно-подготовленным читателем с интересом и, не произведя сенсации, останется все же как крупная, сильная и оригинальная вещь. <...> Разрез романа – не в политической, а в глубоко-психологической плоскости. Политика и социальные отношения, там где они фигурируют (не часто) даны лишь как психологические категории, а не как основанная канва. Поэтому, не отвечая «социальному заказу» нашего времени, он и не опровергает его. Мистицизма, по существу, нет вовсе – есть только, порой, внешние позаимствования его форм, наряду с другими, прямо противоположными формами. Перевести роман весьма желательно. Я бы высказался против всяких сокращений. Технически они возможны (глава о бойнях и еще кое-что), но внутренняя структура романа такова, что всякое сокращение будет в ущерб художественному воздействию целого» (внутр. отзыв В.А.Зоргенфрея, 25 окт. 1929)

художественно адекватный, ибо, в сущности, на этом, внешне побочном словесном интересе и основана вся художественная ценность романа. Без него он может превратиться в мало интересную – почти скучную – книгу» (внутр. отзыв В.А.Зоргенфрея, 25 октября 1929 г., подчеркивания автора); Г. П. Блок, взвешенно оценив роман «Братья-враги» («Les frères ennemis») Жерома и Жана Таро – которых «Время» уже также издавало («В будущем году в Иерусалиме!», пер. с фр. И.Б.Мандельштама, 1924)⁹¹ – отметил, что «перевод более чем труден. Трудно с одной стороны передать старо-французский стиль и ритм подлинника, а стороны необходимо самое тесное знакомство с богословской терминологией» (внутр. отзыв Г. П. Блока, 29 мая 1929 г.); Петр Губер, рецензируя «Степного волка» Германа Гессе (*Hermann Hesse. Der Steppenwolf*, 1927),⁹² дал рекомендации о том,

⁹¹ «Начнем с недостатков. Против этого романа могут быть выдвинуты только два возражения: 1) основа его религиозная, 2) нет любовной истории. Эти возражения едва ли серьезны. Могут сказать, что роман трактует о вопросах далеко не актуальных, не заслуживающих общественного внимания и т.д. Но все дело в том, что и как про все это говорится. Братья Таро и тут, как и в другой известной нам книге, умеют соблюдать величайшую объективность, сдобренную едва уловимой скептической иронией. Они почти с исчерпывающей полнотой приводят все, что ставилось в вину средневековому католицизму, и не скупаются в этом отношении на чрезвычайно яркие иллюстрации. Так же точно не щадят они и основоположников протестантизма. Трудно предсказывать, но есть основания полагать, что книгу признают здесь даже полезной. <...> Думается, что величайшим достоинством романа является его форма. Он написан в форме мемуаров современника, в форме наивной средневековой критики, предельно сжатой, безупречно простой и совершенно очаровательной по тихому своему изяществу. Было бы глубочайшей ошибкой считать, что роман недоступен широкому читателю: можно с уверенностью сказать, что он увлечет даже ребенка, а вместе с тем удовлетворит и самого искушенного, блезированного читателя» (внутр. отзыв Г. П. Блока, 29 мая 1929 г.)

⁹² «Этот роман... впрочем, это столько же роман, сколько психопатологический этюд и философский трактат, – несомненно создан под влиянием Достоевского и притом в особенности двух его произведений – “Двойник” и “Записки из подполья”. Книга Г. Гессе и представляет собой записки такого подпольного немецкого человека, только гораздо более ученого и начитанного, нежели его русский прообраз. Гарри Геллер, предполагаемый автор записок, умен, образован, талантлив, необычайно восприимчив как к красоте, так и к уродству, которое его мучительно раздражает. Он философ, автор нескольких книг по эстетике; вместе с тем он поэт, пишет недурные стихи, образцы которых приводятся. В прошлом у него были тяжелые семейные несчастья, которые заставили его уединиться и зажить особняком от всех. Под влиянием одиночества, беспорядочного чтения и выпивки в нем вырабатывается психическая болезнь, известная под названием раздвоения личности: с одной стороны Гарри Геллер, мирный немецкий ученый, культурный, благовоспитанный бюргер, любящий хорошую книжку и домашний уют, и с другой Степной Волк, суровый нелюбимый бродяга, который саркастически скалит зубы и издевается над всем, что дорого первой половине его собственного я. <...> Геллер перестает замечать границу между действительностью и миром своей лихорадочной фантазии. Он сам не знает, что действительно случилось с ним и что ему только померещилось. Он доходит до

как лучше ее подать советскому читателю, цензуре и критике⁹³ и специально отметил проблему поиска переводчика: «Книга написана простым и ясным языком, но в ней множество моментов исторических, литературных и философских, которые может понять и надлежащим образом передать только вполне культурный и образованный переводчик. По силам ли это будет почтеннейшему Григорию Израилевичу [вероятно, Г.И. Гордону – М.М.]» (недат. внутр. отзыв П. Губера).

* * *

Сталкиваясь с давлением государства, стремившегося, используя экономические и политические рычаги, а также аргумент «типизации», к постепенной ликвидации частно-кооперативного книгоиздания, и не имея возможности следить за иностранными книжными новинками, «Время», чтобы выжить, должно было создать новую, уникальную издательскую нишу, на которую – в отличие от прибыльной переводной беллетристики или специальной физкультурной серии – не претендовали бы государственные издательства, которая была бы при этом идеологически безопасной и обеспечивала достаточно длительную и политически надежную легитимацию существования издательства.

1928–1932: Авторизованные собрания сочинений

отчаяния и начинает думать о самоубийстве. В таком настроении он встречается <с> двумя девушками – Эрминией и Марией и всецело подпадает под их влияние. Эрминия и Мария – постоянные, профессиональные посетительницы дансингов, шантанов, ночных клубов и т.д. Но нашему психопату они представляются необычайно умными, обаятельными, даже мудрыми. Они посвящают его в таинства «настоящей» любви и увлекают за собой в мир фокс-тротта и джаза. Некоторое время он с большим удовольствием вращается в этом мире, участвует в какой-то фантастической оргии, которую приходится считать порождением горячего бреда. Дело кончается тем, что он убивает Эрминию, или, быть может, ему только кажется, что он ее убивает» (недат. внутр. отзыв П. Губера).

⁹³ «Книга производит болезненное, тяжелое впечатление, и, однако, читается не без интереса. В случае перевода ее следовало бы сократить, во-первых для цензуры, а во вторых в интересах читателя. В цензурном отношении опасны рассуждения Геллера о боге, бессмертии души и т.д. Для рядового читателя утомительным покажется изобилие рассуждений. Они, по большей части, интересны и глубокомысленны, но их воистину слишком много. На первых 90 страницах, третья часть всего романа, не случается ровно ничего: один страстный лирический монолог на тему о “Степном волке”. Официальная критика должна зачислить эту книгу в категорию свидетельств о гниении западной буржуазии. Некоторые рассуждения могут понравиться, например, все, что говорится о войне, о тупости немецкого бюргерства и т.д. Необходимо предисловие, которое бы объяснило, на всякий случай, фантастический элемент романа умственным расстройством Геллера. В общем книга лучше тех готовых уже переводов, о которых нам приходилось беседовать. Главным ее недостатком является некоторая трудность ее для читателя бесхитростного и неискушенного» (Там же).

Стефана Цвейга и Ромэна Роллана

Во второй половине 1920-х годов издательство «Время» создало себе новую, уникальную для советского книжного рынка, диспозицию – издание полных авторизованных собраний сочинений современных западных писателей-классиков, «друзей Советского Союза», основанных на установленных издательством личных отношениях с автором, формализованных разработанным «Временем» оригинальным договором с автором и выплачиваемым ему гонораром. Автор постоянно и охотно снабжал издательство советами относительно состава томов, отвечал на вопросы переводчиков и редакторов, писал специально для советского издания предисловия, послесловия и био-библиографические справки к своим произведениям и, главное, брал на себя обязательство доставлять в издательство «Время» свои новые произведения (в рукописи или в корректурных листах) до их выхода в свет на языке оригинала, что давало «Времени» гандикап в гонке с другими отечественными издательствами. Это был оригинальный издательский ход, поскольку Советская Россия, вслед за царской, не присоединилась к международной Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений – в этой ситуации любое советское издательство имело право издавать переводы, сколь угодно адаптированные и сокращенные, любых иностранных авторов, не ставя их в известность и не выплачивая гонорара. При этом если до революции одновременный выход в разных издательствах нескольких переводов одного произведения был редкостью, то в 1920-е, несмотря на попытки многочисленных частных, кооперативных и государственных, столичных и провинциальных издательств и переводчиков заключить неформальную конвенцию, одновременная публикация разных переводов одного произведения в разных издательствах была обычной практикой. В условиях советского книжного рынка, для которого не существовала Бернская конвенция, разработанный «Временем» эксклюзивный договор с иностранным автором не имел настоящей юридической силы, однако давал «Времени» возможность сильных внеюридических ходов – установления взаимных «моральных» обязательств с автором; публичное объявление писателем, «другом Советского Союза», издания «Времени» авторизованным, что придавало издательскому проекту политическое значение (этой цели служили и предисловия к собраниям сочинений, которые «Время», пользуясь давними связями, получало от все еще влиятельных Горького и Луначарского) и позволяло «Времени», сталкиваясь с конкуренцией других издательств, апеллировать за защитой в Главлит. Кроме того, высочайшее и «лабораторное» переводческое, эдиционное, полиграфическое качество издания, скрупулезность совместной работы с автором, привлечение лучших отечественных, в основном ленинградских,

переводчиков и редакторов, – сделали изданные «Временем» – кооперативным издательством, не обладавшим политическими, интеллектуальными, экономическими возможностями государственных издательств или «Academia» – собрания сочинений исключительно высококачественным и уникальным издательским продуктом. «Временем» были изданы авторизованные собрания сочинений Стефана Цвейга в 12 томах и Ромэна Роллана в 20 томах (законченное ГИХЛом), а также начата, в контакте с автором, работа над собранием сочинений Андре Жида.

Стефан Цвейг

Вероятно, толчком к изобретению «Временем» издательской стратегии выпуска авторизованных собраний сочинений современных иностранных авторов послужило получение издательством в середине января 1926 года письма от Стефана Цвейга. Заинтересовавшись тем, что его книги выходят без его ведома в России и уточнив эти сведения у московского библиофила Павла Давыдовича Эттингера, а также получив выпущенную «Временем» в 1925 году книгу «Амок» (переиздание перевода Д.Б.Горфинкеля, выпущенного в 1923 году «Атенеум»),⁹⁴ и гизовское издание своей книги «Ромэн Роллан. Его жизнь и творчество» (1923), Цвейг обратился в конце 1925 г. во «Время» с письмом,⁹⁵ в котором не только не возражал против «пиратских» изданий своих книг,

⁹⁴ К моменту начала переписки с Цвейгом «Время» выпустило уже – без разрешения автора, как и все другие советские издательства – две его книги: в 1925 году (2 изд. – 1926) вышел сборник новелл Цвейга «Жгучая тайна. Первые переживания» (в переводе П. С. Бернштейн и А. И. Картужанской под редакцией Г. П. Федотова), экземпляр которого был послан издательством автору в самом начале их переписки (письмо «Времени» Цвейгу, 28 января 1926). На этот сборник рассказов о подростках написал восторженную внутреннюю рецензию Н. Шульговский: «Взят тот психологический момент перелома в детской душе, когда дети в области любовных отношений не знают всего, но кое о чем догадываются.<...> Эти рассказы – незабываемы» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 3 декабря 1924 на: *Stephan Zweig. Erstes Erlebnis. Leipzig 1917*; он же перевел выбранное издательством для начала этого тома стихотворение Цвейга). В 1926 году (на книге обозначен 1927, 2 изд. – 1927) вышла новелла «Страх» в пер. И.Е.Хародчинской под ред. М.Л.Лозинского, с предисловием Эрвина Райпальтера.

Избранные письма Цвейга в издательство «Время» опубликованы в: Азадовский 1977. Полную комментированную публикацию двухсторонней переписки издательства с немецким писателем, подготовленную М.Ю.Кореневой, см. в настоящем сборнике, здесь же – статья К.М.Азадовского, описывающая всю историю отношений Цвейга к России – *Прим. сост.*

⁹⁵ Письмо Цвейга, отправленное 30 декабря 1925, года было адресовано в Москву и добралось до «Времени» 16 января 1926 года.

но, напротив, изъявил готовность прислать рукопись своего нового цикла новелл «Смятение чувств», который должен был выйти в Германии приблизительно через три месяца, осенью 1926 года. Такая охотная готовность Цвейга сотрудничать со «Временем» объяснялась, помимо его тщеславной любви к славе, также тем, что писатель был идейным противником авторской конвенции и сторонником «не стесненного никакими статьями закона обмена художественными ценностями», что он декларировал в предисловии к 1 тому собрания своих сочинений в издании «Времени»:

Когда я впервые услышал, что мои сочинения распространяются в России без моего разрешения, я испытал – признаюсь чистосердечно – искреннюю радость. Дело в том, что я отнюдь не разделяю точки зрения большинства моих коллег, которые ощущают отсутствие договора между немецкой и русской литературой, как своего рода несчастье: напротив, я думаю, что ничто не способствовало в большей мере духовному сближению между Россией и европейскими странами, чем свободный, не стесненный никакими статьями закона обмен художественными ценностями. И в самом деле: еще гимназистом, я мог покупать на карманные деньги и приобщать к своему духовному достоянию сочинения Достоевского, Чехова, Горького. И за это наслаждение чуткое отроческое сердце было обязано благодарностью единственно отсутствию литературной конвенции: она мешает иностранному писателю перешагнуть границу именно в пору наибольшего своего влияния. А так как переступить всевозможные границы – моя давняя и неискоренимая страсть, меня глубоко радовало, что мои книги, опередив меня, вступили в ту страну, которую увидеть и духовно сродниться с которой я стремлюсь уже много лет (Цвейг-1, 11).

В том же первом письме в издательство Цвейг настойчиво советовал «Времени» издать его новеллу «Глаза извечного брата», которая, как ему казалось, должна была произвести в России наиболее сильное впечатление (письмо Цвейга во «Время», 30 декабря 1925 года, цит. по: Азадовский 1977, 224–225) и подтверждал, что, поскольку это произведение уже вышло по-немецки, гонорара за него он не ждет.⁹⁶ И.В.Вольфсон в написанном по-немецки от имени «Времени» письме 23 января 1926 года выразил готовность напечатать новый сборник новелл Цвейга по-русски и

⁹⁶ Можно предположить, что предварительно, по поручению Цвейга, во «Время» обращался П. Д. Эттингер, поскольку Цвейг сразу же высказал свою осведомленность в том, что «Время» хотело бы издавать его новые произведения при условии, что рукопись поступает в издательство до публикации в Германии, и готово платить гонорар только за них. Новелла «Die Augen des ewigen Bruders», как сообщило «Время» Цвейгу 13 марта 1926 года, уже была издана по-русски (Цвейг С. Глаза убитого, пер. Л. Н. Всеволодской. М.: Солнце, 1925); она вошла в 5 том изданного «Временем» собрания сочинений Цвейга, «Роковые мгновения» (1928), под заглавием «Глаза извечного брата» в переводе Д.М.Горфинкеля.

подтвердил главное условие «Времени», которое заключалось в том, что, поскольку после выхода книги по-немецки ее может перевести и опубликовать любое советское издательство, «Время» желало получить рукопись за месяц-два до ее выхода за границей.

Цвейг отправил во «Время» рукопись двух новелл (Цвейг «Времени», 20 марта 1926 // Азадовский 1977, 225–226), которые должны были выйти в немецком сборнике «Смятение чувств» – «Двадцать четыре часа из жизни женщины», уже опубликованную в австрийской газете, и «Смятение чувств», в рукописи, заметив, что в немецком издании будет еще третья новелла («Закат одного сердца»), которая не подходит для русского читателя.⁹⁷ Оказалось однако, что первая новелла уже переведена на русский по ее публикации в венской газете «Neue Freie Presse», и «Времени» пришлось перекупать перевод у другого издательства,⁹⁸ поэтому за нее гонорара Цвейгу не полагалось. За вторую же новеллу, полученную в рукописи, издательство предложило автору гонорар в 30 рублей за авторский лист с начислением его после получения цензурного разрешения в два приема: через месяц после выхода книги и через три месяца, снова повторив условие, что произведение должно выйти на языке оригинала не ранее, чем через два месяца по выходе русского издания. На самом деле, конечно, указание сроков здесь имело в основном декларативный характер, утверждавший приоритет «Времени» и особый характер его отношений с автором, что показала история публикации сборника «Смятение чувств»: русское издание откладывалось из-за задержки цензурного разрешения, «Время» просило Цвейга оттянуть на две-три недели выход немецкой книги («Время» Цвейгу, август 1926), что естественно было не в его силах – в результате русская книга вышла почти одновременно с немецкой, осенью 1926 года, что, впрочем, все равно обеспечило «Времени» преимущество относительно других советских издательств.

Только посылая Цвейгу в октябре 1926 года экземпляры сборника «Смятение чувств» (один – на веленовой бумаге), на котором было обозначено, как позже на собрании сочинений, что это «авторизованное издание», «Время» сделало автору предложение издать полное собрание его сочинений – и сразу попросило прислать для него фотографию, по

⁹⁷ В выпущенный «Временем» отдельный сборник С. Цвейга «Смятение чувств» (1926) вошли только первые две новеллы, однако в 3-й том собрания сочинений Цвейга (1927) были включены все три.

⁹⁸ Перевод новеллы С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины» был выполнен С.М.Красильщиковым, в апреле 1926 года переводчик извинялся за задержку с предоставлением перевода «Времени», объясняя, что «очень недоволен остался некоторыми страницами и снова возился, переделывая их. Перевод Цвейга дело не шуточное и лучше задержать на несколько дней, чем нахалтурить, особенно, если принять во внимание академичность Вашего изд-ва» (недат. <конец апреля 1926> записка С.М.Красильщикова И.В.Вольфсону).

одному экземпляру всех уже вышедших книг, список тех произведений, которые он собирается выпустить в ближайшее время, а также предисловие к русскому изданию («Время» Цвейгу, 19 октября 1926).

Состав первых трех томов будущего собрания сочинений был уже готов: первый и второй тома составили, соответственно, сборники «Жгучая тайна. Первые переживания» и «Амок», изданные «Временем» в 1925 году, почти готов был и третий – «Смятение чувств» (в собрании сочинений к составу отдельного русского издания этого сборника добавилась недостававшая в нем новелла «Закат одного сердца» в пер. П.С.Бернштейн), и уже в начале февраля 1928 г., выпуская четвертый том и еще не определив состав последующих, «Время» переиздало первые три тома вторым изданием, а в декабре 1928 г. – третьим.

Впрочем, с самого начала было очевидно, что русское собрание не будет действительно полным. Ранние вещи не хотел переиздавать сам Цвейг: когда издательство – испытывавшее, после выхода к 1928 году первых пяти томов, трудности с формированием последующих, куда хотело включить прежде всего новые, не переводившиеся на русский новеллы писателя – получив в конце 1929 года только что вышедшую книжку Цвейга «Kleine Chronik», состоявшую из четырех рассказов, из которых три уже были напечатаны в русском собрании сочинений, четвертый же, «Buchmendel» произвел на сотрудников издательства «глубокое впечатление. Позволяем себе думать, что это – одна из самых сильных Ваших новелл», предложило составить новый том новелл, соединив в нем «Менделя-букиниста» и новеллы из попавшего к ним букинистического издания старого сборника Цвейга «Die Liebe der Erika Ewald» (Berlin 1904), также неизвестного еще русскому читателю («Время» Цвейгу, 6 декабря 1929), Цвейг не согласился «воскрешать из мертвых» свою старую книгу (Цвейг «Времени», 11 декабря 1929 (Азадовский 1977, 250–251); 2 января 1930), а «Менделя-букиниста» посоветовал «пристроить <...> в какой-нибудь журнал» (Цвейг «Времени», 11 декабря 1929).

Значительная часть текстов не могла быть включена по цензурным соображениям, прежде всего из-за их религиозного содержания. Так, Цвейг сообщил «Времени», что у него имеется русский перевод его драматической поэмы «Иеремия», которую он хотел бы видеть отдельным томом собрания, присланный ему Эммой Войтинской из Берлина (Цвейг «Времени», 8 ноября 1926 // Азадовский 1977, 229–230). Перевод этот, уже ранее полученный издательством, был отрецензирован Шульговским, давшим по обыкновению комический отзыв:

Вообще, это вещь художественная. Конечно, не Шекспир, не Гете <...>, но в целом поэма читается без скуки, с интересом и с художественным удовлетворением. При обыкновенных условиях ее можно было бы смело

издавать. Но сейчас сомнения вот какого рода. В пьесе нет никакой любовной интриги, столь необходимой для современного читателя. Вся вещь сплошь религиозна и кончается восхвалением Иеговы. Ее совершенно невозможно печатать согласно введенному безграмотному требованию относительно маленькой буквы в слове Бог. От этого пропадет весь колорит. <...> Избежать цензурного взгляда на недопустимость религиозных произведений указанием на то, что это, мол, вещь “историческая”, в данном случае нельзя. Это вещь не только историческая, это – символическая вещь. Это – гимн еврейскому народу, как народу Иеговы. Суть пьесы в идее вечности Израиля, как народа всецело покорного своему Богу. <...> Массовый русский читатель ее читать не станет. Она покажется ему просто скучной. Молодому поколению, чуждому библейских образов, все будет непонятно. Придется даже объяснять, что такое “пророк”. В прежнее время поэма пошла бы среди православного духовенства. <...> Сбыт пьесы обеспечен среди евреев-сионистов и вообще библейско-религиозных евреев. <...> но тут нужно иметь в виду преимущественно западную провинцию. <...> Перевод прозы отличный <...>. Задевает ухо частое “да здравствует”, невольно напоминая наши митинги. Необходимо изобрести иной возглас. Стихи, вероятно, точно передают подлинник и в общем приемлемы.

(внутр. отзыв Н. Шульговского, 18 марта 1926),

– из которого редакция в письме Цвейгу оставила главное: «Иеремия» по самой своей теме «совершенно не соответствует требованиям нашей цензуры» («Время» Цвейгу, август 1926). Вероятно, по тем же цензурным причинам не могли быть опубликованы новеллы «Рахель ропщет на Бога», «Вавилонская башня» («Время» Цвейгу, 22 февраля 1928) и «Чудеса жизни» («Время» Цвейгу, 6 декабря 1929).

Некоторые мелкие новеллы и легенды, присланные Цвейгом для 4 и 5 томов собрания сочинений, были отвергнуты В.А.Зоргенфреем как потерявшая свежесть и мало оригинальная некогда злободневная публицистика: четыре очерка, присланные Цвейгом для 4 тома под общим названием «Augenblicke der Menschheit» («Мгновения человеческой истории») с подзаголовком «Vier epische Miniaturen» («Четыре эпические миниатюры»), «отнюдь не являются, конечно, новеллами <...>. Напечатаны они, как газетные фельетоны, в связи с историческими годовщинами или злобами дня. <...> Первостепенного интереса они не представляют, но, конечно, не испортят впечатления от 4-го тома и могут быть включены в его состав» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 28 апреля 1927); из присланных для 5 тома «легенд», по отзыву того же рецензента, единственным «относительно крупным и по существу художественным произведением» была только первая, еще не опубликованная по-немецки, «Legende von den gleich-ungleichen Schwestern» («Легенда о схожих – непохожих сестрах»), которая и вошла в пятый том в переводе П.С.Бернштейн под заглавием «Легенда о сестрах-близнецах», две же

другие – «публицистика, достаточно почтенная, но не свежая и мало оригинальная. V-го тома они не украсят и количественно придадут ему мало» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 29 апреля 1927).

Часть произведений, вероятно, не была опубликована потому, что не были сформированы тематически подходящие тома. Это касается цикла «Поездки», («Fahrten»), который вероятно интересовал «Время» при условии включения в него очерков Цвейга о советских впечатлениях, поскольку тот после краткого пребывания в Москве на толстовских торжествах в сентябре 1928 собирался приехать снова и посетить Поволжье, Кавказ, Грузию (Цвейг «Времени», 1 дек. 1928; «Время Цвейгу, 2 августа 1929), однако поездка не осуществилась и советские путевые впечатления не были написаны. Небольшая книга Цвейга «Воспоминания об Эмиле Верхарне» (1-е, приватное изд. – 1917, 2-е – 1927) – по собственному признанию Цвейга, одна из самых его любимых – при том, что писатель справедливо полагал, что «Верхарн <...> в духовной жизни России все еще играет большую роль» и книга может заинтересовать русскую читающую публику» (Цвейг «Времени», 26 марта 1927) – также не была включена в издание «Времени».

В 12-томное русское собрание «Времени» не была включена драматургия Цвейга – вероятно, отчасти потому, что настойчивое желание писателя, чтобы его новую пьесу «Вольпоне» поставили в советском театре, в зависимость от чего он ставил издание этой пьесы «Временем», не осуществилось. Стихи Цвейга также не вошли в издание «Времени», однако это произошло главным образом потому, что издание в сущности было не закончено, а прервано на 12 томе, поскольку получение новых произведений Цвейга слишком замедлилось. В планы издательства входила возможность публикации избранных стихотворений Цвейга в готовившемся 13 томе собрания сочинений: «Если же одних новых новелл не хватит для целого тома, то к ним можно было бы присоединить собрание Ваших избранных стихотворений. Если это последнее предположение представляется Вам приемлемым, то мы просили бы Вас указать, какие Ваши стихотворные пьесы Вы желали бы видеть переведенными на русский язык, и прислать нам немецкий их текст» («Время» Цвейгу 24 мая 1931); кроме того, отдельные стихотворения Цвейга, в основном в переводе М.Л.Лозинского, предваряли некоторые тома собрания сочинений (отбиралось стихотворение, тематически перекликающееся с данным томом).

Состав первых пяти томов собрания сочинений был сразу и легко согласован между Цвейгом и издательством, автор также посоветовал заказать предисловие профессору Рихарду Шпехту, что и было сделано (вместе с критико-библиографическим очерком Шпехта первый том собрания сочинений Цвейга открывался предисловием М. Горького, полученным «Временем» к большой радости Цвейга) и прислал свои

портреты работы Франса Мазерееля (Цвейг «Времени», 8 ноября, 15 и 30 декабря, 1926 // Азадовский, 229–230, 233–234, 237–238). Первые три тома составили уже переведенные «Временем» сборники новелл (Т. 1 – «Первые переживание», Т. 2 – «Амок», Т. 3 – «Смятение чувств», с добавлением новеллы «Закат одного сердца»). В четвертый том, «Незримая коллекция» (1927), вошли прочие новеллы (выход этого тома издательство некоторое время задерживало, надеясь получить новую большую новеллу, о которой упоминал Цвейг (Цвейг «Времени», 26 марта 1927 г.; «Время» Цвейгу, 22 сент. 1927 г.), однако после сообщения писателя о том, что эта большая работа откладывается из-за его занятости новым сочинением о Л. Толстом (письмо Цвейга «Времени», 26 сентября 1927 // Азадовский 1977, 241–242), том был выпущен в свет). В 1928 году вышел пятый том, «Роковые мгновенья», в предисловии к которому В.А.Десницкий, выступая от имени «Времени», особенно выделил легенду «Глаза извечного брата», которую и Цвейг в начале своего эпистолярного общения с издательством считал самой эффектной для советского читателя (Цвейг «Времени», 30 декабря 1925), а также «Легенду о сестрах-близнецах», поскольку она была получена издательством еще в рукописи и представляла собой совершенную новинку. После выхода 5 тома «Время» сообщило Цвейгу, что теперь ими напечатаны «все написанные Вами до сих пор повести и легенды» и они ждут новых сочинений и соображений по составу следующих томов («Время» Цвейгу, 22 февраля 1928).

Большое эссе Цвейга о Л. Толстом, составившее 6-й том (1928), было получено «Временем» в рукописи (Цвейг «Времени», 31 января 1928 г.), поспешно переведено к сентябрьским толстовским торжествам в Москве, на которые собирался приехать Цвейг, и увидело свет, когда в Германии были опубликованы лишь отдельные его части. Из-за юбилейной спешки издательство не стало дожидаться получения двух других текстов будущей немецкой книги писателя «Drei Dichter ihres Lebens» (1928), «Три певца своей жизни», над которыми Цвейг еще работал, и, озаглавив шестой том в первом издании «Певец своей жизни. Лев Толстой», включило в него лишь одно эссе; при переиздании тома (в 1929 году) он был расширен и повторил полностью немецкое издание: «Три певца своей жизни. Казанова Стендаль. Толстой», а также включил общее предисловие Цвейга к полному составу тома (говорившее о Толстом в его сопоставлении с Достоевском, что связывало 6-ой том с 7-м, «Три мастера. Бальзак. Диккенс. Достоевский», 1929) и факсимиле его написанного в Москве от руки предисловия. Этот дорогой полиграфический *tour de force* – помещение цветной вклейки с рукописным текстом автора, создававшей у читателя убедительную иллюзию, что он держит в руках настоящую, подлинную рукопись писателя, было одним из придуманных «Временем» оригинальных способов дополнительно указать на авторизованность

своего издания, впоследствии этот прием использовался в издании собрания сочинений Р.Роллана.

Увлечение Цвейга Л. Толстым и его приезд на толстовские торжества в Москву в сентябре 1928 г., когда, кратко посетив Ленинград, он познакомился лично с директором издательства И.В. Вольфсоном и его семьей (письмо И. В. Вольфсона А.М. Горькому, 17 ноября 1928 г. // Архив Горького 1964, 46–47) – вероятно, немецкоговорящей, придали более теплый и личный оттенок его общению со «Временем» (начиная с конца 1929 года свои письма во «Время» Цвейг адресует лично «дорогому господину Вольфсону» – который, впрочем, был скоро арестован (3 апреля 1930 г.) и в переписке начали возникать многомесячные лакуны). У издательства, однако, не было иллюзий относительно качества толстовского эссе Цвейга, к которому сам писатель относился весьма серьезно («Надеюсь, Вас заинтересует эта работа, которая, правда, во многих местах содержит выпады против Толстого-философа (я считаю Толстого выдающимся духовным явлением, но довольно слабым и своенравным мыслителем)»; Цвейг «Времени», 31 января 1928 // Азадовский 1977, 245). Б.М. Эйхенбаум дал пространную и трезвую оценку его банальности для русского читателя и ощущения дурновкусия «шикарного» стиля немецкого автора:

Книга Цвейга не ставит никаких ни историко-литературных, ни теоретических проблем. Ее основная задача – не научная, а художественная: нарисовать духовный (и физический) образ Толстого, не в его становлении, не в эпохе, а вне времени – как образ необыкновенного человека. Это – история жизни, из которой выделены наиболее значительные моменты. Много места уделено характеристике наружности Толстого и описанию его редкого физического здоровья (“Vitalität”) в связи с чем особый акцент поставлен на теме “боязни смерти”, проходящей через всю книгу. О произведениях Толстого Цвейг говорит мало, суммарно и не оригинально, повторяя довольно привычные, по крайней мере для русского читателя, суждения (глава “Der Künstler”) и не останавливаясь отдельно ни на чем. В основе как этой главы, так и некоторых других, лежит ставшее уже довольно банальным после Мережковского противопоставление Толстой – Достоевский. Достоевский – визионер, фантаст и пр., Толстой – чувственник, правдист, почти сама природа. Надо, вообще, сказать, что в основных своих тезисах и наблюдениях Цвейг очень близок к Мережковскому и писал, по-видимому, не без влияния со стороны его книги. Обычна и трактовка Толстовского “кризиса”, хотя, как и многое другое, описан он очень ярко, красноречиво и взволнованно. Любопытны страницы, связывающие этот кризис с переломом возраста – с ослаблением организма. Особый интерес имеет глава “Die Lehre”, в которой Цвейг резко нападает на Толстого за упрощение проблем и называет его мышление “нечестным”. Здесь, как и в других главах, Цвейг не привлекает никакого исторического материала и потому несколько наивен, но самое раздражение немецкого культурнейшего писателя против такого глубоко-

русского, “нигилистического” явления, каков Толстой, интересно как факт. Глава “Ein Tag aus dem Leben Tolstois” должна произвести неприятное и даже отчасти комическое впечатление – своей искусственностью, своим педантизмом. При переводе эту главу, мне кажется, нужно было бы совсем опустить [глава в русском переводе сохранена – М.М.]. Старичок-Толстой целый день делает не то, что ему хочется, ворчит, сердится, а ложась спать думает о смерти. Книга написана чрезвычайно красноречиво, “шикарно” – до такой степени, что местами чувствуется, как Цвейг любит собственным стилем и никак не может остановиться. Одна и та же мысль обрастает целым стилистическим кружевом. В книге, несомненно, больше слов, чем мыслей. Если позволить себе некоторую резкость – с точки зрения современного русского человека она может быть названа даже болтливой и должна разочаровать. Но, конечно, независимо от трактовки Толстого, книга эта интересна как книга Цвейга. Для него Толстой – все же экзотическое явление, явление очень чужой культуры, которую он плохо понимает. Само собой разумеется, что Толстой, взятый вне таких эпох, как 50-ые, 60-ые и 70-ые годы, не может быть понят. Для нас, в свою очередь, книга Цвейга о Толстом – своего рода экзотика, любопытная и характерная.

(Внутр. отзыв Б.М. Эйхенбаума, 6 мая 1928 г.).

Аналогичный по тону отзыв дал Петр Константинович Губер (рецензируя включенные в собрание сочинений «Марселину Деборд-Вальмор», «Борьбу с демоном», а также не включенные «Поездки»): в них «тот же прием риторической амплификации, тот же блестящий фейерверк эффектных фраз, те же “портреты с натуры”, втиснутые в гущу отвлеченных рассуждений. <...> Поклонникам Цвейга, а их у нас, как известно, немало, книга должна понравиться, но раз уж “Время” выпускает в свет полное собрание сочинений Цвейга...» (внутр. отзыв П. Губера, 30 мая 1929).

Написанная Цвейгом биография поэтессы Марселины Деборд-Вальмор вызвала первоначально и цензурные опасения: Шульговский счел, что «издание этой прекрасной книги у нас невозможно. Она не подходит идеологически. Ее перевод явился бы у нас прямо вызовом. Это главная и непреоборимая причина. Другая – слишком малое количество лиц, способных заинтересоваться этой книгой. Идеология той поэтессы, биографией которой занята книга, совершенно неприемлема в своей конечной части, да и в общем не особенно приятна у нас. Исключение лишь для той части, где г-жа Деборд-Вальмор сочувствует рабочему движению в Лионе <...>. Но это сочувствие вытекает не из каких-либо теорий, что поэтесса всегда была на стороне бедняков и обиженных <...>. В конце, лишившись всех близких и оставшись одна на свете после страдальческой жизни, Марселина всецело обращается к Богу, которому, впрочем, и раньше она отдавала дань в своей поэзии. Это не роман, где можно, не нарушая действия, выкинуть нецензурные подробности, это

картина жизни и характеристика всего творчества, следовательно устранить нельзя не только такую важную часть, как конец жизни поэтессы, но даже детали. Вообще же, несмотря на чрезвычайно светлый и обаятельный образ г-жи Деборд-Вальмор, равно как и на удивительную прелесть ее поэзии, все же она кажется и слезливой и сентиментальной, так что цензура ни в коем случае не пропустит книги. Для нее облик этой поэтессы (кроме Лиона) будет и чужим и вредным» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 6 октября 1927). Однако В.Зоргенфрей, более адекватно понимавший требования советской цензуры и соответственно способы их обойти, счел желательным включение книги о Деборд-Вальмор в собрание сочинений, предложив объединить ее «с другими литературно-биографическими очерками автора (о Достоевском и пр.); при этом условия потеряли бы свое значение, в качестве некоторых цензурных препятствий, нередкие в книге цитаты с обращениями поэтессы к богу и пр. – они явились бы исключительно-литературным, архивного характера материалом; трактовка самого Цвейга, тоже не чуждая формально-религиозной окраски (по крайней мере в его терминологии) не встретила бы, вероятно, в этом случае, особо серьезных возражений» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 2 ноября 1927). В результате биографические очерки Цвейга вышли в седьмом томе («Три мастера. Бальзак, Диккенс, Достоевский», 1929), а «Марселина Деборд-Вальмор. Судьба поэтессы» – в восьмом (1930), стихи перевел М. Лозинский.

Следующая только что законченная Цвейгом биография – «Жозеф Фуше. Портрет политического деятеля», была прислана в издательство почти одновременно с выходом книги по-немецки (1929): листы еще не вышедшей книги были получены «Временем» к началу октября 1929 года («Время» Цвейгу 4 октября 1929 г.), однако из-за цензурных затруднений перевод вышел только в 1932 году, в 9 томе собрания сочинений. Как сообщалось в отзыве инспектировавшей «Время» осенью 1933 года бригады ленинградского Горкома партии, первоначально написанное предисловие к «Фуше» «недостаточно отражало лицо книги» – в результате книге было предпослано предисловие профессора А. Кудрявцева, разъяснившего советскому читателю, что это не исторический, а чисто художественный жанр, в котором главные действующие лица даны в намеренно одностороннем, драматическом освещении, народ же безмолвствует, – «пример полного непонимания коммунизма у писателя с ярко выраженной мелкобуржуазной психикой» (*Проф. А. Кудрявцев. Предисловие к русскому изданию // Собрание сочинений С. Цвейга. Т. 9. Жозеф Фуше. Портрет политического деятеля / Пер. П.С.Бернштейн. Под ред. Б.М.Эйхенбаума. Л.: Время, 1932. С. 11–12).*

Состав следующих трех томов, с десятого по двенадцатый, вышедших в 1932 году, был согласован между издательством и автором с

самого начала и включал уже опубликованные сочинения Цвейга: «Борьба с безумием. Гельдерлин. Клейст. Ницше» (т. 10), «Врачевание и психика. Месмер. Мери Беккер-Эдди. Зигмунд Фрейд» (т. 11) и биографию Ромена Роллана, с приложением предисловия, специально написанного Цвейгом в 1929 году для издававшегося «Временем» собрания сочинений Роллана (т. 12).

Однако издательство, особенно после визита Цвейга в Россию, не переставало ожидать новых его произведений, которые Цвейг постоянно обещал, и завершение собрания в 1932 году двенадцатым томом было не обдуманно заранее логическим финалом, а скорее обрывом, из-за невозможности продолжать ожидать окончания и присылки Цвейгом новых произведений. Просьба издательства к Цвейгу о присылке «новых новелл и Stuck. Мы будем признательны, если пришлете их нам заблаговременно – в рукописях и корректурах» («Время» Цвейгу, 4 октября 1929) постоянно повторяется в 1929-31 гг. В мае 1931 года «Время» еще имело планы продлить издание за 12 том, надеясь включить в него новые новеллы и стихотворения Цвейга: «Содержание 13-го тома нам еще неясно и тут мы просим Ваших любезных указаний. Было бы очень хорошо, если бы сюда можно было включить Ваши новые новеллы, из которых одна (Buchmendel) у нас уже имеется и нами переведена. Если же одних новых новелл не хватит для целого тома, то к ним можно было бы присоединить собрание Ваших избранных стихотворений. Если это последнее предположение представляется Вам приемлемым, то мы просили бы Вас указать, какие Ваши стихотворные пьесы Вы желали бы видеть переведенными на русский язык, и прислать нам немецкий их текст» («Время» Цвейгу 24 мая 1931), а также новый роман – через год, уже выпустив 12 том с биографией Роллана, «Время» вновь напоминало: «Вы любезно обещали доставить нам Ваши новые новеллы и роман. Нам крайне желательно было бы получить их по возможности скорее, т.к. мы имеем сейчас возможность довольно быстро впустить их в свет» («Время» Цвейгу, 26 марта 1932 г.), однако писатель ответил, что его новая поездка в Россию откладывается, новый же роман (речь вероятно идет о романе «Нетерпение сердца» («Ungeduld des Herzens»), вышедшем по-немецки в 1938 году) «застрял на середине, ибо я принялся за большую биографию Марии-Антуанетты, которая будет доставлена Вам еще летом» (Цвейг Времени, 4 апреля 1932). По цензурным соображениям, впрочем, публикация «Временем» действительно присланного Цвейгом в начале 1933 года его нового сочинения – романизированной биографии Марии Антуанетты (1932), оказалась невозможной. Цвейг это предвидел: «<...>прошу Вас при возможности сообщить, реально ли издание этой вещи в России – ведь речь там все-таки идет о королеве. Одно зарубежное издательство, находящееся в Париже, уже обратилось ко мне с предложением издать эту книгу, однако я ответил им отказом, потому что

не желаю, чтобы мои вещи печатались сначала на той стороне. Скажите мне пожалуйста, прямо и открыто, есть ли препятствия к изданию этой книги» (Цвейг «Времени», 4 января 1933 // Азадовский 1977, 253) – издательство ответило кратко, поскольку цензурный подтекст сообщения был Цвейгу ясен: «К сожалению мы лишены возможности выпустить в свет Вашу книгу “Мария-Антуанетта”» («Время» Цвейгу, 27 января 1933).

Весной 1932 года «Время» предприняло еще одну попытку оживить свое сотрудничество с Цвейгом, предложив ему выпустить к пятнадцатилетию Октябрьской революции и одновременно к планировавшемуся новому его приезду в Россию сборник его избранных новелл (аналогичное предложение было сделано Р. Роллану и его книга «На защиту Нового Мира» вышла, см. об этом далее): «Подбор новелл намечен у нас следующий: 1) Амок, 2) Женщина и ландшафт, 3) Письмо незнакомки, 4) Улица в лунном свете, 5) Двадцать четыре часа из жизни женщины, 6) Страх, 7) Легенда о сестрах близнецах и 8) Мендельбукинист. Сборник будет выпущен нами вне собрания Ваших сочинений, в совершенно новом и, надеемся, нарядном оформлении. Вся художественная часть – переплет, иллюстрации, заставки, украшения – поручена нами хорошо известному Вам художнику-граверу А.И.Кравченко, который даст нам свыше 110 досок. Он приступил уже к работе. Позвольте обратиться к Вам с двумя просьбами: 1) Вы не откажете может быть в любезности придумать для этого издания какое-нибудь короткое выразительное название, которое мы могли бы поместить на переплете. 2) Мы были бы чрезвычайно благодарны Вам и внутренняя ценность книги возросла бы в сильной мере, если бы Вы нашли возможным написать специально для нее, учитывая юбилейный ее характер, несколько слов предисловия» («Время» Цвейгу, 9 мая 1932 года); 9 июня 1932 издательство просило Цвейга поторопиться с ответом, сообщая, что «работа А.И.Кравченко сильно продвинулась и мы уже реально работаем над книгой» – в частности, издательство обратилось к Горькому с просьбой написать предисловие к сборнику (письмо «Времени» Горькому, 13 апреля 1932 // Архив Горького 1964, 54-55), однако во «Времени» этот проект не реализовался (после закрытия «Времени» сборник новелл Цвейга с таким составом представил в государственное издательство В.А.Зоргенфрей: *Цвейг Стефан. Избранные новеллы. Пер. с нем. под общ. ред. В.А.Зоргенфрея. Л.: Гослитиздат, 1935*)

Еще в начале 1933 года, уже после выхода 12-го, оказавшегося последним, тома собрания сочинений, «Время» имело планы продолжать его и сообщало писателю: «мы по-прежнему с большим интересом и нетерпением ждем новых Ваших этюдов и новелл для выпуска очередного XIII тома Ваших сочинений» («Время» Цвейгу, 27 января 1933), – однако новых произведений не было получено и собрание сочинений заглохло. Последнее сохранившееся в архиве письмо Цвейга датировано 26 июля

1934 года, в нем он, в частности, предлагает прислать для перевода свою только что вышедшую книгу об Эразме Роттердамском (Азадовский 1977, 254–255), однако это уже не имело смысла – через 5 дней издательство «Время» прекратило свое существование, а наследовавшим ему Гослитиздатом собрание сочинений Цвейга продолжено не было. Однако, как справедливо утверждает И.А.Шомракова, несмотря на то, что ни собрание сочинений Цвейга, выпущенное «Временем» (ни следующее, выпущенное издательством «Правда» в приложении к журналу «Огонек» в 1963 году, «текстологически и отчасти композиционно» подготовленное на основе издания «Времени»; Шомракова 1968, 207) не являются полными, собрание сочинений «Времени» – «единственное на русском языке прижизненное и авторизованное издание и поэтому оно сохраняет значение текстологического первоисточника» (Там же).

В работе над изданием Цвейга «Времени» пришлось столкнуться с тремя проблемами, характерными для советского рынка изданий иностранных авторов. Во-первых, решив выплачивать гонорар Цвейгу автору предисловия Рихарду Шпехту (150 долларов) в валюте через советский Госбанк (так, за вышедший отдельно сборник из двух новелл «Смятение чувств» (1926) объемом 4,18 а.л. автору причиталось, из расчета, в соответствии с договором, по 30 рублей за лист, 125 р. 40 коп., что составляло 61 доллар 32 цента («Время» Цвейгу, 19 окт. 1926); гонорар Шпехту назначил сам Цвейг в размере 150 долларов), «Время» зависело от получения разрешений на отправку денег за границу и лимита выделяемых на это сумм, поэтому несколько раз издатели вынуждены были извиняться перед Цвейгом, что, не по своей вине, переводят гонорар не в полном объеме и с задержкой («Время» Цвейгу, 27 января, 14 февраля 1927). Позже, вероятно, перевод денег в валюте вообще оказался для кооперативного издательства невозможен, и оно просило Цвейга дать доверенность знакомому лицу или учреждению в России на получение причитающегося автору гонорара в рублях («Время» Цвейгу, 24 мая 1931; к этому времени сумма причитавшегося ему гонорара достигла уже 1631.70 р., т.е. около 800 долларов; вероятно, проблема эта не разрешалась, потому что к 23 октября 1932 г. сумма неполученного гонорара составляла уже 2217.60 р.).

Во-вторых, несмотря на договор и авторизацию Цвейгом издания «Времени», в обстоятельствах, когда Советская Россия не приняла Бернскую конвенцию, этот договор юридически не препятствовал другим советским издательствам игнорировать права «Времени» и также выпускать русские переводы Цвейга. Основным способом конкуренции было здесь для «Времени» выпускать свои переводы быстрее – так, в 1927 году «Время» торопило Цвейга с присылкой новелл для 4-го тома, мотивируя это тем, что хоть писатель и передал «Времени» исключительное право на издание своих произведений, это не остановило

Государственное издательство от выпуска в свет сборника его новелл (вероятно, имелся в виду сборник Цвейга «Причуды сердца», вышедший в гизовской «Библиотеке всемирной литературы» в 1927 г. и переизданный «Прибоем» в 1929 г.), и теперь «Время» опасается, что ГИЗ может перевести и другие новеллы, запланированные для 4 тома, поскольку все они по-немецки уже вышли («Время» Цвейгу, 11 марта 1927).

И, наконец, третьей проблемой были взаимоотношения с русскими эмигрантскими издательствами, также имевшими планы издавать иностранных авторов по-русски: Цвейг, получив предложение от рижско-берлинского издательства «Polyglott»⁹⁹ продать им неэксклюзивные права на перевод книги «Три поэта своей жизни» (копию письма, посланного «Polyglott» в «Inselverlag» 21 марта 1929 г., Цвейг переслал «Времени»), посоветовавшись со «Временем», которое попросило его этого не делать ввиду того, что само планировало распространять свои издания за границей через АО «Международная книга» (Цвейг «Времени», 4 апреля 1929; «Время» Цвейгу, 23 мая 1929), предложение «Polyglott» отклонил.

Ирония ситуации с русскими эмигрантскими издательствами, зарегистрированными в Латвии, для советского книгоиздания заключалась в том, что поскольку Латвия, как и Россия, не подписала Бернскую конвенцию по авторскому праву,¹⁰⁰ довольно многочисленные рижские издательства, выпускавшие литературу на русском языке, имели полное право «пиратски» издавать не только собственно произведение европейского автора, но использовать его готовый русский перевод, вышедший в Советской России, что они регулярно и делали, откровенно указывая имена обобранных ими переводчиков: так, вышедший во «Времени» в 1925 году сборник Цвейга «Амок» был полностью перепечатан в 1926 году рижским издательством «Хронос»; сборник «Смятение чувств» («Время», 1926) повторило плодовитое рижское издательство «Граматы драугс» в 1927.¹⁰¹ То же «Граматы драугс» в 1929 году перепечатало отдельным сборником 4 том собрания сочинений Цвейга, вышедшего во «Времени», «Незримая коллекция» (1929), а в 1930-м – пятый том, «Роковые мгновения» (1928). Таким же образом были

⁹⁹ Вероятно, имеется в виду зарегистрированное в Берлине издательство «Polyglotte G.m.b.H.», существовавшее в 1925-1931 гг., владельцы Давид Левит и Йозеф Самуэльсон, выпустившее всего три книги (см.: <http://russkij-berlin.org/05Kratz-Verlage.html>, № 162). Благодарю за это указание Р.Д.Тименчика.

¹⁰⁰ Латвия присоединилась к римскому акту Бернской конвенции 1928 года только в 1937 году, см.: <http://infopravo.by.ru/fed1991/ch05/akt18112.shtm>.

¹⁰¹ Причем одну новеллу, которую «Время» не включило в этот сборник (но перевело позже для соответствующего, третьего тома собрания сочинений, 1927), рижане позаимствовали из другого советского издания Цвейга, «Причуды сердца» (Л.: Библиотека всемирной литературы, 1927); в переводе П.С.Бернштейн, выполненном для «Времени», новелла называется «Закат одного сердца», в переводе М. Цейнера, давшем заглавие рижскому сборнику – «Гибель сердца».

переизданы многие новинки иностранной литературы, переведенные и выпущенные в издательстве «Время» и в других советских издательствах.¹⁰² Однако проблема с русскими эмигрантскими издательствами в Европе – уже не в Риге, где не действовала Бернская конвенция, а в Швеции и Берлине, где русские эмигрантские издательства официально приобретали у иностранных издательств права на издание русского перевода иностранного автора – возникшая у «Времени» позже, в ходе работы над изданием Роллана, потребовала от издательства гораздо больших усилий и изобретательности.

Если издание Цвейга, хоть и иссякшее к 1932 году, было прибыльным издательским предприятием, поскольку Цвейг был автором модным (первые тома собрания, вышедшие шеститысячными тиражами, «Время» в 1929-30 гг. допечатывало вторым и третьим тиражами), то следующее авторизованное собрание сочинений, затеянное «Временем» в конце 1928 года – Ромена Роллана – «в материальном отношении», как с самого начала понимали издатели, не могло «представлять большого интереса, т.е. сочинения Роллана вряд ли могут рассчитывать на широкий сбыт, в частности, благодаря своему объему, но Роллан – классик, его сочинения – настоящая литература, и несмотря на трудности, связанные с этим изданием, мы идем на это» (письмо И.В. Вольфсона А.М. Горькому, 17 ноября 1928 г. // Архив Горького 1964, 46–47). Издание Роллана шло гораздо труднее, чем издание Цвейга, и дало «Времени» уникальный опыт.

Ромен Роллан

Решив издавать собрание сочинений Ромена Роллана – признанного современного писателя-классика, симпатизирующего Советской России,¹⁰³ издательство «Время» прежде всего, в ноябре 1928 года, для придания веса изданию, обратилось к М. Горькому, который был хорошо знаком как с Ролланом, так и с работой издательства, и попросило его написать предисловие, собираясь выпустить первый том собрания сочинений через

¹⁰² В своих воспоминаниях владделец «Граматы драугс» Х. Рудзитис не упоминает о своих связях с советскими издательствами или переводчиками (*Rudziņis Helmars. Manas dzīves dēkas. Rīga: Zinātne, [1997]*). ?лагодарю за это сообщение Б.А.Равдина.

¹⁰³ Еще в 1925 году издательство рассматривало возможность перевода пьесы Роллана «Игра любви и смерти» из эпохи Великой французской революции, на которую написал положительную рецензию Н. Шульговский: "Пьеса Р. Ролана весьма интересна и драматична. Запоминается она и видится из одного только чтения навсегда», хотя и высказал цензурные опасения в связи с возможностью актуальных проекций рассуждений героев о допустимости террора (внутр. отзыв Н. Шульговского, 22 августа 1925 на: *Rolland Romain. Le jeu de l'amour et de la mort. Paris, 1925*), однако тогда Роллан «Время» не заинтересовал. В процессе работы над собранием сочинений Роллана эта пьеса была переведена для тома «Театр революции».

год, в декабре 1929 года: «Вы много раз писали и говорили о Ромене Роллане. Вы писали о нем с такой теплотой и уважением, Вы так ценили его идеализм и мужество, что было бы совершенно естественно видеть первое в России собрание сочинений Ромена Роллана с Вашим предисловием» (И.В. Вольфсон М. Горькому, 17 ноября 1928 // Архив Горького 1964, 47; записка с адресами Роллана и парижского издателя Роллана «Albin Michel», сохранившаяся в архиве «Времени», также датирована 17 ноября 1928 г.) С аналогичной просьбой о предисловии издательство обратилось к Стефану Цвейгу, автору книги о Роллане, переведенной в 1923 году ГИЗом («Время» Цвейгу, 19 ноября 1928).¹⁰⁴

Тогда же «Время» обратилось с письмом к Роллану, рассказав о своей работе – о том, что издательство существует уже 6 лет, издало более 300 произведений русских и иностранных авторов, о качестве его работы можно справиться у С. Цвейга, авторизованное собрание сочинений которого «Время» выпускает – и предложило издать его произведения на русском, прежде всего «Жан-Кристофа», который пока совершенно неизвестен большинству русских читателей. Издательство просило Роллана написать предисловие к русскому собранию сочинений и предлагало ему такие же (с поправкой, вероятно, на инфляцию) условия, как С. Цвейгу (50 р. за авторский лист за новые произведения в случае получения их «Временем» за 3 месяца до появления их в свет за границей) («Время» Роллану, 21 ноября 1928; в следующем письме издательство сообщило Роллану о согласии Горького дать предисловие; «Время» Роллану, 27 ноября 1928). Однако красноречивый французский друг Советского Союза, как оказалось, был, в отличие от Цвейга, сильно раздражен тем, что его книги выходили в советской России без разрешения и с купюрами, и не желал иметь дела с советским издательством:

Я слишком поглощен неотложной работой, чтобы уделить сейчас время писанию предисловия к моему ЖАН-КРИСТОФУ, произведению для меня далекому и превзойденному. Признаюсь Вам, впрочем, что я не вижу никаких оснований к тому, чтобы я участвовал в издании, которое не только не сулит мне никаких выгод, но не гарантирует даже точного и полного воспроизведения текста моих сочинений. У меня под рукой томы различных русских изданий “Жан-Кристофа” и других моих книг, и я мог убедиться в том, с каким малым уважением отнеслись к полному тексту. Не допуская никакой цензуры для произведений ума, я – даже и молчаливо – не соглашусь подвергнуться таковой в России <...> Добавлю, что несколько недель назад некоторые друзья мои в

¹⁰⁴ И Горький, и Цвейг охотно согласились дать предисловия и, после множества напоминаний, предисловие Цвейга было получено в августе 1929 г., а Горького – в октябре 1929 г. (см. письма И.В.Вольфсона М. Горькому 21 декабря 1928, 15 мая и 4 октября 1929 г. // Архив Горького 1964, 49–51; историю написания Горьким этого предисловия см. в: Дистлер 1959).

России предложили мне заняться моими книжными делами. Я не дал еще по этому поводу никакого ответа.

(Роллан — «Времени», 3 декабря 1928. Здесь и далее письма Роллана цитируются по русским переводам, выполненным издательством, если не оговорено иное).

«Время» попыталось объяснить писателю, что «произошло по-видимому недоразумение: речь идет о предисловии не к “Жан-Кристофу”, а к СОБРАНИЮ ВАШИХ СОЧИНЕНИЙ В ЦЕЛОМ» и, главное, их предложение исходит из желания, общего с Ролланом – обеспечить полный и качественный перевод его произведений на русский, в контакте с автором:

Вы говорите о том, как неудовлетворительно были выпущены предыдущие издания ваших книг на русском языке. Ваша забота о хорошем качестве издания не только не противоречит нашим стремлениям, но совершенно совпадает с ними, т.к. забота о том, чтобы издание получилось возможно более тщательным и заставила нас обратиться к вам. Вы, например, говорите о “Жане-Кристофе” как о произведении “далеком и превзойденном”. Может быть потому вы сочли бы нужным кое-что в нем исправить или вычеркнуть. Уважение к чужому труду и заставляет нас обращаться к автору и заботиться о том, чтобы издание вполне удовлетворяло его во всех отношениях. В тех же целях мы предложили написать к собранию ваших сочинений предисловие самому крупному современному русскому писателю Максиму Горькому, относящемуся к Вам с большим уважением. <...> С просьбой составить критико-библиографический очерк к собранию ваших сочинений мы обратились к Стефану Цвейгу, написавшему о вас большую книгу и относящемуся к вам с большой любовью и уважением. <...> От г-на Цвейга мы также получили согласие. <...> не можем не коснуться и материальной стороны вопроса. Мы вам предложили гонорар только за новые произведения и в случае получения их нами за 3 месяца до появления их в свет за границей потому, что в этом случае мы получаем один единственный плюс – возможность выпуска книги РАНЬШЕ другого издательства и ничего больше. Никаких других прав мы не получаем, т.к. из-за отсутствия конвенции любое издательство имеет право выпустить то же произведение, независимо от соглашения издательства с автором. Это последнее обстоятельство исключает возможность уплаты иностранному автору нормального гонорара за весь печатаемый текст, ибо подобная уплата, значительно удорожив издание, лишила бы его возможности конкурировать с другими, не оплаченными гонораром изданиями того же произведения. Единственное, что мы можем сделать в этой области – это оплатить ваше предисловие к русскому изданию, а также те поправки, которые вы пожелали бы внести в текст ваших произведений специально для русского издания. <...> Мы подчеркиваем, что наше предложение имеет временный характер – до заключения Правительством конвенции с заграницей. Как только такая конвенция будет заключена, мы будем очень рады заключить с вами настоящий договор с соответствующим обязательством выплачивать вам гонорар.

(«Время» Роллану, 17 декабря 1928).

Однако, судя по письму Ромена Роллана московскому юристу Аркадию Григорьевичу Пертцику, которому он официально поручил с 16 января 1929 г. представлять свои интересы в Советской России «в сношениях со всеми издателями, издательствами, журналами, театрами, кинофабриками и т.д.», которое Пертцик переслал «Времени», это объяснительное письмо издательства до писателя либо не дошло, либо он решил его игнорировать и, хотя и получил от Цвейга рекомендации «Времени», по-прежнему не хотел авторизовать издаваемое собрание, решив, впрочем, на всякий случай, сформулировать свои требования к возможным советским изданиям своих сочинений. Относительно гонорара писатель требовал, чтобы «пока, причитающиеся мне суммы не выходили бы из России, и чтобы я мог располагать ими в пользу лиц или русских общественных дел, которые я укажу. (Я позднее вернусь более подробно к этому вопросу. Существенно то, чтобы следуемые суммы были пока записаны и сохранены так, чтобы я мог ими располагать)» (Роллан Пертцику, 16 января 1929, подчеркивания автора письма), таким образом впоследствии «Время» не сталкивалось в отношениях с Ролланом с проблемами лимитов валютных операций, которые затрудняли переводы гонораров С. Цвейгу и Р. Шпехту. Однако с патетической риторикой Роллана, облакавшего свои вполне прагматичные требования лозунгами Свободы Духа, Моральных Гарантий и цели Будить Народ, издательству пришлось иметь дело постоянно.

Роллан утверждал, что его прежде всего волнуют «моральные гарантии касательно русских изданий, настоящих или будущих, моих произведений. Я хочу быть уверенным в неприкосновенности и литературном совершенстве переводов, которые будут даны публике», он был категорически против упрощенных переложений иностранных книг, которые часто выпускались советскими издательствами: «Так, меня уведомил Панаит Истрати о проекте “Комсомольцев” в Москве выпустить один том “Жана Кристофа”, приспособленный, переделанный, сведенный к одному действию, будто бы для того, чтобы сделать его доступны всем. Я абсолютно против таких искажений. Я не знаю, есть ли способ помешать им: я в этом сомневаюсь.¹⁰⁵ Но я хотел бы хотя бы, чтобы мой протест был отмечен и сделан гласным. Как раз потому что я питаю такое же уважение к массам как к искусству, я считаю унижительным и для искусства и для масс думать, что последние могут воспринять произведение искусства только снизив его к уровню плохой фильма или глупого бульварного романа. Я пишу, чтобы учить, будить, поднимать,

¹⁰⁵ Действительно, части «Жана Кристофа», посвященные детству и юности героя, издавались по-русски в адаптированном для детей виде: *Роллан Р. Жан-Кристоф*. Перевод и обработка А.С.Соколовой. М.-Л.: ГИЗ, 1930.

вести народ, а не чтобы льстить его духовной лени. Я считаю себя в этом его истинным другом. – Я хотел бы, чтобы вы сделали известным это мое заявление» (Роллан Пертцику, 16 января 1929; см. также письмо Пертцика «Времени», 20 января 1929 г.).

Несмотря на то, что договор с Ролланом еще не был заключен, «Время» активно вело работы по подготовке издания, о чем сообщило Пертцику, делая ему официальное предложение «передать нам исключительное право издания собрания всех сочинений Ромэна Роллана на русском языке в качестве авторизованного издания, причем со своей стороны гарантируем качество издания как в редакционном, так и техническом отношении. <...> Присовокупляем, что нами уже проделана значительная работа по подготовке издания к выпуску. Два тома уже сданы в Ленинградский Облалит» («Время» Пертцику, 31 января 1929). Пертцик, вероятно проинструктированный Ролланом заранее, тут же согласился предоставить «Времени» «монопольное право издания на русском языке полного собрания сочинений г. Роллана» и перечислил условия: издание должно было быть осуществлено в течение двух лет со дня подписания соглашения, которое почему-то должно состояться не позже 20 февраля 1929 г. (впрочем, договор заключался «на четыре года с правом пролонгации его в случае аккуратного выполнения Издательством договора»); общую редакцию собрания сочинений Роллан требовал поручить президенту ГАХН профессору Петру Семеновичу Когану, при условии, что гонорар его как редактора не должен превышать 10 рублей за печ. лист; помимо предисловий М.Горького и С. Цвейга, собранию должна быть предпослана статья А.В.Луначарского, которую брался обеспечить Пертцик; авторский гонорар Роллана устанавливался в размере сорока рублей за лист «как ранее вышедших, так и новых произведений писателя, каковой выплачивается Издательством автору в советской валюте путем взноса на текущий счет его в Государственном Банке», однако Роллан отказывался от получения гонорара, если бы пункт договора о монопольном праве издания был бы им или его представителем недостаточно обеспечен; тираж изданий устанавливался в количестве пяти тысяч экземпляров (Пертцик «Времени», 31 января 1929).

В процессе согласования первого варианта договора с Ролланом «Время» обратилось с письмом в Главлит – текст этот, написанный с учетом требований Роллана, ясно говорит о том, какие основные проблемы стояли перед советским издательством, взявшимся выпускать полное авторизованное собрание сочинений живого иностранного классика, заручившись его согласием на предоставление эксклюзивного права издания своих произведений по-русски. Во-первых, в условиях строгой предварительной цензурной проверки всех рукописей, издательство не могло гарантировать, как того требовал Роллан, не допуская «никакой цензуры для произведений ума» и не

соглашавшийся «подвергнуться таковой в России» (Роллан «Времени», 3 декабря 1928), что «ни один отрывок» из его французских произведений не будет выпущен из русского издания без его «ведома и согласия» (Роллан «Времени», 25 окт. 1929). Поэтому «Время» вынуждено было просить «моральных» гарантий у Главлита: «Ромэн РОЛЛАН, предоставляющий нам монопольное право издания на русском языке полного собрания его сочинений, ставит среди других условий, условие об обязательном выпуске полного текста его сочинений без каких-либо сокращений. В связи с этим просим указаний Главлита, можно ли принять такое обязательство пред Ромэном РОЛЛАНОМ» («Время» в Главлит, 6 февраля 1929 г., в левом углу листа приписка карандашом: «Не подано, но прочитал 6/2 1929 г. Нач. Главлита т. П.И. Лебедев-Полянский и не возражал»).

Во-вторых, в условиях отсутствия в Советской России авторской конвенции на иностранные книги, издательство не имело реальных юридических инструментов для реализации предоставленного ему автором монопольного права издания, что ясно выяснилось при издании Цвейга: «В виду того, что Ромэн Роллан предоставляет издательству монопольное право издания его сочинений и соглашение об этом праве связано для издательства с принятием на себя обязательств редакционного, технического и материального свойства, с чем связаны и интересы Ромэна Роллана, просим указаний Главлита также насчет того, может ли Ромэн Роллан быть уверен в том, что не будут выпущены какие-либо параллельные издания его сочинений без его, автора, на то согласия» (Там же). Несмотря на то, что Лебедев-Полянский «не возражал», издательству все же пришлось впоследствии несколько раз вступать в борьбу с советскими государственными издательствами, желавшими издавать Роллана, и вновь обращаться за помощью к Главлиту (об этом см. далее).

Издательство разработало договор, в котором были учтены требования Роллана, а также добавлен важный для «Времени» пункт (использованный уже в договоре с Цвейгом) о том, что автор обязуется «высылать Издательству все вновь написанные им произведения в рукописи или в корректуре не позднее, чем за три месяца до опубликования их за границей» – новый текст договора, сообщенный Роллану Пертциком, писатель одобрил и тут же сообщил о своем согласии написать предисловие к изданию, дававшему ему «подходящий случай публично выразить свои симпатии, старинные симпатии к России» (Пертцик «Времени», 20 февраля 1929). Договор между издательством «Время», в лице И.В.Вольфсона, и Р. Ролланом, которого представлял А.Г.Пертцик, действовавший на основании доверенности, данной ему письмом Роллана от 16 января 1929 г., был подписан 15 марта 1929 года, тогда же «Время» заключило договор с П.С.Коганом на редактирование

собрания сочинений Роллана (вторым редактором стал член товарищества, сотрудник «Времени» академик С.Ф. Ольденбург).

Однако в течение года после подписания договора издательству пришлось разрешить ряд проблем и в конце концов заключить новый договор. Прежде всего, проблему создавало посредничество А.Г. Пертицка. Сначала он долго не мог представить предисловий ни от Роллана, ни от Луначарского (от последнего под тем предлогом, что Луначарский не может писать свой текст, пока не прочтет предисловие Цвейга – который, в свою очередь, тоже отговаривался неотложными делами (письма «Времени» Пертцику, 7 мая и 4 июня 1929 г.; Цвейгу 23 мая 1929 г.; Пертцика «Времени», 10 июня 1929)).

Что касается обещанного Ролланом специального предисловия к русскому изданию, то оно было написано первоначально в форме «Привета Жан-Кристофа его русским братьям», причем Роллан просил напечатать его параллельно по-французски и по-русски – «я нахожу, что это придаст ему больше значительности» (Роллан «Времени», 1 июля 1929; Пертцик «Времени», 8 и 12 июля 1929; М.П.Кудашева «Времени», 25 сент. 1929) – для «Времени», впрочем, важнее было, чтобы в этом предисловии Роллан, «во избежание выпуска другими издательствами параллельных, может быть сокращенных изданий», упомянул о том, что издание «Времени» – первое авторизованное им издание его произведений на русском языке, и что он предоставил издательству «Время» исключительное право на выпуск русского их перевода («Время» Роллану, 2 июля 1929). В конце концов, «Привет» писателя и его письмо «Времени», авторизующее издание, были даны в двух разных текстах Роллана, помещенных в первом томе издания (французский текст письма был воспроизведен на вклейке факсимильно). Первый вариант «Привета Жан-Кристофа его русским братьям» Роллан закончил 1 июля 1929 г. (Роллан «Времени», 1 июля 1929) и отправил Пертцику, который обязался представить «Времени» его русский перевод, выполненный С. Я. Парнок под редакцией П. С. Когана, через две недели (Пертцик «Времени», 12 июля 1929). Однако, после многочисленных напоминаний издательства посредством писем, телеграмм и личных встреч с Пертциком московского представителя издательства Ю.В.Зайдлера и директора издательства И.В.Вольфсона, перевод (выполненный М.С.Кудашевой под ред. П.С. Когана) был выслан с двухмесячным опозданием, в конце сентября 1929 г. (Кудашева «Времени», 25 сент. 1929, Коган «Времени», 27 сентября 1929 г.). Текст этот, однако, впоследствии претерпел изменения, связанные с проблемами авторского права, с которыми неожиданно столкнулся Роллан (см. об этом далее).

Ко второму сентября 1929 года «Время» уже перевело Пертцику все 600 рублей причитавшегося ему по договору гонорара, однако так и не получило от него обещанных предисловий Роллана и Луначарского

(«Время» Пертцику, 2 сент. 1929) – зато Пертцик успел затеять два конфликта. Сначала он высказывал претензии к темпам работы «Времени» (хотя без предисловий первый том издания все равно не мог выйти): «хочу выразить свое сожаление, что в переводе находятся только первые две части “Жана Кристофа”. При таком темпе работы у меня возникают сомнения в возможности выполнения в срок договора, на чем я буду настаивать» (Пертцик «Времени», 9 авг. 1929), – на которые издательство отвечало примирительно и подробно:

Вы спрашиваете, “можно ли рассчитывать на то, что Издательство примет необходимые меры к выпуску обусловленного договором количества печатных листов в условленный срок”. Смеем думать, что ответом на этот вопрос может служить факт подписания нашим Издательством договора с Вами от 15 марта с.г. В нашей долголетней уже издательской практике не было ни одного случая невыполнения нами каких бы то ни было принятых на себя обязательств, и репутация наша в этом отношении достаточно тверда, чтобы стоило подробнее на этом останавливаться. Не в наших правилах действовать с необдуманной поспешностью, а такое большое, сложное и ответственное дело, как полное собрание сочинений Ромэна Роллана, требует на наш взгляд особенно осмотрительного к себе отношения. Нас крайне связывало долгое неполучение нами предисловий Роллана и Цвейга – материала, имеющего чрезвычайно важное значение для судьбы издания. Как только они были получены, мы сразу же приступили к интенсивной работе и по редакционной и по технической линии. В настоящий момент в переводе находятся первые пять частей “Жан Кристофа”. В самое ближайшее время будет приступлено к переводу VI тома. При подборе переводчиков каждая кандидатура нами долго обсуждалась и взвешивалась, но мы не жалеем о потраченном на это времени, так как теперешний состав наших переводчиков вполне обеспечивает действительно первоклассный литературный перевод <...>. Так же осторожно подходим мы и к вопросу о художественном и техническом оформлении издания. К предварительному участию в этой ответственной части работы мы привлекаем выдающихся мастеров книжной графики (Рерберг, Кирнарский и др.). В самом ближайшем времени мы должны получить от них эскизы и тогда решим, на ком из них остановиться окончательно. Мы затрудняемся заранее фиксировать даты выхода отдельных томов, однако не сомневаемся, что, если не возникнет тех внешних «непреодолимых затруднений», о которых говорится в нашем договоре, то в пределах текущего года нами будет выпущено не менее шести частей “Жан Кристофа”.

(«Время» — Пертцику, 17 авг. 1929).

Пертцик, желая, вероятно, продемонстрировать свою приверженность защите интересов Роллана, продолжал бессмысленно обострять отношения с издательством:

Обращаясь к объяснениям Издательства касательно срока выпуска

собрания сочинений Роллана, я, к сожалению, не могу их признать удовлетворительными. Отсутствие предисловия Роллана и статьи Цвейга вовсе не могло служить препятствием к печатанию собрания сочинений, ни к выбору переводчиков, ни к переводам, ни к работе по редактированию перевода. Подготовительные работы к художественному и техническому оформлению также не зависели от предисловий. О привлечении Кирнарского и других мне сообщалось еще 15 марта, в день подписания договора. Если этим художникам для составления макетов необходимо полгода, то сколько времени понадобится на выпуск каждого тома. Меня очень огорчает медленность, проявленная Издательством в выполнении договора на издание собрания сочинений Р. Роллана, тем более огорчает, что вообще Издательство выпускает книги довольно быстро, если оно того делает или находит нужным. В свете указанных возражений Издательства особенно опасным для нашего дела представляется мне ссылка на “непреодолимые затруднения”, якобы могущие задержать выполнение договора, а также обещание (снова с оговорками) выпустить шесть частей “Жана Кристофа”, когда по договору предусмотрено был не менее 60 печатных листов. <...>».

(Пертцик — «Времени», 11 сент. 1929).¹⁰⁶

«Время» отвечало уже с явным раздражением, что «тревога, высказываемая Вами по поводу медленного хода наших работ, по меньшей мере преждевременна. Не повторяя того, что нами по этому вопросу уже говорилось, отметим лишь, что подготовительная работы по выпуску издания, как известно всякому сведущему в издательском деле лицу, требует всегда гораздо больше времени и забот, чем заключительная стадия работы и что шесть частей “Жан Кристофа” и составляют как раз 60 печ. листов. Позвольте еще добавить, что мы не менее Вас заинтересованы в выходе возможно большего числа листов нашего издания в этом году и ни в какой мере не заинтересованы в оттяжке его выпуска. Если бы это было не так, какой смысл был бы нам – судите сами – вкладывать наш труд и оборотные средства с тем, чтобы они не имели движения. Итак, не будем вносить в этот вопрос мешающей делу нервности: повремените немного и Вы увидите, что ближайшие месяцы рассеют все ваши преждевременные опасения», – и призвало не слишком «сведущего в издательском деле» Пертцика заняться лучше «проталкиванием тех вопросов, которые реально задерживают работу по

¹⁰⁶ Договор на художественное оформление собрания сочинений Роллана был заключен «Временем» с Марком Абрамовичем Кирнарским 9 декабря 1929 г. (в архиве сохранился машинописный экземпляр договора с правкой, без подписей сторон) – он, в частности, «изготавливает рисунки переплета, обложек, супер-обложек, форзаца, заставок и концовок для всех томов, разрабатывает макеты титульных и шмуц-титульных листов» и получает за первые 10 000 томов – 265 р., за каждую тысячу томов сверх первых 10 000 – по 2 рубля; за рисунки для переплетов, обложек и супер-обложек всех томов кроме первого – по 15 рублей за каждый рисунок.

выпуску издания» («Время» Пертцику, 18 сент. 1929) – в частности, доставкой им предисловий Роллана, написанного более 2 месяцев назад (издательство готово было само перевести французский текст) и Луначарского (оно задерживалось из-за того, что Луначарский хотел прежде прочесть предисловие Цвейга, построив свое предисловие, которое было в конце концов написано, в большой степени как ответ Цвейгу – издательство отправило Пертцику предисловие Цвейга вместе с письмом 17 августа 1929 года, однако поверенный Роллана по истечении почти месяца сделал вид, будто письмо получил, а предисловие – нет).

Вторым конфликтом, спровоцированным Пертциком, действительно вносившим в работу «мешающую делу нервность», была его реакция на публикацию ленинградским государственным издательством «Прибой» отрывков «Жан-Кристофа» под заглавием «Молодые годы Жан-Кристофа» в сокращенном переводе А.Н. Горлина и Б. К. Лившица (1929): Пертцик выражал «глубокое сожаление по поводу того, что Издательство “Время” не сообщило мне о намерениях указанных переводчиков и “Прибоя” и тем не дало мне возможности предупредить возмутительный акт нарушения моральных прав Ромен Роллана, прав, гарантированных ему Народным Комиссариатом Просвещения» – хотя «Время» естественно не могло и не было обязано знать о планах других издательств, и заявлял «о недопустимости участия гр. Горлина в какой либо степени в выполнении русского издания полного собрания сочинений Ромена Роллана» (Пертцик «Времени», 7 сентября 1929). Издательство отвечало, что, естественно, «”намерения” других издательств и работающих в них переводчиков» им не могут быть нам известны, хотя они и сообщали Пертцику дошедшие до них слухи, что Ленотгиз готовит сокращенное издание первых томов Кристофа:¹⁰⁷

Теперь по существу дела. – “Прибоем” выпущен не весь Кристоф, а только первые четыре его части и то не целиком, а в переработке для юношества. Не входя в обсуждение вопроса о качестве этого издания и о целесообразности его выпуска, мы можем констатировать лишь одно, что, поскольку мы собираемся выпустить всего Кристофа в исчерпывающе полном, художественном переводе, издание “Прибоя” вряд ли может составить какую-либо конкуренцию нашему изданию. Поэтому с этой точки зрения к выходу издания “Прибоя” относимся довольно безразлично. Затем об участии в этом переводе А.Н.Горлина. Насколько нам известно, эта работа выполнена им еще несколько лет назад, т.е. задолго до того, как ему стало известно о нашем договоре с Ролланом и об

¹⁰⁷ Полтора месяца спустя, прочитав в «Литературной газете» (18 ноября 1929) объявление о выпускаемой «Огоньком», в котором Пертцик служил юрисконсультom, «Библиотеки романов», где фигурировал и «Кола Бреньон», «Время» обратилось в Пертцику – который и должен был охранять права Роллана – с предложением «принять меры к тому, чтобы этот роман был исключен из библиотеки “Огонька”» («Время» Пертцику, 22 ноября 1929).

отношении Роллана к сокращению его произведений. С другой стороны его перевод 2 частей Ж. Кристофа (IV и X) был принят нами к изданию и проведен через цензуру еще много месяцев тому назад. Об этом нами было сообщено П.С.Когану, который одобрил его в качестве переводчика. Горлин – превосходный, высоко образованный переводчик с огромным литературным опытом. Согласитесь с тем, что при таких условиях у нас не может быть ни права, ни основания порывать с Горлиным и тем самым порочить всеми уважаемого литературного работника, облеченного общественным доверием и занимающего ответственные должности заведующего Иностранным отделом Ленотгиза, Ленинградским отделением ЗИФа и Издательством “Academia”. Резюмируя все сказанное, мы полагаем, что вступать в какие бы то ни было конфликты в связи с выходом вышеупомянутого издания “Прибоя” и с участием в этом издании Горлина нам отнюдь не следует. Создавать шум вокруг этого вопроса значит подвергать риску нормальную работу по выпуску нашего издания. Мы должны идти своей дорогой и делать все возможное для более качественного издания собр. соч. Роллана.

(«Время» — Пертцику, 18 сент. 1929), –

и в тот же день инструктировало своего московского представителя Юлия Вениаминовича Зайдлера, чтобы он немедленно заехал к Пертцику и лично передал ему это письмо и очерк Цвейга: «Цель вашего свидания – объяснить Пертцику, до какой степени было бы неуместно и нецелесообразно поднимать какую бы то ни было историю в связи с изданием “Прибоя”. Порывать с Горлиным, опытным редактором и ответственным работником Госиздата, ЗИФа и Академии, мы, конечно, не можем. Необходимо сразу же исчерпать этот вопрос и получить от Пертцика твердое обещание отказаться в этом деле от всякой агрессивности. Пертцик, вероятно, опасается того, что мы в связи с выпуском “Прибоем” книги Роллана имеем право не платить гонорара. Но мы не собираемся этого делать. Важно выяснить, писал ли Пертцик по поводу этого что либо Роллану и что именно» («Время» Ю.В. Зайдлеру, 18 сент. 1929).

В конечном счете роль Пертцика в издании русского собрания сочинений Роллана оказалась незначительной – окончательный текст договора с писателем от 20 марта 1930 г. был заключен помимо него, сам он вероятно в 1930 г. был арестован и сослан (издательство и Роллан прибегали тут к прозрачным эвфемизмам: переведен на службу в другой город и «в виду дальности расстояний, едва ли может быть полезен вам» («Время» Роллану, 14 апреля 1931), «работает где-то на Хибинских рудниках» (Роллан «Времени», 17 июня 1932 г.)).

Другим важным для Роллана вопросом, который пришлось решать «Времени» в процессе работы над собранием сочинений, было устройство приезда к нему его друга (с 1931 г. секретаря, с 1934 – жены) Марии Павловны Кудашевой: «о некоторых вопросах, связанных с этим

изданием, я хотел бы побеседовать с моим другом, г-жей Марией Кудашевой; она этим изданием живо интересуется и могла бы, по Вашему поручению, достать у меня необходимые вам документы и материалы. Вы сделали мне большое одолжение, если бы выхлопотали ей у ВОКСа разрешение на выезд из России с целью поездки в немецкую Швейцарию, куда я твердо надеюсь получить для нее разрешение на въезд, чтобы она пробыла там дней 10-20. Это посещение я мыслю в августе. <...> В сентябре я предполагаю вернуться в кантон Вод, куда русским разрешение на въезд дают неохотно. Необходимо поэтому, чтобы г-жа Кудашева совершила свое путешествие до сентября. Во всяком случае, желательно как можно скорее урегулировать все вопросы, связанные с предполагаемым изданием. Расходы по путешествию в Швейцарию и пребывание там г-жи Кудашевой я беру на себя» (Роллан «Времени», 1 июля 1929 г.).

Мария Павловна Кудашева (Кювилье) (1896–1985) начала переписываться с Ролланом в 1923-24 гг. (она инициировала переписку под впечатлением от прочитанного ею «Жан-Кристофа») и потом встретила с ним в Париже, где была в 1925 г. вместе с П.С.Коганом (в Париже она познакомилась с французской литературной средой, в частности, с Жоржем Дюамелем, который устроил публикацию книги ее французских стихов, и организации приезда которого в Советскую Россию весной 1927 года она в свою очередь способствовала). Весной 1928 года она возобновила переписку с Ролланом, «когда случайно прочла его письмо – “Ответ Бальмонту и Бунину”» (письмо М. Кудашевой М. Волошину, 17 февраля 1929 г. // РО ИРЛИ. Ф. 562 (М.А.Волошин). Оп. 3. № 1035. Л. 109); ¹⁰⁸ осенью начала перечитывать «Жан-Кристофа» и написала цикл стихов Роллану (см. письма М. Кудашевой М. А. Волошину 4 января 1927, 17 февраля 1929 // РО ИРЛИ. Ф. 562 (М.А.Волошин). Оп. 3. № 1035. Л. 109–109об., 119–119об.). Стихи М.П.Кудашевой сохранились в фонде Волошина – вероятно, из множества любовных стихотворений, писавшихся ею по-французски практически каждый день в период с 12 сентября 1928 по 15 февраля 1929, к Роллану обращены те, где она взывает к «отцу» и «мэтру». Приведем одно стихотворение, в котором очевидно обыгрываются мотивы «Жан-Кристофа»: «Antoinette est morte / Et Sabine est morte. / Comment veux-tu / Que je sois heureuse? // Dans la terre

¹⁰⁸ Письмо это, имевшее актуальный политический смысл, о чем счел нужным упомянуть Луначарский в своем предисловии к собранию сочинений Роллана (*А.В.Луначарский. Ромэн Роллан как общественный деятель // Собрание сочинений. С предисловиями автора, М. Горького, А.В.Луначарского и Стефана Цвейга. Под общ. Ред. Проф. П.С.Когана и акад. С.Ф.Ольденбурга. Т. 1. С. 7*), Кудашеву вероятнее всего заинтересовало по причинам сугубо личным – поскольку у нее в ранней юности был хорошо известный адресату ее письма М. Волошину роман с Бальмонтом (см.: Обатнин 2011).

froide / Elles sont couchés, / Dans les vers qui grouillent / Et la paix de Dieu. // Et Christophe rit, / Et Christophe tient / Dans ses bras vivants / Sa vivante amie, // Sa vivante amie / Qui sourit et pleure... / Oh! Comment veux-tu / Que je sois heureuse? (23 Décembre 1928)» (РО ИРЛИ Ф. 562. Оп. 6. № 166. Л. 21).

Мария Павловна действительно живо интересовалась советским изданием собрания сочинений Роллана (хотя для «Времени» ее вмешательство было не всегда благотворным – вероятно, в значительной степени именно через нее в работу были включены москвичи, посторонние «Времени» – П.С.Коган как главный редактор (Кудашева была близка с ним с середины 1920-х),¹⁰⁹ юрист «Огонька» А.Г. Пертцки, который, как следует из цитируемого далее письма, был рекомендован П.С.Когану для ведения его дел М.П.Кудашевой, и которого Роллан назначил своим поверенным в России, переводчики С.Я. Парнок и Б. А. Грифцов) – об этом свидетельствует письмо М. Кудашевой 17 февраля 1929 г. к ее давнему другу М. Волошину с предложением участвовать в переводе собрания сочинений Роллана: «Затевадается издание полного собрания сочинений Ромэна Роллана. <...> нужны переводчики (уже несколько есть), – но я хотела бы чтобы все имена были “громкие”, – как при издании Ницше: сотрудничали В. Иванов, А.К.Герцык, и т.д. Для того чтобы пригласили тех, кого я хотела бы, – по качеству, а не по “знакомству” или “поддержке”, – я пошлю ему – Роллану – список лиц, которых я ему рекомендую (конечно получив от этих лиц согласие на это) – и попрошу его этих лиц в свою очередь назвать своему поверенному – юристу, (кот<орый> ведет и дела П.С.Когана, и которого я ему и рекомендовала) этих лиц, дабы он их и предложил бы издательству. Я просила С. Парнок, Пастернака, – сегодня попрошу Шервинского и Грифцова, – и хочу и тебя просить – принципиально, согласен ли ты? – Напиши мне об этом возможно скорее. (Уже самим издательством выбраны: Лозинский, проф. Смирнов, и Горлин)». (РО ИРЛИ. Ф. 562 (М.А.Волошин). Оп. 3. № 1035. Л. 119-119об. Благодарю Г.В.Обатнина, указавшего мне на это письмо). П.С.Коган поддержал этот выбор

¹⁰⁹ В начале 1927 г. Кудашева сообщала Волошину, что бывает у Когана «каждый день, – даю ему уроки фр. языка и иногда (часто) пишу под его диктовку на машинке) (письмо от 4.1.1927, л. 109об.–110), а с начала 1928 г. стала его литературным секретарем (письмо Кудашевой М. Волошину, 19 июня 1928 // РО ИРЛИ. Ф. 562 (М.А.Волошин). Оп. 3. № 1035. Л. 116). В том же письме Волошину Кудашева сообщает о других своих занятиях того периода: «Кроме того работаю немного по “Вокс’у” <...>. Там образовалась “Литер<атурная> Секция” и мне в ней поручен “франц. отдел”. Пока я собираю по фр<анцузским> журналам что о нашей литер<атуре> пишется, должна следить за переводами, входить в сношения с ин<остранными> писателями и т.д. Это очень интересно. / Осенью наконец выходит моя вторая книга. <...> Очень оживленно переписываюсь с Duhamel и Durtain. И с R.Rolland, – который, мечтаю, приедет осенью» (Там же. Л. 117–117 об).

московских переводчиков, сообщая «Времени», что считает «необходимым поручить переводы: Пьер и Люс, Клерамбо, Жизнь Бетховена, Толстого, Ганди, С.Я.Парнок. Жизнь М.Анджело – Б. Пастернаку, Бетховена и часть книг по музыке – М. Петровскому. Часть пьес – В.М.Морицу и С.В.Шервинскому (по три пьесы каждому). Эмпедокл (по просьбе Роллана) – Шервинскому, народный театр – М. Волошину» (Коган «Времени», 31 июня 1929). «Времени», впрочем, удалось по большей части обойти эти рекомендации Когана и использовать труд более близких ему ленинградских переводчиков – весьма вероятно, как предполагает И.А.Шомракова, что издательство могло мотивировать это тем, что, будучи кооперативным, по уставу обязано было использовать труд прежде всего своих членов (Шомракова 1968, 208–209, прим. 41).

Пертцик прислал «Времени» проект письма, которое издательство должно было адресовать в ВОКС по поводу поездки к Кудашевой к Роллану, где были изложены те же мотивы, что и в письме Роллана (Пертцик «Времени», 8 июля 1929) – письмо было тут же переписано «Временем» и послано от имени издательства в ВОКС, в нем делался упор на то, что издание, которое будет вестись «под наблюдением и при содействии автора», имеет не только культурное, но и политическое значение, поскольку «Ромэн Роллан выразил желание оставить всю сумму причитающегося ему гонорара в советской России и пожертвовать его на какое либо общественное дело, мотивируя это решение своим желанием публично засвидетельствовать свое сочувствие к Советскому Союзу» – в связи с этим «Ромэн Роллан хотел бы дать ряд указаний по изданию путем личных переговоров, для которых он просит приехать к нему М.П.Кудашеву, которую он лично знает и которая является секретарем проф. П.С.Когана, редактора собр. сочинений Роллана» (письмо «Времени» в ВОКС, один сохранившийся в архиве машинописный экземпляр датирован 10 июля 1929 г., другой, идентичный, – 17 июля 1929). Роллан также настойчиво просил Горького помочь с выездом Кудашевой (см. письма Роллана Горькому, 28 июля 1929, 6 и 15 авг. 1929 // Горький 1985, 161–162, 163) и в сердцах восклицал: «Можно подумать, что в Москве только и заняты изобретением способов растерять последних своих друзей, которые еще остались среди независимых умов Запада. Я никогда не забуду такого неуважения ко мне» (Роллан Горькому, 6 авг. 1929 // Там же, 163). Благодаря вмешательству Горького, а также тому, что издание «Времени» дало формальный мотив для выезда Кудашевой к Роллану, Мария Павловна получила разрешение на поездку (Роллан Горькому, 17 августа 1929 // Архив Горького 1985, 164) и провела месяц в Швейцарии у Роллана (с 1931 года она переселилась во Францию, где взяла на себя обязанности секретаря Роллана, в том числе и в его сношениях со «Временем»).

Более серьезной проблемой оказались обязательства Роллана перед его французским издателем «Albin Michel», который, как выяснилось, в 1920 году (при предшественнике А. Мишеля Оллендорфе) уступил право перевода и издания на русском языке «Жан-Кристофа», «Клерамбо» и «Кола Брюньона» русским эмигрантским издательствам в Швеции (Акционерному обществу «Aktelbolaget Sveriges Litografiska Tryckener») и Германии («Слово»¹¹⁰), из-за чего Роллан не имел законного права давать «Времени» письменное разрешение на русское издание всех своих произведений, как он это сделал в первых вариантах договора и предисловия к изданию. Пертцик тут же предложил простейший, но лишенный смысла шаг – потребовал, чтобы «Время», дабы защитить интересы Роллана, само обратилось с формальными письмами к Роллану, а также в шведское и немецкое издательства, беря на себя всю ответственность за издание, в том числе и тех произведений, которые Роллан не имел права им передавать (Пертцик «Времени», недат. письмо, штамп о получении 12 окт. 1929) – однако эти письма не имели никакого юридического веса, поскольку сообщали и так известный факт, что Россия не входит в Бернскую конвенцию. «Время», хотя Роллан и торопил с ответом (Кудашева «Времени», 1 ноября 1929; Пертцик «Времени», 2 ноября 1929), не видя смысла писать иностранным издательствам («Время» Пертцику 9 ноября 1929), сосредоточилось на внесении необходимых изменений в договор с Ролланом, требовавшим теперь оговорить, что предоставляет «Времени» право издания не всех вообще, а только «принадлежащих ему произведений» (Пертцик «Времени», недат. письмо, штамп о получении 12 окт. 1929). Кроме того, Роллан требовал соответственно изменить текст его предисловия к русскому собранию сочинений, первоначально озаглавленного «Привет Жан-Кристофа его русским братьям» – убрать из заглавия упоминание «Жан-Кристофа» как именно того текста, права на русский перевод которого писатель не имел, и назвать его «Привет Ромэна Роллана русским читателям», а также снять указание месяца и дня написания приветствия (Роллан «Времени», 25 окт. 1929): «<...> ввиду того, что юридическое положение в России отлично от моего, вы имеете право печатать их (те три произведения Роллана, права на русский перевод которых были проданы зарубежным эмигрантским издательствам – М.М.) без формального моего на то разрешение, но с молчаливого согласия. И никто не может воспретить мне обратиться к читателям СССР с выражением моей симпатии. Вот почему вы можете напечатать в качестве предисловия мой “привет русским друзьям”» (Роллан «Времени», 12 октября 1929).

Если Роллан опасался прежде всего претензий со стороны европейских издательств, приобретших в свое время права на русский

¹¹⁰ В берлинском издательстве «Слово» русский «Colas Breugnon» вышел в 1922 году в переводе Владимира Сирина (В.В.Набокова) под заглавием «Николка Персик».

перевод некоторых его произведений, то «Время» лишалось тут возможности назвать издаваемое им собрание сочинений Роллана «авторизованным» – ради чего все сложное дело и затевалось, поскольку это, пусть больше моральное, чем юридическое определение, давало издательству приоритет перед всеми другими советскими издательствами и основание для апелляций к содействию Главлита:

Приступая к изданию ваших сочинений, мы все время исходили из расчета на то, что выпускаемое нами собрание будет вами полностью авторизовано. При полной свободе печатания в СССР переводов любых произведений любого иностранного автора такая полная авторизация, объявленная на титульном листе каждого тома, дала бы нам конечно и большие материальные гарантии и большее моральное удовлетворение. Но раз обстоятельства этому препятствуют, раз вы можете располагать только частью ваших произведений, то мы полагаем, что ограничиться опубликованием в СССР только этой части ваших сочинений и лишать русского читателя возможности ознакомиться с такими образцами вашего творчества, как “Жан Кристоф” и “Клерамбо”, было бы неправильно. Мы думаем потому, что нам достаточно вашего молчаливого согласия для включения и этих произведений в выпускаемое нами собрание. Отсутствие литературных конвенций дает нам на это право и мы надеемся, что благодаря возможности пользоваться вашими указаниями и советами нам удастся с успехом осуществить это издание.

(«Время» — Роллану, 11 ноября 1929).

Роллан однако не согласился даже на формулировку о своем «молчаливом согласии» (хотя сам ранее ее использовал в письме «Времени» 12 октября 1929 г.), желая снять с себя всякую юридическую ответственность: «Термин “молчаливое согласие”, которым вы пользуетесь, говоря обо мне, для авторизации издания вами тех моих произведений, которыми я не могу законным образом располагать, – не годится. Вы можете без моей авторизации печатать все эти произведения; и я не предприму ничего, чтобы против этого возражать. Но идти дальше этого я не имею права» (Роллан «Времени», 26 ноября 1929, подчеркивания Роллана). Невозможность назвать собрание авторизованным во многом лишало для «Времени» смысла все это предприятие, поэтому оно снова обратилось к Роллану с просьбой, «чтобы нагляднее оттенить различную природу наших прав на “Жан-Кристоф” и “Клерамбо”, с одной стороны, и на все остальные Ваши произведения, с другой стороны, не печатать слова: “Авторизованное издание” на титульных листах произведений этой первой группы, однако печатать на остальных» («Время» Роллану, 9 дек. 1929), однако Роллан вновь отказал:

Я не был бы сторонником того, чтобы на титульных листах томов различалось, как вы мне говорите, “издание авторизованное” и издание без

отметки об авторизации. – Юридическое положение договоров на заграничные издания довольно запутано во Франции. Мы, авторы, связаны с французскими издателями на всю жизнь; они присваивают себе право заключать договоры на иностранные переводы; и случалось иной раз – особенно в смутные годы войны – что они делали это, не предупреждая автора <...>. – Таким образом, если бы в одном из томов Вашего “авторизованного издания” оказалось такое произведение, изданием которого на русском языке уже распорядились, то это дало или могло бы дать достаточный материал, чтобы затеять против меня тяжбу. Для этого потребовалось бы лишь немного злой воли, направленной против меня или против СССР, а во Франции и в том и в другом нет недостатка. С большим удовольствием осудили бы дерзкого автора “Ярмарки на площади”, позволяющего себе обнаруживать симпатию к Советским Республикам. Итак я полагаю, что было бы выгоднее и безопаснее и для вас и для меня придерживаться общей моей формулы, которая в силу своей неопределенности не исключает ни одного произведения и покрывает их все, ограждая вместе с тем и от каких бы то ни было нападков: – “Я предоставляю издательству Время исключительное право печатать на русском языке все те мои произведения, которыми я могу располагать”

(Роллан — «Времени», 18 дек. 1929).

Поскольку важнейший для издательства пункт об авторизованности всего издания оказалось невозможным внести ни в договор, ни в выходные данные издания, «Время» указывало на факт непосредственного участия автора над собранием сочинений всевозможными иными способами. Во-первых, сразу после заключения окончательного варианта договора Ролланом, по просьбе издательства, было прислано и помещено в центральной московской газете «Известия ВЦИК» (4 апреля 1930 г.) «Письмо в редакцию» Ромена Роллана, датированное 25 марта 1930 г., в котором он сообщал о готовящемся во «Времени» издании:

Дорогие товарищи! Мне оказывают честь опубликованием в СССР **полного издания** моих сочинений (изд-во “Время” в Ленинграде). Первые томы начнут появляться в ближайшие месяцы, причем Максим Горький и А.В.Луначарский представят их русской публике. Я уведомил моих русских друзей о том, что я совершенно отказался от **своего авторского гонорара, который мне причитался бы за сочинения, которыми я могу располагать**, причем я поставил условием, что эти суммы должны быть полностью переданы изд-вом “Время” **на имя и на текущий счет Первого Московского университета**. Мне было бы приятно, если бы эти деньги пошли на создание фонда **по выдаче стипендий студентам**. Таким путем я хочу публично засвидетельствовать свои братские чувства трудящейся молодежи России и мою преданность СССР. Преданный вам РОМЕН РОЛЛАН.

Во-вторых, на вклейке первого тома собрания сочинений был факсимильно (с русским переводом) воспроизведен присланный Ролланом

по просьбе издательства рукописный текст авторизации издания:

Издательству «Время» Ленинград

Я уступаю Кооперативному Издательству «Время» в Ленинграде исключительное право издания в СССР всех тех моих произведений, которыми я могу располагать.

Сообщаю Вам вместе с тем, что гонорар, предложенный мне Вашей фирмой, предназначается мною для основания стипендий в Первом Московском Университете.

Примите уверения в моей преданности

Ромэн Роллан

Вильнев, 25 октября 1929.

Кроме того, в издательской аннотации к собранию сочинений, помещавшейся в конце каждого тома, неизменно сообщалось о том, что оно готовится при непосредственном участии автора; фотографии Роллана, сопровождавшие каждый том, сопровождались цветным фототипическим воспроизведением пояснительных подписей к ним, сделанных Ролланом по просьбе «Времени»; к некоторым произведениям специально для русского издания – что неизменно оговаривалось в издательских к ним примечаниях – Ролланом были написаны предисловия и послесловия, главным образом излагавшие, с его нынешней точки зрения, историю их создания.

Столкнувшись с проблемой возможных претензий русских эмигрантских издательств, купивших у иностранных авторов права на русские переводы их произведений, «Время» просило Роллана оговорить в договоре, что он предоставляет им исключительное право издания всех произведений, которыми может располагать, не только в Советской России, но шире, «на русском языке», что позволило бы избежать «недоразумений, имевших место с “Жан Кристофом” и “Клерамбо”» («Время» Пертцику, 9 ноября 1929). Первоначально Роллан и здесь настаивал на безопасной для себя формулировке «исключительное право издания в СССР»: «Предоставляемую мною вам исключительное право издания на русском языке распространяется лишь на территорию СССР. Мне не дозволено располагать этим правом вне указанных пределов, так как тут я бы вступил в конфликт с моими французскими издателями, которые со своей стороны отнюдь не отказались от пользования правами на мои произведения, напечатанные вне территории СССР» (Роллан «Времени», 26 ноября 1929), – однако в окончательный текст договора «Время», вероятно, воспользовавшись тем, что к тому времени для Роллана эта проблема потеряла остроту, все же внесло формулировку о том, что «Ромэн Роллан предоставляет Издательству исключительное право издания и переиздания *на русском языке* всех его сочинений, как уже написанных, которыми он имеет право располагать, так и тех,

которые будут написаны им в течение срока действия настоящего договора» (Договор Р. Роллана с издательством «Время», 20 марта 1930 г., курсив наш – М.М.).

Для обсуждения изменений в договоре И.В. Вольфсону пришлось ехать в Москву для личной встречи с Пертциком («Время» Роллану, 18 янв. 1930), в результате 10 января 1930 года они совместно внесли в старый текст договора требуемую Ролланом поправку, добавив к слову «произведений» уточнение «которыми он имеет право располагать». Кроме того, Пертцик все же настоял на том, чтобы обменяться с издательством формальными письмами: он сообщал «Времени», что «после заключения договора с Вами, Роллан, совершенно случайно, узнал о продаже некоторыми его издателями права перевода некоторых его произведений на русский язык. В виду этого он, как он об этом уже писал Вам, не вправе располагать и не может авторизовать перевод некоторых своих произведений, а именно: “Жан Кристофа”, “Клерамбо” и “Кола Бренъон”. Изложенное просим иметь в виду при выпуске собрания сочинений Роллана» (Пертцик «Времени», 10 янв. 1930) – «Время» же отвечало, как того хотел Роллан, что «ограничиться опубликованием в СССР только части его произведений и лишить советского читателя возможности ознакомиться с такими образцами его творчества, как “Жан Кристоф”, “Клерамбо” и “Кола Бренъон” было бы неправильно, в особенности при издания собрания сочинений. При отсутствии литературной конвенции и при полной свободе печатания в СССР переводов любых произведений любого иностранного автора нам не требуется ничего согласия на печатание указанных произведений, почему считаем себя вправе их и печатать в особенности при той тщательности, с которой мы выпускаем собрание сочинений Роллана, как с точки зрения редакционного содержания, так и технического оформления» («Время» Пертцику, 16 янв. 1930).

Однако неприсоединение СССР к международной Бернской конвенции по авторскому праву продолжало оставаться камнем преткновения для инициированного «Временем» юридического оформления договора советского издательства с иностранным писателем: на территории Советской России такого рода договор не имел юридической силы, и «Время» было вынуждено опираться не столько на него, сколько на апелляции к Главлиту и «моральную» поддержку Роллана. В процессе подготовки договора с Ролланом «Время» всеми возможными способами доказывало свою добросовестность,¹¹¹ однако не

¹¹¹ Несмотря на то, что издательство еще до начала выпуска собрания сочинений было занято разрешением юридической коллизии в интересах Роллана и одновременно готовило к печати перевод «Жана Кристофа», составившего первые 5 томов собрания сочинений (все корректуры посылались А.А.Смирнову как редактору перевода романа, П.С. Когану (в Москву) и С.Ф. Ольденбургу как редакторам всего собрания); ожидало

могло ответственно взять на себя то важнейшее для Роллана, не допуская «никакой цензуры для произведений ума» (Роллан Пертцику, 3 декабря 1928), моральное обязательство, что все его тексты будут опубликованы без купюр, чего Роллан долго не желал понимать: «текст договора не дает автору никакой гарантии в том, что его сочинения будут опубликованы в цельности. Между тем я заявляю, что если этого не будет (т.е. если текст изданных сочинений будет опубликован не полностью, или если его смысл будет намеренно изменен), я не могу считать себя “морально” связанным по отношению к Издательству» (Роллан «Времени», 3 февраля 1930). «Времени» же, в особенности при невозможности по юридическим причинам, в интересах Роллана, назвать свое издание авторизованным, была необходима как раз твердая «моральная» гарантия особых отношений с автором: «Появление ваших сочинений на русском языке в другом издании никакой “ответственности” возложить на вас конечно не может. Речь идет не об ответственности, а о том содействии, которое вы и ваши поверенные в СССР можете нам

решения своей просьбы о выделении для издания Роллана бумаги более высокого качества; решало, как соединить высокое художественное качество издания (порученное известному книжному графику М.А.Кирнарскому) и при этом не удорожать и без того дорогое издание (было решено «отказаться от иллюстраций и ограничиться небольшим количеством чисто орнаментальных книжных украшений. Все книги будут даны в коленкорových переплетах с скромным золотым тиснением»; «Время» Пертцику, 11 ноября 1929 г.), Роллан, сам и через Пертцика, настойчиво торопил издательство – требовал прислать ему полный список произведений всех томов и их порядок, а также декларировал: «Не подлежит сомнению <...>, что ни одно из моих произведений, опубликованных во французском издании (речь идет о 4-томном издании “Albin Michel” – М.М.), ни один отрывок из моих произведений, опубликованных во французском издании, не может быть выпущен из русского издания без моего ведома и согласия. И я напоминаю вам в связи с этим, что мои музыкологические произведения должны непременно входить во всякое полное собрание моих сочинений (Роллан «Времени», 25 окт. 1929). Пертцик также регулярно оповещал издательство о том, что «Роллан удивляется, что до сих пор вы не спросили у него никакого совета относительно этого издания, он не хочет видеть в этом небрежности по отношению к автору, хотя это наводит его на всякие сомнения по поводу точности издания, претендующего быть полным собранием сочинений. Ему кажется странным, что с автором не консультировались ни по одному вопросу, хотя несомненно нельзя выпускать такого собрания, не советуясь с автором. Роллан пишет мне, что он разрешит это название “полное собрание” только после того, как “Время” пришлет ему полный список произведений, входящих в собрание, а также порядок выпуска в свет. И только после того, как Роллан подтвердит этот список, он будет иметь возможность назвать это собрание полным» (Пертцик «Времени», 2 ноября 1929), Роллан «снова выражает недоумение по поводу того, что Вы не ответили ему ни на одно его письмо. Роллан никак не может объяснить себе такое молчание Издательства. <...> Прошу Вас обратной почтой разъяснить мне, чем вызывается такое отношение Издательства к уважаемому им писателю» (Пертцик «Времени», 11 ноября 1929).

оказать. Мы имели уже случай на практике убедиться в том, что это содействие может иметь вполне реальное значение и способно дать нам достаточные гарантии в этой области. Вследствие этого мы настоятельно просим вас сохранить в договоре этот пункт» («Время» Роллану, 10 марта 1930). Впоследствии Роллан все же оказывал «Времени» более или менее решительную поддержку в его конфликтах с конкурирующими государственными издательствами (см. об этом далее) и, хотя и с неохотой, соглашался на требуемые цензурой сокращения – «если это неизбежно, я прошу, чтобы сокращения были всегда обозначены в тексте тома пробелами (или точками) размера, равного объему выкинутых слов» (Роллан «Времени», 25 июля 1930).

В сущности, договор с советским кооперативным издательством в отсутствие конвенции и в условиях «зажима» издательства со стороны власти, в цензурной и экономической областях, был юридически ущемлен, что заметил и сам Роллан: в первом варианте договора (от 15 апреля 1929 г.) издательство, пытаясь учесть возможность внезапных изменений советского законодательства как в области авторского права, так и статуса кооперативных издательств, оговорило: «В случае заключения литературной конвенции, настоящий договор сохраняет силу в течение предусмотренных им сроков» (Договор Р. Роллана с издательство «Время», 15 апреля 1929 г.), – Роллан однако нашел, что этот пункт «не принимает в расчет юридические реальности»: поскольку в СССР отсутствует литературная конвенция, «вы не нуждаетесь в чем либо разрешении для издания какого бы то ни было произведения», когда же конвенция будет заключена, «вы бы очутились перед юриспруденцией, установленной в других странах. Что касается моих сочинений, я могу во Франции располагать законно лишь моей частью права разрешения, другая половина которого принадлежит моим французским издателям (я вам это уже объяснял несколько раз). Вследствие этого я могу законно брать обязательства только относительно себя, но не их» (Роллан «Времени», 3 февраля 1930). В результате этот пункт договора был переформулирован так, чтобы обязательства касались только Роллана как автора и частного лица, а не его французских издателей: «В случае, если в течение сроков, предусмотренных п.п. 2-м и 10-м настоящего договора будет заключена литературная конвенция, Ромэн Роллан, как автор, обязуется признать настоящий договор сохраняющим силу на предусмотренные в нем сроки». Кроме того, были исключены два пункта старого договора, ориентированные на возможное изменение властью статуса «Времени»: «13. Издательству предоставляется право выпускать означенные сочинения и от имени других издательств и учреждений, с согласия Ромэна Роллана. 14. Издательству предоставляется право передавать настоящий договор другим лицам и учреждениям с согласия Ромэна Роллана» (Договор Р. Роллана с издательство «Время», 20 марта

1930 г.).

Непринятие Россией Бернской конвенции порождало постоянную опасность юридических претензий издательских фирм, прежде всего конечно русских эмигрантских, купивших права на русские переводы иностранных авторов, к этим авторам, если те заключали официальный договор с советским издательством. После выхода первых томов издания «Времени» шведская издательская фирма «Aktelbolaget Sveriges Litografiska Tryckener», как и опасался Роллан, предъявила ему претензии, через атташе по делам печати шведского посольства в Париже, за публикацию русского перевода «Жана Кристофа», права на который были ей в свое время проданы. Уведомляя об этом «Время», Роллан цитировал те пригодившиеся теперь пункты своего договора со «Времени», которые он привел в своем ответе шведскому посольству, где он передавал право издания только тех своих произведений, которыми «имеет право располагать», а также отказывался от всяких материальных выгод, следуемых ему как автору, передавая весь гонорар Московскому Университету (Роллан «Времени», 2 апреля 1931).¹¹² Поскольку

¹¹² Тут же Роллан заметил, что эмигрантское издательство на самом деле не имело реальной возможности издать и распространить русский перевод его романа из-за крайней узости книжного рынка русской эмиграции: представитель шведского издательства сам написал Роллану о том, что недавно, 4 февраля 1930 г., его французский издатель обратился в шведскую фирму с требованием, чтобы, в случае, если «Жан-Кристоф» был издан ею по-русски, уплатить следуемые согласно договору от 9 октября 1920 г. 10 % с каждого проданного экземпляра, на что шведское издательство указало, что «положение русских эмигрантов лишает возможности продать вне пределов России русское издание “Жан-Кристофа” и что с другой стороны продажа в России издания, напечатанного за границей, по хорошо известным причинам невозможна», — из чего следовало, что шведское издательство либо вообще не издало русский перевод «Жана Кристофа», либо издав, оказалось не в состоянии распространить тираж — «Таким образом, — резюмировал Роллан, — Aktelbolaget намеревается должно быть потребовать от меня, чтобы я предоставил им право похоронить моего “Жан-Кристофа” на вечные времена в их сундуках — если только он в самом деле когда либо был ими напечатан. Я думаю использовать этот аргумент. Мне кажется, что во всяком случае с юридической точки зрения договор должен был бы считаться утратившим силу» (Роллан «Времени», 2 апреля 1931). Юрисконсульт И.Я. Рабинович, давший по просьбе «Времени» заключение на претензии шведской фирмы к Роллану, согласился с тем, что шведская фирма вряд ли по-прежнему обладает правом издания «Жан Кристофа» на русском языке за пределами СССР, поскольку договор с ней был заключен в 1920 г., а книга до сих пор не издана: «По общим же положениям авторского права всех стран основное содержание издательского договора сводится к обязанности (а не только праву) издателя опубликовать и распространить произведения, так как осуществление автором своего авторского права сводится не только к извлечению из него материальных благ (т.н. имущественные права автора), но и к удовлетворению нематериальных интересов автора (т.н. личные права)» (Заключение И.Я. Рабиновича на претензии шведской фирмы к Ромэну Роллану).

А.Г.Пертцик к этому времени был, вероятно, арестован и сослан, «Время» обратилось к юрисконсульту ленинградского Союза писателей, известному в ленинградских литературных кругах адвокату Иосифу Яковлевичу Рабиновичу, который 28 апреля 1931 года, четко и подробно изложив суть договора издательства с Ролланом и претензий шведской фирмы, дал свое заключение – весьма важное для понимания ситуации с авторским правом на произведения иностранных авторов в России в 1920-е гг.:

Претензию шведской фирмы я считаю неосновательной по следующим основаниям.

Международная защита авторского права установлена Бернской конвенцией 1886 г., пересмотренной и измененной Берлинской Литературной конференцией 1900 г. и затем Римской Конференцией 1928 г. (последняя редакция). Конвенция имеет применение в отношении тех государств, которые участвовали в подписании Конвенции или впоследствии примкнули к ней. Ряд государств, в том числе – СССР, Америка, Аргентина, Мексика, Турция, Китай, Югославия, Латвия и др., к Берлинской Конвенции не примкнул, в силу чего права иностранных авторов в этих государствах определяются внутренним законодательством.

По действующему в СССР закону об авторском праве (см. “Основы авторского права” – Собрание Законов СССР, 1928 г., № 27, ст. 245), “на произведение, появившееся в свет за границей или находящееся за границей в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме, авторское право признается лишь при наличии специального соглашения СССР с соответствующим государством и лишь в пределах, установленных таким соглашением” (ст. 2). До сих пор СССР таких соглашений не заключил и потому права иностранных авторов в СССР не подлежат специальной защите.

При этих условиях любое издательство СССР вправе выпустить перевод вышедшего за границей произведения без разрешения автора и без уплаты ему гонорара. Эту возможность имело и издательство “Время” по отношению к Ромэн Роллану. Издание в СССР перевода “Жан Кристофа” ни в коей мере не посягает на права шведской фирмы и ее материальные интересы по той простой причине, что договор о предоставлении исключительного права издания перевода “Жан Кристоф” на русский язык и распространения должен быть по объему ограничительно истолкован как предоставление шведской фирме такого права лишь за пределами СССР, но не на территории СССР, так как в 1920 г. сам гр. Ромэн Роллан не имел, как не имеет и сейчас, исключительно права издания и распространения своих произведений на территории СССР.

По общему же юридическому принципу никто не может передать другому больше прав, чем сам имеет: *nemo ad aliud plus juris transferre potest, quam ipse habet*. Поскольку отсутствовало в части, касающейся СССР, право, беспредметным является и договор в этой части (*impossibilium nulla est obligatio*). Указанные соображения побуждают рассматривать и договор между гр. Ромэн Ролланом и издательством “Время” не как обычный издательский договор, предоставляющий издательству право издания и распространения

произведения за определенную плату, уступку имущественных прав автора. Договор не может рассматриваться с точки зрения возмездного отчуждения авторского права, так как для такой сделки отсутствует прежде всего объект – самое авторское право. При отсутствии такого объекта, при отсутствии права у авторов и его правопреемников и при наличии у издательства “Время”, как и у всякого иного советского издательства права издать перевод “Жан Кристофа” без согласования с автором, для претензий шведской фирмы нет никаких оснований. То, что издательство “Время” пожелало присовокупить к изданию письменную санкцию автора и напечатало выдержку из письма гр. Ромэн Роллана, как равно и то, что издательство в порядке добровольной материальной жертвы пожелало выделить сумму “гонорара” гр. Ромэн Роллану и что гр. Ромэн Роллан от этой суммы отказался, передав ее полностью на нужды общественного воспитания в СССР само по себе никаких прав для шведской фирмы не порождает и породить не может.

Что же касается персонально гр. Ромэн Роллана, надлежит отметить, что он проявил достаточную осторожность в формулировании своих отношений с издательством “Время”. Как в договоре, так и в тексте письма, воспроизведенного на листе, следующем за титульным, гр. Ромэн Роллан настойчиво подчеркивает, что предоставляет издательству право лишь на те “сочинения, которыми он имеет право располагать”. То, что в письме от 10 / I 1930 г., предшествовавшем договору, поверенный автора указал точно, правом на какие именно произведения гр. Ромэн Роллан не располагает, назвав числе других и “Жан Кристофа”, и что в договор включена соответствующая оговорка, полностью лишает шведскую фирму возможности заявлять гр. Ромэн Роллану претензию по поводу действий издательства “Время”.

(Заключение И.Я. Рабиновича на претензии шведской фирмы к Ромэну Роллану).

Однако еще до начала печатания собрания сочинений Роллана, в январе 1930 г., когда Вольфсон с Пертциком согласовали изменения в первом варианте договора, возникли другие проблемы, заставившие «Время» отложить выход первых, уже подготовленных, томов, которые по должны были к этому времени уже увидеть свет (И. В. Вольфсон М. Горькому, 17 ноября 1928 г. // Архив Горького 1964, 47). В первом варианте договора с Ролланом, от 15 марта 1929 г., был пункт, сохранившийся и после внесения изменений 10 января 1930 г., о том, что «вознаграждение уплачивается Издательством в советской валюте путем взноса его на текущий счет Ромэна Роллана в Государственном Банке, по его указанию» (Договор Ромэна Роллана с издательством «Время», 15 марта 1929 г.). Обсуждая необходимые изменения, Роллан об этом пункте не упоминал, однако получив в конце января договор с изменениями, 3 февраля 1930 г. срочным заказным письмом сообщил издательству свои новые условия «*sine qua non*» – прежде всего это касалось формулировки о гонораре:

<...> пп. 8 и 9 <...> позволяют думать 1) что у меня имеется открытый счет в Московском Государственном Банке; 2) что я там регулярно получаю и буду получать какое-то авторское вознаграждение. Этого я ни в коем случае не могу позволить. <...> Я слишком хорошо знаю политику, чтобы подвергать себя возможности, что позже такой текст будет использован для представления меня как лица, получившего какое-то денежное вознаграждение от СССР; и если я защищаю СССР (как я это делаю), я желаю, чтобы это было на виду у всех, в качестве независимого человека, который никому ничего не должен. С другой стороны, слишком много иностранных писателей уже попользовались от СССР, и я не хочу, в настоящих обстоятельствах, извлечь из него какую-нибудь выгоду.

(Роллан «Времени», 3 февраля 1930 г.).

Первоначальная формулировка договора о том, что деньги поступают на счет Роллана в советском Госбанке, что позволяло ему направлять их на какие угодно благие цели внутри России, вполне отражала сразу высказанное писателем благородное желание, чтобы причитающиеся ему суммы не выходили из России и «были пока записаны и сохранены так, чтобы я мог ими располагать <...> в пользу лиц или русских общественных дел» (Роллан Пертцику, 16 января 1929). Роллан, однако, далеко не сразу решил, на какие именно благотворительные цели в Советской России направить свой гонорар: вначале, по словам М.П. Кудашевой, речь шла о благотворительности старомодного толка – он их «распределит между какой-нибудь “oeuvre de bienfaisance” и девочкой по моему выбору (и я уже выбрала) – которая на эти деньги будет воспитываться» (М.П.Кудашева М. Волошину, 17 февраля 1929 г. // РО ИРЛИ. Ф. 562 (М.А.Волошин). Оп. 3. № 1035. Л. 119–119 об.); в июле 1929 г., когда «Время» просило ВОКС разрешить выезд М.П.Кудашевой к Роллану, благотворительная установка Роллана обрела полезное для него политическое значение, однако продолжала оставаться неопределенной: «Ромэн Роллан выразил желание оставить всю сумму причитающегося ему гонорара в советской Росси и пожертвовать его на какое либо общественное дело, мотивируя это решение своим желанием публично засвидетельствовать свое сочувствии к Советскому Союзу» (письмо «Времени» в ВОКС, 10/17 июля 1929). Окончательно мысль о том, чтобы направить деньги Московскому Университету (вероятно, по совету кого-то из московских друзей) оформилась в процессе обсуждения претензий к Роллану шведского и немецкого эмигрантских издательств, когда писатель решил как можно более публично объявить о своем бескорыстии. Это желание Роллана должен был бы учесть действовавший от его лица А.Г.Пертцик и внести необходимые изменения в договор еще при своей встрече с Вольфсоном 10 января 1930 г., однако он этого не сделал, и «Времени» пришлось составлять и отправлять Роллану новый текст договора, в котором было сказано, что «Ромэн Роллан отказывается от

получения лично для себя означенного гонорара и передает его полностью, за указанным в примечании к настоящему договору исключением [примечание касалось гонорара Пертцику, составлявшего, помимо уже полученных им 600 рублей, 10% от гонорара Роллану – М.М.], на дело общественного воспитания в СССР. Сообразно сему все суммы, следуемые в счет упомянутого гонорара, вносятся издательством в Советской валюте непосредственно на имя и на счет Первого Московского Государственного Университета или другого культурно-просветительного учреждения СССР, которое будет указано Издательству Ромэном Ролланом» (Договор Р. Роллана с издательством «Время», 20 марта 1930 г.).

Прислав «Времени» 3 февраля 1930 года новые поправки к договору, нетерпеливый писатель уже 6 февраля весьма раздраженно напомнил, что ждет внесения исправлений в договор и опасается осложнений со своими французскими издателями, а через месяц уже грозил «перенести дело в Комиссариат Народного Просвещения и, к великому сожалению, публично отказаться от этого предприятия, для меня совершенно безвозмездного, ибо желание мое всегда было поступиться всеми моими правами в пользу дела социальной реконструкции, которым я люблю в СССР» (Роллан «Времени», 4 марта 1930). Десятого марта 1930 года издательство отправило Роллану французский и русский экземпляры договора, в который были внесены все необходимые исправления, заметив кстати, что «если с подписанием договора до сих пор еще не покончено, то объясняется это – как вы и сами это признали – только тем, что мы слишком поздно прибегли к способу непосредственной переписки с вами» («Время» Роллану, 11 марта 1930). Действительно, после того, как «Время», прежде всего в лице Г. П. Блока, чьей рукой, вплоть до 1932 года, написаны французские тексты писем издательства Роллану и сделаны переводы писем писателя, вступило с Ролланом в прямое, без посредничества Пертцика, общение, Роллан стал относиться к своим советским издателям без былой вздорной подозрительности, а тон переписки стал значительно более теплым: 20 марта 1930 года Роллан благодарил «Время» за присылку договора, которым был совершенно доволен и подписал (Роллан «Времени», 20 марта 1930), получив подписанные Ролланом экземпляры, издательство, подписав их со своей стороны, 29 марта отослало ему два экземпляра, которые были получены 31 марта («Время» Роллану, 29 марта 1930).

Таким образом, окончательный договор кооперативного издательства «Время» с Ромэном Ролланом на «исключительное право издания и переиздания на русском языке всех его сочинений, как уже написанных, которыми он имеет право располагать, так и тех, которые будут написаны им в течение срока действия настоящего договора» был заключен 20 марта 1930 года:

ДОГОВОР

20 марта 1930 года. Мы, нижеподписавшиеся, РОМЭН РОЛЛАН с одной стороны, и Кооперативное Товарищество «Издательство Время», именуемое в дальнейшем «Издательство», с другой стороны, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Ромэн Роллан предоставляет Издательству исключительное право издания и переиздания на русском языке всех его сочинений, как уже написанных, которыми он имеет право располагать, так и тех, которые будут написаны им в течение срока действия настоящего договора.

Для этой цели Ромэн Роллан обязуется доставить Издательству в течение двух месяцев от сего числа по одному экземпляру всех его сочинений уже вышедших в свет, а также впредь высылать Издательству все вновь написанные им произведения в рукописи или в корректуре не позднее, чем за три месяца до опубликования их за границей.

Издательство обязуется выпустить собрание сочинений Ромэна Роллана в следующие сроки: шестьдесят печатных листов объемом в 40000 печатных знаков в течение первого года со дня подписания сего договора и затем по сто двадцать печатных листов в год (не считая переизданий). <...>

2. Издательство пользуется приобретаемым правом издания в течение четырех лет, считая со дня подписания настоящего договора

3. В течение указанного в п. 2-м настоящего договора срока Издательство имеет право издавать названные сочинения также и отдельно от собрания сочинений <...>.

4. Издательство обязуется выпускать указанные сочинения в переводе вполне квалифицированных переводчиков или под редакцией таких переводчиков.

Для общего руководства образованной Издательством редакционной частью издания собраний сочинений Ромэна Роллана Издательство приглашает П.С.Когана.

Издательство обязуется не производить по своему усмотрению изменений и сокращений текста произведения Ромэна Роллана. Если бы по обстоятельствам, от Издательства независимым, такие изменения или сокращения оказались необходимы, Издательство обязуется в каждом отдельном случае ставить об этом в известность Ромэна Роллана.

<...>

7. Ромэн Роллан в лице своих поверенных в СССР принимает на себя переговоры с А.В.Луначарским о написании последним предисловия для собрания сочинений на русском языке.

8. За приобретаемое право Издательство уплачивает по восьми (8) рублей за каждую тысячу экземпляров каждого печатного листа объемом в 40000 печатных знаков.

Ромэн Роллан отказывается от получения лично для себя означенного гонорара и передает его полностью, за указанным в примечании к

настоящему договору исключением, на дело общественного воспитания в СССР.

Сообразно сему все суммы, следуемые в чет упомянутого гонорара, вносятся издательством в Советской валюте непосредственно на имя и на счет Первого Московского Государственного Университета или другого культурно-просветительного учреждения СССР, которое будет указано Издательству Ромэном Ролланом.

ПРИМЕЧАНИЕ: Из суммы означенного гонорара первые следуемые к уплате шестьсот (600) рублей уплачиваются Издательством поверенному Ромэна Роллана в СССР Аркадию Григорьевичу Пертцику в качестве вознаграждения за работу по защите интересов Ромэна Роллана в СССР.

<...>

10. По истечении срока, указанного в п. 2-м настоящего договора Издательству в случае аккуратного исполнения принятых им на себя настоящим договором обязательств, предоставляется право пролонгации настоящего договора еще на четыре года.

11. До истечения срока действия настоящего договора и до распродажи выпущенных Издательством книг Ромэн Роллан не разрешает издания своих сочинений на русском языке.

12. Ромэн Роллан обязуется лично и через своих поверенных в СССР принять все зависящие от него меры к фактическому обеспечению за Издательством исключительного права издания его сочинений. Если тем не менее в течение срока действия настоящего договора появятся какие-либо сочинения Ромэна Роллана на русском языке в другом издании, Издательство освобождается от платы гонорара, предусмотренного 8-м и 9-м пунктом настоящего договора и, кроме того, имеет право односторонне расторгнуть настоящий договор.

<...>

14. В случае, если в течение сроков, предусмотренных п.п. 2-м и 10-м настоящего договора будет заключена литературная конвенция, Ромэн Роллан, как автор, обязуется признать настоящий договор сохраняющим силу на предусмотренные в нем сроки.

Решая проблемы, возникавшие в процессе согласования договора с Ролланом, «Время» не оставляло практической работы по подготовке издания. В 1930 году был выпущен «Проспект издания собрания сочинений Р. Роллана», в котором издательство заявляло, что ставит перед собой задачу «ознакомить русского читателя со всеми разнообразными видами творчества французского писателя и дать исчерпывающе полный, строго проверенный перевод его произведений» (Проспект издания собрания сочинений Роллана. Л.: Время, 1930. С. 1, цит. по: Шомракова 1968, 208), а первый том собрания, с предисловиями автора, М.Горького, А.В.Луначарского и Стефана Цвейга, под общей редакцией проф. П.С. Когана и акад. С.Ф.Ольденбурга, содержащий первую книгу «Жан-Кристофа», вышел меньше чем через два месяца после подписания

окончательного варианта договора, 12 мая 1930 года, тогда же «Время» перевело весь гонорар за том (951 рубль 10 копеек) в МГУ («Время» Роллану, 24, 25 и 28 мая 1930).

Роллану выпущенный «Временем» первый том его собрания сочинений очень понравился: «Насколько я могу судить, издание изящное и прекрасно преподнесенное» (Роллан «Времени», 7 июня 1930). Действительно, по точному описанию И.А.Шомаковой, «темно-синие с золотым тиснением переплеты, четкий шрифт, небольшое количество книжных орнаментальных украшений, портреты автора в каждом томе, хорошая бумага, полученная специально для этого издания, – все это сделало внешний вид скромным, но строгим, выдержанным в хорошем стиле» (Шомакова 1968, 211), или, как писало издательство Роллану, «с точки зрения редакционной и технической» соответствовавшим «тому культурному значению, которое мы ему придаем» (Там же).

К августу 1931 года вышли первые пять томов, все тиражом в 7200 экземпляров, на чем закончилось печатание «Жан-Кристофа» («Время» Роллану, 14 августа 1931), переведенного, под общей редакцией А.А.Смирнова, М.Е.Левберг, А.Н.Горлиным, А.А.Франковским, М.А.Дьяконовым, Н.Н.Шульговским С.Я.Парнок (девятая книга «Жан Кристофа», «Неопалимая купина», была дана, по рекомендации П.С.Когана, в уже готовом переводе М.Цветаевой (не указанной в выходных данных издания) и С. Парнок). В последнем, пятом томе было опубликовано послесловие Роллана (в пер. С.Я.Парнок), написанное специально для русского издания и неизвестное французскому читателю, в котором подробно излагалась история создания «Жан-Кристофа».

К этому времени, по согласованию с Ролланом, был полностью разработан и утвержден состав всего издания, разделенный на пять отделов: 1) романы, 2) театр, 3) биографические эссе «Героические жизни», 4) музыкологические сочинения, 5) социальные и философские исследования; внутри которого Роллан дал подробную программу каждого отдела и порядок расположения произведений (которые рекомендовал переводить преимущественно по наиболее полному и исправному изданию “Albin Michel”, а музыкологические сочинения – по “Nachette”) (приводим его по русскому переводу в: Шомакова 1968, 209):

I. Романы

1) Жан-Кристоф. 2) Кола Брюньон. 3) Очарованная душа. 4) Клерамбо. 5) Пьер и Люс

II. Театр.

1) Театр революции: Вербное воскресенье; 14 июля; Волки; Торжество разума; Дантон; Игра любви и смерти; Леониды. 2) Трагедии веры: Святой Людовик; Аэрт; Настанет время; Лилюли.

III. Героические жизни

Бетховен, Микельанджело. Толстой. Махатма Ганди. Рамакришна.

Вивеканда

IV. Музыкалогические сочинения

Музыканты прошлых дней. Музыканты наших дней. Музыкальное путешествие. Гендель. Бетховен.

V. Политические и философские произведения

1) Над схваткой. 2) Предтечи. 3) Народный театр. 4) Различные эссе. 5) Эпизоды культуры

Впоследствии, впрочем, состав томов и очередность их выхода, по разным причинам, но неизменно по согласованию с Ролланом, менялись.

* * *

Несмотря на быстрый и успешный выпуск первых пяти томов собрания сочинений, прекрасно оформленных и переведенных, высоко оцененных Ролланом и критикой, над «Временем» именно в это время сгущались тучи: накануне публикации в «Известиях» «Письма в редакцию» Романа Роллана, объявлявшего о выходе авторизованного им издания «Времени», директор издательства Илья Владимирович Вольфсон, сыгравший ключевую роль в разработке и подписании договора с Ролланом, был арестован (3 апреля 1930). Через год (12 апреля 1931), когда работа над изданием Роллана уже развернулась, И.В. Вольфсон был осужден по 58 статье УК РСФСР (части 10 и 11 – антисоветская агитация или пропаганда, участие в контрреволюционной организации) и части 2 ст. 169 (мошенничество, повлекшее причинение убытка государству или общественному учреждению) и приговорен к заключению в лагерь сроком на 3 года (Ответ на наш запрос, полученный от ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области № 35/16-06-М-36 от 10.07.2009 г.). Как политическая, так и, вероятно, экономическая стороны обвинения были связаны с его работой во «Времени»: И.В. Вольфсон был привлечен в связи с публикацией в эмигрантской прессе в 1927 году переправленного из Советской России анонимного обращения «Писателям мира», в котором говорилось о цензурных строгостях в СССР, отсутствии свободы печати, зажиме издательского дела, и содержался призыв к писателям мира поднять волну протеста и оказать нажим на СССР с целью смягчения политики советского государства в области литературы и издательского дела. Представленное в редакционном предуведомлении к публикации как «воплъ ex profundis» «группы русских писателей из Советской России» (Писателям мира // Последние новости (Париж). № 2300, 10 июля 1927. С. 1, 2), письмо своим содержанием, посвященным прежде всего зажиму издательского дела, а также стилем (несколько напоминающим выступления Ф.И. Витязева-Седенко против попытки ликвидации частного и кооперативного книгоиздания в Советской России в 1921 году, см.: *Витязев Ф.И.* Частные издательства в

Советской России. Пг., 1921) заставляют предположить значительное участие в его сочинении издателей. Одно из обвинений, выдвинутых против И.В.Вольфсона, состояло в том, что он, будучи якобы «одним из организаторов по организации этого дела с “Обращением”» (Меморандум на гр-на Вольфсона И.В. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 1-б, д. 167, л. 2; цит. по: Блюм 1994, 301–302), не только сам подписал это обращение, но и помог его инициаторам привлечь к его подписанию (напомним, что обращение было напечатано анонимно) «академические круги, в частности, С.Ф.Платонова. С этой целью в издательстве “Время” происходили совещания и свидания инициаторов “Обращения” с Платоновым опять-таки при участии Вольфсона» (Там же).

Вероятно, чтобы предупредить нависшую над издательством опасность закрытия, члены товарищества собрали 4 мая 1931 года расширенное редакционное совещание, на котором присутствовали, помимо членов издательства, также представитель комиссии РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции, она же – Рабкрин) по чистке Издательства, который вероятно должен был вынести решение о его закрытии, и приглашенный «Временем» либеральный, хотя и смещенный уже с поста наркома просвещения, А.В.Луначарский, который в финале заседания согласился на просьбу «Времени» стать председателем его редсовета, что значительно укрепило позиции издательства. На протяжении всего совещания сотрудники издательства, докладывая об успехах и планах «Времени», совершали ритуальные обращения к А.В.Луначарскому, прося его советов, который тут же их охотно давал и вообще на все соглашался. В заключение заседания Г. П. Блок, главный редактор издательства, отметил, что «по ряду давно назревших вопросов Издательство получило авторитетные указания, которые дадут ему возможность двинуть работу дальше в новых направлениях. <...> Но помимо практической пользы следует отметить и моральное значение этого совещания. То обстоятельство, что Анатолий Васильевич нашел возможным посетить Издательство, так внимательно выслушать все сообщения и поделиться с Издательством своими мыслями и своим богатым опытом – это для Издательства очень много – это вливает в его работников новую энергию и укрепляет веру в успех любимого ими дела. <...> Издательство при малых сравнительно масштабах своей деятельности представляет собою совершенно своеобразную общественную единицу, невиданную нигде в мире, кроме СССР разновидность кооперации – издательскую артель, артель работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела. <...> В области обще-организационной Издательству, входящему во Всесоюзную систему промкооперации, обеспечено партийное руководство. Хотелось бы наладить руководство и в области редакционной. Издательство считало бы полезным, чтобы все наиболее

крупные редакционные вопросы <...> подвергались время от времени такому же широкому обсуждению, как это имело место сегодня. В этих целях Издательство предполагает выделить из своей среды редакционный совет и решается просить Анатолия Васильевича войти в состав членов артели и принят на себя председательствование в этом совете», на что Луначарский согласился, хотя попросил иметь в виду, что «в силу перегруженности прочей работой он будет иметь возможность уделять Издательству сравнительно немного времени» (Протокол совещания сохранился в архиве «Времени», отчасти воспроизведен в Приложении к публикации переписки Времени и Горького в: Архив Горького 1964, 55–59, нами цитируется по архивному источнику).

Главным козырем издательства было издание собрания сочинений Роллана, «друга Советского Союза»:

А.А.СМИРНОВ сделал сообщение об издании собрания сочинений Ромэна Роллана. Издание это в значительной степени носит экспериментальный характер: не было, кажется, случаев, чтобы при жизни автора собрание его сочинений выпускалось в таком исчерпывающе-полном объеме; новы, кроме того, до известной степени и методы перевода и редактирования. В полное собрание сочинений входят: 1) романы, 2) биографии, 3) драмы, 4) история музыки и 5) публицистика. При этой внешней разнородности творчество Роллана проникнуто ярко выраженным внутренним единством, что и побуждает представить его читателю во всей полноте. Сам Роллан считает себя не романистом, не беллетристом, а историком-поэтом – следует добавить: и мыслителем. Полное собрание сочинений займет от 15 до 20 томов, около 20 листов каждый, всего около 350 печатных листов. Цифра весьма внушительная. Принимая во внимание, что Шекспир имеет около 170 печатных листов, Мопассан – 200 листов с небольшим. Такого издания нет и во Франции. Объем издания предуказан автором, вообще все издание ведется в тесном контакте с ним. Принципы перевода – абсолютная точность, связанная, конечно, с необходимой литературностью. Принята определенная стилевая установка. В основу перевода положено единство мысли и художественной манеры. Особенность Ромэна Роллана в том, что он поэт, пишущий прозой. Он строг и точен в выражениях, язык его не очень богат, но чист, энергичен и выразителен. В нем нет тривиальности, манерности и искусственности. Настоящий перевод Роллана резко отличается от всех старых переводов, в большинстве случаев случайных, сборных. Старые переводы грешат несоответствием оригиналу, зачастую впадают в ту «бойкость», которая граничит с вульгарностью. Кроме того, они и не согласованы: в разных томах одно и то же имя сплошь и рядом переводится различно. У нас все переводы, за очень малыми исключениями, новые. Редактура осуществляется тремя лицами [имеются в виду сам А.А. Смирнов, П.С.Коган и С.Ф. Ольденбург – М.М.].

* * *

Следующим произведением Роллана по порядку томов русского

собрания сочинений была «Очарованная душа», однако писатель продолжал работать над ее заключительной книгой (Роллан «Времени», 20 февраля 1931), поэтому, выпустив в начале 1932 года 6 и 7 тома, содержащий первые три книги романа в переводе под редакцией А.А.Смирнова (Т. 6 – «Аннета и Сильвия», пер. В.А. Зоргенфрея и «Лето», пер. Е.С.Коц; Т. 7 – «Мать и сын», пер. Н.Н.Шульговского и Т.Н.Кладо), издательство объявило, что 8 и 9 тома, резервированные для заключительных частей романа, выйдут позже. Ожидание рукописи последней, четвертой книги «Очарованной души» – «Провозвестница» – которая должна была выйти по-русски одновременно с французским изданием, стало одной из центральных проблем в работе «Времени» над изданием Роллана: писатель обещал прислать рукопись в октябре 1932 года (Роллан «Времени», 27 февраля 1932), однако в начале ноября 1932 был получен только первый том четвертой книги (Роллан «Времени», 3 ноября 1932; на письме карандашная пометка издательства, что рукопись получена 8 ноября и передана для перевода Е.С.Коц), присылку же второго тома автор сначала перенес на весну 1933 г. (Роллан «Времени», 28 декабря 1932) – при этом он послал фрагменты романа в «Красную новь» (письмо Роллана Г. П. Блоку, 25 октября 1932)¹¹³, потом на июнь (Роллан «Времени», 28 мая 1933, 29 июня 1933) и, наконец, 17 июля 1933 г. М.П.Кудашева сообщила, что выслала рукопись (Кудашева «Времени», 17 июля 1933).

В течение 1932 года, пока Роллан дописывал «Очарованную душу», в устройстве издательства продолжились изменения, о начале которых мы уже писали, бывшие, вероятно, ценной, которую издательство заплатило власти за сохранение своего существования. В частности, Г. П. Блок был переведен с центральной должности главного редактора на техническую позицию заведующего производством и не мог теперь принимать близкое участие в работе над переводами Роллана, о чем 3 октября 1932 года сообщил автору, с которым все предшествовавшие годы вел издательскую переписку (Роллан Г. П. Блоку, 25 октября 1932). Роллан просил Г. П. Блока взяться за перевод последней, четвертой книги «Очарованной души»: «мне хотелось бы, чтобы для полного перевода (двух последних томов) “Очарованной души” “Время” нашло очень хорошего переводчика, ибо эти последние книги трудны. Я был бы доволен, если бы вы сами согласились взяться за эту работу. Если нет, буду просить вас, а также ваших сотрудников и редактора (Ал. Смирнова?), поручить эту работу переводчику столь же надежному и

¹¹³ Р. Роллан. Мытарства индивидуалиста (отрывок из неизданного произведения) / Пер. с фр. рукописи С.Я.Парнок // Красная новь. 1932. № 11, ноябрь. С. 3–6. Отрывки из четвертой книги романа вышли также в «Интернациональной литературе»: Р. Роллан. «Семеро против Фив» (Отрывки из романа «Смерть одного мира») / пер. Б. Загорского // Интернациональная литература. 1933. № 4. С. 3–16.

хорошо знающему французский язык» (Роллан Г. П. Блоку, 25 октября 1932) – перевод был отдан Е.С.Коц, много сотрудничавшей с издательством, однако вероятно редакторский контроль был недостаточным, и в 8 томе (вышедшем из печати в конце осени 1933 г., т.е. одновременно с выходом французского издания) была допущена нелепая ошибка, на которую эмоционально указала Г. П. Блоку М.П.Кудашева: «на стр. 184 – 5-ая строка: “она приукрасила свой толстый бельвильский нос именем Кармен, которое взрывалось, как ручная граната над ухом...” — !!! – на французском же – посмотрите во французском издании – точно не помню – но смысл: “гранатовый цветок!” – т.е. имя “как гранатовый цветок над ухом” (Кармен – испанское имя; испанки прикалывают себе в волосы гранатовые цветы... — отсюда и образ!) – а “ручная граната” — это уж очень сильно!» (Кудашева «Времени», 12 дек. 1933, подчеркивания автора письма).

Уже отправив в конце июля 1933 г. в издательство последний том «Очарованной души», Роллан продолжал досылать заметки и объяснения к нему (Роллан «Времени», 12 сентября 1933), а в конце января 1934 г. прислал введение, написанное для нового, полного и дефинитивного издания «Очарованной души», вышедшего в 1934 г. у его парижского издателя «Albin Michel», которое предлагал «Времени» опубликовать в качестве послесловия к последней книге романа (Роллан «Времени», 19 янв. 1934; Кудашева «Времени», 29 янв. 1934). Издательство, не желая дробить книгу и раздавать ее разным переводчикам, поручило весь перевод той же Е.С.Коц, которая должна была закончить его в первой четверти 1934 года («Время» Роллану, 3 окт. 1933), однако «Времени» так и не удалось завершить публикацию многотомного романа – именно в тот день, 1 августа 1934 г., когда Роллан осведомлялся в письме, когда же наконец выйдет последний том «Очарованной души», и сетовал, что «Издание поначалу шло очень успешно, а теперь вроде бы остановилось» (Роллан «Времени», 1 авг. 1934), «Время» было официально закрыто и влило в Гослитиздат, поэтому девятый том, вероятно полностью подготовленный «Временем» – в переводе Е.С.Коц под ред. А.А.Смирнова, с введением к роману, датированным Ролланом 1 января 1934 г. (т.е. именно тем, которое было им написано для французского издания и отправлено «Времени» в январе 1934) – вышел в 1935 в ГИХЛ.

Выпустив в начале 1932 года 7 том, содержащий третью книгу «Очарованной души» и зарезервировав 8 и 9 тома для окончания романа, издательство перешло к выпуску следующих томов: 11 том (новеллы «Пьер и Люс», пер. Е.С.Кудашевой, и «Клерамбо», пер. А.А.Франковского) увидел свет в марте 1932 года («Время» Роллану, 22-25 марта 1932) тиражом в 10 000 экз. (выходные данные этого тома уже отражают произошедшие к 1932 году перемены в руководстве издательства: бывший главный редактор Г. П. Блок числится лишь

техническим редактором, ответственным же редактором назван Я.Г. Раскин) 10-й – «Кола Брюньон», пер. М.Л.Лозинского и «Лиллюли», пер. А.Н.Горлина) – тиражом 15000 экземпляров в июне 1932 г. («Время» Роллану, 8 июня 1932). Вероятно, 10-й том вышел после 11-го потому, что издательство ожидало присылки специально написанных Ролланом для советского издания комментариев – «Примечаний Брюньонова внука» (датированных мартом 1930) и послесловия к «Лиллюли» (дата 11 ноября 1931).

«Времени» принадлежит заслуга подготовки знаменитого русского издания «Кола Брюньона»¹¹⁴ в переводе Михаила Леонидовича Лозинского с автолитографиями Евгения Адольфовича Кибрика, хотя соединение под одной обложкой перевода и иллюстраций произошло уже после закрытия «Времени» (в 10 томе собрания сочинений «Кола Брюньон» сопровождается одной иллюстрацией М.А. Кирнарского, оформлявшего все тома издания). Перевод Лозинского был подготовлен для собрания сочинений «Времени», на упоминавшемся открытом редакционном совещании издательства 4 мая 1931 года Лозинский сделал сообщение о принципах, положенных в основу тогда только начатого им перевода (французский оригинал «Кола Брюньона» был получен издательством только во второй половине марта 1931 г., см. письма «Времени» Роллану 7 и 26 марта 1931 г., Роллана «Времени» 14 марта 1931 г.):

“Кола Бренъон” написан прозой сплошь и рядом переходящей в прозу ритмическую и рифмованную причем эти рифмованные отрывки построены в стиле как бы прибаутки. Наряду с несомненной рифмой, которую автор сознательно вводит, как таковую, встречается в ряде случаев и рифма так сказать «кажущаяся», возникающая случайно в силу распространенного во французском языке подобиюзвучия окончаний. Переводчик должен ставить себе задачей передавать рифму рифмой всюду, где несомненно ее наличие (хотя бы иной раз и «разгружая» систему рифм; например, систему из четырех одинаковых рифм передавая двумя парами рифм). В отдельных случаях позволительно не передавать рифму оригинала; но допустимы и «компенсации», т.е. введение рифмы там, где ее нет в оригинале, но где она вытекает естественно из строя фразы. Другими словами, переводчик не должен избегать произвольной рифмы в тех местах, где она уместна. Конечно введение рифмы в русский перевод неизбежно ослабляет лексическую точность перевода. – но такая неточность искупается адекватностью высшего порядка – более верной передачей всего строя речи, самой окраски повествования.

¹¹⁴ В первых русских изданиях имя Breugnon давалось как «Бренъон» (пер. М. Елагиной под ред. Н.О.Лернера. М.: ГИЗ, 1923; пер. М. Рыжкиной под ред. Н.О.Лернера. Л.: «Сеятель» Е.В.Высоцкого, 1926), такого же написания придерживается «Время» в переписке, однако уже в 10 томе собрания сочинений Роллана М.Л.Лозинский вводит прижившееся впоследствии написание «Брюньон».

Что касается знаменитых иллюстраций Е.А.Кибрика к «Кола Брюньону», то они впервые увидели свет в издании ленинградского отделения «Художественной литературы» в 1936 году, в сопровождении специально написанного Ролланом восторженного текста «Кола приветствует Кибрика»,¹¹⁵ однако договор на их создание и воспроизведение был заключен с Е.А.Кибриком именно издательством «Время» 3 июня 1934 г.,¹¹⁶ когда планировалось «роскошное художественное издание» «Кола Брюньона» «с деревянными гравюрами какого-нибудь из наших крупных художников» («Время» Роллану, 3 окт. 1933), которое однако не было осуществлено.

В сентябре 1932 года вышли 12 и 13 тома с работами о театре (Роллан «Времени», 22 сентября 1932): в них «Временем», в соответствии с указаниями Роллана, был уточнен, относительно французского издания «Nachette», порядок расположения произведений – то есть состав этих томов русского издания является авторизованным и дефинитивным. Французские оригиналы своих драматических произведений Роллан представил издательству только в феврале 1932 г. («Время» Роллану, 10 февраля 1932; Роллан «Времени», 16 февраля 1932), сопроводив их указанием «не следовать порядку томов французского издания: “Театр Революции” (в издании “Времени” этот цикл был назван “Драмы о революции” – М.М.) и “Трагедии веры”» и восстановить «правильный порядок драм Революции» (Роллан «Времени», 21 февраля 1931 г.). Роллан хотел отделить «Драмы о революции» вместе с «Народным театром» от комплекса пьес, написанных до «Народного театра» и не соответствующих его основным положениям (Роллан «Времени», 30 апреля 1932; во французском издании «Nachette» этот комплекс пьес был объединен под заглавием «Трагедии веры», придуманным Ролланом по настоянию издательства – в русском издании он просил это заглавие упразднить (Там же), однако оно было оставлено). Для того чтобы уравновесить размеры томов, издательство предложило разбить «Драмы о революции» на два цикла, между 12 и 13 томами («Время» Роллану, 10 февраля 1932), на что Роллан согласился (Роллан «Времени», 30 апреля 1932 г.). Таким образом, в 12 том собрания сочинений (отв. ред. Н.А. Энгель, тех.ред. Г.П. Блок, тираж 8500 экз.) вошли «Народный театр» (пер.

¹¹⁵ Роллан впервые увидел иллюстрации Кибрика к «Кола Брюньону», будучи в Горках у Горького – 10 июля 1935 он записал в дневник: «С точки зрения вкуса они варварские, но интересные, чувствуется большой талант» (Роллан 1989, 230).

¹¹⁶ Художник передавал Издательству право воспроизведения изготовленных им по заказу Издательства пятнадцати (15) трехцветных автолитографий к книге Р. Роллана «Кола Брюньон» (один фронтиспис и четырнадцать иллюстраций к отдельным главам), которые он должен был представить, по 2 автолитографии в месяц, начиная с октября 1934 года, чтобы сдача всех 15 автолитографий была закончена не позднее 1 мая 1935 г.

А.А. Смирнова и Т.Н.Кладо под ред. А.А. Франковского) и «Драмы о революции» в переводе под редакцией А.А.Смирнова. Кроме того, в этом томе было помещено (в переводе Г. П. Блока) предисловие Роллана к его драматическим произведениям, написанное 25 мая 1932 г. специально для русского издания. В 13 том вошла более ранняя драматургия Роллана – часть «Драм о революции» в переводе под редакцией А.А.Смирнова и «Трагедии веры» в переводе под редакцией А.А.Франковского (издательство хотело воспользоваться «превосходным» переводом цикла «Трагедии веры», выполненным М.Е.Левберг еще для «Всемирной литературы», и с согласия Роллана поместило в этом старом переводе одну драму, «Аэрт» (Шомракова 1968, 209)). Этот том был снабжен послесловием вошедшего в 1932 году в состав редсовета издательства «красного профессора» В.А.Десницкого, который разъяснял публике, что напечатанные драмы представляют собой пройденный этап в творчестве Роллана, который ныне уже не «буржуазный гуманист», а «человек опыта пролетарской революции».

В самом конце 1932 года вышел 15 том, в который вошли «Гёте и Бетховен» (пер. А.А.Смирнова) и «Бетховен. Великие творческие эпохи» (пер. М.А.Кузмина). Том этот заметно выделяется из корпуса собрания сочинений – во-первых, издательство выпустило его в обход 14-го и не взирая на предупреждения писателя, что «этот “Бетховен” – первый том серии (“Великие творческие эпохи”), работу над которой я рассчитываю возобновить со следующей зимы. Как же вам удастся включить эти тома позднее в ваше издание?» (Роллан «Времени», 30 апреля 1932 г.). Во-вторых, 15 том необычайно богато иллюстрирован (подбор оригиналов для иллюстраций Э.Ф.Голлербаха) и выпущен большим для своей довольно специальной тематики тиражом, 13 000 экземпляров.

Вероятно, «Время» поспешило выпустить этот том, начинающий музыкологические сочинения Роллана, прежде всего из-за внезапно возникшей конкуренции с Музгизом, подразделением Госиздата, выразившим настойчивое желание издавать музыкологические произведения Роллана. В конце октября 1931 г. Роллан сообщил «Времени», что к нему обратился из Москвы советский музыковед Михаил Владимирович Иванов-Борецкий с просьбой дать предисловие к новому русскому переводу музыкологических сочинений Роллана, которое готовится выпустить ГИЗ – Роллан ответил, что связан договором со «Временем», которое печатает его полное собрание сочинений, из которого он ни в коем случае не хотел бы выпускать музыкологические сочинения, потому что «музыка – это сердце всего моего творчества; я обязан ей не только своей манерой воспринимать, а также некоторыми из моих героев; я частично обязан ей своим инструментом наблюдения и выражения – самой психологией» (Роллан «Времени», 27 октября 1931 года; об обязательности включения музыкологических сочинений в

собрание своих сочинений Роллан писал «Времени» с самого начала их сотрудничества, см. письмо от 25 окт. 1929 г.).

«Время», понимая сложность противодействия государственному издательству, да еще и имеющему монополию на издание произведений по музыке, немедленно телеграммой предложило писателю воспользоваться юридической помощью И.Я.Рабиновича («Время» Роллану, 6 ноября 1931), который недавно дал столь фундированное заключение о необоснованности претензий шведского издательства к Роллану, а через несколько дней в письме подробно и со страстью изложило свои возражения против выпуска его музыкологических сочинений другим издательством:

В виду затруднений, которые это дело сулит нам в будущем, четкая, чуждая компромиссов позиция, которую вы заняли с самого начала, дает нам огромную моральную поддержку. Вы со свойственной вам прямоотой, определенностью и твердостью встали на защиту наших прав, вытекающих из договора, который делает нас счастливыми обладателями драгоценной связи.

Нечего закрывать глаза: здесь идет речь о самом существовании нашего собрания, т.к. выход в свет ваших музыкологических сочинений в другом издании лишил бы нас фактически возможности охранить эти произведения в составе нашего собрания. Не говоря про то, что над этими вашими книгами мы вплотную работаем (две из них уже нами переведены) – это было бы не просто более или менее крупной неприятностью, а настоящей катастрофой, ставящей нас в необходимость совершенно обезобразить наше издание, которое мы с самого начала строим как полное, и которое нам пришлось бы оборвать на полпути изъяв из него то, что по вашему выражению является сердцем вашего творчества.

(«Время» — Роллану, 11 ноября 1931).

Роллан, однако, резко отверг возможность своего участия в тяжбе против Госиздата:

Я не могу возбуждать судебный процесс против Госиздата по поводу моих музыкологических произведений. Я честно вас осведомил, сообщив вам копию письма, которое я написал г. Иванову-Борецкому. Вы можете использовать это письмо, если возбудите судебное дело. Мне же в этом деле выступать более не приходится. Госиздат пожелал оказать мне честь. Я отклонил эту честь, ибо был связан обязательствами по отношению к вам. Но было бы с моей стороны мало уместно затевать против них по этому поводу процесс. К тому же я считал бы, что было бы во всех отношениях предпочтительнее, если бы состоялось полюбовное соглашение между «Временем» и г. Ивановым-Борецким. Отчего бы ему и не состояться? Г. Иванов-Борецкий симпатичен и известен как компетентный в музыке человек; разве не мог бы он быть для вас драгоценным сотрудником и взяться за музыкологическое оформление, необходимое для этой части моих сочинений.

(Роллан — «Времени», 7 ноября 1931),

– так что «Время» тут же принялось объяснять, что слово «comparution» – «выступление на суде» вкралось в телеграмму от 6 ноября по ошибке:

Мы отнюдь не хотели и не хотим возбуждать против Госиздата судебное дело. И мы были очень далеки от мысли просить вас совершать подобный шаг. Вы знаете как расцениваем мы наш с вами договор: на наш взгляд сила нашего соглашения не в юридических его санкциях, а в тех моральных обязательствах, какие он налагает, прежде всего конечно на нас, а затем и на другие издательства: в обязательствах, вытекающих из уважения к Вашей воле (выражением которой служит подписанный вами договор). <...>

Мы уже приступили к переговорам и, возможно, что нам удастся довести дело до конца собственными силами. Но возможно также, что в процессе этих (повторяем вне-судебных) переговоров могут наступить такие обстоятельства, при которых полезнее было бы выступление не ваших издателей, а вашего поверенного, ибо позиция издательства неизбежно ослабляется его материальной заинтересованностью, ваш же поверенный, в виду вашей полной и несомненной незаинтересованности, мог бы говорить при всех условиях и гораздо свободнее и гораздо авторитетнее. <...> Дело же это чревато для нас очень серьезными последствиями, т.к. появление ваших музыкологических произведений в другом издании лишило бы нас по вполне понятным причинам возможности включить их в наше собрание. – А это нарушило бы и вашу волю, ясно изложенную в вашем письме на имя г. Иванова-Борецкого, и наши обязательства по отношению к вам (поскольку мы с самого начала обязались выпустить полное собрание ваших сочинений), и наши обязательства перед нашими довольно многочисленным и подписчиками, которым мы при самой подписке обещали дать также и ваши музыкологические произведения.

Опасность эта тем более реальна, что по нашим сведениям, Госиздат продвинул уже довольно далеко свою работу над изданием этих произведений.

Что касается г. Иванова-Борецкого, то раз вы рекомендуете его как человека достаточно компетентного в вопросах музыки, мы были бы конечно очень рады воспользоваться его сотрудничеством. Но до тех пор, пока он занят работой над вашими произведениями в другом издательстве, нам было бы неудобно приглашать его для параллельной работы по тем же вопросам у нас. Да и он едва мог бы на это согласиться. Поэтому позвольте повременить с его приглашением до благоприятного разрешения главного вопроса.

(«Время» — Роллану, 22 ноября 1931).

Вняв доводам «Времени», Роллан 30 ноября 1931 г. прислал формальное письмо, в котором просил И.Я.Рабиновича, юрисконсульта Союза Писателей, взять на себя защиту его «литературных интересов в деле, возникшем в настоящее время в виду предполагаемого опубликования Государственным Издательством моих музыкологических

произведений». Роллан уполномочивал Рабиновича использовать в этих целях копию своего письма «Времени» от 27 октября 1931 года, в котором отмечал существенную важность опубликования его музыкологических произведений в составе полного собрания сочинений и «в связи с этим, тот вред, который был бы нанесен этому собранию сочинений конкурирующим изданием этих музыкологических произведений»; при этом Роллан выражал желание, чтобы дело «дело могло быть улажено полюбовно, без судебного процесса, который был бы мне неприятен в виду дружественных отношений, в каких я нахожусь с противной стороной» (Роллан «Времени», 30 ноября 1931).

«Времени», впрочем, как будто удалось уладить вопрос об издании музыкологических сочинений Роллана внесудебным порядком: «... в результате предпринятых нами шагов государственное издательство, считаясь с правами, принадлежащими нам в силу договора с вами, отказалось от намерения выпускать в дальнейшем параллельные издания ваших произведений» («Время» Роллану, 28 ноября 1931), в связи с чем отпала необходимость привлечь Рабиновича («Время» Роллану, 9 декабря 1931). Вероятно, юридические консультации в этой ситуации весили гораздо меньше, чем секретное обращение «Времени» к Борису Михайловичу Волину, в 1931 году сменившему Лебедева-Полянского на посту начальника Главлита, написанное на следующий же день после отправки телеграммы Роллану: в письме Волину издательство сообщало, что по договору с Ролланом, одобренному в свое время Главлитом, «Время» имеет исключительное право на издание его сочинений, однако Госиздат намеревается выпустить сборник музыкологических сочинений Роллана, против чего высказался как сам писатель, отказавшийся дать к нему предисловие, так и издательство «Время» – просившее тов. Волина разобраться («Время» Волину, 12 ноября 1931). Через неделю был получен ответ Главлита о том, что им «урегулирован вопрос с Издательством ГИХЛ (тов. Копеткевичем) и Музгиз (тов. Верхотурским) об издании и переиздании произведений Ромэн-Роллана только Издательством «Время». Издательства согласились не предпринимать указанного издания у себя» (Главлит «Времени», 19 ноября 1931 г., письмо подписано начальником Главлита Б. Волиным и зав. опер. группой Ивановой). Однако тяжба с Государственным издательством, и в частности с Музгизом, не закончилась: 10 марта и 25 мая 1932 г. «Время» вновь вынуждено было обращаться к Б.М.Волину, препровождая ему копии своей переписки с Музгизом (письма эти в архиве «Времени» не сохранились) и жалуясь, что Музгиз, в нарушение указаний Волина и вопреки воле Роллана, продолжает попытки выпустить музыкологические сочинения французского автора.¹¹⁷

¹¹⁷ В конечном счете государственное издательство конечно одержало верх: после закрытия «Времени» книгу Роллана «Бетховен» из серии «Героические жизни»,

Конфликт с Музгизом, открывший целую череду тяжб «Времени» с государственными издательствами в связи с изданием Роллана, оказал сильное влияние на собрание сочинений и в конечном счете привел к тому, что основные музыкологические тома «Время» выпустить не успело. В 1931 году, до указания Главлита, Музгиз успел напечатать две книги Роллана о музыке под редакцией Иванова-Борецкого – «Г. Гендель» и «Опера в XVII в. в Италии, Германии, Англии», что вынудило «Время» внести коррективы в план своего издания: издательство сообщало Роллану, что выход в Музгизе «Генделя» их не очень беспокоит, т.к. в их издании он будет объединен в одном томе с другими произведениями, в том числе рассчитанными на широкого читателя, а вот с «Историей оперы» дело обстоит гораздо хуже: тираж ГИЗа 3000 экз., «мы боимся, что эта цифра далеко превосходит то количество специалистов, которым может быть доступно это исследование. В виду этого распространение повторного его издания может встретить непреодолимые затруднения» («Время» Роллану, 28 ноября 1931). Издательство предложило Роллану не включать «Историю оперы» в собрание сочинений, тем более что в ранее представленном им перечне его произведений он поставил «Историю оперы» «вне общего плана <...>, трактуя ее по-видимому как чисто научный труд, выходящий за пределы того творческого цикла, который должен найти себе отражение в нашем издании» («Время» Роллану, 28 ноября 1931); не получив ответа на этот вопрос, «Время» повторило его через пол-года («Время» Роллану, 22 апреля 1932) и получило согласие автора: «Что касается Истории оперы, то я согласен, что вы можете не включать ее в ваше издание, – и не только потому, что это сочинение имеет научный характер, но и потому, что мне следовало бы его полностью переписать, ибо написано оно было тридцать пять лет тому назад и мне хотелось бы его усовершенствовать (а времени для этого у меня, конечно, не будет)» (Роллан «Времени,» 30 апреля 1932). Роллан предложил состав основных томов своих музыкологических сочинений: том 16 – «Музыканты прошлых дней» и «Музыканты наших дней», том 17 – «Гендель» и «Музыкальное путешествие в страну прошлого» (Роллан «Времени», 30 апреля 1932), – тома эти, по планам «Времени», должны были выйти, соответственно, в 1933 и 1934 гг., и к октябрю 1933, как сообщало издательство Роллану, были уже переведены («Время» Роллану, 3 октября 1933). Однако, вероятно, желание Музгиза выпускать эти книги каким-то образом ограничивало возможности «Времени», и тома эти вышли только в 1935 г. в ГИХЛе, причем если то обстоятельство, что переводчиком «Генделя» и «Музыкального путешествия в страну

которую «Время» так спешило выпустить в 1932 году, Музгиз переиздал (в том же переводе М.Кузмина, подвергнутом редактуре Г. Пираловой) в 7 томе своего «Собрания музыкально-исторических сочинений» Роллана в 9 томах.

прошлого» был Н.Н.Шульговский (под ред. А.М.Шишмаревой, ответственного редактора ГИХЛовского тома), может служить свидетельством того, что перевод был изготовлен «Временем», то перевод 16 тома Ю.Л.Римской-Корсаковой (под ред. Б.А.Кржевского) говорит о том, что в распоряжении ГИХЛа вероятно не было сделанного «Временем» перевода, и пришлось воспользоваться переводами, изданными еще «Мыслью» в 1920-е гг. («Музыканты наших дней» и «Музыканты прошлых дней» в переводе Ю.Л.Римской-Корсаковой под ред. А.Н. Римского-Корсакова, вышедшие, соответственно, в 1923 и 1925 гг.).

Одновременно с конфликтом с Музгизом в 1932 г. «Время» вынуждено было бороться с безапелляционно высказанным желанием ГИЗа выпустить политические статьи Роллана. Такой активный интерес государственного издательства к творчеству Роллана, начиная с 1931 года, был связан с появлением его эссе «Прощание с прошлым» (написанного для немецкого издания статей Роллана эпохи первой мировой войны, «Над схваткой» и «Предтечи», и опубликованного по-французски в журнале «Europe»), немедленно переведенного на русский (*Р. Роллан. Прощание с прошлым // Красная новь. 1931. № 7 (июль). С. 151–168, пер. Б.А.Грифцова*) – в этой «исповеди» Роллан начал подводить итоги своего духовного пути с 1914 г. по настоящее время, когда, по мнению советской критики, писатель, отказавшись от своего «мелкобуржуазного гуманизма» и «пацифизма» вступил на «революционный путь» (*Ив. Анисимов. Ромен Роллан и революция // Красная новь. 1931. № 9, сент. С.78–191*). Советская репутация Роллана – «буржуазного гуманиста», решительно вставшего на «революционный путь», постоянно росла, чему способствовала и его активная антифашистская деятельность (в 1932 году писатель участвовал в Амстердамском антивоенном конгрессе, выступал за освобождение Димитрова и Тельмана, в 1933 стал почетным председателем Интернационального антифашистского комитета), сопровождавшаяся просоветскими декларациями (см. его статью «Мой путь к революции» // *Известия ВЦИК. 1934, 30 июня*), так и выпуск «Временем» в конце 1933 года первой части четвертой, заключительной книги «Очарованной души» – «Смерть одного мира», которая ознаменовала «идеологический переход» Роллана от «буржуазного пацифизма» и «индивидуалистической идеологии» в «лагерь пролетарской революции», что превратило роман-эпопею в «огромное социальное полотно, в монументальную картину современности, полную больших символов и обобщений (смерть буржуазного мира, рождение нового мира, СССР, и на фоне этой борьбы — путь западной интеллигенции от старого мира к новому)». ([*Е.Гальперина*]. Ромэн Роллан // *Литературная Энциклопедия. Т. 9 (1935)*, цит. по: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-7571.htm>). Однако рост значения Роллана для советской власти привел к тому, что «Время»

начало сталкиваться в издании Роллана с решительной конкуренцией со стороны государственных издательств и журналов, многотиражные публикации в которых и самого Роллана интересовали больше, чем изысканный продукт кооперативного издательства. Начав в конце 1928 г. работу над собранием сочинений писателя-классика, сочинения которого – «настоящая литература», однако «в материальном отношении» не могут «представлять большого интереса, т.е. <...> вряд ли могут рассчитывать на широкий сбыт» (письмо И.В. Вольфсона М. Горькому, 17 ноября 1928 г. // Архив Горького 1964, 46–47), причем «мелкобуржуазного гуманиста», которого советская критика с высоты своей идеологической правоты поучала (в таком духе написано предисловие Луначарского к 1 тому издания «Времени»), «Время» к концу 1931 – 1932 году оказалось в ситуации, когда, будучи кооперативным издательством, «не по чину» выпускало одного из самых активных европейских друзей Советского Союза, знаковую фигуру для советской международной политики.

Особенно советские издательства соблазняло обещанное Ролланом продолжение эссе «Прощания с прошлым», которое, как сообщил автор, представляет собой только часть его будущей итоговой исповедальной книги «Путешествие внутрь» (*Р. Роллан. Прощание с прошлым // Красная новь. 1931. № 7 (июль), С. 151*). «Времени» Роллан еще в марте 1931 года сообщил о том, что пишет предисловие к немецкому изданию своих статей, выпускаемому издательством «Ротапфаль» в Цюрихе, планируя уже тогда довести этот текст до описания своих нынешних взглядов: «Это предисловие будет довольно значительно, т.к. я сделаю из него нечто вроде Исповеди и изображу в нем эволюцию моих политических и социальных идей, начиная с 1914 г. И эта исповедь охватит время, следующее за эпохой, отраженной в этих двух работах, – с 1919 г. до последних лет» (Роллан «Времени» 14 марта 1931). «Время» мгновенно сообщило писателю свой интерес к этому изданию:

Ваше сообщение о предисловии-исповеди, написанном вами для Rotapfelverlag-a наводит нас на новые мысли. Упоминания об этой вашей статье и даже короткие выдержки из нее появились некоторое время тому назад в наших газетах и вызвали широкий общественный интерес. Мы не знаем ни объема, ни построения этой статьи, но то, что вы любезно сообщаете нам об ее содержании, заставляет нас думать, что было бы в высшей степени своевременно выпустить ее в русском переводе теперь же, отдельной книжечкой, вне собрания сочинений (куда она конечно в свое время тоже войдет). Если бы вы нашли возможным на это согласиться, мы могли бы сделать из этого маленькое изящное издание с одним из ваших последних портретов и с довольно большим тиражом. Нам думается, что это следует сделать не откладывая, т.к. не исключена возможность, что, когда выйдет немецкое издание, тотчас же появятся русские переводы не с французского, а с немецкого оригинала, что при всех условиях нежелательно, ибо не ограждает авторский

текст от опасности искажений.

(«Время» — Роллану, 26 марта 1931).

После опубликования первой части «Прощания с прошлым» в «Красной Нови» с аналогичным вопросом к писателю обратился и ГИХЛ. Однако Роллан отклонил предложение обоих издательств, отказавшись издавать новый сборник своих публицистических статей прежде, чем им будет закончено «Прощание с прошлым»: «Я твердо решил продолжить нынче зимой обозрение моего внутреннего пути за время с 1919 по 1931 г.; оно должно составить продолжение статьи, уже опубликованной под заглавием “Прощание с прошлым”. Вместе с тем я соединю воедино главнейшие статьи и письма социального и политического характера, написанные в продолжение этого периода. Мой друг и секретарь Мария Кудашева (из Москвы), которая сейчас со мной, поможет мне их собрать. Я, как и Вы, считаю эту работу очень необходимой: — ибо это будет некоторым образом экзамен совести целой интеллектуальной эпохи и он поможет, может быть, сорвать ту кисею иллюзий, которой лучшие мыслители и писатели Запада боязливо прикрывают себе глаза» (копия письма Роллана в ГИХЛ, 19 сент. 1931;¹¹⁸ см. о том же в письме Роллана «Времени», 16 апреля 1931).

ГИХЛ однако не оставлял мысли издать сборник статей Роллана, о чем накануне нового 1932 года в ультимативной форме сообщил «Времени» (письмо подписано редактором отдела иностранной литературы ГИХЛа Н. Соболевским): «Государственное Издательство Художественной Литературы желает издать в 1932 г. статьи Ромэна РОЛЛАНА последних лет (тиражом в 5 тыс. экз.). Просим Вас дать свое согласие на это» (ГИХЛ «Времени», недат. письмо, штамп о получении 27 декабря 1931 г.) – «Время» ответило подробно обоснованным отказом:

<...> мы выпускаем полное собрание сочинений Ромэна Роллана по договору с ним, согласно которому Роллан предоставил нам исключительное право издания всех его сочинений в СССР. Изданием руководит сам автор, давший нам подробно разработанный план этого собрания и включивший в этот

¹¹⁸ В архиве «Времени» этот русский машинописный перевод французского письма Роллана ничем не отличается от других, выполненных с писем, адресованных Ролланом «Времени», однако необычное начало этого письма («Дорогой товарищ, простите меня, что я не смог надписать Ваше имя на конверте. Я не мог разобрать Вашей подписи»), а также то, что в нем Роллан отвечает на некие вопросы о переводе части «Мать и сын» «Очарованной души», как и упоминание в более позднем письме Роллану из ГИХЛа, от Н.Н.Накорякова (письмо 15 декабря 1932 г.), о том, что в свое время Роллан отказал ГИХЛу в разрешении печатать его эссе «Прощание с прошлым», пока он не закончит его второй части, заставляет предположить, что здесь перед нами не письмо Роллана «Времени», а его послание ГИХЛу (А.Б.Халатову), копию которого он препроводил «Времени».

план все свои публицистические произведения, в том числе и те, которые написаны им за последние годы. В настоящее время, по сообщению Роллана, он занят подбором и обработкой этого материала, из которого должен составиться один из очередных томов нашего собрания. Ролланом неоднократно подчеркивалось, что он не склонен разъединять отдельные группы своих произведений, согласно общепринятой классификации, на “беллетристику”, “историю музыки”, “публицистику” и т.д. Он считает все свои сочинения единым творческим целым и потому, со свойственной ему определенностью, настаивает, чтобы ни одна из упомянутых групп не откалывалась от целого и чтобы все они вошли, в рамках выработанной им схемы, в наше собрание. Таким образом, выпуск сборника статей Ромэна Роллана отдельным изданием, вне нашего собрания, явился бы прямым нарушением воли автора и внес бы перебои в производимую им сейчас работу над первым полным собранием его сочинений. Независимо от этого, это шло бы в разрез и с директивами Главлита, который включил сочинения Роллана в наш редплан и признал необходимым, чтобы произведения Роллана издавались и переиздавались только нами, что согласовано, в частности, и с Вашим Издательством <...> и о чем сообщено нам письмом Главлита № 2502 от 19 ноября с.г. [это письмо процитировано выше в связи с вопросом об издании музыкологических сочинений Роллана – М.М.]. По всем этим основаниям мы не можем дать нашего согласия на издание Вами статей Ромэна Роллана последних лет.

(«Время» — ГИХЛ, 24 января 1932).

Однако опасность издания влиятельнейшим ГИХЛом сборника публицистических статей Роллана оставалась реальной, поэтому «Время» стремилось как можно скорее выпустить их в своем собрании:

Крайне важно было бы выпустить в свет этот том вне нормальной очередности (по вашему плану он должен быть одним из последних и свой плановый номер он конечно при всех условиях сохранит). Было бы в высшей степени желательно, чтобы он появился в продаже еще в первой половине этого года. У нас усиленно его спрашивают. А недавно одно издательство обратилось к нам с просьбой разрешить им выпустить отдельный том ваших последних статей. Мы отклонили эту просьбу, сославшись на то, что эти статьи войдут в один из наших очередных томов. Но если мы задержим выход этого нашего тома, наше положение станет более трудным.

Независимо от этих несколько субъективных соображений, есть и другие вполне объективные и очень веские доводы в пользу ускорения выхода этого тома. – За последние два года Советский читатель привык быть в интеллектуальном общении с Вами. По отдельным вашим статьям, которые появлялись в наших периодических изданиях, он только отчасти познакомился с вашими политическими и социальными воззрениями. Он вправе желать, чтобы мы скорее дали ему по возможности исчерпывающий сборник всего, что написано вами по этим вопросам.

(«Время» — Роллану, 10 февр. 1932).

Однако с точки зрения Роллана более выгодным было, напротив, подождать с выпуском тома публицистических статей, чтобы включить в него и более актуальные для его внутренней эволюции произведения:

<...> что касается статей, предшествующих 1919 году (французские томы “Над схваткой” и “Предвестники”¹¹⁹), – то вы можете печатать их по вашему усмотрению, охранив за ними соответствующий порядковый номер тома. Со статьями же, написанными после 1919 года, безусловно необходимо обождать: прежде всего потому, что я рассчитываю их подобрать на досуге в продолжение нынешнего года (они рассеяны повсюду и я один могу разыскать их все целиком); а затем потому, что некоторые из них, самые важные (например, “Прощание с прошлым”) являются лишь первой частью того социального самоисследования, которое я намерен написать в этом году, когда dokonчу “Очарованную душу”.

И, между нами говоря, я считаю невыгодным печатать старые статьи, не сопровождая их ТОТЧАС ЖЕ новыми статьями, т.к. мысль моя сильно эволюционировала с 1914 г. и было бы желательно, чтобы ваша публика не ограничилась знакомством с той стадией, которую я давно оставил позади; нужно, чтобы читатели разом охватили всю картину этой социальной эволюции. Таким образом я думаю, что опубликование тома, в котором вы соедините “Над схваткой” и “Предвестников” вам следует отложить до тех пор, пока не будет готов следующий том с более новыми статьями (появлявшимися, начиная с 1919 года).

(Роллан — «Времени», 16 февраля 1932).

Опасаясь конкуренции ГИХЛа (хотя Роллан и уверял, что если «другое издательство опубликует без моего разрешения мои новые публицистические статьи; это были бы лишь очень неполные отрывки, т.к. я один могу их разыскать и сгруппировать и т.к. я вам их обещал»; Роллан «Времени», 16 февраля 1932), и одновременно будучи вынуждено учитывать желание Роллана публиковать свои старые статьи только вместе с новыми, которых «Время» еще не получило, издательство попробовало форсировать работу Роллана над продолжением «Прощания с прошлым», предложив выпустить его русский перевод отдельной книгой к 15-летней годовщине октябрьской революции:

Разрешите напомнить вам, что в начале ноября с.г. будет праздноваться пятнадцатилетняя годовщина Октябрьской Революции. Это торжественное событие будет ознаменовано выпуском целого ряда книг, подводящих итоги всему, что за эти полтора десятилетия достигнуто в области культуры

¹¹⁹ В русских письмах «Времени» и сделанных им переводах французских писем Роллана заглавие сборника статей Роллана «Les Précurseurs», традиционно переводимое на русский как «Предтечи», переводится как «Предшественники» или «Предвестники».

материальной и интеллектуальной. Мы были бы счастливы, если бы к этому дню мы могли бы познакомить Советских читателей с собранием Ваших статей и с тем “социальным исследованием” (examen de conscience social), о котором вы нам писали.

(«Время» Роллану, 25 марта 1932).

Расчет издательства оказался в общем верным: искренне симпатизировавший советской власти и любивший выступать с публичными заявлениями Роллан не успевал подготовить ничего нового к этому сроку, «ибо в настоящее время я целиком поглощен “Очарованной Душой”; подготовительная работа для сборника статей тем временем делается (разыскания в различных газетах и журналах и в моих записных книжках военного времени и копирование материалов, которые могут пригодиться), но разборкой и отделкой этих материалов я смогу заняться только когда окончу роман. То же и относительно окончания “Прощания с прошлым”, которое требует очень большой работы», однако предложил «Времени» выпустить к октябрьским торжествам «маленькую “Выборку” вне томов “Собрания Сочинений”» (Роллан «Времени», 4 апреля 1932). «Время» согласилось на это предложение выпустить отдельно сборник статей Роллана, прося писателя снабдить их необходимым материалом, и «в виду юбилейного назначения этой книги <...> предпослать этому сборнику хотя бы несколько слов предисловия» («Время Роллану», 22 апреля 1932). Уже в конце мая Роллан сообщал, что «занят собранием для вас подбора политических статей, написанных между 1919 и 1932, для брошюры, которые вы хотите опубликовать по случаю 15-ой Годовщины Октября» и обещал прислать этот материал «в пределах недельного срока» (Роллан «Времени», 25 мая 1932) – действительно, ровно через неделю писатель отправил в Ленинград 24 статьи, с краткими вступительными словами и с приложением исправлений и комментариев для редактора, сделанных М.П.Кудашевой (Роллан «Времени», 2 июня 1932).

При этом Роллан выразил желание – исходившее явно от М.П. Кудашевой – чтобы статья «Кровавое Января в Берлине» была дана в переводе Е.С. Кудашевой (Роллан ошибочно сообщает, что этот перевод появился в недавнем номере «Красной Нови» – в журнале она не печаталась, однако «Времени» все же пришлось взять перевод Е.С.Кудашевой), а «Пиратская Прodelка с Миром» – в перевод близкой подруги Кудашевой Софии Парнок (Впервые опубликован в «Известиях ЦИК СССР», 1 декабря 1929 г., под заглавием «Разбой под флагом мира»), а французского оригинала «Прощания с Прошлым» вообще не прислал, предложив издательству взять перевод из «Красной Нови», сделанный Б.А.Грифцовым (Роллан «Времени», 2 июня 1932), которого Мария Павловна с самого начала хотела пригласить участвовать в работе над собранием сочинений Роллана (см. цитировавшееся выше ее письмо М.

Волошину 17 февраля 1929 // РО ИРЛИ. Ф. 562 (М.А.Волошин). Оп. 3. № 1035. Л. 119-119об.). Издательство просьбу автора выполнило, хотя с явным ущербом для качества издания, в остальном выдержанного в едином и исключительно высоком переводческом ключе (пер. М.Л.Лозинского и А.А.Франковского под ред. А.А.Смирнова, одно эссе – в пер. Г. П. Блока, которого Роллан высоко ценил, см. его письмо «Времени», адресованное Г. П. Блоку, от 25 октября 1932 г.).¹²⁰ Заглавие

¹²⁰ «Время» попробовало воспротивиться публикации хотя бы перевода Б.А.Грифцова, да еще при невозможности сверить его с французским оригиналом: «Что же касается до перевода Грифцова, то мы усматриваем в нем несколько промахов, бросающихся в глаза даже не имея перед собой французского текста, что приводит нас к просьбе не отказать нам в доставке оригинала, чтобы мы имели возможность изготвить безупречный перевод» («Время» Роллану, 16 июня 1932 г.), однако Роллан не согласился, сообщив, что Б.А. Грифцов был ему рекомендован проф. Коганом «как один из лучших московских переводчиков, и я полагаю, что вы, должно быть, ошиблись, говоря о неточностях в его переводе. Во всяком случае, если таковые и имеются, то для их устранения вашему редактору стоило лишь ему на них указать. <...> Его перевод появился в Красной Нови, и я передал ему, что обещаю порекомендовать этот перевод и для издания моих сочинений. Своего обещания я, следовательно, не могу не сдержать и прошу вас использовать его перевод, предложив ему, конечно, исправить неточности, которые обнаружит ваш редактор» и также сообщил, что не может прислать французский текст (Роллан «Времени», 27 июня 1932).

В русском переводе сборника обнаружилась одна досадная ошибка – Роллан предупреждал о ней Г. П. Блока, однако письмо пришло слишком поздно, когда книга уже была готова: Роллан просил Г. П. Блока проверить, «как переведены в статье, озаглавленной “Письмо Эугену Рельгису”, процитированные там слова Вивекананды: “Mon Dieu les misérables!..”.– В переводе той же самой статьи, появившемся в журнале московской Коммунистической Академии, слова эти были переведены совершенно неверно как: “Мой бог, а как же несчастные!” Между тем подлинный смысл этого текста: “Мой бог – несчастные (бедняки)”, “Несчастные (бедняки) *суть* мой бог”, т.е. “Ce sont les misérables qui sont mon Dieu», а не восклицанье: “Боже мой! несчастные!..”. Было бы очень досадно, если бы эта ошибка была повторена в вашем сборнике. Пожалуйста, верните статью переводчику или попросите редактора сборника это сделать» (Роллан Г.П. Блоку, 25 окт. 1932 г.). Однако и переводчик «Времени» М.Л.Лозинский понял эту фразу так же неправильно, в чем издательству и редактору сборника А.А.Смирнову пришлось извиняться перед автором: «В тексте, который вы нам прислали, стоит: “Mon Dieu, les misérables!”. Это не совсем обычная конструкция, с опущением связки (couple) “sont” и с запятой, отделяющей подлежащее от сказуемого, вместо тире, которое облегчило бы понимание смысла выражения, сбило (dérouter) с толку переводчика и меня, которые поняли конструкцию в банальном смысле, согласно элементарным правилам синтаксиса. То же самое случилось, очевидно, с первым переводчиком этой статьи, с работой которого ни наш переводчик ни я не были даже знакомы. Мы все, работающие над переводом Ваших произведений и относящиеся с величайшей заботливостью к каждому слову Вашего текста, весьма огорчены этим недоразумением. К нашему глубокому сожалению, Ваше разъяснение опоздало на несколько дней и пришло уже тогда, когда книга была совсем готова. Тем не менее, мы чрезвычайно благодарим Вас за Ваше разъяснение этой

для сборника – «На защиту Нового Мира. Сборник боевых статей (1917-1932)» – Роллан предложил сам, отметив, что оба слова, «Мир» и «Новый» должны писаться «с прописной буквы, как это делают для “Нового Света” (Америки)» (Роллан «Времени», 27 июня 1932 г.).

Сборник вышел в ноябре 1932 года, а уже через год «Время» сообщило Роллану, что весь девятитысячный тираж первого издания распродан и они думают выпустить второе, общедоступное (значительно удешевленное и большим тиражом), и просят к нему маленькое предисловие и, если возможно, новых статей («Время» Роллану, 10 дек. 1932) – Роллан однако ответил, что не хочет ни предисловия, ни изменений в сборник (поэтому, вероятно, он «Временем» не был переиздан) (Роллан «Времени», 12 сентября 1933). Что касается материала для тома публицистических статей собрания сочинений, то Роллан обещал его прислать зимой 1933-34 г. и, вероятно, прислал – на редакционном совещании «Времени» 17 января 1934 г. было решено поручить перевод книги «Над схваткой» Е.П. Казанович – этот перевод и вышел в выпущенном ГИХЛом в 1935 году в томе статей Роллана (т. 18), под общей редакцией А.В.Федорова (перевод также вошедшей в 18 тома книги «Предтечи» был выполнен Дорой (Деборой) Григорьевной Лившиц (1903–1988) – возможно, он также был подготовлен во «Времени», с которым Д.Г.Лившиц сотрудничала, за исключением эссе «Убиваемым народам» в переводе Г. П. Блока, который был выполнен им еще для сборника «На защиту Нового Мира»). Однако подведение итогов послевоенной интеллектуальной эволюции Роллана – продолжение «Прощания с прошлым», которое вышло по-французски в 1935 году под заглавием «Пятнадцать лет борьбы (1919-1935)» – в собрание сочинений уже не вошло, и том публицистических статей, вышедший в 1935 г. в ГИХЛе, оказался с самого начала устаревшим.

Нормальная работа «Времени» над собранием сочинений Роллана в 1932-33 годах продолжала страдать от необходимости отвечать на конкурентные выпады государственного издательства. В конце лета ГИХЛ (в лице зав. иностранным сектором Гасвиани) выразил в письме «Времени» желание напечатать отдельными изданиями «Жан-Кристофа» и «Очарованную душу» «независимо от издания Вами в полном собрании сочинений» и потребовал выслать «для ознакомления» копию договора «Времени» с Р. Ролланом» (ГИХЛ «Времени», 13 сентября 1932; на более раннее письмо ГИХЛа на эту же тему, от 31 августа 1932 года, «Время» не ответило). В ответ «Время» напомнило ГИХЛу, что аналогичный вопрос

фразы и непременно используем его при переводе того места из Ваших индийских трудов, где она повторяется, а также при возможном переиздании Вашей статьи “Письмо к Рельгису”». («Время» Роллану, 17 февраля 1933 г., с приложением письма А.А.Смирнова Роллану).

уже обсуждался дважды, в связи с желанием Государственного издательства выпустить том публицистических статей Роллана и его музыкологические сочинения:

Мы уже писали Вам 24 января с.г., что, согласно договору с Ромэном Ролланом, он предоставил нам “ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ право издания и переиздания на русском языке всех его сочинений” и до истечения срока действия договора “НЕ РАЗРЕШАЕТ” другого издания своих сочинений на русском языке.

Таким образом об издании или переиздании его сочинений каким бы то ни было другим Советским Издательством, кроме нашего, не может быть и речи. Это, как Вам известно, зафиксировано распоряжением Главлита, согласованным с Вашим Издательством.

Как сообщил нам Главлит письмом от 19 ноября 1931 г. № 2502, Ваше Издательство “согласилось не предпринимать издания сочинений Ромэн Роллана у себя” [упоминаемые письма “Времени” в Главлит от 24.01.1931 и Главлита во “Время” от 19.11.1931 процитированы нами выше, в связи с историей издания публицистических статей и музыкологических сочинений Роллана – М.М.].

Поэтому Ваше сообщение о том, что, вопреки прямому распоряжению Главлита и в отступление от принятого Вами на себя обязательства, Вы тем не менее предполагаете выпускать произведения Роллана, явилось для нас более, чем неожиданным.

По всем этим основаниям и учитывая 1) что наше издание Роллана, весь гонорар по которому Роллан целиком отдает на культурно-просветительные нужды СССР, имеет исключительное общественное значение, 2) что мы приступаем к выпуску повторного издания томов, содержащих “Жан Кристофа”, и в ближайшее время будем доиздавать незаконченный еще автором роман “Очарованная Душа”, 3) что воля самого Роллана по этому вопросу достаточно определенно выражена в приведенных выше выдержках из договора его с нами, — мы решительно протестуем против осуществления Ваших предположений о переиздании Вами “Жан Кристофа” и “Очарованной Души”.

(«Время» — ГИХЛ, 15 сентября 1932 г.).

В тот же день «Время» вновь обратилось с секретным письмом к заведующему Главлитом Б.М.Волину, препровождая ему свою переписку с ГИХЛом и прося «подтвердить Ваше распоряжение как центральному аппарату ГИХЛа, так и Ленинградскому его Отделению о том, чтобы сочинения Ромэна Роллана издавались только нашим Издательством и чтобы ГИХЛ, согласно состоявшемуся уже с ним соглашению, отказался наконец от попыток выпускать параллельные издания сочинений этого автора» («Время» в Главлит, 15 сентября 1932). На некоторое время, вероятно, апелляция к Главлиту возымела действие, однако через три месяца государственное издательство, на этот раз в лице главы ГИХЛа Н. Н. Накорякова, обратилось со своим предложением теперь уже прямо к

Роллану, мотивируя его недостаточностью тиражей «Времени» и дороговизной его изданий; копию это письма Роллан переслал «Времени»:

Дорогой товарищ, в письме на имя тов. Халатова Вы выразили желание, чтобы ваше произведение «Прощание с прошлым» не появлялось в свет на русском языке, пока вы не закончите 2-й его части.

Т. к. Государственное Издательство Художественной Литературы (ГИХЛ) предполагает издать Ваше произведение большим тиражом для широких народных масс (ибо в этом его назначение), то Издательство “Время” не воспротивится этой публикации, пока ваш договор с этой фирмой остается в силе. /.../ Мы просим вас, дорогой товарищ, по окончании действия вашего договора с Издательством “Время”, срок которого приближается, заключить договор с нашим издательством, чтобы дать нам возможность бесперебойно продолжать выпуск в СССР ваших произведений на русском языке.

(Накоряков — Роллану, 15 декабря 1932 г.).

Отвечая Накорякову, Роллан, хотя и отклонил его предложение издавать продолжение «Прощания с прошлым», которое еще не написано, вообще изъявил готовность сотрудничать с государственным издательством, поскольку «я так же как и Вы, желал бы, чтобы мои произведения распространялись среди более широкого круга публики, чем тот, который доступен Издательству “Время”. Некоторые из моих друзей, возвращающиеся из СССР или живущие там, выразили мне сожаление, что тираж их ограничен, а цена слишком высока. Я хотел бы таким образом, чтобы Вы нашли почву для соглашения с “Временем”, которым я лично вполне доволен. Само собой разумеется, что я остаюсь верен договору, заключенному со мной этой фирмой. Но не был ли бы возможен одновременный выпуск одного “роскошного” (или “полу-роскошного”) издания, как издание “Времени”, и другого народного, выпускаемого Вами?» (Роллан Накорякову, 26 декабря 1932). «Время», в виду «чрезвычайной важности» для него этого вопроса, обсудило его на Правлении издательства 9 января 1933 года и отправило Роллану подробную мотивировку своих возражений на письмо ГИХЛа:

Прежде всего о некоторых неясностях и неточностях в письме тов. Накорякова. Второй абзац этого письмо (“L’ Edition Vremia ne s’opposere pas etc...”) изложен так, что дает некоторое основание предполагать о каких-то якобы уже происходивших переговорах Госиздата с нами. Это не так. Никаких переговоров по затронутому г. Накоряковым вопросу Госиздат с нами пока не вел. Он запрашивал нас, довольно давно уже (и это Вам известно) о Ваших музыкологических произведениях и о сборнике Ваших политических статей. На оба эти вопроса мы ответили отрицательно. И если “Кола Брюньон” и некоторые другие ваши беллетристические произведения включены в план ГИХЛа, то это сделано без нашего согласия и без нашего ведома. Это первая фактическая поправка, или вернее разъяснение. Вторая касается срока нашего с

Вами договора. Тов. Накоряков пишет, что срок действия его приближается к концу. Как Вам известно, это тоже не совсем верно. Срок нашего договора – 20 марта 1934 года. Таким образом впереди еще один год и 2 ½ месяца.

<...> Нас чрезвычайно огорчило, что существуют жалобы на малый тираж нашего издания и на высокую его цену. Вернее сказать, нас огорчило, что об этих жалобах мы узнали только косвенным образом – из Вашего письма тов. Накорякову. Если бы мы узнали об этом раньше непосредственно от Вас, мы имели бы возможность сразу же дать Вам по этому вопросу нужные разъяснения. Эти разъяснения сводятся к следующему:

1) Нормальный тираж беллетристических произведений в СССР не больше, а меньше нашего тиража. Для обычной беллетристики он редко превышает 5000 – 5200 экз. Для писателей с крупным именем он повышается, но не очень значительно. Так, например, очень популярный у нас Эптон Синклер выпускается в количестве 8200 экз. Что касается наших тиражей, то позвольте Вам и напомнить (они все обозначены на книгах):

«Жан-Кристоф» – 7 200 экз.

«Очарованная Душа» – 10. 100 –

«Кола Брюньон» – 15 000 –

«Клерамбо» – 10 000 –

Драм. Произв. – 8.500 –

«Гете и Бетховен» – 13. 000 –

Эти цифры довольно показательны. Книготорговые организации, приобретающие у нас наши издания, неоднократно указывали нам, что наши тиражи выше обычных.

2) Вопрос о ценах. Средняя цена одного печатного листа нашего издания, равного 16 страницам (считая и фототипии, и деревянные гравюры, и виньетки) – 18, 08 коп. Если взять для сравнения книги других наших издательств (мы говорим о беллетристике), то мы увидим, что при отсутствии фототипий, деревянных гравюр и виньеток и при бумаге менее высокого качества, цена одного печатного листа этих книг колеблется в пределах от 18 до 24 коп. Издания же более изящные расцениваются гораздо дороже.

Мы не думаем, чтобы можно было при этих условиях говорить о дороговизне наших изданий. Мы утверждаем обратное и ссылаемся на единодушный отзыв всех без исключения наших клиентов, которые все в один голос твердят о дешевизне (некоторые даже – о чрезмерной дешевизне) наших изданий. Так говорят цифры.

<...> Тов. Накоряков совершенно прав, когда говорит, что в задачи ГИХЛа входит выпуск многотиражных изданий беллетристических произведений. Такие издания ГИХЛа существуют и цена их действительно ниже нашей. Но выпуск изданий дешевых с большим тиражом, равно как выпуск беллетристических произведений, пригодных для изучения в школе, не составляет монополии ГИХЛа.

Мы приступаем сейчас к переизданию “Жан-Кристофа”. Это было решено еще до получения вашего последнего письма. 1 том уже с 31-го декабря с.г. в наборе. В связи с вновь выяснившимся из Вашего письма обстоятельствами мы готовы перестроить всю нашу работу над этим

переизданием. Мы немедленно примем все возможные меры к тому, чтобы обеспечить его таким количеством бумаги, которое дало бы нам возможность выпустить его с тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров. Внешний вид его конечно будет уже совсем иной: не будет портретов, бумага будет менее бела и чиста, переплет будет гораздо скромнее, но все это даст нам возможность значительно понизить продажную цену. Мы не даем еще пока в этой области никаких твердых обещаний, но принципиально это предприятие вполне возможно и мы обязуемся сделать все от нас зависящее, чтобы его осуществить (прим.: Само собой разумеется, что и в этом народном издании Ваш текст будет дан в том же исчерпывающе полном объеме, без каких бы то ни было сокращений и изменений, в каком мы даем его и в нашем основном издании, чем это издание отличается от ВСЕХ других выходивших в СССР изданий отдельных ваших произведений).

А если это нам удастся, на что мы надеемся, то не отпадет ли разве основание вступать в какие бы то ни было переговоры с ГИХЛ-ом по этому предмету?

<...> Между ГИХЛ-ом и нами существует большая разница в смысле объема их и нашей деятельности. ГИХЛ входит а издательское объединение, грандиозное по охвату своей работы. Наши масштабы довольно скромны. Но какой либо принципиальной разницы между их и нашими задачами, между их и нашей ролью в общем строительстве нашей страны не существует. В бою за общие идеи мы сражаемся в рядах одной и той же армии и действуем одинаковым оружием. Входя в состав обобществленного сектора промышленности, мы, как и они, не преследуем никаких предпринимательских целей и менее всего думаем о наживе. Никакая коммерческая конкуренция невозможна между нами.

Но будучи не врагами, а соратниками, мы работаем каждый на своем участке, у каждого есть свои завоевания и каждый ими дорожит.

Мы гордимся тем, что именно нам принадлежит инициатива выпуска первого в СССР и первого в мире полного, скрупулезно обработанного собрания Ваших сочинений. Мы видим в этом культурную вою заслугу и думаем. Что она дает нам некоторые права. <...>

В другом, более крупном издательстве, Ваши книги составили бы лишь некоторую часть в общей массе его продукции, у нас же они представляют собою главное ядро нашей деятельности. Мы полагаем поэтому, что независимо от того или иного качества нашей работы, мы, в силу самой обстановки этой работы – скорее лабораторной, чем фабричной, можем уделять Вашему изданию более пристальное, чем в других издательствах, внимание. Кроме того, любое другое издательство, действуя добросовестно, должно было бы потратить еще очень много времени на переводную и редакционную работу. У нас это большое дело уже позади.

И наконец последнее. Если автор в течение ряда лет издается только одним издательством и если после этого он хотя бы и частично отказывается от его услуг, то для Издательства это всегда будет тяжелым моральным ударом и ляжет пятном на его репутацию. И удар этот тем тяжелее и пятно это тем темнее, чем выше этический авторитет писателя. Для нас в отношении ваших

сочинений это вопрос острейшего жизненного значения.

Не посетуйте же на нас, если мы скажем Вам прямо, что мы не хотели бы уступать никакому другому издательству наших прав на издание Ваших сочинений ни в какой части.

(«Время» — Роллану, 17 января 1933).

Роллан откликнулся примирительно, вероятно не желая разбираться в сложностях неравных отношений кооперативного и государственного издательств: он не возражал против желания «Времени» выпустить «общедоступное» (более дешевое и тиражное) издание «Жан-Кристофа» (Роллан «Времени», 27 января 1933), о чем честно сообщил Накорякову (Роллан Накорякову, 29 января 1933).

В конце 1933-го – 1934-м году во «Времени» вышли 5 томов удешевленного издания «Жан Кристофа», содержавшие все десять книг романа, каждый тиражом в 30 000 экз., по цене вдвое ниже цены первого издания (1 р. 75 к. вместо 3 р. 50 к.) («Время» Роллану, 2 сентября 1933, 2 января 1934). Это издание несомненно было для «Времени», привыкшего рассматривать себя – как докладывал С.Ф.Ольденбург на расширенном редакционном совещании 4 мая 1931 года – «как лабораторию, как опытный участок, на котором пробуются различные методы редакционной и издательской работы. При своем маленьком масштабе Издательство может позволить себе ту роскошь кропотливой работы, которая не доступна крупным массовым издательствам» (Протокол расширенного редакционного совещания Кооперативного товарищества «Издательство Время», 4 мая 1931 г.), – чужеродным предприятием и вероятно очень трудным, поскольку, как кооперативное издательство, оно вынуждено было работать в условиях жестких бумажных лимитов постоянно сокращаемых государством с целью постепенной ликвидации частно-кооперативного книгоиздания (см.. донесение Ленгублита в Губком РКП (б) <1928-29 гг.> // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 45. Л. 32, цит. в: Блюм 1994, 139). Осенью 1933 года бригада Ленинградского Горкома партии, инспектировавшая работу «Времени», отметила, что первоначальный план издательства на 1932 г., составлявший 66 названий из расчета 300 тонн бумаги, был, вследствие сильного сокращения бумажных лимитов, урезан до 18 названий и полностью выполнен издательством лишь благодаря оставшимся у него от прошлого года запасам, поскольку в 1932 г. из утвержденной ему сокращенной нормы в 84 тонны бумаги издательство получило только 60 %, т.е. 49 тонн; выполнение плана на 1933 год (19 названий, для которых необходимо 85 тонн бумаги) возможно только при поступлении всего объема бумаги. Вероятно, в этих условиях вынужденный выпуск в конце 1933 трех томов удешевленного «Жана-Кристофа» тиражом в 30 000 экз. сильно подорвал экономические возможности «Времени».

Однако даже эта жертва не оградила «Время» от претензий Госиздата, в борьбе с которыми Роллан перестал быть ему решительным союзником. В сентябре 1933 года Роллан вновь сообщил «Времени» о желании ГИЗа издавать его сочинения: «Один из друзей (Барбюс), побывавший в СССР, сообщил, что ГИЗ собирается выпустить однотомник его сочинений – имеете ли что против? Может быть это даже будет полезно для распространения вашего издания. Во всяком случае конкуренции не будет. Горький пишет, что потребность СССР в книгах превосходит возможности издательств. Сообщите, чтобы я мог принять решение» (Роллан «Времени», 12 сентября 1933) – «Время» (посылая с этим письмом 1 том удешевленного издания «Жан Кристофа», подготовленный специально для борьбы с Госиздатом, и сообщая о своих планах выпустить общедоступные издания «На защиту Нового Мира» и «Кола Брюньона», которые в конце концов не вышли), повторило свое мнение относительно претензий Госиздата:

В отношении тех предположений Госиздата, о которых вам сообщил Анри Барбюс и о которых мы до вашего письма ничего не слышали, позвольте остаться на тех позициях, которые вы так верно предуказали и нам и Госиздату, отметив в одном из ваших последних писем, что подобные вопросы мы должны разрешать здесь сами, не вмешивая вас в детали взаимоотношений, которые только здесь на месте могут быть усвоены во всей их сложной совокупности.

К этому мы позволим себе только добавить, что, в связи с проведением в хозяйственной жизни СССР плановых начал, вопросам планирования издательской работы придается очень серьезное значение и, в основном, эти вопросы разрешаются издательствами соответственно директивам выше их стоящих регулирующих органов. Вы понимаете, что при этих условиях ни о какой «коммерческой конкуренции» не может быть и речи. Самое это понятие стало нам совершенно чуждо.

(«Время» — Роллану, 3 октября 1933).

В конце 1933 года в свет вышел 14 том, куда вошел цикл «Героические жизни» – «Жизнь Бетховена» (пер. Е.С. и С.С.Кудашевых под ред. А.А.Смирнова); «Жизнь Микеланджело» (пер. М.А.Кузмина, в том числе и стихотворные переводы стихов Микеланджело) и «Толстой» (так в оглавлении, в тексте под заглавием «Жизнь Толстого», пер. Е.С. и С.С.Кудашевых под ред. Б.М.Эйхенбаума), для которого все многочисленные цитаты из Толстого были сверены Б.М.Эйхенбаумом с подлинником и рукописями Толстого («Время» Роллану, 3 окт. 1933).¹²¹

Присылку своих индийских сочинений для последующих томов Роллан задержал – они были получены «Временем» только в начале 1933

¹²¹ Возможно, причиной задержки выхода тома отчасти было и опоздание авторов со сдачей работы – на редакционном совещании 9 декабря 1932 г. было специально решено «торопить» М.А.Кузмина («Микеланджело») и Б.М.Эйхенбаума («Толстой»).

года (Роллан «Времени», 3 января 1933), и хотя перевод «Вивекананды», как сообщало издательство автору, был начат «под непосредственным наблюдением нашего известного ориенталиста-санскритолога академика С.Ф.Ольденбурга, который снабдит эту книгу своими примечаниями» («Время» Роллану, 3 окт. 1933), он вероятно не был закончен и «индийские» тома (19-й и 20-й), «Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии», вышли в ГИХЛе в 1936 г. в переводе под редакцией не С.Ф.Ольденбурга, а М.А.Салье (Т 19, «Жизнь Рамакришны» и «Жизнь Вивекананды», пер. А.А.Поляк и Э.Б.Шлоссберг; Т. 20, «Вселенское евангелие Вивекананды» и «Махатма Ганди», пер. Т.Н.Кладо). Вероятно, закончить работу над переводом индийских томов «Времени» помешала смерть С. Ф. Ольденбурга (28 февраля 1934 года, «Время» сообщило о ней Роллану в письме 17 марта 1934). Издание вообще постепенно осталось без редакторского присмотра: 2 мая того же года умер назначенный самим Ролланом П.С. Коган, один из двух редакторов собрания,¹²² 26 декабря 1933 – поддерживавший издание и издательство А. В. Луначарский, а в феврале 1934 – второй редактор, С. Ф. Ольденбург. Забота о собрании сочинений легла на ранее привлекавшегося главным образом для редактуры переводов А.А.Смирнова, занятого к этому времени другими, новыми проектами «Времени».

В процессе работы над собранием сочинений Роллана, к 1931—32 году, в издательстве произошли решительные изменения: в 1929 году, несмотря на «великий перелом», кооперативному издательству удалось сохраниться и перерегистрировать свой устав (внесен в реестр первичных промыслово-кооперативных организаций ЛОСНХ 26 апреля 1929 г), однако вскоре пришлось значительно изменить структуру и состав издательского руководства: были созданы выборное Правление и Контрольно-ревизионный совет, председателем Правления стал Николай

¹²² «Время» сообщило Роллану о смерти П.С.Когана 11 мая 1932, спрашивая, желает ли он занять кем-то вакантное теперь место Когана как представителя автора в издании: «найти лицо, вполне и во всех отношениях равноценное П.С.Когану, будет весьма затруднительно. Учитывая, с другой стороны, что налицо остаются такие высоко-авторитетные соредакторы покойного, как С.Ф.Ольденбург, член Академии Наук, и А.А.Смирнов, профессор романской словесности Ленинградского Университета, оба виднейшие специалисты в области художественного перевода и оба хорошо знакомые с требованиями и вкусами своего скончавшегося коллеги, что, благодаря Вашей любезной предупредительности, мы имеем возможность делиться непосредственно с Вами всеми даже мелкими нашими сомнениями и что вы имеете уже почти трехлетний опыт работы с нами, – мы позволяем себе думать, что в подыскании такого трудно находимого лица нет, может быть, и необходимости», если же есть – то рекомендуют проф. В.А.Десницкого» («Время» Роллану, 11 мая 1932 г.), на что Роллан ответил, что не хочет никем заменять Когана и лишь просит сохранить его фамилию в издании в траурной рамке (Роллан «Времени» 25 мая, 17 июня 1932 г.), что и было сделано.

Альбертович Энгель, член ВКП (б), до 1930 г. руководивший Ленинградским Областлитом (его виза стоит на некоторых выданных «Времени» до 1930 г. цензурных разрешениях),¹²³ а его заместителем – член ВКП (б) Яков Григорьевич Раскин (который, вероятно, был представителем системы Промкооперации, в которую входило «Время» – на расширенном совещании издательства 4 мая 1931 г. он поддержал просьбу Г.П. Блока к Луначарскому стать председателем редакционного совета издательства, выступая от лица Промкооперации: руководство Луначарского будет иметь «крупнейшее политическое значение для всей Промкооперации»). В остальном в Правление вошли старые сотрудники издательства – А. А. Смирнов, в этот период ставший гораздо более активным сотрудником «Времени», а также В. А. Зоргенфрей и Я. И. Перельман. В Контрольно-ревизионный совет вошли акад. С. Ф. Ольденбург (редактор), А. А. Франковский (редактор и переводчик) и Ю. Д. Скалдин (художник). В редакционный совет, осуществлявший общее руководство работой издательства, вошли, помимо Н.А.Энгеля, С.Ф.Ольденбурга, А.А.Смирнова, А.А.Франковского, В.А.Зоргенфрея,

¹²³ Н.А. Энгель, судя по его отношениям и справкам по истории издательства, сохранившимся в архиве, был человеком дельным и не злоупотреблявшим марксистской риторикой, а также, судя по его биографии, искушенным в издательском деле, хотя и не получившим систематического образования. Сведения о нем приводятся в заметке М.В.Зеленова по материалам РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. РБ 1937 (<http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/lenoblit/managers/?id=3746>): Н.А.Энгель родился в 1892 году в семье служащего (чертежника), в 1911 окончил гимназию и поступил в Петербургский университет, откуда за участие в студенческих беспорядках в 1912 г. был исключен. Член РСДРП (б) с февраля 1913 г. В 1911 г. поступил в Психоневрологический институт, где окончил 2 курса и в начале 1915 г. был арестован за принадлежность к партии большевиков и сослан на три года в Енисейскую губернию. Освобожден из ссылки в 1917 году. С мая 1917 по февраль 1918 корректор и помощник секретаря в газете «Правда» (Петроград), с февраля по июнь 1918 красногвардеец, Юрьево-Путиловский партизанский отряд. С 1918 по июнь 1925 главный редактор и заведующий Бюро РОСТА (Ленинград) (судя по воспоминаниям А. И. Тинякова (Одинокого), в начале 1920-х Н.А.Энгель был также главным редактором петроградской газеты «Последние новости», см.: <http://lib.rus.ec/b/215848/read>). С июня 1925 по 1927 г. председатель секции работников печати Союза работников просвещения (Ленинград), с июня 1927 по июль 1930 – заведующий Ленинградским Областлитом, с 1930 по февраль 1932 – заведующий сектором художественных фильмов на Ленинградской кинофабрике; с февраля по май 1930 – директор фабрики Радиофильм. С 1932 по октябрь 1934 – председатель правления издательства «Время»; в 1933–1934 гг. – ученый секретарь Института русской литературы АН СССР; с октября 1934 по сентябрь 1935 заведующий кабинетом рабочего автора в Профиздате (Москва). С 1935 по 1936 заведующий редакционным отделом издательства АН СССР. В декабре 1935 г. исключен из ВКП (б) «за связь с классово-чуждым элементом», восстановлен решением КПК при ЦК ВКП (б) в июне 1936 г. В 1937–1939 гг. старший референт Отделения общественных наук АН СССР; с 1939 по 1941 гг. – ученый секретарь Отделения литературы и языка АН СССР.

также два новых сотрудника – старый большевик, руководитель Петроградского Истпарта, член редколлегии газеты «Ленинградская правда» Вадим Александрович Быстрянский, и «красный профессор» Василий Алексеевич Десницкий. Таким образом, к 1931 году число членов товарищества выросло с первоначальных 10 (при регистрации издательства в 1923 году) до 23 (Справка «Промыслово-производственном кооперативное товарищество “Издательство Время”», <1931>), создатели издательства – И.В.Вольфсон и Г. П. Блок были изъяты из его руководства (Вольфсон находился в ссылке, Блок был переведен на техническую должность; А.Е.Ферсман вероятно перестал принимать участие в работе издательства), и внутрь издательства было внедрено и цензурное, и партийное, и советское политическое руководство – вероятно, такова была договоренность сотрудников издательства с властью, позволившая им продолжать работу, когда почти все частные и кооперативные издательства были уже закрыты.

В конечном счете «Время» – несмотря на все сделанные им оригинальные, продуманные и трудоемкие решения в области юридической, переводческой, в составе собрания сочинений Роллана, в выстраивании особых отношений с иностранным автором, с органами цензуры и государственными издательствами, несмотря на то, что оно подготовило уникальное для советского книжного рынка 1920-х авторизованное, во многом превосходящее даже французские, собрание сочинений Роллана, которое до сих пор является «текстологическим первоисточником, так как оно первое и единственное русское прижизненное издание, подготовленное и проверенное самим автором» (Шомакова 1968, 212), – в финале затянувшейся работы над ним потерпело поражение и вынуждено было снова искать новую, более надежную и длительную диспозицию, теперь уже в пост-нэповском культурном поле.

1932-34: Поиски новой легитимации

Обрисовывая в конце 1933 года «политическую физиономию» издательства «Время», его новое руководство назвало этот год в работе издательства «до известной степени переломным в отношении переводной литературы»:

Продолжая печатать полное собрание сочинений Р. Роллана (в первую очередь – только что законченные автором заключительные части романа “Очарованная душа”, захватывающие уже новейшую современность) и покончив с изданием Цвейга, Издательство стало ориентироваться на социальный роман: – Л. Кладель, участник Парижской Коммуны, роман “И.Н.Ц.И.”, Л. Муссинак – французский писатель, коммунист – роман “Очертя

голову”, большой многотомный роман Жюль Ромэна “Люди доброй воли”, несколько романов левых германских писателей (Г. Фаллада, А. Зегерс, Келлерман и пр.), сочинения которых сжигаются сейчас фашистами.

С другой стороны Издательство ведет большую работу над выпуском собрания сочинений нескольких крупнейших западных писателей, имеющих крупное общественное значение и являющихся вместе с тем яркими революционерами в области художественного слова. Эти авторы: – Стендаль (первый очередной том, впервые появляющийся в русском переводе, выйдет в сентябре), Марсель Пруст (первый том с предисловием А. В. Луначарского выйдет в октябре) и Андре Жид, заявивший в последнее время о своем горячем сочувствии Советскому Союзу (очередной том его сочинений сейчас печатается и выйдет в августе. Предисловие к собранию его сочинений будет также дано А. В. Луначарским).

(Политическая физиономия «Издательства “Время”», <1933>)

Вплоть до своего закрытия в 1934 году «Время», как и во второй половине 1920-х, продолжало видеть своей основной задачей «выпуск переводной художественной литературы» (*Энгель Н.А.* [Справка о деятельности кооперативного издательства «Время» в Ленинграде], 7 мая 1934), однако теперь она была адаптирована к новым, пост-нэповским экономическим и политическим условиям.¹²⁴

В конце 1920-х курс на типизацию и уничтожение частно-кооперативного книгоиздательства заставил «Время» отказаться от отбора и перевода новинок иностранной беллетристики и ограничить свою деятельность в области художественной литературы кропотливой работой над изданием авторизованных собраний сочинений Цвейга и Роллана. В редакционных планах издательства 1930 и 1931 годов стоят только эти собрания сочинений Цвейга и Роллана и книги серии «Занимательная наука», внутренние рецензии на новые книги не писались, – намечалась явная тенденция к прекращению существования издательства, переживавшего внутреннюю реорганизацию после «изъятия» И.В.Вольфсона и последовавшего «огосударствления» изнутри. Однако в 1932 году «Время» воспряло: в плане появились новые собрания сочинений (Стендаля, Генри Джемса, А. Барбюса), новая социально-

¹²⁴ Вторым основным направлением деятельности «Времени» продолжала оставаться научно-популярная серия «Занимательная наука» под руководством Я.И.Перельмана, имевшая, ради идеологической безопасности, естественнонаучную ориентацию. Последняя книга серии – «Занимательная метеорология» Татьяны Николаевны Кладо и Даниила Осиповича Святского в фирменном серийном оформлении Ю.Д.Скалдина, вышедшая во «Времени» первым изданием в 1930 г., была переиздана в расширенном варианте в 1934, год закрытия издательства, а сразу после прекращения его существования и безо всяких изменений в содержании и оформлении – в 1935 году «Молодой Гвардией». Можно сказать, что научно-популярная серия «Занимательная наука», начатая в издательстве в 1925 году, не переживала обенных изменений.

революционная серия» из 44 книг иностранных авторов, в 1933 году к ним добавились собрания сочинения М. Пруста и А. Жида, несколько новых отдельных произведений современных иностранных авторов, со многими из которых издательство вступило в личные отношения для авторизации своих изданий, а в 1934 году в программе издательства появились совершенно новые планы – возвращение к изданию мемуаров, запрещенных «Времени» в начале 1920-х, серия «Россика» (мемуары иностранцев о России), новые переводы иностранной классики; вышла антология Б. Лившица «От романтиков до сюрреалистов».

Вероятно, толчком к этому обновлению и активизации работы издательства послужило краткое ощущение «оттепели» 1932 года, возникшее после постановления о разгоне РАППа, а также неожиданная поддержка, которую «Время» нашло осенью 1933 года в Ленинградском Горкоме партии, бригада которого обследовала деятельность издательства и дала исключительно лестные и выгодные для него выводы. Опираясь на них, новый директор издательства Н.А.Энгель в мае 1934 года сформулировал органам власти свои предложения об улучшении внешних условий работы издательства, при сохранении его независимого статуса и прежней культурной ориентации: «Лен. Горком ВКП (б), в итоге обследования Издательства /.../, отметив серьезное отношение Издательства к своей работе, его рентабельность, отсутствие перерасходов по смете, правильное направление деятельности, наличие авторских и художественных сил и накопленный опыт, – признал необходимым сохранить Издательство для дальнейшей работы в области переводной художественной литературы» (Энгель Н.А. [Справка о деятельности кооперативного издательства «Время» в Ленинграде], 7 мая 1934).

Прежде всего, бригада Горкома отметила неудовлетворительное положение с выделением издательству бумаги (из 84 тонн бумаги, необходимых для выполнения плана 1932 года, было выделено только 60 % – 49 тонн), несмотря на что издательству удалось «вполне удовлетворительно» выполнить план, что «должно быть отнесено за счет хорошей работы Издательства», и рекомендовала «расширить тематический план Издательства за счет включения в него произведений авторов, запрещенных в фашистской Германии» и социально-революционной серии, и «в связи с расширением тематического плана поставить перед соответствующими организациями вопрос об увеличении Издательству норм отпуска бумаги» (Выводы бригады Лен. Горкома партии по обследованию деятельности издательства «Время» <осень 1933>). К 1934 году ситуация с бумагой, впрочем, не изменилась к лучшему, о чем докладывал Н.А.Энгель: «На 1934 г., под тщательно проработанный, вполне реальный редплан Издательство просило отпустить около 270 тонн бумаги. Вместо этого ему было ассигновано только 80 тонн, а за 1-е полугодие эта сниженная норма была урезана еще

на 14 тонн» (Энгель Н.А. [Справка о деятельности кооперативного издательства «Время» в Ленинграде], 7 мая 1934), также мотивировавший просьбу об увеличении лимитов бумаги тем, что это необходимо для поддержания принятого в издательстве высокого, «лабораторного» уровня книжной работы:

Борьба за то высокое качество продукции, которого добивается Издательство, возможна только в определенных условиях. Особенное значение приобретает в этом случае искание новых приемов работы, эксперимент, а для этого требуется исключительно скрупулезный, “лабораторный” подход к выпуску книги. Издательство привыкло смотреть на себя, как на “опытный участок”, и именно в таком понимании своей задачи воспитался кадр его сотрудников. Но, проводя эту работу, Издательство крайне стеснено теми карликовыми масштабами, к которым по необходимости приходится ее сводить. <...> Работа Издательства теряет всякое значение, обращаясь в кустарщину, и даром пропадает весь накопленный запас опыта и творческой энергии, когда годовой план Издательства ограничен двумя-тремя десятками названий, когда в этот план не уложить даже актуальнейших новинок иностранной литературы, когда выпуск собрания сочинений Жида приходится растягивать на два года, а Роллана – на пять-шесть лет, что недопустимо и политически, и с точки зрения договорных обязательств, принятых на себя Издательством в отношении этих авторов. – Издательство имеет внутренне все возможности увеличить в полтора-два раза количество своей продукции и настаивает на этом увеличении.

(Там же).

Вторым препятствием для нормальной работы издательства, которое отметила в 1933 году бригада ленинградского горкома и подхватил в 1934 году Н.А.Энгель, была его ведомственная подчиненность Ленпромпечатъсоюзу (Ленинградскому Бумажно-Полиграфическому Союзу):

Ленпромпечатъсоюз представляет собой конгломерат довольно случайно подобранных артелей. Наряду с несколькими типографиями (“Печатня”, “Советский Печатник”, “Искра”, “Колхозный печатник”, объединяющий несколько районных типографий) в состав Союза входят штемпельно-граверная мастерская, переплетная фабрика “Новая книга”, артель “Советский Картонажник”, “Красный картузник” и пр. Издательства, входящие в Союз (“Время” и нотное Издательство “Тритон”), представляют ничтожную группу в Союзе и по характеру своей деятельности глубоко отличны от всех других артелей. Если проанализировать положение Издательств, то получается следующая картина: идеологическое руководство издательствами осуществляется непосредственно партийной организацией (Горком, ЦК), основное снабжение (бумага) производится в централизованном плановом порядке, регулирование организационно-хозяйственного характера осуществляется Комитетами по Делах Печати, Ленинградским и

республиканским, издательства находятся на полном и строгом хозрасчете. Что же остается на долю Союза? Попытки искусственно втиснуть Издательство в рамки Союза, подчинить общему ранжиру, что ведет к мелочной опеке, к внешнему вмешательству в оперативную работу издательств, к механическому подчинению издательств союзному “большинству”. При вышеописанном положении все преимущества состояния в артельном объединении идут на смарку и остается только голое администрирование, дергание, нервирование работников, загрузка дополнительной отчетностью, мало применимой к издательскому делу и проч. Как пример наиболее крупных недоразумений последнего времени можно указать: категорическое требование Союза печатать все издания (включая РОМЕНА-РОЛЛАНА) в союзных типографиях, несмотря на низкое качество их работы, попытка распределять по своему усмотрению прибыли Товарищества (несмотря на декрет от 23-го июня 1932 года, предоставляющий самостоятельность артели в этом отношении), использование фонда ученичества на содержание школы ФЗУ полиграфической промышленности в то время, как для Издательства целесообразнее использовать эти средства на подготовку редакционно-издательских кадров и пр. и т.п. В то время, самое состояние в Союзе стоит Издательству довольно значительных средств – в 1932 году – 30 тыс. руб., что ничем не компенсируется, –

исходя из чего бригада Горкома партии предложила «издательство “Время” для улучшения его работы, укрепления материальной базы, как предприятие не имеющее в основном ничего общего с системой Ленпромпечатсоюза, из такового выделить» и объединить с Издательством Писателей в Ленинграде (Выводы бригады Лен. Горкома партии по обследованию деятельности издательства «Время» <осень 1933>).

Н.А.Энгель весной 1934 года повторил все эти аргументы и предложил, «учитывая результаты деятельности Издательства, признанные успешными, а также то обстоятельство, что для выпуска некоторых современных иностранных авторов Издательство “Время”, как организация общественная, политически более удобна, чем фирма государственная», сохранить издательство «как самостоятельную издательскую единицу кооперативной структуры, не сливая его ни с какими другими издательствами», «изъять Издательство из ведения Ленпромпечатсоюза с тем, чтобы идеологическое руководство деятельностью Издательства, ввиду всесоюзного ее значения, осуществлялось по-прежнему непосредственно Культпромом ЦК ВКП (б), а текущий контроль – Всекомпромсоветом», «расширить редплан Издательства до первоначально заявленных им размеров, увеличив соответствующим образом и норму отпускаемого ему сырья» и «закрепить за Издательством подобающее его значению место в одном из Ленинградских полиграфпредприятий, зарекомендовавших себя высоким

качеством продукции» (Энгель Н.А. [Справка о деятельности кооперативного издательства «Время» в Ленинграде], 7 мая 1934).

Надеясь, вероятно, на благоприятные перемены в своей судьбе, издательство, продолжая линию авторизованных собраний сочинений, вновь, как в середине 1920-х, стало активно рецензировать иностранные книжные новинки, для чего, после резкого снижения числа внутренних рецензий в 1929-30 годах, было принято предложение А.А.Смирнова, «в виду загруженности членов совещания работой и затруднительности для них срочно давать отзывы о тех или иных книгах – создать кадр рецензентов и испробовать их пригодность. Намечаются добавочно к имеющемуся уже: А.Г.Горнфельд, Н.Я.Рыкова, М.Е.Левберг, Григорьева, А.В.Федоров, А.А.Морозов» (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933); в 1930-е появился новый круг постоянных рецензентов – А.А.Смирнов, А.А.Франковский, В.А.Зоргенфрей, П.К.Губер – которые были гораздо более литературно осведомлены, чем рецензенты 1920-х Н.Н.Шульговский, В.А.Розеншильд-Паулин и даже В. А. Куллэ.

Новые рецензенты, будучи опытными переводчиками, отклонили два значительных современных романа, немецкий и французский, главным образом из-за того, что сочли невозможным адекватно перевести их на русский. В конце 1933 года на редакционном совещании вновь обсуждался роман Альфреда Дёблина «Берлин – Александр Плац» (1929), на который В.А.Зоргенфрей дал положительную рецензию еще когда книга была новинкой (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 24 октября 1929 на: *Alfred Döblin. Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf*), тогда же заметив, что «Перевод потребует работы высшей квалификации. Имеются трудности почти непреодолимые – диалект берлинских низов, воровской жаргон, бесчисленные цитаты в стихах – литературные, из бытового песенного обихода и пр. – цитаты, иногда сознательно перевираемые и варьируемые автором. Кое-где проза самого автора переходит в рифмованную. Необходимо будет дать везде материал художественно адекватный, ибо, в сущности, на этом, внешне побочном словесном интересе и основана вся художественная ценность романа. Без него он может превратиться в мало интересную – почти скучную – книгу» (Там же). Этот же аргумент Зоргенфрей повторил пять лет спустя: «по особенностям ее стиля книга требует очень искусного переводчика – иначе окажется и неинтересной и просто скучной. Подходящего переводчика указать не может», – и от издания было решено отказаться (Протокол ред. совещания, 27 декабря 1933; «Берлин-Александрплац» А. Дёблина вышел в 1935 году в Госиздате переводе Г. А. Зуккау).

Ту же проблему невозможности адекватного передачи на русском назвал опытейший переводчик А. А. Смирнов в своей рецензии на «Путешествие на край ночи» Л.-Ф. Селина:

<...> несмотря на огромные художественные достоинства этого произведения и на его большой интерес, рекомендовать его к изданию невозможно по следующим причинам: 1) Если книга натолкнулась во Франции (насколько мне известно) на некоторые цензурные затруднения, то и у нас она идеологически вполне неприемлема, будучи проникнута духом анархического индивидуализма, аморализма и нигилизма. <...> 2) <...> язык книги делает ее совершенно непереводимой (как роман Рабле!) Бесчисленные упрощения здесь были бы неизбежны; но это значило бы исказить книгу, лишив ее на $\frac{3}{4}$ ее художественной прелести. Многое, выраженное нейтральным литературным языком, звучало бы плоско. 3) В частности, книга переполнена небывальыми вольностями языка в области эротической (а также и гастрической, напр. описание общественной уборной <...>), с применением самой разработанной фразеологии. В связи с общим стилем, это звучит очень живо и комично, но в переводе все это пришлось бы выкинуть, равно как и многочисленнейшие сексуальные откровенности, которые составляют важную и органическую часть книги. Ввиду всего этого, я считаю невозможным издавать это произведение по русски.

(внутр отзыв А.А.Смирнова, 20 апреля 1933 на: Louis-Ferdinand Céline. Voyage au bout de la nuit; «Путешествие на край ночи» Селина вышло в 1934 в ГИХЛ и Госиздате в переводе Э. Триоле).

Большой проблемой в издании в 1930-е годы современной переводной художественной литературы было отсутствие надежных и актуальных сведений об иностранных книжных новинках, а также возможности приобретать их для перевода. Периодические издания, в задачу которых входил обзор иностранной книги – орган МОРПа «Литература мировой революции» (впоследствии переименованный в «Интернациональную литературу») и выходивший раз в два месяца чахлый журнал научно-исследовательского критико-библиографического института ОГИЗа «Иностранная книга» – давали лишь сильно идеологизированные и отрывочные сведения о книгах прореволюционно и антифашистски настроенных писателей, по большей части не западно-европейских, а турецких, египетских, японских и проч.¹²⁵ Регулярная

¹²⁵ Иногда отзывы «Иностранной книги» были вероятно просто не надежны – А.А.Смирнов в своей возмущенной рецензии на роман Анри Пулайля «Le pain quotidien» («Хлеб насущный»): «это типичный образец псевдо-пролетарской литературы /.../ мещанской морали соответствует и мещанская эстетика автора. /.../ Книга эта – слащавая фальсификация пролетарской литературы /.../», – добавляет в конце, что только что прочел рецензию на эту вещь в «Иностранной Книге» (1932. № 1, стр. 95–97) и «в корне с нею несогласен. Автор ее недоглядел того замазывания классовой борьбы и вредного оппортунизма, о котором я пишу. Кроме того, ряд фактических ошибок показывают, что он невнимательно читал книгу» (внутр. отзыв А.А.Смирнова, 21 июля 1932 г. на: *Henry Pulaille. Le pain quotidien. 1931*; несколько книг Анри Пулайля были переведены в 1927-28 гг. советскими государственными издательствами).

почтовая связь с русскими эмигрантами, существовавшая в 1920-е годы, когда «Время» могло получать заграничные книжные новинки и переводы от Д.А.Лутохина, В.А.Азова или А.М.Вольфа, совершенно прекратилась; заказывать книги за границей «Время», лишенное валютных лимитов, могло лишь с оплатой в советской валюте, то есть главным образом через знакомых иностранных писателей, прежде всего членов МОРПа, регулярно бывавших в Советском Союзе. На редакционном совещании в октябре 1933 года Г. П. Блок докладывал о том, что «слабой стороной Издательства является отсутствие информации о новой иностранной литературе» (назначено было «особое лицо ответственное за правильную и полную информацию и за своевременное пополнение портфеля» – А.А.Франковский, а А.А. Смирнов указал «ряд источников для информации»; Протокол ред. совещания, 1 октября 1933 г.). В частности, обсудив вопрос «о новых французских писателях, которые могли бы быть изданы», редакционный совет поручил Г. П. Блоку «снестись с Л. Муссином и просить его указаний» (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933) – издательство действительно обратилось к Леону Муссинаку, французскому писателю, члену МОРПа, жившему в то время в Москве: «Мы очень слабо информированы о новинках французской молодой пролетарской литературы, которая чрезвычайно нас интересует. Мы охотно включили бы в свою программу несколько книг молодых французских писателей при условии идеологической их близости нам и серьезных художественных достоинств. Не можете ли Вы помочь нам в этом отношении присылкой книг по Вашему выбору. Стоимость их в советской валюте мы возместим или Вам при Вашем ближайшем посещении СССР или тому лицу в СССР, которое Вы нам укажете. <...> Если бы Вам попались заслуживающие внимания новые книги авторов старшего поколения, то и за них мы были бы Вам также очень благодарны» («Время» Муссинаку, недат. письмо <сентябрь-ноябрь 1933 г. >). В частности, «Время» неоднократно просило Муссинака (письма «Времени» Муссинаку 22 мая, 5 мая и осени 1933 г.) помочь с получением очередных томов романа-эпопеи Жюль Ромэна «Люди доброй воли», об издании которого объявлялось в записке 1933 года «Политическая физиономия издательства “Время”»: первые четыре тома этого начатого печатанием по французски в 1932 году многотомного романа вышли во «Времени» в 1933 г., однако продолжения не последовало вероятно потому, что издательство так и не смогло достать следующих томов для перевода.

Другой проблемой в издании книг современных иностранных авторов в 1930-е годы было то, что переживавшаяся многими из них актуальная эволюция отношения к фашизму и, в связи с этим, к советской России, приводила к резкой и неожиданной смене их официальной политической оценки внутри Советской России: так, некогда революционный оппонент

«ролландизма» Анри Барбюс в 1932-33 гг. подвергался в советской прессе жесткой критике за «социал-фашистские» симпатии возглавляемого им журнала «Монд» (из-за этого, возможно, «Время» отказалось от выпуска его полного собрания сочинений, стоявшего в плане издательства на 1932 г.) – Роллан же, которого А.В.Луначарский во вступительной статье к первому тому его собрания сочинений, изданного «Временем», поучал и осуждал за то, что тот «не понимая создавшейся мировой ситуации – не принимает вооруженной борьбы трудящихся масс против эксплуататоров», называл «его гуманизм, несмотря на присущий ему пафос <...>, мягким и даже дряблым» и находил, что «человек, застрявший в ролландизме, должен быть продвинут вперед к коммунизму» (*Луначарский А.В. Ромэн Роллан как общественный деятель // Ромэн Роллан. Собрание сочинений. Т. 1. Л.: Время, 1930. С. 8–9*), всего через несколько лет, благодаря своей активной антифашистской деятельности и просоветским декларациям, стал считаться главным провозвестником «пути западной интеллигенции от старого мира к новому» (*[Е.Гальперина]. Ромэн Роллан // Литературная Энциклопедия. Т. 9 (1935),* цит. по: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-7571.htm>) – и эксклюзивное право издавать его, которого «Время» добились ранее, стали у него грубо оспаривать государственные издательства.

В таких обстоятельствах у издательства было несколько относительно надежных способов получения и отбора книг современных авторов – по линии МОРПа; произведения немецких писателей – членов компартии (часто попадавшие в советскую Россию в рукописи) и более или менее решительных антифашистов; книги, по каким-либо иным причинам легитимированные официальной положительной оценкой (так произошло, например, с романом писателя отнюдь не коммунистических взглядов Роже Мартен дю Гара «Старая Франция», см. об этом далее). При этом, несмотря на ограничения и вынужденные компромиссы в отборе книг, «Время» сохраняло установку на исключительно высокое – «лабораторное» – переводческое и полиграфическое качество всех своих изданий:

1) Художественная полноценность книги. – В этом случае Издательство исходит из мысли, что низкое художественное качество книги не только парализует, но и дискредитирует самые лучшие идеологические намерения автора. 2) Академически выверенная точность и литературность переводов. – Установка, принятая Издательством в этой области, сводится к тому, что действительно ответственным переводчиком может быть не всякий профессионал, правильно понимающий переводимый текст, а только органический литератор, творчески владеющий русским языком. 3) Тщательность внешнего оформления книги. – В этом направлении Издательство произвело и продолжает производить ряд новых в полиграфии опытов, частично уже завоевавших себе всеобщее признание.

(Политическая физиономия «Издательства “Время”», <1933>).

Современная немецкая литература (В.А.Зоргенфрей)

Сведения о современных немецких писателях, критически описывающих веймарскую и фашистскую Германию, были относительно хорошо представлены в советской печати, а их издание представлялось идеологически надежным (объявив в своих планах серию книг немецких писателей, запрещенных в фашистской Германии, «Время» рассчитывало, в частности, добиться под нее увеличения лимитов бумаги). Так, в 1934 году совместными усилиями переводчиков П.С.Бернштейн, Л.И. Вольфсон и Н.А.Логрина под редакцией В.А.Зоргенфрея, со вступительным словом К. Федина и предисловием М.А.Сергеева было спешно подготовлено издание романа Ганса Фаллада «Что же дальше?» («Kleiner Mann — was nun?», 1932). Роман был легитимирован оценкой Константина Федина («Роман Ганса Фаллады – последний успех немецкой прозы предгитлеровской Германии. Потрясения, переживаемые этой страной кризиса, отмечаются не только конъюнктурными институтами, но всем ее жизненным обиходом, ее будничным бытом, кровью сердца ее рядового человека, который на весах буржуазных отношений не тянет ничего. Судьба такого человека послужила темой Гансу Фалладе, и немецкий читатель увидел в ничтожном герое романа самого себя. В этом – объяснение успеха нового писателя, обладающего глазом и голосом талантливого художника»; этот сохранившийся в архиве «Времени» рукописный текст К. Федина датирован его рукой «1933», в углу пометка рукой Г. П. Блока: «Зак. № 4798. К 25 XI 1933», текст помещен в качестве предисловия к книге) и рецензией в журнале «Литературный критик», машинописная выписка из которого сохранилась в архиве «Времени» («<...> В первом своем романе “Крестьяне, бонзы и бомбы” у Фаллада имеются определенные фашистские тенденции и симпатии. Но именно потому, что он рисует жизнь так, как видит и чувствует ее его герой, запутавшийся мелкий буржуа, в романе вырисовывается жуткая картина жизни современной Германии. Отсюда он уже в следующем романе “Маленький человек, что теперь будешь делать” отходит от фашизма, проклиная всякую политику, мешающую людям тихо и мирно жить. Художественная одаренность и стремление хотя бы к некоторой правдивости заставили писателя повернуться спиной к фашизму»; Литературный критик» 1934 г. № 2 (февраль), стр. 208), и был издан всего через пару месяцев после получения сдержанно-положительного заключения В.А.Зоргенфрея.¹²⁶

¹²⁶ «Жизнь маленького человека, не задающегося высокими целями, не вдумывающегося в сложные человеческие отношения, “беспартийного” до глубины

Преимущественное внимание в 1930-е годы к немецкой литературе повысило роль в издательской политике «Времени» В.А.Зоргенфрея, сотрудничавшего с издательством с самого его основания. За прошедшие с тех пор годы Зоргенфрей пережил, судя по его внутренним рецензиям для «Времени», поразительную внутреннюю эволюцию: в 1922 году, характеризуя его Б.А.Садовскому, Г. П. Блок мог сказать «он наш» (письмо Г. П. Блока Б.А.Садовскому, 8 февраля 1922 // Шумихин), имея в виду весь набор знаковых черт общности – антисемитизм, политический консерватизм, поклонение А. Блоку. К 1930-м годам с Зоргенфреем произошла метаморфоза, несколько напоминающая С. А. Ауслендера, разорвавшего в 1920-е годы творческую связь со своим модернистским прошлым и ставшего автором советских приключенческих повестей для юношества. Зоргенфрей же глубоко интериоризировал социологический взгляд на литературу и стал ценить в ней не «узко-индивидуальное», а исключительно обобщенную социальную проблематику: так, рецензируя роман Ремарка «Возвращение» («Der Weg zurück», 1931) и оценив высокое литературное качество этого продолжения книги «На Западном фронте без перемен», имевшей шумный успех в том числе и в советской России, он сделал вывод, что «книга, при большой живости и занимательности, не принадлежит к числу разрешающих идеологические проблемы войны и гражданского строительства. Мысль читателя, по прочтении, может пойти

души. Пиппеберг, по специальности продавец готового платья, живет и работает честно, честно служит, после ряда неудач, фирме “Мандель”. <...> Его счастье и разрешение всех жизненных задач – в созданной им семье – жене, такой же простой и кроткой, как он, и в ребенке. И все же, тревога сопутствует каждому его жизненному шагу. Счастье маленького служащего-продавца не прочно. Оно зависит от прихоти начальника, прихоти покупателя, от общей рыночной конъюнктуры. <...> Два-три промаха, два-три неудачных шага – и счастье Пиппеберга (призрачное в каждый момент счастье) разлетается. Пиппеберг – безработный, Пиппеберг больше года без должности <...>. Пиппеберг ищет работу; бездушное отношение работодателей и союза каждый миг напоминает ему, что он – бесправен, он – безработный. Обтрепавшийся в конец и снявший, наконец, воротничок, Пиппеберг испытывает последнее унижение – полицейский отгоняет его от витрины магазина: он подозрителен и может разбить, пожалуй, стекло. Поздно ночью возвращается Пиппеберг в свою лачугу и как затравленный зверь, не решается подойти даже к жене... Роман кончается на этом. И только заголовок его ставит вопрос: “что дальше”? Ни герой романа, ни автор на этот вопрос прямо не отвечают. Но отчетливо, не-кричаще обрисованная обстановка жизненного пути Пиппеберга ясно, как будто, говорит, что дальше нужно иначе, нужен иной путь. <...> Книга все же интересна. Интересна и как художественно-живой документ человеческой жизни и как своеобразно-скрыто поставленная социальная задача. <...> Книга ценна, как показатель очевидного уже разлома недавней Германии – разлома по самой ее сердцевине. Она делает неотступным поставленный автором вопрос: что же дальше? Роман заслуживает перевода. Он привлечет читателя и в качестве занимательной книги и в качестве серьезного социального документа” (внутр. отзыв В.А.Зоргенфрея, 7 апреля 1934 на: Hans Fallada. Kleiner Mann – was nun? 1932. Rowohlt. Berlin).

по разным путям и может зайти в тупик. Направить эту мысль в должном смысле – дело предисловия» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 27 декабря 1931). Со сходной мотивировкой Зоргенфрей отсоветовал переводить роман Эриха Кестнера «Фабиян: История одного моралиста» (1931): «Вместо живой современности – в книге задний двор современности, ее закоулки. Кругозор автора сужен до крайности. Он воспринимает только узко-индивидуальное, вне социального фона, и в этом узко-индивидуальном преимущественно эротическое» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 5 апреля 1933; роман вышел в 1933 году в ГИХЛ в переводе Н. Вольпин), и его мнение перевесило отзыв А.А.Смирнова, оценившего социальное и художественное значение этой автобиографической «исповеди сына века».¹²⁷

Фактическая монополия Зоргенфрея, искавшего исключительно социальных обобщений и ясных политических выводов, на отбор «Временем» в 1930-е немецкоязычной литературы для перевода привела к тому, что издательство отказалось от перевода «Семьи Оппенгейм» Леона Фейхтвангера. Оценивая роман Фейхтвангера, Зоргенфрей сближал его с близкой по теме книгой гораздо более низкого литературного качества, «Жизнью еврейки в новой Германии» Лили Кербер: «Общее между ними – Берлин – предгитлеровская эпоха (1932 г.) и пришествие Гитлера к власти – с теми же основными политическими моментами (пожар рейхстага, бойкот еврейства) – частный сюжет – гонение на еврейскую семью. <...> Общность налицо и в основной внутренней установке – герои романа, испытывающие яростную и непонятную им травлю, чужды какой-либо твердой политической ориентации: они буржуазные интеллигенты, прогрессивно настроенные, но прежде всего дорожащие уютом, порядком,

¹²⁷ «Центр тяжести романа – не в фабуле, а в показе жизненной обстановки капиталистической Германии послевоенного периода, всей фальши, хищнической эксплуатации и пресыщения, выражающегося в культивировании болезненных, извращенных чувств, которыми проникнуты господствующие классы и, вместе с тем, того тупика, в которой попала “честно мыслящая” и не желающая идти на откровенную подлость и унижение мелко-буржуазная молодежь и, в частности, поколение, вернувшееся с войны и чувствующее себя дезориентированным всем тем, что произошло за это время. Показ этот сделан в романе очень ярко и убедительно. Социальное значение и художественный интерес романа несомненны. Тем не менее, он не лишен известных недостатков. Главный из них – то, что временами обличительная тенденция автора притупляется, и он сбивается иногда с саркастического тона на фарсово-анекдотический /.../. С другой стороны, местами появляются наивно-сентиментальные, слащавые нотки /.../. Наконец, кое-где чрезмерно углублены некоторые эротические подробности. Во всех такого рода местах, в случае принятия книги к изданию, пришлось бы сделать небольшие купюры. В общем, книга представляется мне очень ярким, художественно весьма убедительным документом, иллюстрирующим разложение немецкого капиталистического общества накануне фашизации Германии, и потому я считал бы ее заслуживающей издания» (внутр. отзыв А.А.Смирнова, 21 апреля 1933 г. на: *Erich Kästner. Fabian*).

спокойствием. Воздвигаемому на них гонению они ничего не могут противопоставить, кроме недоумения, слез и наконец эмиграции» (недат. внутр. отзыв <январь 1934> В. Зоргенфрея на: *Lili Körber. Eine Jüdin erlebt das neue Deutschland*. Wien 1934; текст отзыва сохранился без окончания и подписи, авторство Зоргенфрея установлено по почерку), – и решил, что оба романа раскрывают лишь один аспект фашизма – «организованную травлю еврейского народа в 1933 г. в Германии», а не «общесоциальную динамику Германии в связи с приходом фашистов» (Там же), резюмировав: «настоящий антифашистский роман еще по-видимому не написан» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 11 января 1934 на: *Leon Feuchtwanger. Die Geschwister Oppenheim*; Протокол ред. совещания, 26 января 1934; «Семья Оппенгейм» Фейхтвангера вышла в Госиздате в 1933 году в переводе И.А.Горкиной).

Зоргенфрей, впрочем, прекрасно понимал различие в художественном масштабе между Фейхтвангером, которого признавал «несомненно талантливым», и Лили Кербер с ее «невысоким в общем художественном уровне письма», хотя и заметил, что она «более искренне переживает описываемое, не впадая в характерную для Фейхтвангера чрезмерно бойкую патетику и не поддаваясь соблазну чрезмерно-красочных мазков» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 11 января 1934 на: *Leon Feuchtwanger. Die Geschwister Oppenheim*). Во всяком случае, отточенный культурный вкус Зоргенфрея позволял ему, по крайней мере, решительно отвергать идейно выдержанные и злободневные, но художественно ничтожные и пошлые вещи. Так, рецензируя следующее произведение Лили Кербер, «дневник-роман, явившийся результатом пребывания в 1931 г. в Ленинграде /.../ и непродолжительной ее работы на “Красном Путиловце”», он отметил, что, помимо притянутого за волосы легковесно-авантюрного романического сюжета, у писательницы нет «не только литературного темперамента или мастерства, но и вообще подлинно-литературного подхода» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 30 января 1933 на: *Lili Körber. Eine Frau erlebt den roten Alltag*. Berlin 1932). Аналогичный отзыв получил роман Теодора Пливье «Кайзер ушел, генералы остались» – хроника революционного периода в Германии 1918 года, который, как трезво заметил А.Г.Горнфельд, хотя «литературная самостоятельность его ничтожна, а художественное значение близко к нулю», все же, подобно предыдущему роману Пливье, «Кули кайзера», «появится, конечно, в русском переводе» (хотя «во всяком случае будет однодневкой книжного рынка», поэтому «издание его можно предоставить другим издательствам»; внутр. отзыв А. Горнфельда, 14 июня 1932 г.) – по оценке Зоргенфрея, «при наличии историко-документального интереса /.../ [роман Пливье] не выдерживает, в художественном отношении, сколько-нибудь серьезной критики, являясь бледной компиляцией» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 15 июня 1932 г. на: *Theodor Plivier. Der Kaiser ging, die Generäle bleiben. Ein deutscher Roman*).

Этот негативный отзыв Зоргенфрея оказался решающим, несмотря на то, что рецензент извне издательства, приглашенный А.Н.Горлиным вероятно для идеологической легитимации книги, заключил, что она «представляет крупный общественно-литературный интерес» и должна быть выпущена «именно сейчас, когда такой большой интерес к Германии и к ее революции» (анонимный внутр отзыв [П. Арского?], 12 июня 1932).

Зоргенфрей также написал крайне резкую рецензию на роман Генриха Манна «Голова» («Der Kopf», 1925): «На протяжении 32-х печатных листов автор, писатель и в прежних своих произведениях мало талантливый, явственно насилует себя, не имея ни замысла по существу, ни дара облечь случайные образы и эпизоды в хотя бы занимательную форму. В романе нет ни одного живого лица <...>, нет ни одной живой мысли, несмотря на сверх-изобилие разговоров; ни один из эпизодов внутренне не оправдан /.../. Как обычно в подобных случаях, автор пытается возместить бедность материала оригинальностью словесного построения; в результате вымученный, вычурный синтаксис, делающий скучный до крайности роман и неудобочитаемым. Не будет преувеличением сказать, что роман – плод работы ремесленника, утратившего к старости (62 года) даже грубо-ремесленные навыки»,¹²⁸ ясно сформулировав, что хотя «Г. Манн принадлежит в настоящее время к числу гонимых по политическим соображениям», «это не может и не должно служить поводом к изданию на русском языке рецензируемого романа. Если бы даже, пренебрегая всеми указанными выше отрицательными моментами, искать в романе сколько-нибудь четкой социальной перспективы и социальной мысли, то придется придти к выводу, что их нет. На лицо лишь затасканный трафарет опорачивания давно уже опороченной системы» (внутр. отзыв В.Зоргенфрея, 8 октября 1933).

Томас Манн

¹²⁸ Еще в 1924 году Зоргенфрей дал отрицательную рецензию на ранний сборник новелл Г. Манна «Молодежь» («Der Jüngling»): «Книга, ничтожная во всех отношениях. Четыре рассказа, неведомо зачем написанные, ничем между собою не связанные, кроме напряженной, изысканной манеры, сказывающейся в по возможности неестественной расстановке слов и вымученности фабулы, в стремлении изобрести во что бы то ни стало новое и в полном бессилии осуществить эту цель. Книга свидетельствует, что у автора нет за душой буквально ничего, кроме желания громко заявить о себе. Его, по справедливости, можно причислить к эпигонам “экспрессионизма” – течения, уже отмирающего и слишком мало давшего невзирая на оглушительный шум, произведенный им за последние годы. Переводить книгу не следует. Она прежде всего скучна, и даже современный невзыскательный и пришибленный массовый читатель от нее отвернется» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 25 августа 1924).

В.А.Зоргенфрей вероятно инициировал и курировал русское собрание сочинений Томаса Манна – несмотря на то, что «Время» не успело выпустить ни одного тома, материалы архива свидетельствуют, что собрание сочинений Т. Манна, выпускавшееся в 1935-38 гг. Гослитиздатом, было в значительной степени подготовлено «Временем»

На редакционном совещании 19 октября 1933 года Зоргенфрей предложил, «в виду предположенного издания собрания сочинений Т. Манна, войти в сношения с автором для получения более подробных сведений о последних его произведениях» (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933). Следов переписки с Т. Манном в архиве «Времени» не сохранилось, однако в начале 1934 г., обсуждая вопрос об издании романа «Иосиф и его братья», Зоргенфрей, зачитав свой сугубо положительный отзыв (эта внутренняя рецензия от 2 января 1934 г. сохранилась в архиве), сообщил, что вторая часть книги выйдет на немецком языке в течение 1934 года – было решено принять роман к изданию и подыскать переводчика (Протокол ред. совещания, 26 января 1934 г.).

Тогда же решено было перевести «Волшебную гору», на которую написали подробные внутренние рецензии В. Адмони¹²⁹ и В. Зоргенфрей;¹³⁰ роман планировали снабдить идеологическим предисловием (вначале оно было поручено одному «красному профессору», недавно вошедшему в редакционный совет «Времени», В. А. Быстрянскому (Протокол ред. совещания, 26 января 1934), потом другому, В. А. Десницкому (Протокол

¹²⁹ «Его [Т. Манна] симпатии на стороне прежней, простой и здоровой жизни (читай: буржуазии), но он принужден признать и показать ее обреченность. Он предостерегает от прогрессирующего разложения, с недоверием относится к фашизму, как к новому и, очевидно, опасному эксперименту. Фашистской неприкрытой диктатуре он предпочел бы диктатуру скрытую, демократически или как-нибудь иначе замаскированную и ни в ком не вызывающую возражений, как ни в ком не вызывает возражений и сама собой понятна диктаторская власть великолепного Пееперкорна. Т. Манн – представитель консервативных слоев рантье-буржуазии. Но и фашизм не отрицается им, а только отодвигается в даль, как самый последний, опасный и не очень уютный выход из создавшегося положения. Так, вопреки своей субъективной воле, дает Т. Манн яркую картину разлагающейся буржуазной идеологии, отражающей общее загнивание капитализма в эпоху империализма» (В. Адмони, недат. внутр. отзыв на: *Манн Т. Очарованная гора* [так переведено заглавие В. Адмони]).

¹³⁰ «Томас Манн дает картину тупика, картину идеологической безысходности для буржуазно-мыслящих людей на пороге империалистической войны. Он не указывает выхода, не намечает пути сочетания противоречий в жизненно-стойких элементах обрисованных идеологий, но выход напрашивается в наши дни сам собою... “Волшебная гора” оставляет далеко позади “Будденброков” – книгу, положившую начало известности автора. Необычайная отчетливость, тонкость и вместе с тем трезвость рисунка сообщают роману отпечаток подлинно классического произведения, законченно отражающего внутреннюю установку европейской культуры на ее переломе. Книга переведена уже на множество языков. На русском еще не появлялась» (В.Зоргенфрей, недат. внутр. отзыв (издат. отметка о получении 22 апреля 1934) на: *Манн Т. Волшебная гора*).

ред. совещания, 27 мая 1934)). Первую половину романа переводил В. А. Зоргенфрей, перевод 7 главы романа был заказан Ксении Афанасьевне Ксаниной (договор от 4 марта 1934), к сентябрю 1934 года В.А.Зоргенфрей обязался отредактировать целиком перевод романа (договор от 9 апреля 1934), машинопись которого сохранилась в архиве «Времени». Таким образом, выпущенный в 1934-35 гг. «Гослитиздатом» перевод «Волшебной горы», занявший два тома (первый том в переводе Зоргенфрея, второй – в переводе Ксаниной), был полностью подготовлен «Временем». Впоследствии перевод В.А.Зоргефрея и К.А.Ксаниной не переиздавался, вытесненный переводом В. Курелла и В. Станкевича.

К изданию в 1935 году «Временем» были также запланированы «Будденброки» Т. Манна. Первоначально рассматривалась возможность использовать предложенный В.С.Вальдман перевод, изготовленный ею совместно с М.Е.Лембергом для ГИЗа (вышел в 1927 г.) – Зоргенфрей однако его резко раскритиковал: «Перевод сокращенный примерно на 25 % – что не отмечено в заголовке. Сокращение достигнуто не только пропуском целых глав и абзацев в несколько страниц, но в очень многих случаях сжатием отдельных фраз, путем пропуска эпитетов, формально-второстепенных частей речи и пр. <...> Во многих случаях неточность перевода переходит в прямой пересказ. <...> В итоге – не перевод, а пересказ, где опущены все полутона, все тонкости оттенков. Грубый и голый каркас романа, не дающий вообще никакого представления о Томасе Манне как художнике. Образец неряшливого и неуважительного отношения к идее художественного перевода» (внутр. отзыв, 21 февраля 1934 г.), – перевод было решено «возвратить В.С.Вальдман, как не удовлетворяющий нашим требованиям» (Протокол ред. совещания, 21 февраля 1934 г.) и поручить работу самому Зоргенфрею (Протокол ред. совещания, 28 июня 1934 г.; договор с Зоргенфреем от 1 июля 1934). Этот перевод вышел в 1-2 томах собрания сочинений Т. Манна (Л.: Гослитиздат, 1935-36), однако впоследствии также не переиздавался и известен русскому читателю в переводе Наталии Ман.

Таким образом, хотя «Время» не успело выпустить ни одного тома из задуманного им собрания сочинений Т. Манна под редакцией В.А.Зоргенфрея, этот проект был реализован Гослитиздатом в 1934-36 гг. под началом того же В.А.Зоргенфрея. Выполненные Зоргенфреем переводы впоследствии не переиздавались, причиной чему не их качество, а то, что переводчик был репрессирован – во всяком случае, они представляют историко-литературный интерес.

Социально-революционная серия

Центральным пунктом плана на 1932 год начавшего возрождаться «Времени» была заявлена утопически-обширная новая «социально-

революционная серия» из 44 книг (каждую предполагалось выпускать тиражом в 5000 экз.; естественно, «Время» не планировало выпустить в 1932 году все книги – в одном из двух сохранившихся в архиве машинописных вариантов годового плана имеется карандашная маргиналия: «эта серия, задуманная широко, включается в настоящий план в виде опыта, в составе всего восьми [исправлено: девяти] названий»), с идейным обоснованием в объяснительной записке:

Выбор произведений, включенных в эту серию, определяется соображениями двойного порядка: с одной стороны эти произведения должны удовлетворять основным идеологическим требованиям, предъявляемым ко всякой, выпускаемой у нас в Союзе книге (именно по этим основаниям сознательно не введены в серию такие подходящие, казалось бы, по сюжету, вещи, как «Повесть о двух городах» Диккенса, некоторые романы Вальтер Скотта, Бальзака и др.), с другой же стороны они должны обладать высокими художественными достоинствами. <...> Здесь, так же как и в собраниях сочинений, все книги будут даны в новых переводах, причем особое внимание будет уделено редакционной их обработке: — каждая книга будет обязательно снабжена предисловием, дающим идеологическую и историко-литературную оценку данного произведения.

(Объяснительная записка к ред. плану на 1932 г.).

Серия должна была включать следующие книги современных и старых авторов, тематику которых можно было с большей или меньшей натяжкой свести к разным этапам социально-революционной борьбы (имена авторов даны нами в современном написании):

1. Современность и недавнее прошлое

Бернгард Келлерман. Девятое ноября

Клара Фибих. Красное море

Герминия Цур-Мюлен. Спартаковцы

Вильгельм Ферсгофен (Версгофен). Канцлер мировой державы; Волк

Фенрис

Иоганнес Бехер. Банкир на поле битвы; Грядущая война

Эптон Синклер. Джимми Хиггинс

Джон Дос-Пассос. Манхэттен

Поль Маран. Батуала

Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир

Висенте Бласко Ибаньес. Орда

Мартин Андерсен Нексе. Дитя человеческое

Октав Мирбо. Аббат Жюль

Эрнст Глезер. Год рождения 1902 г.

Томас Манн. Буденброкки

2. Рабочее движение в Англии в 19 в.

Шарлотта Бронте. Ширлей

Джеймс Прайер. Форест Фольк

Чарльз Кингсли. Альдон Локк

- Джордж Элиот. Феликс Хольт
 3. Парижская Коммуна
 Жюль Валлес. Инсургент
 Гюстав Жеффруа. Ученица
 Леон Кладель. И.Н.Ц.И.
4. Социально-революционное движение XIX в. в западно-европейских странах
 Гюстав Жеффруа. Заключенный
 Эмиль Золя. Жерминаль
 Жорж Экоут. Новый Карфаген
 Фридрих Шпильгаген. Один в поле не воин
 Виктор Гюго. История одного преступления
5. Освободительное движение XIX в. у славянских народов
 Карл Эмиль Француз. Борьба за право
 Алоис Ирасек. Псоглавцы
 Иосиф Игнатий (Юзеф Игнацы) Крашевский. Шпион
 Стефан Жеромский. Ранняя весна
6. Итальянское освободительное движение
 Этель Лилиан Войнич. Овод
7. 1848 год
 Литтон Стрэчи. Мадонна баррикад
 Клара Фибих. Железо в огне
 Зденко фон Крафт. Баррикады
8. Великая Французская Революция.
 Виктор Гюго. 93-й год
 Эркман-Шатриан [Эмиль Эркман и Александр Шатриан]. История одного крестьянина
 Феликс Гра. Марсельцы
9. Английская революция XVII в.
 Даниэль Дефо. Записки кавалера.
10. Средневековье
 Эдвард Бульвер-Литтон. Кола-ди-Риенци
 Конрад Фердинанд Мейер. Народный вождь Георг Енач
11. Античность
 Рафаэлло Джованьоли. Спартак
12. Восток
 Джон Ретклиф. Нана-Саиб

Трудно сказать, в какой степени издательство на самом деле собиралось выпускать эту серию – практически все составляющие ее романы неоднократно переводились на русский в 1920-е годы, в том числе и в государственных издательствах (а также в «Мысли»), что отчасти гарантировало конечно их цензурность, однако не давало оснований надеяться на то, что, после выхода этих произведений всего несколько лет назад большими тиражами и в дешевых изданиях, «Времени» удастся реализовать свои пятитысячные тиражи. Так, роман Б. Келлермана «9

ноября» выходил в 1922-29 гг. девятью изданиями в четырех разных переводах, в том числе большими тиражами в начале 1920-х в ГИЗе, в середине 1920-х – в «Мысли» и в конце 1920-х – в ЗИФе в собрании сочинений Келлермана; «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида издавались в 1924-29 гг. в шести разных переводах и популярных обработках, в том числе в ГИЗе и издательстве «Красная новь»; «Ранняя весна» Стефана Жеромского только в 1925 году была переведена шестью разными советскими издательствами, в том числе в анонсированном «Мыслью» собрании сочинений Жеромского; исключительно популярный у русского читателя «Овод» Э.Л. Войнич, бесконечно переиздававшийся и в 1890-1910-е гг. (в пер. З. Венгеровой), выходил и в 1920 – начале 1930-х, в том числе тремя изданиями в «Мысли», пятью изданиями в государственных издательствах, а также в приложении к газете «Гудок» тиражом 55 000 экземпляров; «Спартак» Джованьоли, помимо дореволюционных русских переводов, переиздавался в 1920-е годы не менее шести раз, в том числе в бесплатном приложении к журналу «30 дней» 35-тысячным тиражом.¹³¹

Кроме того, серийная организация книг в «Библиотеку» представляла собой издательское предприятие, совершенно нехарактерное для «Времени», всегда избегавшего распространенной среди советских, равно государственных и частно-кооперативных, издательств 1920-х практики объединения своих изданий в разнообразные «библиотеки» и «серии» и предпочитавшее индивидуальный подход к каждой книге.

Можно предположить, что, заявляя эту серию, «Время» искало прежде всего новой легитимной возможности для продолжения своей деятельности, прежде всего в части получения бумаги (бригада Ленинградского Горкома партии дала рекомендацию повысить «Времени» лимиты бумаги именно для издания задуманных им новых серий – библиотеки социально-революционных романов и серии произведений немецких писателей, запрещенных в фашистской Германии; Выводы

¹³¹ Из всего списка книг, включенных «Временем» в план «Социально-революционной библиотеки», подзабытыми в 1920-е годы оказалось лишь несколько старых произведений, преимущественно английских авторов – «Шерли» Шарлотты Бронте, «Форест Фольк» Джеймса Прайора, «Альдон Локк» Чарльза Кингсли, «Феликс Хольт» Джордж Элиот, «Мадонна баррикад» Литтона Стрейчи, «Кола-ди-Риенцы» Бульвер-Литтона, «Нана Саиб» Джона Ретклифа, а также «Шпион» Юзефа Игнацы (Иосифа Игнатия) Крашевского – польского писателя, чьи исторические романы во множестве издавал в 1915 году в собрании сочинений под редакцией И. Ясинского П.П.Сойкин. Можно предположить, что из основных сотрудников «Времени» этого периода, лучше осведомленных во французской (Г. П. Блок) и немецкой (В.А.Зоргенфрей) литературах, главную роль в составлении этой «Библиотеки» сыграл англист А.А.Смирнов, выдвинувшийся во «Времени» с начала 1930-х на первые роли в определении тактики издательства, переводе, редактировании и внутреннем рецензировании.

бригады Лен. Горкома партии о работе издательства «Время» <осень 1933 г.>) и повышения своего официального статуса – сообщая Луначарскому состав социально-революционной серии, издательство просило присовокупить к редплану на 1932 год его личное «письмо на имя тов. Стецкого или Заведующего Главлитом тов. Волина», объясняющее, почему «именно наше издательство считает себя вправе претендовать на выполнение таких ответственных заданий» («Время» Луначарскому, 16 ноября 1931).

Сама идея объявления о планах издания такого рода социально-революционной серии для целей легитимации существования издательства была довольно очевидна и даже необычно для «Времени» банальна – заведующий издательством «Петроград» Яков Борисович Лившиц (1881–1942) еще в конце 1924 года – вероятно, в отчаянной, но безуспешной попытке спасти издательство от закрытия – представил в ленинградский Гублит для регистрации намеченную им к выпуску историческую серию «В борьбе за социализм», построенную по тому же принципу, что и «социально-революционная серия» «Времени» («1. Первая революция (1789 г.), 2) Наполеон – герой буржуазии. 3) Дворяне у власти (Реставрация 1815–1830 гг.), 4) Буржуазия у цели (Революция 1830 г.) <...> 10) Первый опыт коммунизма (Коммуна в 1871 г. в Париже)»), однако еще более утопичную, поскольку он собирался не переводить уже существующие литературные произведения, а производить силами издательства серию исторических исследований, объединенных «одной идеей: все революции за последние полтора века – это предостережение правящим классам со стороны народных масс» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 3. Дело № 38. Л. 26–26об.).

Кооперативное «Время» аргументировало свою претензию на эти «государственной важности» издания тем, что «для выпуска некоторых современных иностранных авторов Издательство “Время”, как организация общественная, политически более удобна, чем фирма государственная» (Энгель Н.А. [Справка о деятельности кооперативного издательства «Время» в Ленинграде], 7 мая 1934), и при этом маленькие масштабы издательства позволяют ему вести свою работу «как бы в лабораторном плане, экспериментировать», т.е. выступать как «опытный участок» советского книгоиздания («Время» Горькому, 24 августа 1931 // Архив Горького в ИМЛИ. КГ–Изд 6–6–30).

Из всего запланированного списка социально-революционных книг во «Времени» вышло только несколько, причем их принадлежность к социально-революционной серии никак не была отмечена – это опубликованный еще до обнародования замысла серии роман Эрнста Глезера «Год рождения 1902» (пер. с нем. Г.А. и А.Г. Зуккау, 1930)¹³² и

¹³² На эту книгу дал весьма положительную рецензию П.К.Губер: «Две основные темы проходят через весь роман: во первых постепенно пробуждающийся сексуальный

«I.N.R.I.» Леона Кладеля (пер. с фр. К.А.Ксаниной и Е.С.Коц. Под ред. А.А.Смирнова. Послесловие А. Молок), вышедший в 1933 без указания на его связь с серией.

Роман Бернгарда Келлермана «9 ноября» в переводе Софьи Васильевны Крыленко был опубликован в 1934 году, но не в рамках социально-революционной серии, а как первый том его «Избранных сочинений», куда должны были войти старые переводы, заново отредактированные Д.М.Горфинкелем (перевод «9 ноября» С.В.Крыленко первоначально выходил в ГИЗе в 1922 году, под редакцией В.М.Фриче). В следующие тома, запланированные к выпуску в 1935 году, предполагалось включить знаменитый «Туннель» и недавно вышедший по-немецки «Город Анатоль». Отзыв Зоргенфрея на последний роман Келлермана дает представление о том, какого рода компромиссными соображениями руководствовалось «Время», готовя собрание избранных произведений этого далеко не «блистательного», но актуального автора:

В этом своем последнем романе Бернгард Келлерман остается на уровне своего не блистательного, конечно, но все же высокого литературного мастерства и дает, как и в большинстве прежних произведений, добротный материал для чтения. Правда, занимательность и литературное умение преобладают над глубиной чувств и анализа – таков уж Келлерман; чего-либо выдающегося, в каком бы то ни было отношении, автор и на этот раз не создал; как и в других вещах, он не до конца самостоятелен и отражает многие чужие литературные влияния; однако, роман читается с интересом, не ослабевающим до конца, а отдельные его эпизоды чрезвычайно удачны. Автор не ставит себе задачу анализа социальных отношений, как бы напрашивающуюся при данной теме. Он всего лишь рисует картину; но рисует все же как художник, ни в чем не затушевывая неприглядной правды капиталистического ажиотажа и “преуспеяния”. Склонный к анализу читатель сам без труда разберется в происходящем; для несклонного к анализу полезно было бы краткое предисловие. Если книга не перегрузит плана изд-ва “Время”, то не следовало

интерес, который от первых смутных догадок и полусознательных опытов доходит, наконец, до настоящей любовной связи, и во-вторых – война, которая сперва медленно подготавливается и зреет в общественном сознании бюргерской Германии, потом бурно прорывается наружу и затем тянется, как долгая, изнурительная болезнь. Обе эти темы не новы, особенно первая, но трактуются они оригинально и смело, в тонах острого, импрессионистического реализма. Читается книга легко и с неослабным интересом. Она отмечена душевным здоровьем и бодростью, хотя и рисует подчас очень тяжелые картины <...>. В цензурном отношении книжка безупречна и может вызвать только похвалы в печати. Особенно должен понравиться проникающий ее насквозь дух веселого бунтарства школьника, который постепенно освобождается от влияния домашних авторитетов. Вместе с тем она далека от избитых революционных шаблонов. Из всех книг, до сих пор рассмотренных мною по поручению издательства “Время” она наиболее достойна перевода» (внутр. недат. отзыв. П. Губера на: *Ernst Glaezer. Jahrgang 1902*)

бы ее упускать – она заслуживает перевода

(внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 20 февраля 1933 на: Berhnhard Kellerman. Die Stadt Anatol. Fischer-Verlag. Berlin, 1932).

После закрытия «Времени» издание Келлермана было продолжено «Гослитиздатом» и «Худлитом», где в 1935 году вышли 2–4-й тома, с тем же редактором Д.М.Горфинкелем и в том же художественном оформлении М.А.Кирнарского.

Включенный в план социально-революционной серии роман Джордж Элиот «Феликс Холт» представлял собой филиацию обсуждавшейся в издательстве в конце 1932 – 1933 г. идеи издания нескольких романов английской писательницы, о которых докладывал А.Франковский (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933). На 1935 год был запланирован к выпуску «Адам Бид», «Феликс Холт», «Мельница на Флоссе», однако никаких следов работы над ними в архиве издательства не сохранилось.

Поставленный в редплан 1935 года Гюго также ранее фигурировал в социально-революционной серии, куда планировалось включить его «Историю одного преступления» и «93 год», однако теперь планировалось издавать его избранные романы в четырех томах, из которых первый, «Человек, который смеется», должен был выйти в 1935 году в переводе Б. К. Лившица (вышел в том же 1935 году уже в «Худлите»).

Остальные книги социально-революционной серии даже не рецензировались внутри издательства, также обстоит дело с другой заявленной, судя по выводам инспектировавшей «Время» бригады Горкома, серией – книг немецких авторов, запрещенных в фашистской Германии, а также с сохранившимся в архиве издательства недатированным обширными проспектам серий иностранных классиков, современной иностранной литературы и современной и старой иностранной литературы. Вероятно, серии, особенно первые две, носили декларативно-идеологический характер – собираясь издавать постепенно некоторые из включенных в них книг, издательство лишь декларировало в представляемых в органы власти планах и в официальной переписке их принадлежность к идеологически надежным сериям, обещавшим растянуться на несколько лет и тем самым обеспечить обновление и продление легитимации издательства.

«Современные революционные писатели»

В 1931–34 гг. в области переводной иностранной литературы издательство сосредоточилось на трех основных идеологически надежных направлениях: книги современных писателей–членов компартии (Анна Зегерс, Курт Клебер и др.); современных писателей, «открыто, по примеру

Ромэна Роллана и Андре Жида, высказавшихся за коммунизм и социальную перестройку, производимую в СССР под руководством Партии»; и «буржуазных писателей Запада, XIX и начала XX века, прославивших себя высоким художественным мастерством, идеологически нам не враждебных и дающих широкую картину социальных отношений и классовых противоречий» (Объяснительная записка к ред. плану на 1934 год). «Особое внимание, – сообщал директор издательства Н.А.Энгель, – уделяется современным революционным писателям. Наиболее крупные из них связаны с издательством договорами, предоставляющими Издательству исключительное право издания их произведений на русском языке. Таковы *Ромэн Роллан* и *Андрэ Жид*. <...> Работа над другими современными революционными писателями, производимая в контакте с МОРПом, сводится к выпуску отдельных, наиболее ярких их произведений. Таковы книги *Анны Зегерс* (члена германской компартии), *Леона Муссинака* (члена Французской компартии), *Роже Мартэна Дю Гара* и др.» (Энгель Н. А. [Справка «Кооперативное издательство “Время” в Ленинграде»], 7 мая 1934 года).

Андре Жид

План выпуска «Временем» собрания сочинений Андре Жида принадлежал, вероятно, в значительной степени Адриану Антоновичу Франковскому, ставшему членом редакционного совета и активным сотрудником издательства с 1932-33 гг. (его переход во «Время» был связан с переменами в издательстве «Academia», в котором Франковский с самого начала его существования был членом редакционного совета, – отставкой А. А. Кроленко с поста директора, переводом издательства в 1929 году в Москву и его фактическим огосударствлением под эгидой ОГИЗа)¹³³. Единственный выпущенный «Временем» осенью 1933 года том

¹³³ Еще в 1924 году переводчик М.Бронников представил издательству подробную записку о Жиде и его месте в литературе современной Франции, сопровождавшую предложение принять к изданию переведенный им еще в 1922 году для «Всемирной литературы» роман Жида «Подземелья Ватикана»: «После Ницше не было более опасной, более смущающей книги... Она столь же чужда “европейскому” сознанию, как, скажем, учение йогов, танцы Дункан... В этом романе Жид сознательно, последовательно аморален, то есть, если угодно, опять таки, в конечном счете, морален, хотя “учение” его и облачено здесь в форму чуть ли не бульварного романа. Психология бессознательности, произвола, реализации мельчайших душевных своих движений, известная душевная гибкость, “чаплинизм”, влекущий по пути наибольшего, или, если угодно, наименьшего сопротивления, и во всяком случае далеко за границы норм общежития, вот, в кратких чертах, содержание проповеди Жида. <...> Антирелигиозная тенденция автора и тонкий его аморализм могут быть раскрыты в специальном небольшом предисловии» (записка М.Бронникова в издательство «Время», 18 декабря 1924), однако тогда это предложение «Время»,

собрания сочинений Жида – третий – составил роман «Фальшивомонетки» в переводе А.А.Франковского, представлявший собой переиздание, с небольшими исправлениями, пятого тома начатого «Academia» собрания сочинений французского писателя (вышли только I, IV и V тома, 1926-27 гг.) под общей редакцией М.Лозинского, А. Смирнова и А. Франковского. В вышедшем сразу после закрытия «Времени» в ленинградском отделении Худлита (1935-36) собрании сочинений Жида было полностью использовано оформление «Времени», так что внешне худлитовское издание выглядит продолжением единственного изданного «Временем» тома, однако 3-й том, «Фальшивомонетки» был Худлитом переиздан самостоятельно, в 1936 г. (в пер. А. Франковского и Н. Рыковой). Таким образом начатое «Временем» издание может показаться не более чем перепечаткой, с небольшими поправками, одного тома, подготовленного еще в 1926 г. в «Academia», и не использованной впоследствии в подготовленном Худлитом издании. Тем более, что начатое «Временем» собрание сочинений Жида лишено характерных для этого издательства специальных предисловий – что, впрочем, вполне понятно, потому что предисловия автора и А.В.Луначарского, заявленное в выходных данных третьего тома, должны были появиться в 1-м томе (предисловие Луначарского так и не увидело света за смертью автора и было заменено в худлитовском издании вступительной статьей И.И.Анисимова; опубликованное же «Худлитом» в 1-м томе предисловие Жида, было, как выясняется из материалов архива «Времени», написано писателем именно по просьбе «Времени» и прислано им в рамках его договора с этим кооперативным издательством; см. об этом далее). Однако материалы по истории подготовки собрания сочинений Жида, сохранившиеся в архиве «Времени», свидетельствуют о том, что первые три тома худлитовского издания, а также вышедшие отдельно «Страницы из дневника 1929-32» Жида (пер. А.А.Франковского. М.-Л.: Гослитиздат, 1934), были полностью подготовлены «Временем».

Толчком к обновленному, по сравнению с изданием «Academia», замыслу издания Жида, вероятно, послужило то, что с 1932 года в издательстве «Nouvelle Revue Française» под редакцией Л. Мартен-Шофе стало выходить новое, исправленное и дополненное, полное собрание сочинений Жида, на основании которого «Время» и собиралось выполнять новые и адаптировать старые русские переводы – об этом французском издании А.А. Франковский доложил на редакционном совещании «Времени» 19 октября 1933 года, вскоре были выписаны первые 4 тома, а

вероятно, не заинтересовало (перевод «Подземелий Ватикана» М.Бронникова под ред. А.А.Смирнова и А.Н.Тихонова вышел в 1927 в «Артели писателей “Круг”»).

позже получены 5-ый и 6-ой.

Впрочем, более решительным толчком к серьезной работе над собранием сочинений французского писателя было вероятно то, что Жид, с 1932 года активно вступивший в антифашистское европейское движение и в связи с этим начавший высказывать просоветские симпатии, стал в Советском Союзе одобряемой фигурой. В 1933 г. в журнале «Интернациональная литература», органе МОРП, были опубликованы отрывки из его дневников (1929–1933 г.), заканчивавшиеся восторженным откликом о Советском Союзе (*Жид А. Из дневников / Пер. Н. Габинского, Б. Загорского и Н. Любимова // Интернациональная литература. 1933. № 4. С. 54–76*), а также статья Ивана Анисимова «Андрэ Жид и капитализм», где говорилось о «товарище Жиде» (Там же. С. 147–151). Через несколько месяцев Жид сам обратился с письмом в МОРП, рассказывая, что во время правки корректуры первых томов своего нового французского собрания сочинений был поражен тем, что «в целом ряде мест <...> уже заметно было нынешнее направление моих мыслей и предчувствовалось или иногда даже ясно предвозвещалось то, что впоследствии с иронией называли моим “обращением в коммунизм”» (Интернациональная литература. 1933. № 6. С. 147); в том же номере журнала был опубликован перевод помещенного в «Юманите» призыва Жида в связи с 15-ой годовщиной Октябрьской революции (Там же. С. 140).

Таким образом, Жид, в категориях, которыми «Время» легитимировало свою издательскую продукцию в начале 1930-х, оказывался одновременно «ярким революционером в области формы» (как Стендаль и Пруст) и заявил в последнее время «о своем горячем сочувствии Советскому Союзу» (как Роллан). Вероятно именно потому, что Жид стал полностью идеологически приемлем, «Время», уже начав выпуск его собрания сочинений с третьего тома, «Фальшивомонетчиков», решило сделать издание авторизованным, для чего в январе 1934 г. обратилось к писателю с предложением заключить договор на эксклюзивное право публикации его произведений в пределах СССР, со своей же стороны «Время» гарантировало абсолютную точность и полноту перевода, предлагая справиться о качестве своей работы и скрупулезности в исполнении обязательств у Роллана («Время» Жиду, январь 1934; перевод переписки с Жидом здесь и далее наш, благодарю за помощь в переводе Д.В.Токарева – М.М.). По уже отработанной в изданиях Роллана и Цвейга схеме «Время» стремилось прежде всего установить с автором личные отношения и просило его указать порядок расположения произведений по томам, а также прислать свои портреты и прочий иллюстративный материал, давать разъяснения переводчикам и, главное, написать специально для русского издания предисловие и библиографические примечания к ключевым его сочинениям. Авторское вознаграждение «Время» предлагало выплачивать, как и Роллану – только

в советской валюте и только на территории СССР (Жид мог получить его лично приехав в Россию или дав поручение кому-то из своих советских знакомых или организаций) по 8 рублей за каждый печатный лист (40 000 знаков) каждой тысячи экземпляров – по этой ставке за «Фальшивомонетчиков», изданных до заключения договора тиражом 10 000 экз., автору причиталось 1500 рублей.

Не дожидаясь ответа Жида, «Время» определило состав первых двух томов издания и круг переводчиков (Протокол ред. совещания, 17 января 1934) – все это были перепечатки из «Academia»: в первый том решено было включить «Имморалиста» в переводе Анны Дмитриевны Радловой из первого тома издания «Academia» (о чем с переводчицей «Временем» был заключен договор 1 июля 1934 г.), во второй – «Подземелья Ватикана», переведенные для «Academia» М.Л.Лозинским (договор «Времени» с М.Л.Лозинским от 2 января 1934); а также «Трактаты» (пер. Н.Я.Рыковой, договор с ней датирован еще 15 ноября 1933), «Прометей» (пер. М.А.Кузмина; поэт, вероятно, по обыкновению задержал работу и позже перевод был поручен Г. П. Блоку со сроком исполнения 23 июня 1934, а редакция перевода – А.А.Франковскому, к 1 июля 1934 г.), «Царь Кандавл» (пер. М. Кузмина, договор с которым на перевод этой пьесы, а также «Саула», был заключен 9 января 1934 со сроком сдачи 15 февраля, однако Кузмин и здесь вероятно перевода не представил – на редакционном совещании 27 мая 1934 было решено его «поторопить», позже перевод был поручен Б.К.Лившицу (договор от 23 июня 1934)); «Изабелла» (договор с Хмельницкой заключен 2 января 1934 со сроком сдачи не позднее 10 февраля 1934).¹³⁴

Жид откликнулся довольно скоро и весьма доброжелательно – он был рад предложению «Времени», чему нисколько не мешало то, что недавно другое издательство договорилось с ним о публикации по-русски его отчета «Путешествие в Конго» и «Воспоминаний о суде присяжных» – ведь в СССР, считал Жид, «не может быть соперничества среди издательств» (Жид «Времени», 24 января 1934). Писатель советовал «Времени» издать прежде всего те из своих произведений, которые могут заинтересовать широкого читателя – «Пещеры Ватикана» и «Фальшивомонетчиков» (которые, впрочем, уже выходили по-русски в издательстве «Academia»), а также предложил выпустить отдельной книгой выдержки из своего дневника, печатавшиеся в 1932-33 гг. в «Нувель Ревю Франсез», «на страницах которого я объявляю о своей

¹³⁴ Что касается Бориса Аполлоновича Кржевского, имя которого как редактора переводов значится в худлитовском собрании сочинений Жида, то договор с ним на редакторский просмотр всех переводов был подписан «Временем» только 1 июля 1934 года, тогда же был заключен и договор с Иваном Ивановичем Анисимовым на написание предисловия (к 15 июля 1934 г.).

любви к СССР. Эти страницы пока не объединены в книгу, один важный немецкий журнал начал публикацию, неожиданно прерванную приходом Гитлера к власти. <...> Я несомненно считаю правильным, если Вы примете решение о публикации, присовокупить декларации, которые я сделал впоследствии, и мое письмо молодежи СССР». В пост-скриптуме Жид добавлял, что если в своем французском собрании сочинений он предполагает сначала закончить публикацию дневника, продолжающуюся из тома в том, и только потом дать весь объем дневника отдельным томом, то для публикации в СССР не видит причин ждать с выпуском последних страниц, поскольку эта часть «представляется совершенно отдельной по своей окраске и может быть весьма своевременной» (Там же).

Судя по тому, что ответное письмо «Времени» было написано только более месяца спустя (7 марта 1934 года) и содержало конкретные и подробные предложения по условиям договора и составу издания, кооперативное издательство успело обратиться в цензурные органы и заручилось разрешением на включение издания Жида в свой редакционный план на 1934 год.¹³⁵ К письму «Времени» от 7 марта 1934 г. был приложен текст договора¹³⁶ с пояснениями: Андре Жид предоставлял издательству «исключительное право издания и переиздания на русском языке всех его сочинений, как уже написанных, так и тех, которые будут написаны им в течение срока действия настоящего договора. Для этой цели Андре Жид обязуется доставлять в Издательство по одному экземпляру всех его сочинений уже вышедших в свет, а также впредь высылать Издательству все вновь написанные им произведения в рукописи или в корректуре не позднее, чем за три месяца до опубликования их за границей», а также дать «краткое вступительное слово к русскому изданию его сочинений с указанием в нем на предоставление Издательству исключительного права издания его сочинений на русском языке». В сопроводительном письме издательство разъясняло, что ждет от писателя «краткое вступительное слово чисто декларативного характера, нечто вроде простого приветствия советскому читателю при Вашей первой с ним встрече. В его глазах это значительно подняло бы внутреннюю ценность издания». За приобретаемое у него

¹³⁵ В частности, в этот период (8 февраля 1934 г.) был заключен договор на перевод «Пасторальной симфонии» с М.Л.Лозинским, который впоследствии от этой работы отказался (Протокол ред. совещания, 27 мая 1934 г.).

¹³⁶ К письму прилагалось четыре экземпляра договора, два по-русски и два по-французски – в архиве сохранились рукописный французский набросок договора, французский машинописный текст договора с Ролланом, в котором вместо имени Роллана вставлено имя Жида и изменен лишь пункт о произведениях, «которыми он имеет право располагать», а также неподписанные машинописные тексты договора на французском и русском, от марта (число не проставлено) 1934 г., – вместе они позволяют составить достаточно полное представление о содержании сделанного «Временем» Жиду предложения.

право издательство, как и было предложено ранее, выплачивает Жиду 8 рублей за каждую тысячу экземпляров каждого печатного листа, причем выплата производится писателю или его поверенному «в советских денежных знаках на территории СССР». Третий том собрания сочинений Жида, «выпущенный Издательством в свет до заключения настоящего договора, оплачивается при подписании последнего на одинаковых с прочими томами основаниях до подписания его издательством». Договор заключается на 4 года с возможностью его пролонгации еще на 4 года, если Издательство выполнит все свои обязательства, причем «с момента подписания настоящего договора и до истечения срока его действия Андре Жид не разрешает никаким другим издательствам, кроме Издательства “Время”, издания своих сочинений на русском языке»; «если за время действия договора будет заключена литературная конвенция Андре Жид обязуется признать этот договор действительным и на тех же условиях». Не имея в своем распоряжении всех томов нового французского собрания сочинений Жида, издательство предложило пока состав только трех первых томов своего планируемого издания:

Том I. Плохо скованный Прометей. – Эль-Гадж. – Вирсавия. – Филоктет. – Возвращение блудного сына. – Имморалист. – Саул. – Царь Кандавл. – Изабелла. – Некоторые статьи из «Претекстов» (Впоследствии в план 1 тома были включены также стихотворения Жида, вышедшие в 1935 году в ГИХЛе в переводе Б.К.Лившица, договор на их перевод был заключен с Лившицем «Временем» 23 июня 1934 г.).

Том II. Подземелья Ватикана. – Пасторальная симфония. – Достоевский. – Некоторые статьи из «Новых Претекстов».

Том III. Фальшивомонетчики («Время» — Жиду, 7 марта 1934)

Жид (письмо от 24 марта 1934 года) с большой радостью принял все предложения издательства, целиком одобрил состав первых томов и сразу же прислал текст небольшого обращения-вступления для опубликования (текст приложения к письму не сохранился), который сначала был помещен «Временем» в «Ленинградской правде» 22 мая 1934 года, а потом уже – в первом томе гихловского издания (с незначительными редакторскими поправками перевода, мы цитируем текст из газеты):

Письмо писателя Анрэ Жид

Ленинградское Издательство “Время” получило письмо от крупнейшего французского революционного писателя Анрэ Жид. Писатель предоставил издательству монопольное право издания переводов его сочинений на русском языке. Писатель сообщает, что он намерен в ближайшее время предпринять поездку в Советский Союз и посетить Ленинград. К письму приложено предисловие к собранию сочинений Анрэ Жид, выпускаемых издательством

«Время».

– Не без страха вижу я мои книги в ваших руках, молодые люди новой России. Они загружены старыми вопросами, которыми вам не надо утруждать себя. Нам приходится бороться здесь с мнимым благоденствием, с призраками, со страшилищами, условностями, различными видами лжи, от чего вы теперь освободились. Чаща, через которую я пробирался, потеряла для вас значение. Но в моих книгах вы может быть почувствуете, как я всегда верил в человека, как убежден был, что от него можно добиться гораздо большего; он только еще в начале своего пути, у подножия горы и что в благоприятных условиях лучшего социального строя перед его взорами откроются неподозреваемые еще перспективы.

На постоянный мучительный вопрос, который, впрочем, не я один ставил: «Что может человек? – СССР дал уже победоносный ответ. Отсюда наша признательность ему.

Молодые советские граждане наших дней, понимаете ли вы, что такое для нас СССР? Осуществление смутной еще мечты и неопределившихся мечтаний, долгожданный ответ, живое доказательство, что казавшееся утопией, может стать реальностью.

Молодые люди СССР, держитесь стойко! Не отдыхайте на половине пути, не давайте себя соблазнить. Чтобы сиять на далекие пространства по ту сторону границ, мужество ваше должно быть примерным. Вы не кончили побеждать и бороться. Благодаря вам надежды наши окрепли.

Товарищи из СССР, братское мое сердце вас приветствует! Андрэ Жид.

(Ленинградская правда. 24 мая 1932)

Также и фотография, помещенная в первом томе гихловского издания, была прислана писателем по просьбе «Времени» – Жид попросил редакцию журнала «Уи» послать его недавнюю фотографию, которая казалась ему одной из лучших, что и было сделано журналом 4 апреля (фотография получена «Временем» 14 апреля 1934 года).

Договор, предложенный ему для подписания, Жид счел «совершенно бесполезным»: «Я внимательно изучил все его пункты и совершенно их одобряю. Я охотно верну его вам с моей подписью, если вы меня об этом вновь попросите специально. Но для чего эти взаимные обязательства, раз я вам абсолютно доверяю и также объявляю об этом здесь формально» (Жид «Времени», 24 марта 1934). Издательство, согласившись, что «субъективно наши взаимные обязательства не нуждаются конечно в письменном их оформлении», все же попросило Жида визировать договор: «по соображениям технического порядка наличие такого документа крайне нам необходимо, а отсутствие его очень затруднило бы, – как показывает опыт, – нашу работу. Поэтому, пользуясь Вашим любезным разрешением, мы все же очень просим Вас подписать и вернуть нам посланные Вам экземпляры договора» («Время» Жиду, 23 апреля 1934), что писатель и сделал (Жид «Времени», 7 мая 1934).

«Время» было также крайне заинтересовано в том, чтобы выпустить

как можно скорее те отрывки из дневника Жида, опубликованные в «Nouvelle Revue Française», о которых упоминал писатель и которые и были получены издательством 7 марта 1934 года и отданы для перевода А.А.Франковскому (договор с ним датирован 29 мая, со сроком сдачи в июне, однако работа над переводом «Избранных мест из дневника» вероятно началась раньше: уже 23 апреля издательство сообщало Жиду, что к переводу приступлено). Помимо статей из «Nouvelle Revue Française», «Время» просило Жида прислать для включения в этот сборник дневниковых фрагментов предисловие и статью о фашизме, опубликованную в журнале «Marianne», а также те «декларации» и обращение к молодежи СССР, о которых писатель упоминал в своем письме от 24 января 1934 года («Время» Жиду, 23 апреля 1934). Писатель обещал, что попросит издательство «Nouvelle Revue Française», выпускавшее собрание его сочинений, прислать «Времени» верстку еще не вышедшего тома, где, вслед за публикацией очередной порции страниц дневника, помещены его речь против фашизма и письмо к матери Димитрова, однако отсоветовал воспроизводить в русском издании «несколько моих писем, в которых я объясняю мотивы воздержаться от участия в нескольких публичных собраниях, где я опасался быть вовлеченным в то, чтобы играть политическую роль, для которой я чувствую себя совершенно неквалифицированным» (Жид «Времени», 7 мая 1934 года).

Через два месяца «Время» сообщало Жиду, что перевод отрывков из дневника закончен и отдается в печать, с планируемым тиражом 20 000 экземпляров, и советовалось относительно заглавия: «Может быть просто: “Страницы из дневника, годы такие-то и такие-то” или “Отрывки...”, или же возможно вы нам дадите другое заглавие, более понятное, смещающее упоминание дневника в подзаголовок?» («Время» Жиду, 5 июля 1934) – Жид предложил, что «проще и естественнее всего дать следующее заглавие: Страницы из дневника (1929-1932). Однако я охотно соглашаюсь с тем, чтобы эти слова фигурировали в подзаголовке более красноречивого названия, если вы сочтете это за лучшее – и которое я предоставляю вам придумать, в таком роде: К новой жизни – или: К новым истинам. Название, которое указывало бы на путь к..., движение духа к... (чему-то), но важно в любом случае оставить под этим заглавием Страницы (или: Отрывки) из дневника – и дату, чтобы не дать предположить книгу теоретическую или вымышленную» (Жид «Времени», 14 июля 1934). Таким образом, не только гихловское собрание сочинений, но и отдельное издание Жида «Страницы из дневника 1929-32» в переводе А.А.Франковского, вышедшее в Гослитиздате в 1934 году, было от начала до конца подготовлено «Временем».

МОРП

Активно используя одну из возможностей получать надежные книжные новинки – по линии МОРП (Международной организации революционных писателей), издательство продолжало свою тактику выстраивания личных отношений с автором, декларированных договором и официальным письмом автора в орган советской печати, и подготовки авторизованных изданий отдельных книг или собраний сочинений, снабженных специально написанным для «Времени» предисловием, библиографическими примечаниями и проч. (в частности, личные отношения с иностранным автором решали проблему получения его книг, особенно новых).

Леон Муссиак

В 1934 году «Время» выпустило роман Леона Муссиака «Очертя голову» («La Tête la première», 1931) в переводе М. Е. Левберг, что явилось результатом личных переговоров издательства с автором – членом французской компартии, сотрудником «Humanité», председателем французской секции МОРП, секретарем союза революционных художников Франции, который в 1933 г. находился в Советской России.

При этом издательство прекрасно отдавало себе отчет в невысоком литературном качестве переведенного произведения – А.А.Смирнов во внутренней рецензии заметил, что это «произведение очень причудливое и мало понятное»:

Отнюдь не “роман”, как обозначает его автор, а смесь воспоминаний, философских рассуждений, клочков хроники французской жизни, публицистики и маленьких новелл, связанных лишь единством личности главного героя. Автор задался целью восстановить облик и историю жизни одного своего товарища детства, Кудерка, с которым он встречался за последние 20 лет не более 2—3 раз, путем монтажа бесед с ним, писем, рассказов о нем других лиц. Автор заверяет читателя в “абсолютной точности” и “правдивости” тех “документов”, которые он приводит <...> описывается неожиданная встреча автора с Кудерком в 1927 г. в Москве, куда автор ездил по делам кинематографического предприятия, а Кудерк был там “проездом” из Японии в Европу. Они встречаются в “ресторане-подвале” дома Герцена. Там пьют водку, стол заставлен «закусками», ораторствует “казацкий” генерал, какая-то молодая еврейка поет под гитару еврейские песни, “модулируя своим телом страсть ритма, который из нее переходил в нас”. Затем все расходятся. О Москве больше нет речи. Какое-то странное сходство с “Москвой” Поля Морана, с прибавкой развесистой клюквы. <...> автор – член французской

коммунистической партии. Он это не раз подчеркивает в своей книге. Кое-где в примечаниях рассказывает о притеснениях, которым он за это подвергался, включая попытку его убить. Но реально, в данной книге, это сказывается лишь в длинном диалоге его с Кудерком <...>. Автор пытается доказать Кудерку правду коммунизма (впрочем, очень бледными и общими фразами). Кудерк соглашается, но говорит, что его темперамент не приемлет дисциплины. Действительно, по всей своей натуре Кудерк – лишь «радикал» и индивидуалистический анархист. Но почему же надо было писать о нем целую книгу? Чем он интересен? Это совершенно непонятно. Книга построена вычурно хаотически, полна своеобразного импрессионизма и эстетизма, идеологически почти бессодержательна и сюжетно неинтересна. Издания безусловно не заслуживает.

(внутр. отзыв А. Смирнова, 17 марта 1933).

Однако несомненная цензурность романа, обеспеченная политическим статусом автора (отрывок из романа «Очертя голову», «Выборы», был помещен в «Интернациональной литературе», 1933. № 4. С. 77–85, пер. Н. Габинского), заставляла искать в нем достоинства: в мае 1933 года книга была снова отдана на отзыв, на этот раз В.А.Зоргенфрею, который попытался найти смысл в ее «модном» хаотическом устройстве и представить «вполне литературным документом современности»:

Книга построена <...> на началах монтажа. Автор – коммунист, член партии, Кудерк – индивидуалист и романтик. Обоих связывает отталкивание от существующих форм жизни; автор нашел выход в партийной коммунистической работе, его друг ищет выхода личного, начиная от ухода от ближайшей действительности в прямом смысле этого слова (– многочисленные путешествия в другие страны, для него “экзотические”); явно «абсурдные» эпизоды (случай с дамской сумочкой в метро) соседствуют с «более приемлемыми»: «дневник Кудерка на тему его участия (в качестве секретаря) в выборе “независимого социалиста”». Картина развратной и развращающей организации выборов во Франции дана исчерпывающе-живо и не без юмора. Далее – война 1914-18 гг. и ряд писем Кудерка на темы войны – опять-таки живые и убедительные. Далее – отрывочные данные о его скитаниях по свету, также и в Китае и Японии, где он женится на японке, ненадолго. Затем, мимолетная встреча с Кудерком в Москве, в ресторане Дома Герцена. Там – Борис Пильняк с группой японцев, Панаит Истрати, растекающийся в самовосхвалениях, песни, пляски; не обошлось без легкой “клюквы” – “казацкий генерал”. <...> Конечный эпизод – появление Кудерка у автора – на одну ночь (“вне закона”) и протокол дискуссии с автором, резюмирующей разрыв двух мировоззрений и двух мироощущений – коммунистического (автор) и индивидуалистического (Кудерк). Отъезд Кудерка и исчезновение. Установка книги понятна и не требует пояснений. Автор – писатель с навыками, без неприятных штампов, с достаточным кругозором; книга написана живо, читается легко. Приходится повторить, что портит книгу эпизод с метрополитеном – в стиле Мюнхгаузена. Тем не менее – роман приемлем для перевода, как вполне литературный документ современности.

(внутр. отзыв В. Зоргенфрей, 9 мая 1933).

О том, насколько успешно Зоргенфрей к этому времени интериоризировал язык советской культуры, свидетельствует то, что в этой своей внутренней рецензии он предвосхитил систему аргументации в пользу явно дурной книги, использованную в отзыве на уже вышедший во «Времени» роман Муссиака, написанном от имени Ленинградского отделения Критико-библиографического института ОГИЗа красным профессором В.А.Десницким-Строевым (отзыв этот сохранился в архиве «Времени»): «В предисловии к русскому переводу своего романа Л. Муссиак заявляет, что его цель – “объяснить... некоторые явления, свойственные загнивающему буржуазному обществу”. Нельзя сказать, что эта задача разрешена автором вполне удовлетворительно. Его собственно художественное восприятие мира не свободно от мелко-буржуазного интеллигентского индивидуализма и скептицизма. Это нашло выражение в показе “героя” Э.Ж.Кудерка, авторские симпатии к которому не подлежат сомнению <...>, и в стиле “нарочито модном”. И, в особенности, в весьма неудачном показе Москвы. <...> Все описание “вечера 8 ноября 1927 г., в Москве”, в “ресторане дома Герцена” с “казачьим генералом”, с пляской, которой “славянские расы являют нам частицу своей первобытной ценности” и т.п. – ни в какой мере не обособляет Л. Муссиака от старых буржуазных французских писателей, которые, посетив Россию, раскрывали потом своим читателям, как в стране “медведей едят икру” и пьют “квас” (А. Дюма, Т. Готье и др.). Ряд картин французской жизни, данных в романе, превосходен, и они заставляют забыть неудачный “показ” Москвы. <...> Данной книжкой издательство “Время” открывает серию произведений современной западно-европейской литературы. Это начинание следует всячески приветствовать, тем более, что внимание издательства сосредоточено на передовой революционной литературе Западной Европы. Перевод данной книжки вполне удовлетворителен, внешность издания, при сравнительно невысокой цене, более чем удовлетворительна (бумага, шрифт, отсутствие опечаток, переплет и т.д.)».

Вероятно, дополнительным поводом к изданию Муссиака было то, что он как раз в 1933 году находился в Советской России и с ним можно было установить личные отношения. Первому сохранившемуся в архиве письму издательства Муссиаку от 13 мая 1933 г. вероятно предшествовала личная встреча, поскольку к нему были уже приложены подписанные «Временем» экземпляры договора (которые писатель, вероятно, не предъявляя никаких дополнительных требований, вскоре вернул со своей подписью; «Время» Муссиаку, 22 мая 1933). В этом первом письме издательство просило Муссиака «снестись с М.О.Р.П. в Москве <...> и проследить за тем, чтобы они реально оградили нас от

попыток других издательств выпустить русский перевод Вашей книги».

Менее чем через пол-года перевод был готов и, согласно желанию Муссиака, отправлен ему на просмотр; кроме того, издательство передавало замечания своего политического редактора: «1. В конце превосходной главы о выборах описывается республиканская демонстрация. Толпа поет Интернационал. Редактор думает, что советского читателя может привести в недоумение исполнение в подобной обстановке революционного гимна, столь популярного в СССР. Подумайте об этом. 2. В примечании о Панаите Истрати хотелось бы более отчетливой характеристики и оценки его теперешней политической позиции. Мы могли бы дать дополнительное примечание от редакции, но слова самого автора, если он пожелает их произнести, будут конечно гораздо убедительней» («Время» Муссиаку, 9 сентября 1933).

Однако Муссиак вероятно не оценил качества подготовленного «Временем» издания – получив книгу, он заметил, что издание ценой 12–15 франков для «товарища» слишком дорого (Муссиак «Времени», 12 ноября 1933)

Андре Мальро

К числу «капитальных вещей», которыми «Время» пыталось легитимировать свое шаткое положение кооперативного издательства в пост-нэповское время, были книги член МОРПа Андре Мальро и прежде всего «Условия человеческого существования» («La condition humaine», 1933). Этот роман, получивший Гонкуровскую премию, отрывок из которого поместила в «Интернациональной литературе» (1933. № 4. С. 38–43, пер. Н. Габинского), был в начале 1934 года поставлен в редакционный план «Времени», перевод поручили А. Франковскому (первоначально выход книги был назначен на третий квартал 1934 года (протокол ред. совещания, 26 января 1934 г.), однако переводчик, вероятно занятый работой над дневниками Жида, готов был сдать работу только к 15 августа, поэтому решено было в 3-м квартале заменить в плане роман Мальро книгами Анны Зегерс «Оцененная голова» и А. Жида «Избранные места из дневников» (обе так и не вышли), Мальро же выпустить в четвертом квартале (протокол ред. совещания, 27 мая 1934; тогда же с А.А.Франковским был заключен формальный договор (от 29 мая 1934 г.) со сроком сдачи перевода не позднее 20 августа 1934)).

Летом 1934 г., когда Мальро, участник Первого Съезда Советских Писателей, в составе группы французских литераторов посетил Ленинград, руководство «Времени» имело с ним личную встречу и заключило устную договоренность об издании русского перевода его романа, по следам которой, через Вайнтрауба, переправило Мальро в Москву, по адресу МОРП, для подписания договор на издание русского

перевода романа «Условия человеческого существования», там же «Время» выражало желание выпустить и его «роман о нефти» (который Мальро собирался писать по впечатлениям от посещения Бакинских нефтяных промыслов, однако так и не написал) («Время» Мальро, 2 июля 1934 г.).

Однако, как и в случае с Муссиначом, революционного писателя интересовало не столько качество издания, сколько его тираж: Мальро мгновенно возразил, что в присланном ему договоре отсутствуют два пункта, которые, вероятно, обсуждались при личной встрече – о том, что тираж первого издания романа составит 10 000 экземпляров, и о том, что «Время» не возражает против выхода его московского издания (Мальро «Времени», 5 июля 1934 г.). Издательство неверно интерпретировало претензию Мальро, объяснив в ответном письме, также отправленном через Вайнтрауба, что в последние годы они выпускают книги исключительно тиражом в 10 000 экз., в договор же вписано 5 000 на случай возможных затруднений. «Время» предложило Мальро, если в случае непредвиденных обстоятельств тираж окажется меньше 10 000, что ему гарантировано будет выплачен авторский гонорар как за десятитысячный тираж («Время» Мальро 8 июля 1934). Писатель разозлился: «для меня, – писал он в ответном письме, – это не вопрос авторских прав или гонорара, а именно гарантии десятитысячного тиража, даже если оплата за него будет как за пятидесяти тысяч», в противном случае писатель не видел смысла договариваться со «Временем» и об издании своего нового романа: «Ведь если ленинградский тираж уступит московскому, то мне, конечно же, нецелесообразно договариваться в будущем с Ленинградом о публикации моего следующего романа, ибо для меня главное не в том, чтобы мне платили, а чтобы меня читали» (Мальро «Времени», 13 июля 1934, см. также: Орохвацкий 1979).

Через неделю, проведя переговоры с выступавшим от имени Мальро Полем Низаном, издательство предложило новый вариант договора: Мальро должен был написать специально для русского издания «Временем» своего романа предисловие, издательство же получало право на издание русского перевода на четыре года, с первым тиражом в 10 000 экз., далее – по своему усмотрению; за первые 5000 экземпляров «Время» выплачивало Мальро 187р.50к. за каждый авторский лист, за последующие экземпляры сверх первых пяти тысяч – за каждую тысячу экземпляров 22 рубля 50 коп за печатный лист, суммы эти должны были перечисляться на адрес Мальро в СССР (в МОРИ). По требованию Мальро в договор были внесены пункты, необычные для отработанной «Временем» практики эксклюзивных авторизованных изданий: «Время» не возражало против того, чтобы роман Мальро был переиздан другим советским издательством, однако не более одного раза и без использования предисловия, написанного специально для издания

«Времени» («Время» Мальро, 21 июля 1934). Однако через неделю издательство было закрыто, и роман, перевод которого А.Франковский вероятно не успел сделать, впервые был опубликован в журнале «Молодая гвардия» (1935, № 4–8) в переводе Сергея Ромова под редакцией Льва Никулина.

Поль Низан

Поля Низана издательство «Время» не издавало, однако летом 1934 г. – вероятно, во время приезда французских делегатов Первого съезда советских писателей в Ленинград – вело с ним на этот счет личные и успешные переговоры, после чего отправило ему на адрес МОРП в Москву письмо с договором на русское издание его книги «Aden-Arabie» – заведомо цензурной, поскольку отрывок из нее был опубликован в журнале МОПР «Литература мировой революции» (1932. № 1. С. 54–61, пер. Г. Ярхо), и добавляло: «Что касается еще не законченного Вами романа о жизни коммунистической ячейки во Франции, то позвольте считать установленным, что Вы оставляете за нами преимущественное право на выпуск русского его перевода и что когда Ваша работа над ним будет подходить к концу, Вы известите нас об этом на предмет заключения соответствующего договора» («Время» Низану, 2 июля 1934).

Однако, вероятно, «Время» не успело приступить к работе над книгой (она не упоминается ни в редакционных планах, ни в договорах, заключавшихся «Временем» с переводчиками) и она вышла в Гослитиздате в 1935 г. (*Низан Поль. Аравия. Пер. Э.Б.Шлоссберг и А.А.Поляк под ред. А.В.Федорова*).

Роже Мартен дю Гар

В поисках авторов и произведений, издание которых могло бы быть длительным и беспроблемным, «Время» обращало внимание на многотомные романы современных французских писателей, которых ГИХЛ, «почти монополюльно издающий переводную литературу», практически не выпускал, сосредоточившись на немецкой и американской литературе (А.Мингулина. Мелкобуржуазные писатели Запада в переводе Гихл за 1933 год // Иностранная книга. Двухмесячный журнал научно-исследовательского критико-библиографического института ОГИЗа. 1934. № 2. С. 26–34). Однако получение сведений о книжных новинках и самих книг было затруднено – поэтому издательство неоднократно обращалось к Леону Муссинаку с просьбой присылать им «заслуживающие внимания новые книги» («Время» Муссинаку, недат. письмо <между сентябрем и ноябрем 1933 г. >) – Муссинак не смог помочь «Времени» с доставкой очередных томов романа-эпопеи Жюль Ромэна «Люди доброй воли»,

однако неожиданно прислал новый роман Роже Мартен дю Гара «Старая Франция» (1934), писателя знакомого и любимого «Временем» – его многотомную эпопею «Семья Тибо» «Время» начало издавать во второй половине 1920-х. В сопроводительном письме Муссиак сообщил, что книга эта, полученная МОРП, «очень интересная. Государственное издательство тем не менее не хочет ее переводить – это книга для вас» (Муссиак «Времени», 12 ноября 1933).

Одновременно в «Красной Нови» появилась неожиданно подробная и хвалебная рецензия на французское издание этого романа Мартен дю Гара, написанная влиятельнейшим критиком Владимиром Ермиловым, бывшим рапповцем, ставшим членом новой, без Александра Воронского, редколлегии журнала «Красная Новь»: «Реалистическая направленность, глубокая правдивость пропитывает собой каждый образ “Старой Франции”, и это сближает автора с путями советской литературы. Мы не знаем политических убеждений автора, его симпатий и антипатий, но мы знаем, что он говорит правду» (*Ермилов В. Роже Мартен дю Гар. Старая Франция (Roger Martin du Gard. Vieille France) // Красная новь. 1933. Кн. 12, дек. С. 193.*)

Таким образом писатель – не коммунист и не член МОРП, «политических убеждений» которого не знал даже хваливший его В.Ермилов – оказался идеологически легитимированной фигурой. Если в 1920-е гг. издательство искало романы, соединяющие достаточно высокое литературное качество и развлекательность, то теперь на место второго критерия стала идеологическая разоблачительность, и этому требованию роман Мартен дю Гара (будущего, в 1937 году, лауреата Нобелевской премии по литературе), изображающий болезненно-мрачные нравы французской деревни, удовлетворял, что подтвердила положительная рецензия И. Анисимова на выпущенный «Временем» перевод, опубликованная в «Известиях»: «/.../не только этой полнотой реалистического изображения и литературным своеобразием интересна книга Роже Мартен дю-Гар. Она имеет глубокий социальный смысл. Мы видим мелких людей буржуазного общества, настолько гнусных в своем хищничестве, в своей подчиненности мрачным законам собственности, что внешне равнодушная созерцательная живопись Роже Мартен дю-Гар становится негодующей. Книга, в которой так много чисто флюберовского спокойствия, превращается в разоблачение» (Известия. № 143, 21 июня 1934 г.)

Во «Времени» поддержанная Москвой книга была отдана сначала на рецензию к Розеншильд-Паулину, который – желая просто сказать, что с идеологической стороны роман подходит, с литературной же успех гарантирует имя автора – разразился «социологической» рецензией;¹³⁷ а

¹³⁷ «Роман этот вызвал многочисленные комментарии французской буржуазной критики, ибо автор проводит в нем отрицательную тенденцию к французским

потом Г. П. Блоку, давшему подробный разбор повествовательного устройства романа и системы типов. Блоку роман очень понравился вероятно еще и потому, что он нашел в выведенной Мартен дю Гаром разновидности социальных неудачников, небезразличной для его собственного самоощущения («это какие-то органические несчастливцы, неудачники, жертвы разнообразных житейских аварий, ненужные, слабые люди, не умеющие, а то и не желающие бороться за то, что представляется им счастьем»), в самом их подборе («начальник станции, учитель, священник, разорившийся чиновник») «несомненное Чеховское влияние» и безусловно рекомендовал роман к переводу: «И по тому разнообразному и новому материалу, который вскрыт автором, и по тому блестящему мастерству, с каким этот обширный материал уложен в тесные рамки 5 печ. листов, – новая книга дю-Гара представляется мне выдающимся литературным событием. Нет сомнений, что ее следует принять к изданию. Единственное, в чем я упрекнул бы автора, это в не оправданной на мой взгляд содержанием перегрузке книги эротическими эпизодами. Эта хваленая “французская болезнь” весьма неприятна, но книгу она не порочит: – дю-Гар нигде конечно не докатывается до порнографии» (внутренний отзыв Г. П. Блока, 17 декабря 1933).

Г. П. Блок сам выполнил перевод и в начале лета 1934 года переправил автору только что выпущенную «Временем» книгу через того же Владимира Ермилова, сопроводив посылку письмом, в котором спрашивал, от лица издательства, планирует ли дю Гар продолжить серию «Семья Тибо»: «Мы с большим нетерпением ждем ее продолжения и очень хотели бы выпустить ее всю целиком в русском переводе» («Время» Мартен дю Гару, 2 июля 1934). В любезном ответном письме Дю Гар сообщил, что уже ранее написал переводчику «Старой Франции», адрес которого ему сообщил г. Ермилов, о том, что ему доставил удовольствие приятный формат и тщательное исполнение его книжки, перевод которой он конечно оценить не может, однако г. Ермилов уверил его в высоком качестве работы.¹³⁸ Писатель сообщал, отвечая на содержащуюся в

крестьянам, подразумевая под таковыми всю совокупность сельских обывателей, проникнутых мелко-буржуазными традициями и узко-собственническими инстинктами; он считает их классом обреченным на вымирание, не способным сказать нового слова, лишенным благородных побуждений. “...Что бы вы не думали, – пишет он одному из своих критиков, – но как не стараешься относиться к этой проклятой породе со всей полнотой любви к человеку, крайне трудно найти в ней хоть малейшую искорку... Нечего больше ждать от этого дряхлого человечества, в котором иссушены все соки... Мне бы следовало ждать понять, что я, наоборот, ожидаю от городского населения, от рабочих. Там скрыты громаднейшие возможности бескорыстия, братства, духовных порывов<...>” <...>» (внутр. недат. <конец 1933> отзыв В. Розеншильд-Паулина).

¹³⁸ Впрочем, французский писатель вероятно не совсем понял, что полученный им перевод «Старой Франции» выпущен тем же издательством «Время», которое в

письме Г. П. Блока просьбу, что выслал «Времени» из Парижа свою книгу «Confidence Africaine» – «вы сами увидите, представляет ли эта повесть интерес для вашего читателя». «Что касается “Тибо”, то самое заветное мое желание, чтобы эта книга вышла целиком в Советском Союзе. Этот обширный замысел я теперь завершаю, в течение менее чем полутора лет я надеюсь написать три последних тома, что составит всего 10 маленьких томов. Весьма возможно, что финал в особенности получит отклик в Советском Союзе, ибо действие последней части происходит в июле 1914 на фоне пылающей Европы. Многие эпизоды в среде Интернационала рисуют борьбу, к сожалению неэффективную, этих организаций против войны и империализма капиталистических правительств» (Мартен дю Гар «Времени», 13 июля 1934, пер. наш – М.М.). Однако проект издания всей серии романов «Семья Тибо» по-русски ни «Временем», ни его государственными преемниками осуществлен не был.

Писатели-коммунисты

Анна Зегерс

Из иностранных авторов-членов компартии к изданию была намечена Анна Зегерс, в творчестве которой В.А.Зоргенфрей находил соединение литературных достоинств и полной идеологической приемлемости. «Время» успело выпустить в 1934 году только один ее роман, «Попутчики» («Die Gefährten», 1932), в переводе Изабеллы Гринберг под редакцией А.Г.Горнфельда. Роман получил хорошие отзывы (критика осудила лишь неудачный семантический ореол заглавия, которое лучше было бы перевести как «Товарищи»; Известия. № 107. 9 мая 1934 (М. Живов); «Ленинградская правда». № 114, 16 мая 1934 (И. Б-ер)), хотя для самого «Времени» важнее был выполненный им, но выпущенный уже после его закрытия Гослиздатом (1935), перевод другого роман Зегерс, «Оцененная голова» («Der Kopflohn», 1933).

Первым произведением Зегерс, которое рассматривало для перевода «Время», был, в январе 1933 года, сборник новелл «По пути в американское посольство» («Auf dem Wege zur amerikanischen Botschaft», 1930), на который В.А.Зоргенфрей дал довольно сдержанную рецензию:

Бесспорное достоинство книги – своеобразие стиля, внешне обрывистого и нервного, внутренне – четкого и законченно убедительного. Приемы обрисовки

середине 1920-х уже издавало его книги, поскольку отметил в своем письме, что «Время» в 1925 г. опубликовало перевод первых двух томов “Тибо”, по крайней мере так говорят, но я в то время не был об этом извещен и не давал разрешения на эти издания» (Мартен дю Гар «Времени», 13 июля 1934).

людей, при тонкости их, граничащей с туманностью, всегда приводят к цели кратчайшим путем, т.к. оперируют преимущественно с элементами подсознательного. <...> Идеологическая структура отсутствует; сознание почти не работает; отдельные люди и массы влекутся темною внутреннею силою. Органичность жизни утверждается почти как слепая стихия. В этом и достоинство книги, и ее недостаток. Автор, как некий медиум, пассивно воспроизводит явления жизни, не освещая их сознанием и не утверждая своей творческой воли; легкий налет меланхолии проходит сквозь всю книгу. Автор получил в 1928 г. за другую книгу Клейстовскую премию – отличие, формально характеризующее его высокую литературную квалификацию. <...> Относительно издания ее “Временем” можно сказать, что она не испортила бы программы Издательства; весь вопрос в возможностях бумаги и пр. С другой стороны, достоинства книги не столь уже высоки, чтобы идти на вытеснение какого-либо из намеченных уже на т<екущий> г<од> изданий.

(внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 30 января 1933 г.).

Рецензируя несколько месяцев спустя роман «Попутчики», Зоргенфрей отметил, что, несмотря на революционность и актуальность темы («Период с 1919 года до недавнего времени. Послевоенные вспышки и зарницы мировой революции, всюду подавляемые – в Венгрии, в Болгарии, в Польше, в Китае. <...> Смерть одних, бегство других, эмиграция, упорная тяга на родину, к прежней революционной деятельности, новые аресты и смерти, героическая выдержка некоторых, человеческая слабость других, общая оглядка на СССР. Романа, собственно, нет; есть ряд отрывков, связанных, при различии места и времени, общей темой революционной настроенности персонажей, вновь и вновь появляющихся, встречающихся, расходящихся») и узнаваемость авторского стиля («Манера письма – характерная для автора, имеющего уже имя в новейшей литературе: тонкое ощущение подсознания персонажей, и отсюда внутренне-правдивый, хотя и внешне напряженный диалог, внутренняя закономерность поведения, внешне иногда не вполне понятного»), именно столкновение свойственного всем произведениям Зегерс «меланхолического тона», который порой «начинает переходить в пессимистическую интонацию», с «победной темой революции» умаляет их качество и не дает оснований издательству, в условиях ограниченных бумажных лимитов и плана изданий, сосредоточиться на издании книг Зегерс: «Получается, в результате, некоторая камерность исполнения, умаляющая масштабы сюжета. В итоге – книга литературная, местами интересная, но местами вялая и по женски-заунывная. В программе большого выпуска она могла бы занять место; но в ограниченном плане такого издательства, как “Время”, едва ли она вытеснит другие более капитальные вещи» (внутр. отзыв В.А.Зоргенфрея, 17 апреля 1933).

Однако, вероятно, перелом в отношении издательства к перспективам издания Зегерс произошел в начале 1934 года, когда Зоргенфрей прочитал

ее роман «Оцененная голова» («Der Kopflohn», 1933) – он решительно предпочел роман рецензировавшемуся им ранее сборнику новелл «По пути американское посольство», «произведению внутренне разрозненному и уступающему по силе рассматриваемому роману» (внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 20 февраля 1934):

Действие романа происходит под осень 1932 г. в одной из небольших немецких деревень. Рабочий Иоганн Шульц – как выясняется в дальнейшем революционер, обвиняемый в политическом убийстве и разыскиваемый властями – находит, как безработный, приют у одного из бедных крестьян. Показана жизнь деревни в ее трудовом напряжении, в ее безграничной прибитости, в тесной духовной ограниченности, в смятенности социально-политических представлений – в период, предшествовавший приходу к власти фашистов. Наезжают из близлежащего городка национал-социалисты, с шумом, с агитацией, с потасовками; наезжают, но не столь энергично и обильно, коммунистические агитаторы. Деревня, в ее тупой отграниченности, относится ко всем с опаской, с недоверием, с грубо-коммерческим подходом. «Хозяйственные» крестьяне начинают склоняться к «наци». На выборах они получают большинство. Деревня, а с ней и вся мелкобуржуазная Германия, наклоняется к фашизму неосознанно и тупо. В изображении быта и характеров Анна Зегерс достигает в этом романе высокого художества. <...> Как всегда у Зегерс – на лицо некоторая меланхоличность общей аранжировки; в этом, пожалуй, единственный недостаток романа.

(Там же; Протокол ред.совещания, 21 февраля 1934).

Решив, вероятно, в начале 1934 года поставить на Зегерс в своей издательской политике, «Время» в начале весны уже выпустило перевод «Попутчиков», а также заключило договор на перевод романа «Оцененная голова» с Анной Семеновной Кулишер (от 22 февраля 1934 г.), на редактирование – с Аркадием Георгиевичем Горнфельдом (от 1 июня 1934 г.). Перевод был выполнен в рекордно быстрые сроки – отредактированная рукопись могла быть готова к 1 июля (протокол ред. совещания, 27 мая 1934) и его выход был передвинут с 4-го на 3-й квартал 1934 г. (Там же), однако полностью сделанную «Временем» работу выпустил в свет Гослитиздат в 1935 г.

Курт Клебер

В октябре 1933 года В.А. Зоргенфрей сообщил на редакционном совещании о «новейшем немецком пролетарском писателе Клебере», авторе романа «Пассажиры 3-го класса» и сборника рассказов «Баррикады» – было решено «дать характеристику этого писателя и библиографию» и поручить эту работу «в виде опыта А.А.Морозову» (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933). Однако Александр

Антонович Морозов (которого также предполагалось привлекать к написанию внутренних отзывов (протокол ред. совещания, 19 октября 1933) – в архиве их нет) вероятно к работе не приступил, и все последующие отзывы на Клебера давал Зоргенфрей.

Несмотря на то, что оба произведения были поставлены в тематический план издательства на 1934 год, в объяснительной записке к которому Клебер характеризовался как «едва ли не самый талантливый из писателей-коммунистов», самих книг в издательстве еще не читали (решение о выписке их оригиналов было принято на редакционном совещании 17 января 1934, то есть после того, как был составлен план на год). Те же произведения Клебера, которые удалось достать в рукописи, отличались, при всей революционности тематики, такой внехудожественной простотой, что Зоргенфрей советовал отказаться от издания. Так, рецензируя сборник из трех еще неопубликованных новелл Клебера, из которых рецензент одолел только две – о второй Жанне (д' Арк), «созидающей не победу на войне, а мир. В данном случае эта вторая Жанна – простая работница, у которой муж убит в войну 1914-1918 гг. Она является руководительницей – вне какой-либо партийной организации – ряда демонстраций против военного похода французов в Марокко. Погибает во время одной из этих демонстраций и – по мысли автора – воскресает тут же в сознании масс, как живой символ борьбы со старым миром угнетателей» и «о судьбе 2000 немецких колонистов с южной Волги, покинувших в 1928 г. СССР из страха перед предстоявшей коллективизацией. О их приключениях в Германии, Канаде и Бразилии, где они были встречены с лицемерным радушием, но где ни правительство, ни общество ничего для них не сделало, ограничиваясь попытками проэксплуатировать их как бессловесную и самую дешевую рабочую силу. В конце концов, после того как погибает от болезней и пр. более половины эмигрантов, остальные возвращаются в СССР, где им предоставляется возможность работать и существовать на правах всех трудящихся», – Зоргенфрей резюмировал:

Несмотря на удачную основную идею 1-ого рассказа и на благодарнейший материал 2-ого, Клебер не создал того, что можно было бы назвать художественным произведением. Свойственная ему простота приемов повествования претворилась в рецензируемых новеллах в манеру не то сухого газетного отчета, не то формально построенного доклада. <...> Не только не получается, в итоге, убедительности, но остается тяжелый осадок художественной недостоверности, как результат ремесленно-спешной проработки крайне ответственной темы.

(внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 14 декабря 1933 на: *Kurt Kläber*. 1) Die andere Johanne 2) Johann Gottlieb Leberecht auf der Suche nach Land; Протокол ред. совещания, 27 декабря 1933).

Следующая рукопись большого произведения Клебера (около 24 листов), «Bergleute» («Горнорабочие») – «картина нарастания классово-революционного сознания среди углекопов одной из шахт», расширившаяся, в процессе работы писателя, в «описание крупной стачки углекопов Рурского бассейна в 1931 году» – произвела такое же впечатление:

<...> привожу авторский текст из предисловия: “<...> Сами углекопы назвали это агитационным произведением из тех что читать можно (eine lesbare Agitationschrift), попыткой облечь в доступную для понимания форму политические передовицы, статистику несчастных случаев, данные о размерах производства, об усилении темпов работы, о производственных прибылях и потерях. Является ли это задачей писателя, нашей задачей? Конечно, не важнейшей из наших задач. Но так как углекопы требовали опубликования рукописи, в особенности потому что она заканчивается самой крупной из их стачек и первыми выступлениями красного профсоюза горнорабочих, возникшего в пламени этой стачки, я предаю ее обнародованию”. Автор достаточно правильно характеризует, устами критиков читателей, свою работу. К художественной литературе она никакого отношения не имеет. Ее простота – простота схемы, протокола, газетной хроники, простота не без небрежности и не без торопливости. М.б. автор прав и в Германии эта вещь окажется технически-полезной в дальнейшей борьбе, как напоминание, как руководство. Для нас она интереса не представляет, не будучи ни художественным произведением, ни историческим материалом. Переводить не стоит.

(внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 11 января 1934 г. на: *Kurt Kläber. Bergleute*; Протокол ред. совещания, 26 января 1934).

И только когда в феврале 1934 года в распоряжении издательства наконец появился вышедший еще в 1927 году роман Клебера «Пассажиры III класса», Зоргенфрей переменял знак в оценке простоты приемов Клебера, хотя и с оговорками:

Художественные приемы автора сильны присущей им прямоотой и простотой, доходящей до грубости. <...> Люди даны не только в их идеологии, но и в физиологии. Нельзя не отметить, к сожалению, что элементу сексуальности уделено в романе непропорционально много внимания и что свойственная Клеберу простота переходит здесь – правда, не в порнографию, но в животный примитивизм. Это обстоятельство – и единственно оно – ослабляет художественную ценность книги, чрезвычайно сильной, чрезвычайно насыщенной жизнью. Книгу следует издать – не без некоторых, возможно, пропусков в указанной области – при всей нежелательности сокращений авторского текста.

(внутр. отзыв В. Зоргенфрея, 23 февраля 1934 г. на: *Kurt Kläber. Passagiere der III Klasse. Roman. Internationaler Arbeiter-Verlag 1927*).

Вскоре был заключен договор на перевод этого романа с Эрной Георгиевной Бородиной (договор от 14 апреля 1934 г.), которая должна была его представить к 15 июля 1934 (Протокол ред. совещания, 27 мая 1934). К счастью, в библиографии «Времени» нет произведений пролетарского писателя Клебера, много издававшегося в России в 1927-1930 гг. («Пассажиры III класса» вышли в анонимном переводе с предисловием Б.Иллеша в издательстве «Московский рабочий» еще в 1928 году).

* * *

На редакционном заседании весной 1934 года вновь стоял вопрос о Харди: «Автор первоклассный и безукоризненный в художественном отношении. Необходимо выяснить, насколько он приемлем в политической отношении», для чего «повидаться и переговорить по этому вопросу с Д.Н.Мирским (в Москве)» (Протокол ред. совещания, 27 мая 1934 г.). Из современных книг рассматривались также, но были отвергнуты «Ночной полет» («Vol de nuit», 1931) А. Сент-Экзюпери: «Вещь написана очень сильно, прекрасным языком. Однако, если ее и можно еще назвать “социальной”, то “революционной” – никоим образом. Проблема общества в целом в ней не поставлена вовсе. Кроме того, небольшой объем повести делает затруднительным издание ее отдельной книгой» (внутр. отзыв А.А.Смирнова, 5 декабря 1932); произведения Курта Тухольского (на основании несохранившегося отзыва А.А.Морозова – Протокол ред. совещания, 5 ноября 1933).

Были отвергнуты предложения влиятельного А.Н. Горлина, бывшего заведующего иностранными отделами Ленотгиза, Ленинградского отделения ЗИФа, издательства «Academia» и принимавшего близкое участие в работе «Времени», издать новые произведения Ренэ Марана, прославившегося в начале 1920-х своими негритянскими романами «Батуала» и «Джума», сразу же переведенными на русский (для ГИЗа их, а также «Роман негра» Марана перевел А. Горлин) и породившими как во Франции, так и в России бум экзотического ориентального романа. «<...> будучи лично знаком с Ренэ Мараном, с которым я часто встречался в свои студенческие годы в Париже, – писал Горлин в своей записке в издательство «Время», – получил от Марана письмо, в котором он мне пишет, что “великий долг его жизни” исполнен, и что “Книга о джунглях” – готова и будет мне прислана в ближайшее время в рукописи с правом авторизованного ее перевода»; кроме того, Горлин сообщал, что Маран подготовил для издательства «Albin Michel» книгу «Африканские новеллы», которая производит «необычайно сильное впечатление» (анонимное [А.Н.Горлин, авторство установлено по содержанию текста], без даты <1933> предложение издать в русском переводе «Книгу о джунглях» и «Африканские новеллы» Ренэ Марана). Однако А.А.Смирнов

в рецензии на первую книгу, сборник негритянских легенд и сказок, собранных и прокомментированных Мараном, сообщил, что «они производят впечатление литературной аранжировки, лишающей их ценности как документа и к тому же по методу своему довольно дискуссионной. С другой стороны, и как “новотворчество” на тему африканского фольклора произведение это не обладает какими-либо крупными художественными достоинствами. Наконец, этнографический и фольклористический комментарий, которым автор перемежает самые тексты, очень далек от современных научных установок в этой области. В виду всего сказанного издание этой книги представляется мне нецелесообразным» (внутр. отзыв А.А.Смирнова, 13 декабря 1933 на: *René Maran. Légendes de l'Oubungui-Chari*; Протокол ред. совещания, 27 декабря 1933).

Тот же А.Н. Горлин в 1933 году настойчиво предлагал «Времени» перевести давний уже роман недавно умершего колумбийского писателя Хосе Эустасио Ривера (1889–1928) «Пучина» («*La vorágine*», 1924): «Когда латиноамериканцы хотят блеснуть своими достижениями в области художественной литературы и назвать несколько бесспорных произведений, одними из первых они называют “Пучину” недавно скончавшегося колумбийского писателя Риверы. /.../ Только “невыгодностью” ознакомить широкого читателя с этой книгой можно объяснить то обстоятельство, что она до сих пор не переведена ни на один европейский язык. Это, конечно, не может иметь значения у нас, и книга Риверы должна быть у нас переведена. Пучина – это девственные сивльасы (так!), на сотни тысяч километров тянущийся лес, где бразильские и колумбийские промышленники добывают каучук. Роман построен, как жизнеописание “каучеро”, добывателя каучука, который попадает в лес, работает там до полного изнеможения, в совершенно невероятных условиях и, в конце концов, погибает – редко кому из работников удастся вырваться из этого леса. Совершенно исключительные природные условия: болота, лихорадка, хищные звери, непроходимые леса, отсутствие средств передвижения и т.д. сочетаются здесь с еще более тяжелыми социальными условиями труда: полная зависимость от хозяина, кабала, из которой никак нельзя вылезти, отсутствие каких бы то ни было законов <...> и т.д. Картина получается до того жуткая, что критика не находит иных параллелей для этой книги, кроме “Ада” Данте и “Мертвого Дома” Достоевского. Книга является одним из лучших свидетельств рабского труда в так называемом демократическом государстве, и недаром либеральная критика встретила ее, как новую “Хижину дяди Тома”, которая должна способствовать освобождению рабов каучука. /.../ Книгу надо перевести, снабдив предисловием осведомительного характера, не столько о романе, который сам говорит за себя, сколько об интернациональном значении поднятых в нем вопросов” (недатированный

<1933> анонимный отзыв [авторство А.Н.Горлина определено по почерку в рукописных исправлениях и особенностям пишущей машинки] на: *Jose Eustasio Rivera. La Voragine*), – однако А.А.Смирнов его отверг, сообщив, что «довольно любопытный в бытовом и этнографическом отношении. Содержит картину полной приключений жизни героя в пампасах Южной Африки, кончающейся его гибелью. На этом фоне разворачивается любовная история с пылкой ревностью, конфликтом чувств и т.п. Несмотря на хороший язык и фабульную занимательность, психологический анализ переживаний героев довольно примитивен и поверхностен, а социальная значимость романа близка к нулю» (внутр. отзыв А.А.Смирнова, 6 апреля 1933; роман вышел по-русски в Голситиздате в переводе Б.Н.Загорского в 1935 году).¹³⁹

В начале 1930-х во «Времени», в отличие от середины 1920-х, плохо шла современная американская литература с ее темой послевоенного «потерянного поколения» вне проблематики фашизма. А.А.Франковский отсоветовал переводить роман Хемингуэя «И восходит солнце» ("The Sun Also Rises", 1926), заглавие которого он перевел «Солнце значит восходит», прочтя вероятно «also» как немецкое «al so»: «Гемингвей большой художник, мастер диалога и книга читается очень легко, но все внешние достоинства книги не искупают пустоты ее содержания, и перевода она не заслуживает» (внутр. отзыв А.А. Франковского, 3 марта 1934) и невысоко оценил новый роман «Энн Викерс» («Ann Vickers», 1933) популярного в советской России автора социологических романов Синклера Льюиса, показывающий широкую панораму американской жизни последних двух десятилетий с точки зрения женщины, самостоятельно ищущей свой путь в жизни – ее последовательные занятия борьбой за женское равноправие, буржуазной благотворительностью, психологией, криминологией, реформированием тюрем и наконец, после ряда неудач, финальную идиллию личной жизни (внутр. отзыв А. Франковского, 7 апреля 1934), хотя роман был рекомендован американистом Абелем Исааковичем Старцевым, сотрудником Комакадемии, как «очень значительное и симптоматическое явление современной буржуазной литературы» (А. Старцев, недат. отзыв <1934> на роман Синклера Льюиса «Энн Викерс»).¹⁴⁰

¹³⁹ Отклонено было и третье предложение А.Н. Горлина – о «выпуске сборника намеченных им драматических произведений (комедий) западных писателей», поскольку, по мнению редсовета «Времени», «предложенные пьесы различных авторов в общем не представляют из себя ничего цельного» (Протокол ред. совещания, 21 февраля 1934).

¹⁴⁰ «Большая стремительность процессов классовой борьбы и острота характерных идеологических конфликтов в САСШ позволяет американской литературе больше, чем какой-либо другой, отражать глубочайшие кризисы буржуазного сознания. Выступая в своем новом романе как художник той части мелкой буржуазии, которая не находит в себе силы порвать с капиталистическим

миром, хотя и видит всю гнилость его, С. Льюис, один из крупнейших мастеров современной американской литературы, наглядно демонстрирует всю зыбкость и всю ложность своей позиции. Нотки тревоги, горечи, социальной неустроенности, пронизывающие всю книгу, указывают на то, что и сам художник отдает себе отчет в противоречивости собственного положения. <...> Идейная эволюция героини должна, в известном смысле, быть расшифрована как объективация художником собственных исканий и поражений. Путь Энн, ее быстрое высвобождение из пут религиозных и бытовых догм буржуазного мещанства, ее превращение в эмансипированную активную и самостоятельную мелкобуржуазную интеллигентку, ее опыт общественной деятельности и упорной, хотя и умеренной, борьбы на одном из главнейших участков буржуазной цивилизации и, наконец, ее сдача, бегство и обретение личного счастья в браке и материнстве – таково содержание романа. Этот конец, якобы “счастливый”, вопиюще не разрешает скрытых в книге противоречий. Он, по сущности своей, пессимистичен, ибо его пошлость дает почти осязательно почувствовать преграды, мешающие художнику дать полноценное завершение романа: протест автора не носит революционного характера, он нигде не ставит вопроса об уничтожении капиталистической системы. Но, оставаясь честным с самим собой, Льюис не предлагает никакого пути к улучшению этой системы, ибо не видит его. <...> Общественная деятельность Энн, описание которой занимает центральную часть романа, развивается в русле т.наз. “общественной благотворительности”. Относительно частной благотворительности, филантропии, автор не колеблется высказывать резкое суждение. Он с большой сатирической силой живописует буржуазных дам-филантропок. Что же касается общественной благотворительности, то здесь и художник и его героиня воздерживаются от категорических оценок. Постоянное сомнение Энн в том, что она делает нужное дело, окрашивает весь роман. <...> Однако, практическая помощь нуждающимся, профессиональная неудовлетворенность вещами, как они есть, все же кажутся Энн Викарс и автору минимально удовлетворяющим выходом из тупика, каким рисуется им буржуазное общество. Они не скрывают от себя, что этот выход – субъективный, компромиссный и разрешающий только личные противоречия. Иного выхода в пределах буржуазного мира они не видят, а за пределы этого мира они выходить не решаются. Кульминационным пунктом общественной деятельности Энн Викарс является ее работа в тюрьме, в качестве практика-криминалиста. Почти что документальное разоблачение ужасающих условий палаческой жестокости и беззакония американской тюрьмы, совершенно исключительное в творчестве Льюиса, занимает видное место в романе. <...> Демонстрируя бессилие героини в борьбе с мощной машиной капитализма, автор сумрачно расписывается в собственном бессилии. Энн пытается сделать хоть малое дело. Она становится во главе “показательной” женской тюрьмы, содержащейся на средства частной благотворительности. Двусмысленность этого положения бросается в глаза. Его видит и автор. Защищая свою героиню от нападков “слева”, он решается на беззубые сатирические выпады против коммунистов. Но, и автор и героиня знают, что обвинения коммунистов бьют в цель. Льюис, намеренно облекая их в смешную сатирическую форму, признает однако, что Энн Викарс только безоговорочным уходом в “личное” может спастись от колющей революционной критики. Таким образом, оставив в стороне фактические обстоятельства, мотивирующие ее уход в романе, читатель не может не видеть панического бегства Энн Викарс от страшной действительности буржуазного мира. Заключительный эпизод книги, – роман Энн с судьей Дольфином, ловким политиканом, которого Льюис откровенно идеализирует, – претендует на глубокую трактовку “женской психологии”.

Из не-европейских авторов предполагалось дать (в переводе с арабского языка) повесть современного египетского писателя Тага-Хусейна «Дни», «разоблачающую темные стороны мелко-буржуазного быта туземцев Северной Африки» (Объяснительная записка к ред. плану на 1934 г.), что отвечало политическим модам дням (в эти годы в ГИХЛе во множестве издавались египетские и турецкие авторы) ,однако никаких следов работы над этим переводом в архиве «Времени» не сохранилось.

«Буржуазные писатели Запада XIX и начала XX века» – «революционеры в области художественного слова»

Если в выборе «современных революционных писателей» доминировала их идеологическая приемлемость, то «из числа умерших иностранных писателей Издательство выпускает тех, которые, занимая политически не враждебные нам позиции, зарекомендовали себя наиболее выдающимися мастерами и наиболее решительными революционерами в области художественного слова. Таковы – Стендаль, Марсель Пруст, Шарль Луи Филипп, американский романист *Генри Джемс* (настоятельно рекомендованный Издательству А.В.ЛУНАЧАРСКИМ) и др.)» (Объяснительная записка к ред. плану на 1934 г.).

Стендаль

Из начатого «Временем» собрания сочинений Стендаля под общей редакцией А.А.Смирнова и Б.Г.Реизова, со вступительной статьей В.А.Десницкого издательство успело выпустить в 1933 году только шестой том, в который вошли «Анри Брюлар» в переводе Бориса Григорьевича Реизова и «Воспоминания эгоиста» и «Автобиографические заметки» в переводе Василия Леонидовича Комаровича.

Выпуск первых двух томов полного собрания сочинений Стендаля значился в редакционном плане «Времени» на 1932 год – вероятно, этот проект возник под влиянием молодого литературоведа Б.Г. Реизова, как раз в 1932 году перебравшегося в Ленинград из Ростова-на-Дону, где в 1928 году отдельной книгой вышла первая из его многочисленных работ о

После нескольких неудачных романов, Энн находит равного себе мужчину и превращается в самку. <...> С грустью показывает он [Льюис] ее неудачу. Он знает, что существует другой путь борьбы, более действительный, но ограниченность Энн Виккерс есть ограниченность самого Синклера Льюиса, а ее поражение есть и его поражение.<...> Советский читатель легко разберется в ясных для него противоречиях книги Льюиса. <...> “Энн Виккерс” следует издать, снабдив предисловием и, быть может, сделав некоторые купюры» (А. Старцев, недат. отзыв <1934> на роман Синклера Льюиса «Энн Викерс», на бланке Комакадемии).

Стендале (*Реизов Б.Г. Эстетика Стендаля. Ростов-Дон, 1928 (Оттиск из «Известий Северо-Кавказского Государственного Университета. Т. I (XIII). 1928»).*

Луначарский письмом из Венеции одобрил этот пункт редакционного плана: «Стендаль очень подходит», – но предупредил, что «многое <...> будет издавать “Academia”». «Время» обратилось к издательству «Academia» и получило ответ, что «Издательство “Академия” не возражает против издания сочинений Стендаля в Вашем издании» («Academia» «Времени», 9 июня 1932); через пол-года, когда до «Времени» дошли слухи (оказавшиеся неверными), что «Academia» все же собирается издавать Стендаля, «Время» в письме (которое, как помечено на нем, было решено не передавать по назначению) подробно изложило проделанную им к началу 1933 года работу: «<...> издание включено нами в наш план, что согласовано с соответствующими организациями и нами произведена уже большая работа над этим изданием. Выписано из-за границы новейшее, научно проверенное издание сочинений Стендаля,¹⁴¹ разработана подробная программа издания в 15 томах, пишутся предисловия к нему и переводится первоочередной том (“Анри Брюлар”»)» (письмо «Времени» в «Academia», 3 января 1933).

Велась работа над подготовкой перевода «Пармской обители» (в документах «Времени» заглавие романа переводится ближе по звучанию к французскому оригиналу, «La chartreuse de Parme» – «Пармская чартоза»): были заключены договоры с Петром Константиновичем Губером на переиздание его перевода, вышедшего во «Всемирной литературе» в 1923 г. под названием «Пармский монастырь» (договор от 15 ноября 1933) и с Марией Евгеньевной Левберг на перевод части романа (договор от 10 декабря 1933), а также с Б.Г. Реизовым на написание вступительной статьи (договор от 2 декабря 1933 г., срок – 25 декабря 1933). Кроме того, для этого (второго) тома собрания сочинений был заключен договор (от 25 мая 1934 г.) с картографом Иваном Филипповичем Филипповым, который уступал Издательству авторское право на исполненную и отгравированную им на камне трехкрасочную карту Северной Италии и брал на себя наблюдение за тиснением пробы (в срок не позднее 15 июня 1934 г.). Том был вероятно «Временем» полностью подготовлен, поскольку вышел сразу после закрытия издательства, в 1934 году, в «Гослитиздате», который (позже – «Худлит») и продолжил выпуск издания с прежним, сформированным еще «Временем», составом участников. Во «Времени» в 1933-34 годах были в значительной части также подготовлены 7, 8, 10 и 11-й тома «гослитиздатовского» собрания

¹⁴¹ Кроме того, на редакционном совещании 19 октября 1933 г. А.А. Франковский сообщил о выходе в свет во Франции двух томов Стендаля в издании Мартино, и было решено озаботиться выпиской из-за границы этого издания (Протокол редакционного совещания, 19 октября 1933).

сочинений Стендаля, вышедшие в 1935-36 годах.¹⁴²

Издательство также планировало выполнить новый перевод «Красного и черного» – вначале было решено поручить перевод А. Ахматовой (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933 г.), потом – [Василию Васильевичу?] Гиппиусу (Протокол ред. совещания, 14 ноября 1933), однако следов этих переводов в архиве не сохранилось, а в первом томе «гослитиздатовского» собрания сочинений, вышедшем в 1937 г., помещен перевод А.А.Смирнова.

Таким образом, известное 15-томное собрание сочинений Стендаля под редакцией Б.Г.Реизова и А.А.Смирнова, выходявшее в 1933 – 1949 гг., обязано своим появлением издательству «Время».

Марсель Пруст

«Время» планировало выпустить собрание сочинений Пруста, начав с 1-го тома, «В поисках за утраченным временем. В сторону Свана» в переводе А.А.Франковского (ранее выходявшем в 1927 году в «Academia»), который и появился во «Времени» в 1934 году с предисловием А.В.Луначарского и в оформлении Ю.Д.Скалдина.¹⁴³

¹⁴² Договор на перевод книги Стендаля «О любви» (7 том, пер. М.Е.Левберг и П. Губера) был заключен «Временем» с М.Е.Левберг (10 декабря 1933 г.) и с А.А. Смирновым на редакторский просмотр (договор от 1 июля 1934, срок не позднее 1 ноября 1934), предисловие должен был написать Б.Г.Реизов (Протокол ред. совещания, 27 мая 1934). Перевод «Истории живописи в Италии» (8 том, пер. В.Л.Комаровича) был поручен Василию Леонидовичу Комаровичу также «Временем» (договор от 20 октября 1933 г.), как и составление алфавитного указателя собственных имен к книге (договор от 20 июня 1934, срок исполнения – 15 августа 1934). Редактура перевода возлагалась на А.А.Смирнова (договор от 1 июля 1934; срок – 1 сентября 1934; Протокол ред. совещания, 27 мая 1934), примечания – на Б.Г.Реизова (срок 15 августа 1934; Протокол ред. совещания, 27 мая 1934), а предисловие первоначально планировалось заказать А.К.Дживилегову (срок – 20 августа 1934; Протокол ред. совещания, 27 мая 1934), а после его отказа – Б.Г.Реизову (Протокол ред. совещания, 28 июня 1934 г.). Договор на перевод «Жизни Россини» (10 том) был подписан «Временем» с М.А.Кузминым (8 декабря 1933) – в вышедшем в 1936 г. гослитиздатовском томе недавно умершему Кузмину был приписан в соавторы Иннокентий Оксенов. Договор на перевод и примечания к книге «Рим. Неаполь. Флоренция» (11 том) с Борисом Михайловичем Энгельгартом был заключен «Временем» 1 июля 1934 со сроком сдачи по частям, к 1 сентября и 1 ноября 1934 и 1 января 1935 г.

¹⁴³ Еще на заре существования издательства «Время» Николай Шульговский рецензировал книгу Пруста «Утехи и дни» («Les plaisirs et les jours». Paris, 1924), но отсоветовал ее издавать: на: «Эта книга не может рассчитывать на успех у нас, раз в публике не идут рассказы вообще. А это даже не рассказы, а скорее отдельные психологические очерки, которые у нас покажутся чрезвычайно скучными. <...> Есть поэзия, есть красота стиля. Но общее впечатление каких-то фрагментов, чего-то подготовительного, отчасти этюдного. Недаром автор подчеркивает датами, что все

Предисловие Луначарского вероятно призвано было дать изданию властную легитимацию, собственно же научное предисловие было вначале заказано Евгении Львовне Гальпериной к февралю 1934 г. (Протокол ред. совещания, 17 января 1934; предварительный договор с ней от 1 февраля 1934 года), однако вероятно представлено оно не было (в это время Гальпериной была написана статья о Прусте для «старой» Литературной энциклопедии, 1935) и вскоре было решено «поговорить с тов. Соллертинским» о предисловии (Протокол ред. совещания, 27 мая 1934) – в результате том вышел только с предисловием Луначарского.

Перевод второго тома эпопеи, «Под сенью девушек в цвету» (который в издании «Academia» был переведен Б.А.Грифцовым), заказанный «Временем» Андрею Венедиктовичу Федорову (Протокол ред. совещания, 14 ноября 1933 года; договор с переводчиком от 20 ноября 1933 года, срок сдачи перевода по частям к 20 марта, 20 мая и 20 июля 1934), был вероятно в значительной степени выполнен им именно в рамках его сотрудничества со «Временем» (на редакционном совещании 27 мая 1934 года отмечалось, что перевод может быть закончен уже к четвертому кварталу 1934 года), однако вышел уже после закрытия «Времени» в 1935 году в «Худлите», в том же оформлении Ю.Д.Скалдина. Таким образом, известное 4-томное издание «В поисках за утраченным временем», законченное в 1935-1938 гг. государственными издательствами (тт. 2-3 «Худлитом», т. 4 «Гослитиздатом») наполовину было подготовлено помимо них: перевод первого тома был выполнен А.А.Франковским для «Academia» и поправлен для «Времени»; перевод второго тома был заказан знаменитому в будущем переводчику и теоретику перевода А.В.Федорову (начавшему сотрудничать еще с «Academia», где он переводил А. де Мюссе) и практически полностью изготовлен также в рамках «Времени».

Генри Джемс

Неосуществленный замысел издания Генри Джемса возник во «Времени» по совету А.В.Луначарского: получив в конце 1931 года присланный ему на подпись редакционный план издательства на 1932 год, Луначарский, из Венеции, высказал свое мнение: «Только мне кажется, что Мопассана совсем недавно издавали. Даже с большим моим предисловием. Стендаль очень подходит. <...> Харди меня не увлекает, но

это, изданное в 1924 году, было написано в 1894. В стиле чувствуется своеобразность будущего Пруса (так!), но, по правде сказать, в этих очерках его стиль гораздо менее тяжел, чем в последующих произведениях. Здесь еще близок Мопассан, манера которого чувствуется, если откинуть диалогический элемент» (внутр. отзыв Н.Шульговского, 25 ноября 1924 г.)

я не возражаю. Из англичан очень интересен был бы Джемс. Его у нас не знают, а он крупнейший писатель поколения Харди». «Время», для которого Луначарский, ставший с 4 мая 1931 года председателем издательского редсовета, был еще одним – правда не очень надежным и оказавшимся кратковременным (Луначарский вскоре после этого редакционного заседания выехал за границу для лечения, где и скончался в конце 1933 года) – источником легитимации (предисловия Луначарского к первым томам собраний сочинений Марселя Пруста и Андре Жида особо упоминались в справке о «политической физиономии» издательства 1933 года), постаралось учесть все его указания: «выкинули Мопассана и Харди и включили Джемса» («Время» Луначарскому, 16 ноября 1931).

Впрочем, издание Генри Джеймса, «настоятельно рекомендованного» Луначарским, несмотря на предпринятые «Временем» усилия, так и не состоялось: на редакционном заседании 1 октября 1933 года было решено «озаботиться выпиской из-за границы полного собрания сочинений Джемса». Вскоре А.А.Франковский докладывал, что «из 63 творений Джемса налицо имеется только 4 (преимущественно путевые заметки). Главная масса его произведений – романы, написанные между 1870-1916 г.» – было решено составить «список подходящих для издания романов и выписать их из-за границы», отведя Джеймсу первое место в плане (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933), куда, на 1933 год, были поставлены первые два тома полного собрания сочинений Генри Джеймса под редакторским присмотром А.А. Франковского. В объяснительной записке к тематическому плану на 1934 год Издательство вновь сообщало, что «из американцев намечен Генри Джемс, никогда не переводившийся на русский язык [это не совсем верно – несколько рассказов и повестей Генри Джеймса вышли в 1882-1889 гг. в «Вестнике Европы» – М.М.], крупный романист, ученик Флобера и Мопассана, внесший много нового в реалистически-психологический роман. Этот автор особенно горячо рекомендован Издательству тов. А. В. Луначарским». Однако следов работы над этим предложением Луначарского в архиве «Времени» нет – вероятно, издательству не удалось достать книги для перевода.

Шарль-Луи Филипп

Идея издания собрания сочинений Шарля-Луи Филиппа (1874–1909) вероятно отчасти принадлежала А.А.Смирнову: на редакционном совещании 19 октября 1933 года он сделал сообщение об этом писателе: «Писатель эпохи Бурже и Жида, реалист-натуралист с народническим уклоном. Заметно влияние Достоевского. Рисует маленьких людей. Чужд филантропического подхода. Умер молодым в 1909 году. Получил известность в течение последних 15 лет. Оставил после себя 10 творений», на основании которого было решено «включить ориентировочно в план

издание 2-х томов – 1 том рассказов и 1 роман» (Протокол ред. совещания, 19 октября 1933).

Однако когда «Время» писало, что Филипп «почти совершенно неизвестен нашим широким читательским массам» («Время» Роллану, 2 января 1934), «ни житейской, ни литературной его судьбы, ни его места в Пантеоне французских писателей никто у нас не знает» (Время А. Жиду, 23 апреля 1934), это было неверно: рано умерший Шарль-Луи Филипп, выходец из социальных низов и певец «униженных и оскорбленных», неоднократно переводился в Советской России в 1920-е гг., в том числе в популярных «Универсальной библиотечке» ГИЗа и «Библиотеке “Огонька”», в нескольких разных русских переводах вышли его романы «Биби с Монпарнаса», «Дядюшка Пердри», «Мари Донадь», «Шарль Бланшар», повесть «Мать и дитя», несколько сборников рассказов. Новизна замысла «Времени» заключалась в решении выпустить более полное и фундаментальное издание. Первоначально речь шла об избранном в двух томах (Протокол ред. совещания, 19 окт. 1933), однако уже в тематический план 1934 года было включено пятитомное собрание Филиппа. Выпуск его начался с конца, с четвертого и пятого томов, которые вышли в 1934 г. под редакцией А.А.Смирнова: в четвертый том вошли «Утренние рассказы» (см. внутр. рец. А.А.Смирнова от 13 дек. 1933) в переводе Льва Самойловича Утевского (договор с ним от 16 ноября 1933), в пятый – роман «В маленьком городке» в переводе Сергея Александровича Полякова (договор с ним от 15 ноября 1933). Общее художественное оформление сделал Ю.Д. Скалдин (договор от 3 января 1934), фронтисписы – Е.А.Кибрик (договор от 10 апреля 1934 г.).

Вероятно, выход первого тома собрания сочинений Филиппа был отложен в связи с тем, что «Время» искало для него веское предисловие и фотографию писателя: вначале издательство, решив, что Филипп – «соратник Роллана в конце 90-х и начале 900-х годов» (Объяснительная записка к тематическому плану на 1934 год) и они были связаны «принадлежностью к одному и тому же общественно-литературному кружку, группировавшемуся в свое время вокруг Пеги» («Время» Роллану, 2 января 1934), обратилось к Роллану с просьбой о предисловии – Роллан однако ответил, что с Филиппом никогда не был знаком и не встречался и к «Cahiers de la quinzaine» и Пеги отношения не имел, и посоветовал «Времени» обратиться к Андре Жиду, который «много сделал для продвижения Филиппа в печать» (Роллан «Времени», 19 января 1934). Жид в ответ на просьбу издательства («Время» Жиду, 23 апреля 1934) охотно разрешил воспроизвести в качестве предисловия свою речь, которую он посвятил Филиппу в 1910 году, а также посоветовал ознакомиться со страницами своего дневника, написанными под впечатлением от смерти Филиппа, опубликованными в книге «Nouveaux Pretextes»; что до портрета Филиппа, Жид посоветовал взять тот, что был

помещен на заглавной странице номера «Nouvelle Revue Française», посвященного памяти писателя. Все эти материалы писатель обещал доставить «Времени» (Жид «Времени», 7 мая 1934) и уже на следующий день сообщил, что Андре Мальро по его просьбе должен был выслать им (вероятно, по линии МОРП) 6-ой том французского собрания сочинений Жида, в котором опубликована упоминавшаяся его речь о Шарле Луи-Филиппе; что же касается портрета, то Мальро, по словам Жида, обещал в ближайшее время сделать и отправить в издательство репродукцию с него (Жид «Времени», 8 мая 1934). Через два месяца «Время» с благодарностью сообщало Жиду о получении всех материалов: «Портрет Шарля-Луи Филиппа очень интересен. Он украсит 1 том его сочинений, в котором будет помещена ваша статья, посвященная ему, вместе с добавлениями, которые вы нам даете» («Время» Жиду, 5 июля 1934).

К этому времени были уже заключены договоры на переводы других романов и повестей Филиппа, «Шарль Бланшар» и «Мать и дитя» (договоры с Д.Г.Лившиц от 25 июня 1934 и 29 дек. 1933), «Бюбю с Монпарнаса» (см. анонимный внутр. отзыв на него Г. П. Блока (авторство установлено по почерку), 1 ноября 1933; договор на перевод с Л.С. Утевским от 11 апреля 1934) и «Мари Донадье» (договор на перевод с Л.С. Утевским от 15 июля 1934), – все под редакцией А.А.Смирнова (договор от 1 июля 1934) и вероятно сделана основная часть работы: Гослитиздат, продолживший начатое «Временем» издание Филиппа (вступительная статья Жида в первом томе впрочем была заменена дежурным предисловием Н.Я.Рыковой) под редакцией того же А.А.Смирнова напечатал все эти переводы в первом-втором томах своего издания (исключение составил перевод «Мари Донадье», помещенный в 3 томе (1935 г.), который был выполнен не Л.С. Утевским, с которым заключило договор «Время», а Л.Я.Гуревич под ред. А.В.Федорова – вероятно, Гослитиздат воспользовался переводом, вышедшим еще в 1926 г. в ГИЗе; аналогичным образом гослитиздатовский перевод «Дядюшки Пердри» Л.М.Вайсенберга под ред. Н.Я.Рыковой (Т. 7, 1936), был обработкой перевода, вышедшего в ГИЗе в 1925).

* * *

Судя по широко запланированному «Временем» собранию сочинений Стендаля, а также Ш.-Л. Филиппа, издательство перед своим закрытием начало разрабатывать новое направление – издание классики иностранной литературы в новых переводах, для чего у «Времени», для которого стали работать расставшиеся с переехавшей в Москву «Academia» ленинградские переводчики А.Франковский, А.Смирнов, М.Лозинский, а также его давний сотрудник В.А.Зоргенфрей, были все возможности. Подтверждением тому, что «Время» собиралось переводить западно-европейскую классику, служит то, что только на одном редакционном

совещании 5 ноября 1933 года было принято решение выпустить в связи со столетним юбилеем Гете его драму «Торквато Тассо» в переводе В. А. Зоргенфрея и принять к изданию «Антологию французской поэзии за 100 лет» Бенедикта Лившица (Протокол ред. совещания, 5 ноября 1933). Антология была подготовлена Лившицем в декабре 1930 года для «Academia» и дорабатывалась в 1931 году по замечаниям Луначарского (указано в комм. П.М.Нерлера в: Лившиц 1989, 583–584); вероятно, в связи с переменами в «Academia» Луначарский, став председателем редакционного совета «Времени», «пристроил» туда Лившица – книга переводов «От романтиков до сюрреалистов. Антология французской поэзии» с предисловием В. Саянова и примечаниями Н.Я.Рыковой вышла во «Времени» в 1934 году (позже переиздана в значительно расширенном виде: *Лившиц Б.* Французские лирики XIX и XX вв. Л.: Гослитиздат, 1937). Подготовка в выпуску сделанного В.Зоргенфреем перевода «Торквато Тассо» также велась во «Времени»: 15 апреля 1934 года издательством был заключен договор (в архиве сохранился его машинописный экземпляр без подписей сторон) с Л.Д.Блок, в качестве наследницы А.А.Блока, на право использовать при выпуске драмы Гете «Торквато Тассо» в переводе В.А.Зоргенфрея редакторские поправки, внесенные в этот перевод А.А.Блоком (очевидно, во «Всемирной литературе»), и обозначить на титульном листе его имя как редактора перевода, за что ей было заплачено 300 р. Однако книга вышла уже не во «Времени», а в ленинградском отделении «Художественной литературы» (*Гете И. В.* Торквато Тассо. Пер. В.А. Зоргенфрея. Вступ. статья и прим. В.Г.Адмони. Л.: Худ.лит., 1935).

На том же редакционном заседании 5 ноября 1933 года были рассмотрены и отвергнуты предложенные М.Л.Лозинским готовые переводы «Кольца Поликрата», «Оды к радости» и «Боев Греции» Ф. Шиллера: «Отдельное издание признается нежелательным ввиду его незначительного размера» (Протокол ред. совещания, 5 ноября 1933), и отложено рассмотрение вопроса об издании переводов поэтических произведений иностранных писателей (Там же). Кроме того, было принято решение выпустить в 1934 году предложенный А.А.Морозовым «сборник сатирических новелл немецких писателей довоенного и послевоенного времени», снабдив его «карикатурами и вступительной статьей т. Радека» (Там же).

На последнем перед закрытием заседании редсовета «Времени» (протокол которого сохранился в архиве) 28 июня 1934 года была принята к изданию совершенно новая серия, для работы над которой Г. П. Блок привлек будущего известного филолога-компаративиста Михаила Павловича Алексеева – серия избранных мемуаров иностранцев о России (Россика) (Протокол ред. совещания, 28 июня 1934), которая должна была иметь историко-литературную ориентацию: предполагалось выпускать не

только целые мемуарные произведения, но и сборники, объединявшие фрагменты разных текстов – монтажи, ориентированные на определенную задачу, как предложил Г. П. Блок, «выдержки из различных мемуаров относящихся к одной эпохе или к одному определенному историческому событию» (М.П.Алексеев; Там же). Вероятно, этот нереализованный проект – свидетельство того, что «Время» планировало вернуться изданию мемуаров, входивших в его программу в начале 1920-х и изъятых из нее при типизации в 1925 г., однако на этот раз не отечественных и не посвященных недавнему прошлому, а более «безопасных» исторических и иностранных. В конце 1933 года рассматривалось предложение Владимира Николаевича Княжнина (Ивойлова) подготовить перевод полного текста знаменитых мемуаров лифляндца Ленца, прожившего в России около 50 лет в период с 1833 по 1883 год (отрывок из них в русском переводе публиковался в «Русском Архиве» в 1878 году). В.А.Зоргенфрей считал «мемуары эти заслуживающими серьезного внимания, как в связи с рядом исторических лиц, с которыми автору, пришлось встретиться, так и по объективности изложения», после чего руководство издательства обсуждало общий вопрос о включении мемуарной литературы в новую издательскую программу: «Н.А.Энгель задается вопросом о том, входит ли издание мемуаров в программу Издательства. А.А.Смирнов предлагает обсудить вопрос о целесообразности издания такого рода литературы» (Протокол ред. совещания, 27 декабря 1933). Через два месяца приглашенный на редакционное заседание В.Н.Княжнин докладывал о предложенных им для издания «Воспоминаниях Ленца»: «Объем 16 листов, из коих 11 листов в его Б.Н.Княжнина переводе, а 5 листов под его редакцией», было решено книгу «принять к изданию», перевод и редактуру, а также написание биографического очерка и примечаний к книге поручить В.Н.Княжнину (Протокол ред. совещания, 26 января 1934 г.; договор с В.Н.Княжниным от 23 февраля 1934 г.), однако книга эта не увидела света.

Заключение: История

21 июля 1934 года постановлением СНК РСФСР «Об издании художественной литературы» для «устранения параллелизма в издательской работе» было создано единое Государственное издательство художественной литературы при Совнарком РСФСР (Гослитиздат), на основе объединения ГИХЛ, в которое были влиты издательства «Мир» и «Время», с издательством «Советская литература». Официально «Время» прекратило свое существование 1 августа 1934 г., о чем Г. П. Блок в тот же день деловито сообщил сотрудничавшему с издательством М. Кузмину: «с сегодняшнего дня Издательство “Время” уже не существует, и все

имущество его передано вновь образованному Гос<ударственному> Издательству Худ <ожественной> Литературы» (РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 117, л. 1а, цит. по: Морев 2007, 277), 17 августа М.А.Кузмин записал в дневнике: «Во “Времени” бодрятся и бойко ликвидируют дела» (Кузмин 2007, 89).

Вероятно, сотрудники «Времени», которым удалось уже пережить ликвидацию частно-кооперативного книгоиздания и негласное решение о закрытии своего издательства в 1927-29 гг., а также радикальные перемены в его руководстве в 1930-31 гг., готовились одновременно как к положительным, так и отрицательным переменам. Весной 1934 года Н.А.Энгель, новый глава издательства и опытный руководитель издательских и цензурных органов, сочинил ходатайство о сохранении «Времени» как «самостоятельной издательской единицы кооперативной структуры» и даже об изъятии его из неудобного ведения Ленпромгосиздата, а также о признании государственной общественно-политической значимости издательства, поскольку «для выпуска некоторых современных иностранных авторов Издательство “Время”, как организация общественная, политически более удобна, чем фирма государственная», и в связи с этим предлагал расширить редплан издательства, соответственно увеличить отпуск бумаги и закрепить за «Временем» «подобающее его значению место в одном из Ленинградских полиграфпредприятий, зарекомендовавших себя высоким качеством продукции» (Энгель Н.А. [Справка о деятельности кооперативного издательства «Время» в Ленинграде], 7 мая 1934). Ориентируясь на возможность благоприятных перемен в своей судьбе, издательство вплоть до середины лета 1934 года разрабатывало новые редакционные планы и заключало договоры с авторами, редакторами, переводчиками и художниками на конец 1934-го и 1935 год, собираясь продолжать работу над собраниями сочинений Стендаля, А. Жида, Т. Манна, Б. Келлермана, готовить новую серию «Россика». Одновременно опытные сотрудники издательства вероятно заранее готовились и к тому, что издательство может быть в любой момент декретивно ликвидировано, о чем свидетельствует поразительная скорость передачи огромного архива издательства в Рукописный отдел Пушкинского Дома: 1 августа 1934 года издательство было закрыто, а уже 29 августа Г. П. Блок и Н.А.Энгель сдали архив в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Однако возникает вопрос, можно ли считать сдачу в архив последним актом в истории «Времени», и можно ли вообще говорить о том, что его культурная история завершилась в 1934 году – и, соответственно, как нам ее описывать? В начале настоящей работы мы характеризовали архив «Времени» как настойчивое и сознательное историческое сообщение, имеющее конкретного адресанта – Г. П. Блока, представляющее историю издательства как законченный сюжет и передающее мысль о важном

культурном значении деятельности издательства, финальным событием которой является сохранение архива в Пушкинском Доме.

Однако тот же Г.П. Блок в автобиографии, написанной в конце 1950-х годов для Института Лингвистических Исследований (ИЛИ) в Ленинграде, где он завершил свою ученую карьеру, назвал лучшими достижениями «Времени» «широко известную научно-популярную серию “Занимательная наука”, полное собрание сочинений Ромэна Роллана, авторизованное автором и выходявшее при чрезвычайно активном его участии, и полное собрание сочинений Стендаля, которое ещё недавно было охарактеризовано в нашей печати как “лучшее не только в СССР, но и за рубежом научно-критическое издание его произведений” (“Литературная газета”, №101/3757 от 22 августа 1957 г.)» (Г. Блок. Автобиография // <http://iling.nw.ru/pdf/liudi/blok.html>). Здесь, резюмируя смысл существования «Времени» через двадцать лет после его закрытия, Г. П. Блок становится как будто на «объективную» точку зрения, выделяя издания, связанные с крупными литературными именами. Однако странным и значимым выглядит в этом ряду упоминание собрания сочинений Стендаля, из которого «Время» успело выпустить только один том. Получается, что в качестве ключевых для смысла истории «Времени» Г. П. Блок выделяет только те издательские проекты, которые, будучи начаты или разработаны во «Времени», были продолжены после его закрытия государственными издательствами (выпущенные «Временем» книги серии «Занимательная наука» продолжали переиздаваться государственными издательствами с использованием фирменного оформления «Времени»; издание Роллана было завершено после закрытия «Времени» Гослитиздатом). Таким образом теперь в качестве доминанты смысла культурной истории «Времени» Г. П. Блок постулирует ее продолженность, непрерывность (заменяя ясное определение из своего письма Кузмину 1934 года: издательство «уже не существует, и все имущество его передано» государственному издательству, советским официальным эвфемизмом «влито в Гослитиздат»), а тем самым и культурную и социальную непрерывность собственной биографии, неразрывно связанной с издательством, которому он «отдал 12 лет жизни»: «В 1934 г. наше издательство было влито в Гослитиздат, с которым я установил связь, но уже не служебную, а договорную» (Г. Блок. Автобиография // <http://iling.nw.ru/pdf/liudi/blok.html>).

В 1934 г. отправной точкой для взгляда Г. П. Блока на историю издательства является свежий факт закрытия этого созданного в большой степени его личным вкусом, трудом, ответственностью института и ощущаемая им, как человеком с острым чувством истории и пониманием смысла архива, «обязанность <...> умереть так, чтобы им [следующим поколениям] не потребовалось столетиями дожидаться новых Шамполионов» (Блок 1929, 118).

Через двадцать лет жизни при советской власти, в 1957 году, ориентиром для ретроспективного понимания Г. П. Блоком истории «Времени» служат уже другие события – вероятно, он стремится видеть ее культурно непрерывной, продолженной в работе государственных издательств, а свою собственную в нем деятельность не прерванной, а лишь перешедшей на новые, договорные отношения с официальными правопреемниками «Времени», по той не названной, но довольно очевидной причине, что в писавшейся для советского учреждения автобиографии – а прежде всего, вероятно для внутреннего обеспечения собственной более или менее благополучной встроенности в советскую жизнь и службу – Г. П. Блоку необходимо было нивелировать явно противоречащий этому пафосу культурной непрерывности факт собственного ареста и ссылки, случившийся всего через пол-года после закрытия издательства.¹⁴⁴ Эта, вторая версия культурного смысла «Времени» столь же обоснована и реальна, как и первая, и релевантна для историка, пытающегося ретроспективно понять смысл истории «Времени» как культурного института. При таком взгляде на нее бросает обратный ответ факт ареста, расстрела или по крайней мере полной перемены участи ключевых его сотрудников – И.В.Вольфсона, Г. П. Блока, Н.Н.Шульговского, Р.Ф.Куллэ, В.А.Зоргенфрея, П.К.Губера и других – имевший место вскоре после закрытия издательства.¹⁴⁵

¹⁴⁴ Георгий Петрович Блок был арестован и сослан в феврале 1935 года, на волне арестов «бывших», последовавшей в Ленинграде за убийством С.М.Кирова. Несмотря на то, что официально Г. П. Блок был реабилитирован только в марте 1945 года, вмешательство писателей, хлопотавших о нем, вероятно повлияло на облегчение его участи: уже в 1938 году Г. П. Блок был привлечен к работе над «Полным собранием сочинений» А. С. Пушкина, предпринятым Академией наук СССР (Г. П. Блок Некролог // Временник Пушкинской комиссии, 1962. С. 102, цит. по: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v63/v63-102-.htm>), где составил указатель, заменяющий реальный комментарий, к «Истории Пугачева» для 9 тома издания (вышел в 1940 г.; см. также статью Г. П. Блока «Путь в Берду (Пушкин и Шванвичи)» // Звезда. 1940. №№ 10, 11; продолжая работать над этим материалом, Г. П. Блок в 1946 г. защитил в ИМЛИ кандидатскую диссертацию «Пушкин в работе над историческими источниками», вышедшую в 1949 г. отдельной книгой). Также перед войной, в сентябре-декабре 1940 года, он работал по договору в Рукописном отделе Пушкинского Дома, где занимался разбором, систематизацией и описанием только что поступившего туда архива А.А.Блока (Краснобородейко 2005, 47); уже после смерти Г. П. Блока в посвященном А.А. Блоку 92 томе «Литературного наследия» вышла подготовленная им публикация (совм. с Н.Г.Розенблюмом) отрывков из «Дневника» М.А.Бекетовой (ЛН. Т. 92. Кн. 3. М.: Наука, 1982)).

¹⁴⁵ Илья Владимирович Вольфсон, директор «Времени» в 1922-1930 гг., энергией и средствами которого было создано издательство, вернувшись в 1935 году из ссылки, не нашел себе места в Гослитиздате, в который было влиито «Время», и вынужден был поступить на службу в государственное издательство «Химия». Поэт и стиховед Николай Николаевич Шульговский, переводчик и самый плодовитый и наивный автор внутренних рецензий для «Времени» в 1924-32 гг., фигура трагикомическая, но весьма

Однако и тот смысл истории «Времени», который был заложен Г. П. Блоком актом архивации его материалов, и тот, который он же придал ей ретроспективно, под воздействием своего последующего советского опыта, являются прежде всего личными историями самого Г. П. Блока. Если в первые год-два существования «Времени» историческая авторефлексия Г. П. Блока действительно являлась определяющим фактором издательской политики, то в течение основного срока существования издательства, в 1925-34 гг., это уже не так, и исторические «рассказы» Г. П. Блока представляют для нас прежде всего «источники, материал, который сначала должен быть проверен на свою релевантность и правдоподобие в целом, причем даже в тех редких случаях, когда отчет о намерениях, целях и мотивах был дан с полной правдивостью, ибо настоящее значение этих намерений, целей и мотивов впервые обнаруживается, когда общая ткань, в которую они вплетались, более или менее известна. Поэтому составленные самими деятелями информативные отчеты вряд ли могут тягаться по значимой полноте с историей, рассказывающейся обращенному назад взору историографа и повествователя. <...> Так что хотя истории, заслуживающие рассказа, оказываются единственными однозначно осязаемыми результатами человеческого поступка, но не деятель опознает и рассказывает историю, а рассказчик, в действии совершенно не участвовавший» (Арендт 2000, 254). Попробуем поэтому, опираясь на восстановленные нами, насколько это было возможно, личные рассказы и истории издательских проектов «Времени», пере-рассказать его историю, ее основные этапы, выявляя

характерная для того социального и культурного круга, сформировавшегося в эпоху модернизма, и не сумевшего адаптироваться к советской культуре, был арестован и умер в 1933 году, архив его был конфискован НКВД и вероятно пропал. Переводчик и литературовед Роберт Фридерикович Куллэ, с 1926 до начала 1930-х сотрудничавший со «Временем» в качестве автора внутренних рецензий, переводчика и редактора, был арестован в январе 1934 года по делу «Российской национальной партии» («Дело славистов»), приговорен к 10 годам лагерей и в 1938 г. расстрелян. Активнейший член товарищества с первых лет его существования и до последних дней Вильгельм Александрович Зоргенфрей был арестован в январе 1938 года как участник антисоветской право-троцкистской организации, в создании которой обвиняли Б. К. Лившица, также сотрудничавшего со «Временем», и расстрелян 21 сентября 1938 г. вместе с Б. Лившицем и В. Стеничем (на допросе 23 мая 1938 года Зоргенфрей, признавая свою вину, упомянул, если верить протоколу допроса, окружение, которое «способствовало поддержке и развитию во мне контрреволюционных настроений» и, в частности, Г. П. Блока; указ. в: Шнейдерман 1996: 105–106). Петр Константинович Губер, привлеченный к работе издательства в качестве автора внутренних рецензий в 1930-е годы, когда новый круг внутренних рецензентов составил из людей исключительно литературно грамотных, как А.А.Смирнов и А.А.Франковский, был арестован 26 августа 1938 года по известным статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР и приговорен 10 ноября 1939 года к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет, где и умер весной 1940 года.

ретроспективно их «настоящее значение».

«Время» было создано в 1922 году финансовыми средствами, трудом, связями, вкусом, готовностью к личному риску его основных пайщиков, И.В. Вольфсона и Г. П. Блока. С каждого выпускаемого «Временем» издания они получали определенный процент (Г. П. Блок писал Б.А.Садовскому о своих 15 %), что служило фундаментом для определяющей роли именно их (прежде всего Г. П. Блока) вкуса в формировании литературной издательской программы (официально основной программой «Времени» было заявлено издание естественно-научных книг, составлявших самостоятельный раздел в виде научной серии под руководством пайщика издательства академика А.Е.Ферсмана, однако она, после первых брошюр выдающихся советских ученых, унаследованных вероятно еще от Издательства З.И.Гржебина, выдохлась, после чего была заменена более продуманной серией «Занимательная наука»). Компромиссы, на которые шел Г. П. Блок в выборе книг, разыгрывались внутри этого культурного вкуса: он охотно издавал Зоргенфрея и Садовского, близких ему и поэтически, и через во многом определяющую для его самосознания глубокую связь с А.Блоком, и благодаря их антисемитским и антилиберальным взглядам; выпуская «Письма» В.Г. Короленко или «Воспоминания» Д.Н. Овсяннико-Куликовского, он испытывал раздражение от либерально-интеллигентской позиции их авторов, ясно осознавая при этом их культурную ценность; также и печатая шумно модного Б. Пильняка, смотрел на него со своей принципиально «несовременной» позиции в современности, оценивая его историко-литературную роль как летописца нового времени. Создатели «Времени» и круг привлеченных ими сотрудников и авторов принадлежали в основном к определенному срезу одного «поколения 1890-х», их рефлексия на это сформировавшее их личность происхождение в новых условиях советского культурного поля начала 1920-х прежде всего ориентировала издательскую продукцию «Времени» первых лет его существования. Последней, но зато «ударной» по значимости книгой этого рода стал для «Времени» «Шум времени» (1925) Осипа Мандельштама, принятый к изданию Г. П. Блоком. Достаточно очевидно, что, несмотря на весь издательский опыт и связи основателей «Времени» И.В.Вольфсона и Г. П. Блока, такая в сущности ретроспективная культурная программа должна была вскоре привести к закату издательства, как многих других, созданных в эти годы на подобных культурных основаниях.

С 1925 года однако внешние и внутренние обстоятельства существования издательства меняются – вне явной связи, но в одном русле, что приводит к разработке новой издательской стратегии. По официально принятому в 1924 году уставу члены кооперативного товарищества не имеют больше права распределять между собой

полученную прибыль, а получают только оклад и гонорары; ¹⁴⁶ тут же власть специально разъясняет кооперативным авторским товариществам, что основой их хозяйственной деятельности должно быть издание трудов своих членов, в противном случае мог быть поставлен вопрос об их «некооперативности» и принудительной ликвидации в судебном порядке. Таким образом кооперативное издательство становится не коммерческим предприятием, как отчасти было в первые годы НЭПа, а по преимуществу институтом, обеспечивающим своих сотрудников оплачиваемой профессиональной работой и социальной легитимацией. При этом издание современной художественной литературы и отечественных мемуаров становится делом ненадежным после разворачивания деятельности Главлита – особенно на фоне гораздо более безопасного и безгонорарного выпуска переводной беллетристики. И, наконец, в начале 1925 года происходит «изъятие» (арест и ссылка) Г. П. Блока, ранее единолично принимавшего редакционные решения, из руководства издательства.

Все эти внешние и внутренние причины приводят к первому резкому изменению в издательской политике «Времени» – переориентации с исключительно личного вкуса его создателей и людей общего с ними габитуса на попытку выработать компромисс между «внутренним» и «внешним» вкусами, то есть между тем культурным уровнем, который необходимо сохранить, чтобы существование издательства оставалось осмысленным профессиональным делом для его сотрудников, вкусами одновременно массового и интеллигентного читателя, а также цензурными запретами. В этот период происходит расширение круга пайщиков издательства с первоначальных четырех до десяти, в него, помимо художника Ю. Д. Скалдина и ряда видных переводчиков, входят курирующие свои научно-популярные серии Я. И. Перельман («Занимательная наука») и Г. А. Дюперрон («Физкультура и спорт»), а также возникает и быстро разворачивается институт внутренних рецензий на художественную литературу, посредством которого решение о том,

¹⁴⁶ «За свою работу члены Кооперативного Т-ва получают либо зарплату применительно к профсоюзным ставкам, либо авторский гонорар в пределах декретных норм. Распределение прибыли между членами кооперативного Т-ва по уставу не допускается и никаких дивидендов не выдается (см. § 56 Устава Т-ва). Чистая прибыль Изд-ва, за предусмотренными уставом отчислениями в основной и запасный капиталы, поступают в специальные фонды (Фонд издания заведомо бездоходных книг культурного значения, Фонд бесплатного снабжения книгами культурно-просветительных учреждений и др.), или передается на культурно-просветительные нужды различным государственным и общественным учреждениям (Литературному фонду РСФСР, Всероссийскому Союзу Писателей, Секции работников Печати Союза Работников Полигр. Произв., Пушкинскому Дому при Академии Наук СССР и т.п.» («Справка о деятельности издательства, 1929»; см. также в архиве издательства печатную брошюру «Устав Союза Ленинградских кооперативных книгоиздательств». Ленинград, 1924)

принимать ли к переводу и изданию книгу, принимается уже не единолично главным редактором (место которого в отсутствие Г. П. Блока ненадолго занял Л.С.Утевский), а кругом привлеченных сотрудников (Н.Шульговским, В.Куллэ, В. Розеншильд-Паулином и др.). Так от издания современных отечественных авторов и мемуаров о недавнем прошлом, актуальных для личного вкуса и исторической авторефлексии создателей издательства, «Время» переходит к изданию современной переводной беллетристики и научно-популярных серий «Занимательная наука» и «Физкультура и спорт».

Осмысление и учет читательского спроса – конечно необходимая составляющая деятельности издательства, и «Время» действует здесь весьма успешно: оно фактически открывает советскому читателю мгновенно ставшего исключительно модным «балканского Горького» Панаита Истрати, будущего нобелевского лауреата Роже Мартен дю Гара, переводит ряд современных романов, вводящих советского читателя 1920-х в проблематику европейской и американской послевоенной культуры, при этом переводы и оформление этих беллетристических новинок во «Времени» остаются на «довоенном» уровне; разработанные во «Времени» новаторские серии «Занимательная наука» (Я.И.Перельман) и «Физкультура и спорт» (Г.А.Дюперрон) с иллюстрациями Ю.Д.Скалдина представляют собой лучшие образцы отечественной научно-популярной литературы.

Однако если рассматривать процесс адаптации «Времени» к советскому книжному рынку, опираясь на отложившийся в архиве обширный корпус внутренних рецензий, писавшихся Н.Шульговским, Р. Куллэ, В. Розеншильд-Паулином, В. Зоргенфреем – становится видно, что стремление к невозможному компромиссу между массовым и интеллигентным вкусом и цензурностью приводит в конце концов к ориентации на усредненное, банальное чтение в роде ставшей во «Времени» нарицательной английской писательницы Оливии Уэдсли, чьи любовные романы издательство с успехом перевело и по пять – шесть раз переиздавало. Вместе с этой ведущей к краху осмысленной издательской политики тенденцией в отборе книг развивается внутренняя эволюция авторов внутренних рецензий, прежде всего Н.Н. Шульговского и Р.Ф. Куллэ: от формулировки компромиссных критериев оценки книги к попытке их внутренней рационализации, позволяющей утверждать, что «если откинуть чисто художественные требования и большую часть литературных, то можно сказать, что нет неинтересного детективно-уголовного романа, включая сюда даже уличных Пинкертонов. Разница существует лишь в степени интереса и в проценте лубка» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 3 мая 1926 г. на: *Octavus Roy Cohen. The Crimson Alibi. New York, 1919*), что можно и даже следует перевести роман, который «не слишком умен и не блещет достоинствами больших литературных

достижений автора», но «безусловно занимателен, цензурен и вполне отвечает интересам и уровню нашего среднего читателя. Я бы сказал, что это тот самый тип романа, который максимально отвечает требованиям, не раз высказывавшимся, как нормальные пожелания для подлежащего переводу произведения» (внутр. отзыв Куллэ, 21 января 1927 на: *Albert Daudistel. Wegen Trauer geschlossen* (1926); перевели как: *Даудистель Альберт*. Замкнуто по случаю траура /Пер. с нем. М. Венус. Под ред. В.А.Зоргенфрея. 1927). И далее к постепенному разрушению способности к ответственному личному суждению и выбору, что Куллэ приводит в болезненно-желчное отчаяние («Следовало бы поставить два электрических стула, без всякой жалости посадить на один автора, на другой издателя и убить, а читателю за отвагу выдать миллион долларов, если он не умрет от тоски до конца чтения»; внутр. отзыв Куллэ, 4 января 1928 на: *Pauline Smith. The Beadle*), а Шульговского – к разыгрыванию в его собственной речи шизофренических диалогов между возможными будущими оценками массового и интеллигентного читателя и цензуры, и как следствие к мучительной невозможности сделать определенный выбор: «Обдумав еще раз цензурную сторону книги, прихожу к необходимости снять с себя ответственность за уверенность в благополучном исходе. Кто знает?!» (внутр. отзыв Н. Шульговского, 21 февраля 1926 г. на: *Claude Farrère. Vêtes et gens qui s'aimèrent. Paris, 1920*). Таким образом, почти полный отказ «Времени» к 1928-29 гг. от издания современной переводной беллетристики, вынужденный внешним давлением государства, которое цензурными и экономическими запретами планомерно уничтожало частно-кооперативное книгоиздание, вошел в конвергенцию с внутренними процессами в издательстве, исчерпавшем возможности компромисса.

С 1928 года «Время», под давлением внешних и внутренних обстоятельств, вновь изменило свою издательскую стратегию, придумав оригинальный для советского книжного рынка, на котором не действовала международная Бернская конвенция по авторскому праву, ход – издание авторизованных собраний сочинений современных европейских писателей-классиков, при этом «друзей Советского Союза» – С. Цвейга и Р. Роллана; аналогичным образом в 1930-е гг. издательство готовило собрание сочинений А. Жида. Эти издания представляли собой не просто высококачественные и полные русские переводы уже изданных на языке оригинала произведений, но были ориентированы прежде всего на помещение новых, только что написанных сочинений, которые автор, по договору с издательством, присылал в рукописи или в гранках, с тем, чтобы русские переводы «Времени» выходили одновременно с оригинальными изданиями и заведомо раньше, чем в других советских издательствах; кроме того, разрабатывавшийся в контакте с автором состав томов, предоставление им специально для «Времени» написанных

предисловий, послесловий, био-библиографических справок, фотографий и иллюстративного материала, консультирование переводчиков и редакторов, – придавали этим изданиям «Времени» статус единственных на русском языке прижизненных и авторизованных изданий, и, как справедливо отмечает И.А.Шомакова, поэтому они сохраняют значение «текстологического первоисточника» (Шомакова 1968, 207).

Ангажируясь в многолетнюю работу над собранием сочинений, «Время» должно было выбирать иностранного писателя с достаточно высокой литературной репутацией и при этом одобренного советской властью и открыто ей симпатизирующего. Если в случае с Цвейгом «шикарный» стиль автора был одной из явных причин его литературного успеха, на который «Время» вполне прагматично ориентировалось, отлично понимая при этом, что многие его произведения «банальны» и «болтливы» (так охарактеризовал книгу Цвейга о Толстом во внутренней рецензии Б.М.Эйхенбаум) – и собрание сочинений, в котором отнюдь не чуждый тщеславия Цвейг был сам весьма заинтересован, шло относительно бесппроблемно, то работа над изданием Роллана – которую Г. П. Блок с полным основанием называет среди главных достижений «Времени» – если рассматривать ее как историю людей и их отношений, предстает историей компромиссов, где внутреннее поражение входит в конвергенцию с внешним государственным давлением.

Главный редактор «Времени» Г. П. Блок, ведший переписку издательства с Ролланом на французском и много сил отдавший работе над этим собранием сочинений как его организатор, переводчик и редактор, за несколько лет до того писал Б.Садовскому: «Прославленный ныне Ромэн Роллан – гуано, чтобы не сказать иначе» (письмо от 17 сентября 1922 года // Шумихин). Такое насмешливо-пренебрежительное отношение к склонному к многословному пафосу французскому классику со стороны представителей новой русской литературы характерно – так, В.Ф.Ходасевич, живя вместе с Н.Берберовой в 1924 г. в Сорренто у Горького, многолетнего корреспондента и друга Роллана, писал М.О.Гершензону: «Изнываю от зависти к Р.Роллану. Вот счастливец! Каждый месяц присылает по рукописи, преисполненной заглавных букв и прописных истин. Вопросы Человечества, Свободы, Красоты, Науки, Религии, Искусства, Знания, Духа, Гуманности, Любви, Смерти, Долга и всего прочего, а также Задачи Прошедшего, Настоящего и Будущего трактуются с необыкновенною Широтою и Фанфаронством. Каждые две недели присылает он Горькому по письму, в котором, захлебываясь от саморекламы, ораторствует о Творчестве и Горизонтах. И все это – в необыкновенно цветистых метафорах, в которых при “поверке воображения рассудком” концы с концами никак не сходятся» (письмо В.Ф. Ходасевича М.О. Гершензону, 17 декабря 1924 г. // Ходасевич 1990-4, 481). В переписке с издательством «Время» Роллан также постоянно

прибегал к такой риторике, облекая вполне практические интересы личной выгоды и безопасности фразами о Свободе, Духе, Народе и Морали, резко контрастирующими с реальными обстоятельствами существования издававших его людей. История издания «Временем» собрания сочинений Роллана изобилует такими моментами иронии истории. 4 апреля 1930 года «Известия» поместили «Письмо в редакцию» Ромена Роллана, в котором он сообщал, что ему «оказывают честь опубликованием в СССР полного издания моих сочинений (изд-во “Время” в Ленинграде)» и что он «совершенно отказался от своего авторского гонорара, который мне причитался бы за сочинения, которыми я могу располагать, причем я поставил условием, что эти суммы должны быть полностью переданы изд-вом “Время” на имя и на текущий счет Первого Московского университета», желая тем самым «публично засвидетельствовать свои братские чувства трудящейся молодежи России и мою преданность СССР» – а как раз накануне, 3 апреля 1930 года, был арестован директор и вдохновитель издательства «Время» И.В.Вольфсон, благодаря усилиям которого удалось заключить договор с Ролланом. А когда летом в 1935 года Роллан вместе с Кудашевой с большой помпой посетил Советский Союз и провел несколько гротескных дней в гостях у Горького, он узнал, что другого его издателя и переводчика Г. П. Блока «выслали в затерянный уголок Узбекистана, в деревню, в которой ему нечего делать, в которой он никому не нужен. Он в отчаянии и умоляет, чтобы местом ссылки сделали какой-нибудь город вроде Самарканда, где он мог бы быть полезен» (Роллан 1989, 226). Упомянув о хлопотах за Г. П. Блока Федина, Роллан удовлетворенно резюмировал: «Приятно узнать, что интеллектуальная коммунистическая элита СССР заботится о гуманизации существующего режима» (Там же) и через несколько дней с удовольствием слушал отчет директора ГИХЛа Н.Накорякова, продолжавшего выпускать начатое «Временем» собрание сочинений, о том, «какова прибыль с моих изданий, что было отчислено Московскому университету <...>, какая сумма теперь записана на мое имя, что из моих произведений будет опубликовано в этом году, что в будущем. Планируются очень большие тиражи» (Там же, 230).

Таким образом лежавшие в основе договора «Времени» с Ролланом взаимные «моральные» обязательства, которые прежде всего должны были обеспечить эксклюзивность и авторизованность издания «Времени», писатель, как «друг Советского Союза», со временем стал склонен забыть ради сотрудничества с государственными советскими издательствами, способными обеспечить более высокие тиражи и низкую стоимость книги. Последующие компромиссы «Времени» в выборе авторов в пользу их еще большей идеологической приемлемости (писатели-коммунисты, члены МОРП) ценой более низкого литературного качества, привели к прямым издательским неудачам. Переведя «Очертя голову» Леона Муссинака –

роман, сочетавший, как ясно понимали издательские рецензенты, «развесистую клюкву» с навязчивым подчеркиванием автором своего членства в коммунистической партии, «Время» в ответ получило лишь упрек Муссиака, что книга слишком дорога для «товарища»; сходный конфликт произошел с Андре Мальро, которого прежде всего интересовало не качество перевода и издания, а большой тираж, который заведомо могло обеспечить только государственное издательство.

Издавая авторизованное собрание сочинение Роллана и позже, анонсируя «Социально-революционную серию» и пытаясь работать по указаниям МОРП, «Время» стремилось получить «всесоюзный», государственный политический вес, что обеспечило бы прочную легитимацию его существования. Одновременно в издательстве происходил встречный процесс: государственный политический контроль внедрился в самую его структуру. После ареста в 1930 г. директора и основателя «Времени» И.В.Вольфсона (произошедшего на волне кратких, ради устрашения, арестов других директоров частно-кооперативных издательств, что тут же приводило к их закрытию или огосударствлению), «Время», чтобы выжить, пригласило в мае 1931 г. на должность председателя редсовета А.В.Луначарского и вскоре изменило всю структуру руководства: оставаясь формально кооперативным издательством и сохраняя штат из высококвалифицированных художников, переводчиков и авторов серии «Занимательная наука», оно руководилось теперь не создавшими его И.В.Вольфсоном и Г. П. Блоком (первый находился в заключении, второй был переведен на техническую должность), а «выборным» Правлением, в которое, наряду со старыми сотрудниками А.А.Смирновым, В.А.Зоргенфреем и Я.И.Перельманом, были введены на должность Председателя правления бывший глава Ленинградского Областлита член ВКП (б) Н.А.Энгель, ставший одновременно ответственным редактором издательства, и представитель Промкооперации член ВКП (б) Я. Г. Раскин. В непосредственно занимающийся организацией редакционной работы редсовет были введены Энгель, а также «красные профессора» В.А.Десницкий и член ВКП (б) Быстрянский; «Занимательная серия» также не избежала назначения «политического руководства» в лице того же Энгеля. Такое огосударствление издательства изнутри, при сохранении кооперативной вывески, наработанного культурного багажа и круга сотрудников, превратило издательство в, по выражению Н.А. Энгеля, «общественную организацию» «всесоюзного значения», которая в определенных случаях могла быть предпочтительнее официально государственных издательств для выполнения отдельных задач государственного книгоиздания. Теперь издательская стратегия «Времени» определялась уже не интересами коммерческой прибыли, социальной легитимации сотрудников или создания места для реализации представлений людей одного

дореволюционного поколения о профессиональной работе, а прежде всего необходимостью приобретения прямо санкционированной государством политической легитимации – что, в соответствии с культурной политикой сталинизма, включало в себя как издание писателей-коммунистов, отнюдь не первоклассных в художественном отношении, так и новые высококачественные переводы подлинной классики, для которых привлекались лучшие переводческие и редакторские силы. Именно в эти последние годы существования издательства из круга работающих для него авторов внутренних рецензий, переводчиков и редакторов почти совершенно исчезают социальные «неудачники», составлявшие круг литературных поденщиков в 1920-е годы, и центральную роль начинают играть лучшие ленинградские специалисты А.А.Смирнов, А.А.Франковский, М.Л.Лозинский и умудрившийся продержаться с самого начала существования издательства и совершенно идейно «перековавшийся» В.А.Зоргенфрей. Однако, несмотря на то, что издательство в 1930-е годы получило новые широкие возможности, смысл его отдельного существования как кооперативного института бы совершенно исчерпан и его «вливание» в Гослитиздат оказалось вполне логичным финалом.

* * *

История ленинградского кооперативного товарищества «Издательство Время» (1922–1934), если рассматривать ее в рамках истории культуры, понимаемой как «история людей во времени», состоит из нескольких разных «рассказов», которые не совпадают даже в определении хронологического финала истории и тем более ее смысла, и которые, в сумме, и составляют историю «Времени» – во всяком случае не сводимую к сумме произведенных им культурных продуктов.

Литература

Азадовский 1977 – *Стефан Цвейг*. Письма в издательство Время / Публ. К.М.Азадовского // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 217–255

Азадовский, Мец 1991 – *О.Э.Мандельштам*. Внутренние рецензии и предисловие для издательства «Время» / Публ., предисл. и прим. К.М.Азадовского и А.Г.Меца // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 7–20

Академическое дело 1993 – Академическое дело 1929-1931 гг.: [Сборник]. Вып. 1 / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: Библиотека Российской Академии наук, 1993

Аксененко 2000 — см.: *Аксененко Е. М. Г. П. Блок: К истории отечественного фетоведения // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения А.А.Фета. XV Фетовские чтения. Курск, Орел, 1-5 июля 2000. Курск, Орел, 2000, С. 299–316*

Арендт 2000 — *Арендт Ханна. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина СПб.: Алетейя, 2000.*

Архив Горького 1964 – Горький – Издательство «Время» // Архив А.М.Горького. Т. X. Кн. 1. М. Горький и советская печать. М.: Наука, 1964. С. 22–59

Архив Горького 1985 – М.Горький и Р. Роллан. Переписка (1916-1936) // Архив А.М. Горького Т. XV. М.: Наследие, 1985

Ашнин 1994 – *Ашнин Ф.Д. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. Н.И. Толстой. М. : Наследие, 1994*

Балахонов 1955 — *Балахонов В. Е. Из неизданных писем Ромена Роллана // Ученые записки ЛГУ. № 184. Серия филологических наук. Вып. 22. Зарубежная литература. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. С. 244-247*

Безродный 1997 – *Безродный М. О «юдобоязни» Андрея Белого // НЛЮ. 1997. № 28. С. 100-125;*

Блок – *Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. М.: Наука, 1997— (издание продолжается)*

Блок 1922 — *Блок Г.П. Из петербургских воспоминаний [1922] / Публ. Е.М.Гельперина // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 157—163*

Блок 1929 – *Блок Г.П. Одиночество. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929*

Блюм 1994 – *Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры 1917-1929. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994*

Блюмбаум 2011 – *Блюмбаум А.Б. К источникам «Возмездия» // Сборник памяти Рашида Янгирова. М., 2011 (в печати)*

Варламов 2005 – *Варламов А. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2005*

Гумилев 1990 – *Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990.*

Динерштейн 1970 – *Динерштейн Е. Реформа издательского дела 1921 года: (К истории подписанного В.И.Лениным постановления Совнаркома РСФСР от 28 нояб. 1921 г. «О введении платности непериодической печати») // Книга: Исследования и материалы. 1970. Сб. 20. С. 71–86.*

Динерштейн 1998 – *Динерштейн Е.А.* А.С.Суворин. Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998

Динерштейн 2003 – *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М.: АО «Московские учебники», 2003

Дистлер 1959 – *Дистлер И.* К истории написания Горьким очерка «О Ромене Роллане» // Вопросы литературы. 1959. № 12. С. 244–247

Зощенко 1991 – *Зощенко М.* Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные пьесы. М.: Книжная палата, 1991

Карпушина 2007 – *Карпушина Н.М.* Яков Перельман: штрихи к портрету // Математика в школе. 2007. № 5. С. 54–64

Краснобородько 2005 – Комментарии // Б.Л. Модзалевский. Из записных книжек 1920–1928 гг. / публ. Т.И.Краснобордьяко и Л.К.Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005.

Кузмин 2005 – *Кузмин М.А.* Дневник 1908-1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А.Богомоллова и С.В.Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005

Кузмин 2007 – *Кузмин М.А.* Дневник 1934 года. Изд. 2-е, испр. И доп. / Под ред. Г.А.Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.

Куллэ 1927 – *Р<оберт>.К<уллэ>.* Певец минувших настроений // Вестник знания. 1927. № 3. Стлб. 160–162

Куллэ 1930 – *Куллэ Р. Ф.* Этюды о современной западно-европейской и американской литературе. М.-Л.: ГИЗ, 1930.

Куллэ 1992-1 — *Куллэ Р. Ф.* Мысли и заметки: Дневник 1924-1932 годов / Публ. и вступ. статья И. и В. Куллэ // Новый журнал (Нью-Йорк) 1992. Кн. 184/185. С. 432-463;

Куллэ 1992-2 — *Куллэ Р. Ф.* Мысли и заметки: Дневник 1924-1932 годов / Публ. и вступ. статья И. и В. Куллэ // Новый журнал (Нью-Йорк) 1992. Кн. 186. С. 190-225;

Куллэ 1992-3 – *Куллэ Р. Ф.* Мысли и заметки: Дневник 1924-1932 годов / Публ. и вступ. статья И. и В. Куллэ // Новый журнал (Нью-Йорк) 1992. Кн. 187. С. 231-261;

Куллэ 1992-4 – *Куллэ Р. Ф.* Мысли и заметки: Дневник 1924-1932 годов / Публ. и вступ. статья И. и В. Куллэ // Новый журнал (Нью-Йорк) 1992. Кн. 188. С. 330-362;

Куллэ 1992-5 – *Куллэ Р. Ф.* Мысли и заметки: Дневник 1924-1932 годов / Публ. и вступ. статья И. и В. Куллэ // Новый журнал (Нью-Йорк) 1992. Кн. 189. С. 278-304, с приложением «Писем из лагеря», с. 297-304;

Куллэ 1990–1991 – *Куллэ Р.Ф.* Несколько дней из дневника // Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий (20-е –80-е гг.) / сост. и ред. Т.В.Тигонен. Л.: Б. и. Вып. 1. 1990. С. 1—11; 1991. Вып. 2. С. 12—28

Левидов 1927 – *Левидов М.* Простые истины: О писателе, о читателе. М.; Л.: Издание автора, 1927.

Лившиц 1989 – *Б. К. Лившиц.* Полутароглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1989

Лукницкий 1991 – Мандельштам в архиве П.Н.Лукницкого / Публ. В.К.Лукницкой, пред. и прим. П.М.Нерлера // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука, 1991

Маликова 2006 – *Маликова М.Э.* НЭП как опыт социально-биологической гибридизации // Отечественные записки. 2006. № 28 (1). С. 175—192

Маликова 2006 – *Маликова М.Э.* «Коммунистический Пинкертон»: «социальный заказ» нэпа // Вестник истории, литературы и искусства (Москва). 2006. № 1 - 2.

Маликова 2010 – *Маликова М.Э.* Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 109—139

Маликова 2011 – *Маликова М.Э.* Шум времени: несколько предварительных замечаний к описанию истории издательства «Время» // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова / Сост. М.Э.Маликова, Д.В.Токарев. СПб.: Издательство Пушкинского Дома. С. 257–280.

Мандельштам Н. Я. 1978 – *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. Париж: YMCA-Press, 1978.

Мандельштам 1991 – *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений: В 4 тт. / Под ред. Г.П.Струве и Б. А. Филиппова. М.: Терра, 1991

Мишкевич 1986 – *Мишкевич Т.И.* Доктор занимательных наук: Жизнь и творчество Якова Исидоровича Перельмана. М.: Знание, 1986

Морев 2007 – *Морев Г.А.* Комментарии // Кузмин М.А. Дневник 1934 года. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Г.А.Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.

Муратов 1925 – *Муратов М.В.* Книжная торговля в 1924 г. // Книжная в 1924 г. в СССР / Под ред. Н.Ф.Яницкого. Л.: Сеятель, [1925].

Обатнин 2011 – *Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад: Сборник статей в честь 70-летия К.М.Азадовского / Сост. М. Безродный, Н. Богомолов, А. Лавров. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345–402

Орохвацкий 1979 — *Орохвацкий Ю.И.* Из истории советско-французских литературных связей (Письма А. Мальро в издательство «Время») // Русская литература. 1979. № 1. С. 152-155

Перельман 2009 – *А.Ф.Перельман.* Воспоминания / Подг. текста Е.А.Голлербах. Комм. Е. Голлербах, О. Минкина, Х. Фирин. СПб.: Европейский Дом. 2009, цит. по электр. вар-ту в журнале «Альманах

Еврейской Старины». № 4 (63), октябрь-декабрь 2009: http://berkovich-zametki.com/2009/Starina/Nomer4/APerelman9.php#_ftnref16

Пяст 1997 — *Пяст Вл.* Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Роллан 1989 — Московский дневник Романа Роллана. Наше путешествие с женой в СССР. Июнь-июль 1935 года // Вопросы литературы. 1989. № 4 (начало — в № 3, продолжение — в № 5)

Светликова 2008 — *Светликова Илона.* Кант-семит и Кант-ариец у Белого // НЛЮ. 2008. № 93;

Свиченская 1996 — *Свиченская М. К.* Кооперативное книгоиздание 1917 — 1930 гг.: Основные этапы государственной политики // Книга: Исследования и материалы. 1996. Сб. 72. С. 100–128.

Святополк-Мирский 1992 — *Д. П. Святополк-Мирский.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992

Тименчик и др. 1986 — *Тименчик Р., Тоддес Е., Чудакова М.* [Послесловие к публикации «Из петербургских воспоминаний» Г. П. Блока] // *Блок Г.П.* Из петербургских воспоминаний [1922] / Публ. Е.М.Гельперина // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 165–167

Тынянов 1977 — *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977

Успенский 1970 — *Лев Успенский.* Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970

Ходасевич 1990 — *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 тт. М.: Согласие, 1990

Царькова 2004 — *Царькова Т.С.* «... нить блестящая тонка» // Скалдин А.Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к библиографии / Сост., подгот. текста, вступ. статья, комм. Т.С.Царьковой. СПб.: Издательство Иванв Лимбаха, 2004. С.5–26

Чудакова 2001 — *Чудакова М. О.* Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001

Чуковский 1990 — *Чуковский К. И.* Дневник. 1901 — 1929. М.: Современный писатель, 1990

Чуковский 2000 — «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...»: Избранные письма К.И.Чуковского к Р.Н.Ломоносовой. 1925-1926 гг. / Публикация Ричарда Дэвиса. Предисл. Елены Чуковской и Ричарда Дэвиса // In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.- Париж: Феникс-Atheneum, 2000.

Чуковский 1989 — *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989

Шамурин 1925 – *Шамурин Е.И.* Общие контуры книжной продукции 1924 года (Библиографический обзор) // Книга в 1924 году в СССР / Под ред. Н.Ф.Яницкого. Л.: Сеятель, [1925].

Шмидт 2000 – *Шмидт С.О. С. Ф. Платонов* // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история / Отв. ред. Г.Н.Севостьянов и Л.Т.Мильская. М.–Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000

Шнейдерман 1996 – *Шнейдерман Эдуард*. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1.

Шоломова 1980 – *Шоломова С.* За строчками писем – Судьба // Звезда. 1980, № 10, С. 178-183

Шомракова 1968 — *Шомракова И.А.* Издательство «Время» (1922-1934 гг.) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 17. М.: Книга, 1968. С. 199–214

Шульговский 1907 – *Шульговский Н.Н.* Идеал человеческого поведения с психологической точки зрения. Правнополитическое исследование. СПб.: Типография Б.М.Вольфа, 1907.

Шульговский 1910 – Кружок философии права профессора Л.И.Петражицкого при Санкт-Петербургском Университете за 10 лет существования. Исторический очерк в связи с кратким изложением основных идей учения Петражицкого. Составил Н.Н.Шульговский. СПб.: Издание книжного склада «Право», 1910

Шумихин – Письма Г. П. Блока к Б.А.Садовскому / Публ. и прим. С. Шумихина // http://nasledie-rus.ru/red_port

Эйдельштейн 2011 – *Эйдельштейн М.Ю.* «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов»: два письма Н.Н.Шульговского к В.В.Розанову // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А.Богомолова / Сост. А. Лавров и О. Лекманов. М.: НЛЮ, 2011.

Эйхенбаум 1921 – *Эйхенбаум Б.* Судьба Блока // Об Александре Блоке. Пб., 1921, цит. по: Эйхенбаум Б.М. О литературе. М.: Советский писатель, 1987

Эйхенбаум 1922 – *Эйхенбаум Б.М.* Миг сознания // Начала. 1922. №2

Везирова 1986 – Л.А.Везирова. Ферапонт Иванович Витязев (1886—1938) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 53. М.: Книга, 1986. С. 79-96

Эйхенбаум 1924 – *Эйхенбаум Б.* Н.С.Лесков. – Амур в лапоточках // Русский современник. 1924. № 3. С. 260–261

Эйхенбаум 1957 – *Эйхенбаум Б.М.* [Комментарий к повести «Житие одной бабы»] // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 тт. М.: ГИЗ, 1957. Т. 1. С. 500-503.

Clark 2011 – *Katerina Clark.* The Role of Translation in the Formation of National Culture: the Case of the Stalinist 1930s // Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen in 20. und 21. Jahrhundert. Frank & Timme, 2011. S.121–141

Koselleck 1989 – *Koselleck Reinhart*. Linguistic Change and the History of Events // *Journal of Modern History*. № 61 (December 1989). P. 649—666.

Ricoeur 1989 – *Ricoeur Paul*. Action, Story, and History – on Rereading «The Human Condition» // *The Realm of Humanities: Responses to the Writings of Hannah Arendt* / ed. R. Garner. Frankfurt: Peter Lang, 1989.

Приложение

Алфавитный каталог переводов иностранных художественных книг, выпущенных издательством «Время»

Аришима Такеро [Арисима Такэо]. Эта женщина. Роман. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1927 [1926]

Бальзамо-Кривелли Риккардо. Честная компания. Роман. Пер. с итал. С.М.Гершберг под ред. М. Лозинского. 1927

Баррейр Жан. Слепой корабль. Роман. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1926

Беккари Джильберто. Девственная жизнь. Роман. Пер. с итал. Е. Фортунато. Под ред. М. Лозинского. 1927

Бергер Хенинг. Изайль. Роман. Пер. со шведск. В.В.Харламовой и Н.М.Ледерле. Под ред. К.М.Жихаревой. 1927

Бирс Амброз. Настоящее чудовище [Рассказы] (In the Middle of Life). Пер. с англ. В.А.Азова. 1926.

Блэк Джек. Закон всемогущий. Роман / Пер. С англ. Марка Волосова. 1927

Бост Пьер. Смерть господина Жюльена [Рассказ]. Пер. с фр. Л.С.Утевского (Илл. Н.П.Акимова). 1928

Бромфильд Л. Хорошая женщина. Пер. с англ. Л.Л.Домгера. 1928

Бруссон Жан-Жак. Анатоль Франс в халате. Пер. с фр. И.Б.Мандельштама. 1925

Бруссон Жан-Жак. Из Парижа в Буэнос-Айрес. Продолжение книги «Анатоль Франс в халате» Пер. с фр. С.М.Гершберг и А.С.Кулишер. Под ред. и с предисл. А.А.Смирнова. 1928.

Бурже Поль, д'Увиль Жерар, Дювернуа Анри, Бенуа Пьер. Любовь Мишелины. Пер. с фр. В.В.Харламовой и Н.М.Ледерле. Под ред. А.А.Смирнова. 1927

- Буте [Бутэ] Фредерик. Двойник Клода Меркера. Пер. с фр. Юрия Султанова. 1928
- Бьярне Иван. Вилла Виктория. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1927 [1926]
- Бэдэль Морис. Любовь на 60 ° северной широты. Пер. с фр. С.М.Гершберг. [1928]
- Бэрк Томас. Карьера музыканта (The Sun in Splendor). Пер. с англ. Э. Выгодской. 1927
- Вальми-Бэсс Жан. Карьера Женевьевы Мато. Пер. с фр. Ек. Андреевой (Бальмонт). [1928]
- Оффель ванн Горас. Яванская роза. Пер. Е.Э. и Г. П. Блок. 1927 [1926]
- Вассерман Якоб. Восстание из-за юноши Эрнеста. Пер. с нем. С.Я.Голомб под ред. И.Б.Мандельштама. 1927
- Вассерман Якоб. Каспар Гаузер. Пер. под ред. и с пред. Л.С.Утевского. 1926
- Вотель Клеман. Я ужасный буржуа. Пер. с фр. М.Н.Матвеевой. 1926
- Вуазен Жильбер. Семья Лоранти. Пер. с фр. Е.С.Ральбе и Е.М.Соловейчик. [1928]
- Водхауз [Вудхауз] Пелхам Гренвиль. Роман на крыше (The Little Bachelor). Пер. с англ. Марка Волосова. [1928]
- Вэчелл Горэйс [Хорес] Энсли. Дороти Фарфакс и ее сын. Пер. с англ. А. и Л. Картужанских. 1926.
- Гауптман Герхарт. Остров Великой Матери или Чудо на Иль-де-Дам. Пер. с нем. под ред. И.Б.Мандельштама. 1925
- Голль [Голь] Иван. Микроб золота. Пер. с фр. Е.С.Коц. [1928]
- Грин Жюльен. Адриенна Мезюра. Пер. с фр. Е.С. Коц. [1927]
- Гро Габриэль Жозеф. Лучшее в ее жизни. Роман. Пер. с фр. П.Н.Ариан. [1928]
- Гсель [Гзелль] Поль. Человек, который видел людей насквозь. Роман. Пер. с фр. А. П. Зельдович. Под ред. А.Н.Горлина. [1930]
- Гудвин Джон. Расплата. Роман. Пер. с англ. М.С.Ньюман. 1926
- Гух [Хух] Рикарда. Дело доктора Деруги. Пер. с англ. П.С.Бернштейн и Т.Н.Жирмунской. Под ред. А.Г.Горнфельда. 1926
- Гэлсуорси [Голсуорси] Джон. В тисках (Indian Summer of a Forsyte in Chancery). Пер. с англ. В.В.Харламовой и Н. Ледерле. Под ред. М. Лозинского и А. Смирнова [1928] (Обл. Н.П.Акимова)
- Гэлсуорси Джон. Сильнее смерти (Beyond). Пер. с англ. Марианны Кузнец. 1927
- Гэлсуорси Джон. Темный цветок. Пер. с англ. Марианны Кузнец. 1927
- Даудистель Альберт. Закрыто по случаю траура. Пер. с нем. М. Венус. Под ред. В.А.Зоргенфрея. 1927
- Дорсенн Жак. Ногораи. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1927

- Дро Жан. Похождения Галюпена. Пер. с фр. Г.И.Гордона. [1928]
- Дюамель Жорж. Принц Жаффар. Пер. с фр. под ред. Н.Н.Шульговского. 1925
- Дюма (отец) Александр. Учитель фехтования. Исторический роман из времен декабристов. Пер. с фр. Г.И.Гордона. 1925
- Дюшен Фердинанд. Рек-ба. Пер. с фр. Зин. Львовского. 1927.
- Езерска [Езерская] Андзя. Гнет поколений. Пер. с англ. Марка Волосова. 1926
- Езерска [Езерская] Андзя. Саломея с задворков. Пер. с англ. Марка Волосова. 1927
- Женеуа Морис. Радость. Пер. с фр. Зин. Львовского и Е. Коц. 1927
- Жид А. Собр. соч. с предисл. А.В. Луначарского. Т. III. «Фальшивомонетки». Пер. А.А.Франковского. [1933]
- Жолинон Жозеф. Случай в Карпюско. Пер. с фр. под ред. Р.Ф.Куллэ. 1926
- Зегерс Анна. Попутчики. Пер.с нем. Изабеллы Гринберг. Под ред. А.Г.Горнфельда. [1934]
- Зудерман Герман. В шестнадцать лет. Пер. с нем. В.С.Вальдман и Г.А.Зуккау. [1929]
- Ибаньес Бласко [Бласко Ибаньес Висенте]. Закат. [Рассказы]. Авториз. пер. с исп. М.В.Ватсон. 1924
- Истрати Панаит. Кира Киралина. Предисл. Р. Роллана. Пер. Изабеллы Шерешевской. 1925.
- Истрати Панаит. Дядя Ангел. Рассказы Адриана Зограффи. Пер. Изабеллы Шерешевской. Под ред. О. Мандельштама и Г.П.Федотова. 1925
- Истрати Панаит. Нерантсула. Пер.с фр. Ек. Летковой. 1927
- Кайзер Георг. Кинороман. Комедия в 3-х действиях с прологом. Пер. с нем. Г.И.Гордона. 1925
- Кальдерон Вентура Гарсиа. У предела. Пер. с исп. В.В.Рахманова. [1928]
- Кальдерон Вентура Гарсиа. Человек, облегчающий смерть [Рассказы]. Пер. с исп. В.В.Рахманова. 1926
- Келлерман Бернгард. Избранные сочинения. Под общ. ред. Д.М.Горфинкеля. Т. 1. Девятое ноября. Пер. С.В.Крыленко. [1934]
- Кессель Жозеф. Мятежные души [Рассказы]. Пер. с фр. Ек. Летковой. [1928]
- Кессель Жозеф. Узники. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1927
- Кимболл Поль. Миссис Меривель. Пер. с англ. Марка Волосова. 1927
- Киплинг Редьярд. Чудо Пуран Багата [Рассказ]. Пер. и прим. С.Ф.Ольденбурга. 1922
- Кладель Леон. I.N.R.I. Роман. Пер. с фр. К.А.Ксаниной и Е.С.Коц. Под ред. А.А.Смирнова. Послесл. А. Молок. [1933]

Конрад Джозеф. Ностромо. Пер. с англ. Марка Волосова. Предисл. Р.Куллэ. [1928]

Кортис Андрэ. Только для меня. Пер. с фр. В.А.Розеншильд-Паулина. 1928

Коштолани [Костолани] Деже. Кровавый поэт. Пер. с нем. Евгении Бак. 1927

Кэрс Роберт. Горизонт. Роман. Пер. с англ. А.Г.Мовшенсон и Б.П.Спиро. Под ред. Д.М.Горфинкеля. [1928]

Ла-Мазьер Пьер. Меня пышно похоронят. Пер. с фр. Зин. Львовского. 1927

Ларруи Морис. Боковая качка. Пер. с фр. В.А.Розеншильд-Паулина. 1927

Ларруи Морис. Последний рейс Анемоны (Sirenes et Tritones). Пер. с фр. Е.С.Коц и З. Львовского. [1928]

Ле-Гофф Марсель. Анатолий Франс в годы 1914–1924. Беседы и воспоминания. Пер. с фр. под ред. И.Б.Мандельштама. 1925

Лефевр Сент-Оган. Тудиш. Пер. с фр. под ред. О. Мандельштама и Г.П.Федотова. Предисл. О. Колобова [О. Мандельштама]. 1925.

Локк Уильям Джон. Перелла. Пер. с англ. А.Б.Розенбаум под ред. Н.Н.Шульговского. 1927

Льюис Синклер. Ментрап. Пер. с англ. А.Б.Розенбаум под ред. Н.Н.Шульговского. 1927

Льюис Синклер. Эльмер Гантри. Пер. с англ. Л.Л.Домгера и Г.А.Зуккау. Под ред. Д.М.Горфинкеля. 1927 (обл. Н.П.Акимова)

Магр Морис. Присцилла из Александрии. Пер. с фр. под ред. И.Д.Маркусона. 1927

Мак Кэллей Джонстон. Знак Зорро. Пер. с англ. А.Б.Розенбаум под ред. Н.Н.Шульговского. [1926]

Дю-Гар Рожэ Мартэн [Мартен Дю-Гар Рожэ]. Семья Тибо. Пер. под ред. В.А.Зоргенфрея. 1925

Дю-Гар Рожэ Мартэн. Весна. Пер. под ред. Г.П.Федотова. 1925

Дю-Гар Рожэ Мартэн. Братья Тибо. Пер. с фр. Н.Рыковой и Е.Коц. Под ред. А. Смирнова. [1929]

Мартен дю Гар Роже. Старая Франция. Пер. Г. Блока. [1934]

Морьер Габриэль. Путь к счастью. Пер. с фр. под ред. Н.Н.Шульговского. 1927 [1926]

Муссиак, Леон. Очертя голову. Пер. с фр. Марии Левберг. [1934]

Оду Маргарита. Хромоножка (De la ville au Moulin). Пер. с фр. под ред. Р.Ф.Куллэ. 1927

Остенсо Марта. Шальные Кэрю. Пер. с англ. Н.Н.Шульговского и Б.Ц.Спиро. [1928].

Пайро Роберто. Приключения внука Хуана Морейры. Пер. с исп. [и предисл.] В.В.Рахманова. 1927

- Парриш Ани. Вечный холостяк. Пер. с англ. М.И.Ратнер. 1927.
- Паскаль Эрнест. Черный лебедь. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1927
- Петти Шарль. Нищий с моста Драконов (L'homme qui mangeait ses roux). Пер. с фр. Р.Н.Исаковой. Под ред. Л.С.Утевского и Н.Н.Шульговского. 1926
- Пиранделло Луиджи. Отвергнутая. Пер. с итал. Зин. Львовского и Е.С.Коц. [1928] (Обл. Н. Акимова)
- Пиранделло Луиджи. Счастливицы [и другие рассказы]. Пер. с итал. Э.К.Бродерсен. 1926
- Пиранделло Луиджи. Три мысли горбуны [и другие рассказы]. Пер. Г.В.Рубцовой и З.О.Таль. Под ред. М.Л. Лозинского. 1926
- Пирл Берта. Мать и дочь. Пер. с англ. Д. Майзельса и В.Ильичевой. [1928]
- Пруст Марсель. Собрание сочинений. Т. 1. В поисках за утраченным временем. Книга 1. В сторону Свана. Предисл. А.В. Луначарского, вступ. статья Е. Гальпериной. Пер. с фр. А. Франковского. [1934]
- Радигэ Рэмон. Мао. Пред. Г. П. Блока. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1926
- Ребу Поль. Маленькая Папаконда. Пер. с фр. С. Ритман и А. Глаголевой. Под ред. А.Г.Горнфельда. 1926
- Рид Тальбот. Пятый класс Свободной школы. Повесть. Пер. с англ. В. Дуговской и Е.Штейнберг. Обл. Н.А.Ушина. 1926
- Рода-Рода. Сын тридцати отцов. Пер. с нем. М.И.Цейнера. Под ред. А.Н.Горлина. [1928]
- Роллан Ромен. Собрание сочинений. С предисловием автора, М. Горького, А.В. Луначарского и С. Цвейга. Под общ. ред. проф. П.С. Когана и акад. С.Ф.Ольденбурга. Т. 1– 20, 1930–1936
- Роллан Ромен. Жан Кристоф. С предисловием автора, М. Горького, А.В. Луначарского и С. Цвейга. Под ред. проф. П.С. Когана, акад. С.Ф.Ольденбурга и проф. А.А.Смирнова. В 5 книгах. 1933-34 (2 издания)
- Роллан Ромен. На защиту Нового Мира. Сборник боевых статей. 1932
- Ромен Жюль. Люди доброй воли. I. Шестое октября. Роман. Пер. с фр. И.Б.Мандельштама. [1933]
- Ромен Жюль. Люди доброй воли. II. Преступление Кинэта. Роман. Пер. с фр. М.Е.Левберг. [1933]
- Ромен Жюль. Люди доброй воли. III. Детская любовь. Пер. с французский. И.Б.Мандельштама. [1933]
- Ромен Жюль. Люди доброй воли. IV. Парижский эрос. Пер. И.Б.Мандельштама. [1933].
- Рэк Берта. Риппл Мередит (The Dancing Star). Пер. с англ. Л.В.Савельева. 1927 (2 изд. – 1929)
- Савиньон Андрэ. Приключения капитана «Авессалома» и его спутников. Пер. с фр. Зин. Львовского. [1928]

- Сервис Роберт. Скиталец (The Rough-neck). Пер. с англ. М.М.Биринского, 1927 (2 изд. – [1929])
- Скотт Доссон. Случайность (The Green Stones). Пер. с англ. Г.Карташова. Под ред. Н.Н.Шульговского. 1927 [1926]
- Сомерс-Фермер Я. Гейс. Пер. с голл. Е.Н.Половцовой. 1927
- Сомерс-Фермер Я. Якобочка. Пер. с голл. Е.Н.Половцовой. 1926
- Стендаль. Собрание сочинений. Под общ. ред. А.А.Смирнова и Б.Г.Реизова. Вступ. статья проф. В.А.Десницкого. Т. 6. Анри Брюлар. Пер. Б.Г.Реизова; Воспоминания эгоиста. Пер. В. Комаровича; Автобиографические заметки. Пер. В. Комаровича. [1933]
- Стриблинг Томас Сигизмунд. Красный песок. Пер. с англ. Марка Волосова. [1928]
- Стриблинг Томас Сигизмунд. Тифталоу. Пер. с англ. Марка Волосова, 1927. [1926]
- Стэно Флавия. Сироты живых. Пер. с итал. Евгении Бак. 1927
- Таро Жером и Жак. В будущем году в Иерусалиме! (L'ombre de la Croix). Пер. с фр. И.Б.Мандельштама. 1924
- Тэмпл Серстон (Сэрстон). Непримириемые (The Antagonists). Пер. с англ. А. Картужанской. Обл. работы М.А.Кирнарского. 1927
- Тэппер Тристрем. Джоргенсен. Пер. с англ. Марка Волосова. 1927
- Уайльд Оскар. В тюрьме и в цепях. Послание. Новое издание «De profundis», дополненное неизданными частями. Пер. и вступ. статья проф. М.А.Жирмунского. 1924
- Уэдсли Оливия. Вихрь (Reality). Пер. с англ. Б.Д.Левина. Под ред. О. Чеховского. [1928]
- Уэдсли Оливия. Миндаль цветет. Пер. с англ. Д.А.Теренина. Под ред. Д.М.Горфинкеля. 1927 (к 1928 г. – 5 переизданий)
- Уэдсли Оливия. Пламя. Пер. с англ. А. и Л. Картужанских, 1926 (к 1928 г. – 6 переизданий).
- Фаллада, Ганс. Что же дальше? Роман. Вступ. слово Конст. Федина. Предисл. М.А.Сергеева. Пер. с нем. П.С.Бернштейн, Л.И.Вольфсон, Н.А.Логрина. Под ред. В.А.Зоргенфрея. [1934]
- Фаррер Клод. Маскарад [Рассказы]. Пер. с фр. В.С.Вальдман. 1926 (2 изд. – 1927)
- Фаррер Клод. Тома-Ягненок-Корсар. Пер. с фр. А.П.Ющенко. Под ред. М. Лозинского. 1924
- Фаррер Клод. Рыцарь свободного моря (Корсар). Пер. с фр. А.П. Ющенко. Под ред. М.Лозинского. 1925
- Фаррер Клод. Сто миллионов золотом. Пер. с фр. В.С.Вальдман и С.М.Гершберг. 1927
- Фербер Эдна. Три Шарлотты. Пер. с англ. Л.Л.Домгера. Под ред. Д.М.Горфинкеля. 1927

Филипп, Шарль Луи. Собр. Соч. Под ред. А.А. Смирнова. Т. IV. Утренние рассказы. Пер. Л.С.Утевского. Т. V. В маленьком городке. Пер. А.С.Полякова. [1934]

Филлипс Грэхэм. Падение Сюзанны Ленокс. Пер. с англ. Марка Волосова. [1928]

Филлипс Грэхэм. Возвышение Сюзанны Ленокс. Пер. с англ. Марка Волосова. [1928]

Фино Луи Жан. Похмелье (*Les héros voluptueux*). Пер. с фр. М.С. Горевой под ред. Г.П.Федотова. 1925

Форбэн Виктор. Фея снегов. Пер. с фр. А.П. и Н.М. Зельдович. 1927 (обл. Н. Акимова)

Франк Уольдо. Перекресток. Пер. с фр. Е.Э. и Г. П. Блок. 1927 [1926]

Фэвр Луи. Тум. Пер. с фр. А.А. и Л.А.Поляк. 1927 [1926]

Хейуорд Дюбоз. Порджи. Пер. с англ. В.А. Дилевского. Под ред. А.А.Смирнова. [1930]

Хергешеймер [Герсшеймер] Джозеф. Тампико. Пер. с англ. Марка Волосова. 1927

Херст Фанни. Золотые перезвоны. Пер. с англ. Марианны Кузнец (обл. Б.М.Кустодиева). 1925 (2 изд. – 1927)

Хиченс Роберт. На экране. Пер. с англ. Елены Юст. [1928]

Хиченс Роберт. После приговора. Пер. с англ. В.А.Дилевского. [1928]

Хэтчинсон Артур. Когда наступает зима. Пер. с англ. В.А.Зоргенфрея. 1924 (2 изд. – 1926).

Хэтчинсон Артур. Страсть мистера Маррапита. Пер. с англ. Марианны Кузнец. 1926

Цан Эрнест. Фрау Сикста. Пер. с нем. Т.Н.Жирмунской и Б.Я.Геймана. Под ред. М. Лозинского. 1926

Цвейг Стефан. Амок. [Письмо незнакомки]. Пер. с нем. Д.М.Горфинкеля. 1926.

Цвейг Стефан. Смятение чувств. Авториз. изд. Пер.с нем. П.С.Бернштейн и С. Красильщикова. 1927

Цвейг Стефан. Жгучая тайна. Первые переживания. Пер. П.С.Бернштейн и А.И.Картужанской. Под ред. Г.П.Федотова. 1925 (2-е изд. – 1926)

Стефан Цвейг. Страх. Новелла. Пер. И.Е.Хародчинской. Под ред. М.Лозинского. 1927 [1926] (2 изд. – 1927)

Цвейг Стефан. Собрание сочинений Авторизованное издание с предисловием М. Горького и критико-библиографическим очерком Рихарда Шпехта. В 12 тт. 1927-32

Шеффер Альбрехт. Элли. Пер. с нем. И.Е.Хародчинской. Под ред. В.А.Зоргенфрея. 1928

Шоу Бернارد. Иоанна д'Арк. Драматическая хроника в 6 сценах с эпилогом. Пер. с англ. П.К.Губера. 1924

- Эльсер Франк. Жгучее желание. Авториз. пер. с англ. Е. Fortunatova.
Под ред. Л.Л.Домгера. 1927
- Энтин Мэри. Обетованная земля. Пер. с англ. Б.Ц.Спиро. [1928]
- Эрланд Альбер. Преступление и его оправдание. Пер. с фр. под ред.
Г.А.Дюперрона. 1926
- Эсколье Раймонд. Контегриль. Пер. с фр. Е. Князьковой и Н.
Румянцевой. Под ред. А.А.Смирнова. 1927
- Эстонье Эдуард. Вещи видят. Пер. с фр. В.М.Вельского. 1927 [1926]
- Эстонье Эдуард. Лабиринт. Пер. с фр. В.М.Вельского. [1928]